

ISSN (print) 2071-2405
ISSN (online) 2658-5235

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ КЛАСС



PHILOLOGICAL CLASS



Журнал основан в 1996 г. Выходит четыре раза в год
(март, июнь, октябрь, декабрь)

The journal comes out 4 times per year
(March, June, October, December)

Свидетельство о регистрации ПИ ФС 77-76 120
от 24.06.2019

Registration certificate ПИ № ФС77-76120
of 24.06.2019

Учредитель – ФГБОУ ВО «Уральский государственный
педагогический университет» (УРГПУ)
620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

Founder – FSBEU HE “Ural State Pedagogical
University” (USPU)
620017, Ekaterinburg, 26 Kosmonavtov Ave

«Филологический класс» – рецензируемый научно-методический журнал, сферой интересов которого являются исследования в области литературоведения, лингвистики и методики преподавания данных дисциплин в вузе и школе. Задача журнала – сблизить академическую науку с практической деятельностью педагога и обозначить представление о российском филологическом и педагогическом дискурсах в пространстве мировой науки. Приоритетными являются публикации, в которых исследуются новые литературные и корпусные источники, рассматривается внедрение новых образовательных технологий, выполняется требование академизма, научной объективности и полемической направленности. К публикации принимаются статьи на русском, английском, немецком и французском языках. Полнотекстовая версия журнала находится в свободном доступе на сайте издания и размещается на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), Российской универсальной научной электронной библиотеки. Полная информация о журнале и правила оформления статей размещены на сайте: filclass.ru

Philological Class is a peer reviewed scholarly and methodological journal publishing research findings in the field of literary studies, linguistics and methods of teaching these disciplines at higher and secondary school. The task of the journal is to bring academic research closer to the practical activity of a pedagogue and to outline the image of the Russian philological and pedagogical discourses in the global academic space. Priority is given to publications which focus on new literary and corpus sources, study the issues of implementation of new educational technologies, and comply with the requirements of academic objectivity and polemic nature. Articles in Russian, English, German and French are accepted for publication in the journal. A full-text version of the journal is available open access on the journal site and in the Russian Science Citation Index (RSCI) at the scientific electronic library platform. Complete information about the journal and author guidelines can be found on the web site filclass.ru

Журнал индексируется в Web of Science, ERIH PLUS

The journal indexing: Web of Science (ESCI), ERIH PLUS

Входит в Перечень ВАК Министерства науки
и высшего образования Российской Федерации

The journal is included in the list of the lof the Higher
Attestation Commission of the Ministry of Science
and Higher Education of the Russian Federation

Подписка на журнал осуществляется по каталогу
«Пресса России». Подписной индекс издания 84587

The journal is included in the united catalog “Russian Press”,
Index 84587

Адрес редакции:
Уральский государственный педагогический университет.
Россия, 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26,
оф. 279

Editorial Board postal address:
Russia, 620017, Ekaterinburg, 26 Kosmonavtov Ave,
Office 279

E-mail: edit@filclass.ru

E-mail: edit@filclass.ru

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief: Professor **Nina Petrovna Khriashcheva** (Russia, Ekaterinburg, USPU)

executive editor: Associate Professor **Skripova Ol'ga Aleksandrovna** (Russia, Ekaterinburg, USPU)

executive secretary: Associate Professor **Makarova Lyudmila Yur'evna** (Russia, Ekaterinburg, USPU)

website administrator: **Dolgov Anton Aleksandrovich** (Russia, Ekaterinburg, USPU)

DEPUTY EDITORS-IN-CHIEF

In folklore and the history of ancient Russian literature: Associate Professor **Lozhkova Tatiana Anatolyevna** (Russia, Ekaterinburg, USPU); in the history of ancient Russian literature and the 18th century literature: Professor **Zyryanov Oleg Vasil'evich** (Russia, Ekaterinburg, UFU); in the history of the 19th century Russian literature: Professor **Ermolenko Svetlana Ivanovna** (Russia, Ekaterinburg, USPU); in the theory of literature: Professor **Barkovskaya Nina Vladimirovna** (Russia, Ekaterinburg, USPU); in the history of the 20th–early 21st centuries literature: Professor **Snigireva Tat'yana Aleksandrovna** (Russia, Ekaterinburg, UFU); in linguistics and methods of its teaching: Professor **Chudinov Anatoly Prokopenich** (Russia, Ekaterinburg, USPU); in the theory of language and speech communication: Professor **Dziuba Elena Vyacheslavovna** (Russia, Saint Petersburg, SPBSTU); in applied linguistics and interdisciplinary methods in philology: Professor **Mukhin Mikhail Yur'evich** (Russia, Ekaterinburg, UFU); in the theory of foreign literature and English literary classics: Professor **Dotsenko Elena Georgievna** (Russia, Ekaterinburg, USPU); in contemporary British novel and translation issues: Professor **Sidorova Ol'ga Grigor'evna** (Russia, Ekaterinburg, UFU); in German-language literature, Russian-German literary ties, imageology and literary translation: Doctor of Philology, Leading Researcher **Kudryavtseva Tamara Viktorovna** (Russia, Moscow, IMLD); in the history of French, typology and comparative linguistics: Professor **Lykova Nadezhda Nikolaevna** (Russia, Tyumen, TyumGU); in Romance linguistics and comparative pragmatics: Associate Professor **Erofeeva Elena Vladimirovna** (Russia, Ekaterinburg, USPU); in literary education technologies and teaching classical literature at higher and secondary school: Associate Professor **Alekseeva Mariya Aleksandrovna** (Russia, Ekaterinburg, UFU); in methodology and methods of teaching modern literature at higher and secondary school: Associate Professor **Gutrina Liliya Dmitrievna** (Russia, Ekaterinburg, USPU); in modern education technologies and innovative processes in education: Professor **Mosina Margarita Aleksandrovna** (Russia, Perm, PSPU); in the theory and practice of teaching Russian in a polycultural environment of higher and secondary school: Associate Professor **Eremina Svetlana Aleksandrovna** (Russia, Ekaterinburg, USPU)

EDITORIAL COUNCIL

Prof. **V. V. Abashev** (Russia, Perm, Perm State National Research University); Prof. **O. Y. Antsyferova** (Russia, Saint Petersburg, Saint Petersburg State University); Prof. **L. O. Butakova** (Russia, Omsk, Omsk State University named after F. M. Dostoevsky); Prof. **M. Weiskopf** (Israel, Jerusalem, Hebrew University of Jerusalem); Prof. **T. Victoroff** (France, Strasbourg, University of Strasbourg); Ph. **D. J. Gallo** (Slovakia, Nitra, Constantine the Philosopher University in Nitra); Ph. **D. A. Grominova** (Slovakia, Trnava, University of St. Cyril and Methodius); Prof. Emer. **H. Guenther** (Germany, Bielefeld, Bielefeld University); Prof. **E. Dobrenko** (Great Britain, Sheffield, University of Sheffield); Prof. **B. W. Dhooge** (Belgium, Ghent, Ghent University); Prof. **A. A. Zhitenev** (Russia, Voronezh, Voronezh State University); Prof. **G. M. Ibatullina** (Russia, Sterlitamak, Sterlitamak Branch of Bashkir State University); Cand. Sc. **A. A. Medvedev** (Russia, Tyumen, Tyumen State University); Prof. **O. N. Kondrat'eva** (Russia, Kemerovo, Kemerovo State University); Cand. Sc. Kukulini I. V. (Russia, Sankt-Petersburg, Higher School of Economics); Prof. **E. Y. Kulikova** (Russia, Novosibirsk, Institute of Philology of RAS, Sector of Literary Studies); Prof. **G. V. Kuchumova** (Russia, Samara, Samara National Research University named after Academician S. P. Korolev); Prof. **N. L. Mark** (USA, New York, Columbia University); Prof. **M. A. Litovskaya** (Russia, Ekaterinburg, Ural Federal University named after the First President of Russia Boris Yeltsin); Prof. **N. M. Malygina** (Russia, Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the RAS); Prof. **G. Mikhaylova** (Lithuania, Vilnius, Vilnius University); Prof. **A. Pavlova** (Germany, Mainz, Johannes Gutenberg University); Prof. **G. Petkova** (Bulgaria, Sofia, Sofia University "St. Kliment Ohridski"); Prof. **I. Pospisil** (The Czech Republic, Brno, Masaryk University); Prof. **B. M. Proskurnin** (Russia, Perm, Perm State National Research University); Prof. **M. E. Rut** (Russia, Ekaterinburg, Ural Federal University); Dr. hab. **T. Szabó** (Hungary, Pécs, University of Pécs); Dr. hab. **A. Skotnicka** (Poland, Krakow, Jagiellonian University); Prof. **V. I. Tyupa** (Russia, Moscow, Scientific-Educational Center for Cognitive Programs and Technologies of RGGU); Prof. **T. V. Ustinova** (Russia, Moscow, Moscow State Pedagogical University); Prof. **P. Fast** (Poland, Katowice, University of Silesia in Katowice); Prof. **A. de La Fortelle** (Switzerland, Lausanne, University of Lausanne); Prof. **H. Jens** (Switzerland, Fribourg, University of Fribourg); Prof. **H. Robert** (Germany, Hamburg, University of Hamburg)

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор: проф. **Н. П. Хрящева** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ)

выпускающий редактор: доц. **Скрипова Ольга Александровна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ)

ответственный секретарь: доц. **Макарова Людмила Юрьевна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ)

администратор сайта: **Долгов Антон Александрович** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

по фольклору и истории древнерусской литературы: доц. **Ложкова Татьяна Анатольевна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ) по истории древнерусской литературы, литературы XVIII в.: проф. **Зырянов Олег Васильевич** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); по истории литературы XIX вв.: проф. **Ермоленко Светлана Ивановна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); по теории литературы: проф. **Барковская Нина Владимировна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); по истории литературы XX – начала XXI вв.: проф. **Снигирева Татьяна Александровна** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); по лингвистике и методике ее преподавания: проф. **Чудинов Анатолий Прокопьевич** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); по теории языка и речевой коммуникации: проф. **Дзюба Елена Вячеславовна** (Россия, Санкт-Петербург, СПбПУ); по прикладной лингвистике и междисциплинарным методам в филологии: проф. **Мухин Михаил Юрьевич** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); по теории зарубежной литературы, английской литературной классике: проф. **Доценко Елена Георгиевна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); по проблемам перевода, современному британскому роману: проф. **Сидорова Ольга Григорьевна** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); по немецкоязычной литературе, русско-немецким литературным связям, имагологии, художественному переводу: д-р филол. наук, вед. науч. сотрудник **Кудрявцева Тамара Викторовна** (Россия, Москва, ИМЛИ); по истории французского языка, типологии и сопоставительному языкознанию: проф. **Лыкова Надежда Николаевна** (Россия, Тюмень, ТюмГУ); по вопросам романского языкознания и сопоставительной прагматике: доц. **Ерофеева Елена Владимировна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); по вопросам технологий литературного образования и преподавания классической литературы в вузе и школе: доц. **Алексеева Мария Александровна** (Россия, Екатеринбург, СУНЦ УрФУ); по методологии и методике преподавания современной литературы в вузе и школе: доц. **Гутрина Лилия Дмитриевна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); по вопросам современных образовательных технологий, инновационным процессам в образовании: проф. **Мосина Маргарита Александровна** (Россия, Пермь, ПГПУ); по теории и практике преподавания русского языка в поликультурной среде вуза и школы: доц. **Еремина Светлана Александровна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Проф. **В. В. Абашев** (Россия, Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет); проф. **О. Ю. Анцыферова** (Россия, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет); проф. **Л. О. Бутакова** (Россия, Омск, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского); проф. **М. Я. Вайскопф** (Израиль, Иерусалим, Еврейский университет в Иерусалиме); д-р филол. наук **Т. Викторофф** (Франция, Страсбург, Страсбургский университет); канд. филол. наук **Я. Галло** (Словакия, Нитра, Университета им. Константина Философа в Нитре); канд. филол. наук **А. Громинова** (Словакия, Трнава, Университет им. Св. Кирилла и Мефодия); профессор-эмеритус **Х. Гюнтер** (Германия, Билефельд, Билефельдский университет); проф. **Е. Добренко** (Великобритания, Шеффилд, Университет Шеффилда); проф. **Б. Дооге** (Бельгия, Гент, Гентский университет); д-р филол. наук **А. А. Житенев** (Россия, Воронеж, Воронежский государственный университет); проф. **Г. М. Ибатуллина** (Россия, Стерлитамак, Башкирский государственный университет); проф. **О. Н. Кондратьева** (Россия, Кемерово, Кемеровский государственный университет); канд. филол. наук **И. В. Кукулин** (Россия, Санкт-Петербург, НИУ ВШЭ); проф. **Е. Ю. Куликова** (Россия, Новосибирск, Институт филологии СО РАН); д-р филол. наук **Г. В. Кучумова** (Россия, Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королёва); проф. **М. Н. Липовецкий** (США, Нью-Йорк, Колумбийский университет); проф. **М. А. Литовская** (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина); проф. **Н. М. Малыгина** (Россия, Москва, Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН); канд. филол. наук **А. А. Медведев** (Россия, Тюмень, Тюменский государственный университет); проф. **Г. П. Михайлова** (Литва, Вильнюс, Вильнюсский университет); проф. **А. Павлова** (Германия, Майнц, Майнцкий университет им. Иоганна Гутенберга); д-р филол. наук **Г. Петкова** (Болгария, София, Софийского университета Св. Климента Охридского); проф. **И. Поспишил** (Чешская Республика, Брно, Университета им. Масарика); проф. **Б. М. Проскурнин** (Россия, Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет); проф. **М. Э. Рут** (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет); хабил. д-р **Т. Сабо** (Венгрия, Печ, Печский Университет); хабил. д-р **А. Скотницка** (Польша, Краков, Ягеллонский университет); проф. **В. И. Тюпа** (Россия, Москва, Научно-образовательный центр когнитивных программ и технологий РГГУ); д-р филол. наук **Т. В. Устинова** (Россия, Москва, Московский педагогический государственный университет); проф. **П. Фаст** (Польша, Катовице, Силезский университет); проф. **Фортель, де ля А.** (Швейцария, Лозанна, Лозаннский университет); проф. **Й. Херльт** (Швейцария, Фрибур, Фрибургский университет); проф. **Р. Ходел** (Германия, Гамбург, Гамбургский университет)

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENT

КОНЦЕПЦИИ. ПРОГРАММЫ. ГИПОТЕЗЫ

- 9 Ковалева Т. И., Лошчилов И. Е. Владимир Маяковский как «запевший Илья Муромец»: «Карачарово» Виктора Соснора
- 22 Borodulina N. Yu., Makeeva M. N. Expression verbale du statut humain à travers une métaphore animale

СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЛИНГВИСТИКИ

- 30 Орлова Н. В., Бутакова Л. О. Дискурсивная семантика: онтологические основания и опыт реконструкции
- 38 Дубровская Т. В., Юськаева Э. И. Соционим «YUPPIE» в массмедиа: социокультурные и языковые трансформации
- 54 Ильясова С. В., Пугачева Е. В. Феминитивность: от лексической к словообразовательной
- 67 Pitina S. A., Kharchenko E. V. Creativity of Regionalisms on the Level of Word Building

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

- 76 Селютина Е. А. Зарождение жанра литературного интервью на рубеже XIX–XX веков
- 88 Ожигова М. М. Категория автора в исследованиях Мишеля Фуко

ПЕРЕЧИТЫВАЯ РУССКУЮ КЛАССИКУ

- 99 Волков И. О. Драма Э. Бульвера-Литтона «Деньги» в творческом восприятии И. С. Тургенева
- 112 Иваньшина Е. А. Кто убил Беликова: об охотничьей интриге маленькой трилогии А. П. Чехова

ТРАЕКТОРИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА XX ВЕКА

- 125 Игошева Т. В. Поэтика энигматического текста в стихотворении Б. Пастернака «Июль»
- 133 Урюпин И. С. «Евангелие Христа» в поэзии В. Т. Шаламова: библейский текст и контекст
- 141 Гапонова Ж. К., Никкарева Е. В. Репрезентация образов бабушки и дедушки в современной детской литературе

PROJECTS. PROGRAMS. HYPOTHESES

- 9 Kovaleva T. I., Loshchilov I. E. Vladimir Mayakovsky as “a Singing Ilya Muromets”: “Karacharovo” by Viktor Sosnora
- 22 Borodulina N. Yu., Makeeva M. N. Expression verbale du statut humain à travers une métaphore animale

PROBLEMS OF MODERN LINGUISTICS

- 30 Orlova N. V., Butakova L. O. Discursive Semantics: Ontological Foundations and the Experience of Reconstruction
- 38 Dubrovskaya T. V., Iuskaeva E. I. Socionym “Yuppie” in Mass Media: Sociocultural and Linguistic Transformations
- 54 Ilyasova S. V., Pugacheva E. V. Feminitivity: Nominative and Derivational Aspects
- 77 Pitina S. A., Kharchenko E. V. Creativity of Regionalisms on the Level of Word Building

THEORY OF LITERATURE

- 76 Selyutina E. A. The Birth of the Genre of Literary Interview at the Turn of the 19th – 20th Centuries
- 88 Ozhigova M. M. The Category of “Author” in the Studies of Michel Foucault

READING RUSSIAN CLASSICS

- 99 Volkov I. O. Ivan Turgenev’s Interpretation of the Play “Money” by Edward Bulwer-Lytton
- 112 Ivanshina E. A. Who Killed Belikov: About the Hunting Intrigue of A. P. Chekhov’s Little Trilogy

TRAJECTORIES OF THE LITERARY PROCESS OF THE 20TH CENTURIES

- 125 Igosheva T. V. Enigmatic Text Poetics in the Poem “July” by Boris Pasternak
- 133 Uryupin I. S. The Gospel of Jesus Christ in the Poetry by V. T. Shalamov: The Biblical Text and Context
- 141 Gaponova Zh. K., Nikkareva E. V. Representation of Images of Grandmother and Grandfather in Modern Russian Literature for Children

ПРОБЛЕМЫ ПОЭТИКИ ЗАРУБЕЖНОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

- 154 *Быстров Н. Л.* «Лицо, спокойно смотрящее в темноту»: понимание сущности поэзии в поздних стихотворениях Дана Пагиса
- 171 *Khronopulo L. Yu.* Japan and Japanese Reminiscences in the Collection by Richard G. Brautigam "June 30th, June 30th"

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН
В ШКОЛЕ И ВУЗЕ

- 181 *Соколова А.* Фонетическая транскрипция в учебниках русского языка для чешских основных школ (уровень А1)
- 195 *Щипицина Л. Ю.* Технологии развития визуальной грамотности на занятиях по иностранному языку в вузе
- 205 *Вардзелашвили Ж. А., Прокофьева Л. П.* Становление вторичной языковой личности в пространстве иностранного языка

ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ

- 217 *Халина Н. В., Сорокина М. О.* О чём говорит дождь: Об опыте культурно-когнитивной интерпретации базовых метеонимов (Рецензия на Сибирский метеорологический словарь, 2011: Опыт культурно-когнитивной интерпретации базовых метеонимов. Т. 1. Атмосферные осадки (дождь))

PROBLEMS OF POETICS OF FOREIGN
LITERATURE

- 154 *Bystrov N. L.* "A Face Calmly Looking into the Darkness": An Understanding of the Essence of Poetry in the Later Poems of Dan Pagis
- 171 *Khronopulo L. Yu.* Japan and Japanese Reminiscences in the Collection by Richard G. Brautigam "June 30th, June 30th"

THEORY AND METHODS OF TEACHING
PHILOLOGICAL DISCIPLINES
AT SECONDARY AND HIGHER SCHOOL

- 181 *Sokolova A.* Phonetic Transcription in Russian Language Textbooks for Czech Primary Schools (A1 Level)
- 195 *Shchipitsina L. Yu.* Technologies of Developing Visual Literacy at University Foreign Language Lessons
- 205 *Vardzelashvili J. A., Prokofyeva L. P.* The Formation of a Secondary Linguistic Personality in the Space of a Foreign Language

REVIEWS

- 217 *Khalina N. V., Sorokina M. O.* "What the Rain Tells Us about": An Experience of Cultural-Cognitive Interpretation of Basic Metonyms (Review of the Siberian Meteorological Dictionary, 2011: An experience of cultural-cognitive interpretation of basic metonyms. Vol. 1. Atmospheric precipitation (rain))

КОНЦЕПЦИИ. ПРОГРАММЫ. ГИПОТЕЗЫ



УДК 821.161.1-1(Соснора В. А.). DOI 10.51762/1FK-2022-27-04-01. ББК Ш33(2Рос=Рус)63-8,445.
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 10.01.01 (5.9.1)

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ КАК «ЗАПЕВШИЙ ИЛЬЯ МУРОМЕЦ»: «КАРАЧАРОВО» ВИКТОРА СОСНОРЫ

Ковалева Т. И.

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7165-3186>

Лоцилов И. Е.

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3642-2590>

Аннотация. В основе статьи лежит разбор стихотворения Виктора Сосноры (1936–2019) «Карачарово» (1959). Поэт вошел в литературу книгой стихотворений о Древней Руси («Всадники»). Он хорошо знал письменные памятники, фольклор, также был начитан в фольклористике. При этом чувствовал себя наследником русского футуризма. Главные «герои» стихотворения, былинский богатырь Илья Муромец и поэт Владимир Маяковский, скрыты фигурой умолчания. Их образы выявляются при анализе реминисцентного плана стихотворения. Формируя его, Соснора «перефантазирует» события произведений разных эпох, «обновляя» их для современного читателя. Кроме того, обращаясь к культурной (Карачарово – родное село Ильи Муромца) и реминисцентной (отсылка к хрестоматийным строчкам Маяковского) памяти, Соснора выстраивает перспективу исторических времен, прошлого и будущего. Параллель между богатырем и поэтом, Карачарово и Багдади с большой вероятностью восходит к книге Виктора Шкловского «О Маяковском» (1940) и через нее – к забытой, но известной Шкловскому рецензии Романа Гуля 1923 г. на стихи Маяковского, опубликованной в берлинской газете «Накануне». Обращаясь к древнерусским памятникам и фольклору, молодой Соснора решал проблему глубинного, не поверхностного, наследования традициям русского футуризма (Владимир Маяковский, Велимир Хлебников, Николай Асеев). Также в статье подробно рассмотрена ритмика и композиция стихотворения. Выявлена специфика тактовика «Карачарова» в основной части стихотворения, опирающегося на пеан III, а в последней строфе приобретающего анапестическое звучание. Описана богатая система аллитераций и других приемов организации стихотворения (оригинальная графика, переносы, открытые и закрытые слоги в позиции рифмы). Отмечены «неявные» смысловые параллели с другими стихотворениями «Всадников» («Рогнеда», «Калики»).

Ключевые слова: русская поэзия; русские поэты; поэтическое творчество; поэтические жанры; стихотворения; Илья Муромец; русские богатыри; русский фольклор; фольклоризм; реминисценции

Для цитирования: Ковалева, Т. И. Владимир Маяковский как «запевший Илья Муромец»: «Карачарово» Виктора Сосноры / Т. И. Ковалева, И. Е. Лоцилов. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2022. – Т. 27, № 4. – С. 9–21. – DOI: 10.51762/1FK-2022-27-04-01.

VLADIMIR MAYAKOVSKY AS “A SINGING ILYA MUROMETS”: “KARACHAROVO” BY VIKTOR SOSNORA

Tatiana I. Kovaleva

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
(Novosibirsk, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7165-3186>

Igor E. Loshchilov

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
(Novosibirsk, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3642-2590>

Summary. The article analyzes the poem by Viktor Sosnora (1936–2019) “Karacharovo” (1959). The poet entered the world of literature with a book of poems on Old Russia (“Horsemen”). He knew well not only written monuments, but also folklore, was well-read in folklore studies. At the same time, Sosnora felt himself the heir to Russian futurism. The main characters of the poem – the epic hero Ilya Muromets and the poet Vladimir Mayakovsky – are hidden through the figure of silence. Their images are revealed by the analysis of the reminiscent plan of the poem. Forming it, Sosnora “re-fantasizes” the events described in the works of different epochs, “updating” them for the modern reader. Besides, turning to cultural (Karacharovo is the native village of Ilya Muromets) and the reminiscent (a reference to the well-known lines of Mayakovsky) memory, Sosnora builds the past and the future in a historical perspective. The parallel between the bogatyr and the poet, Karacharovo and Baghdadi, most likely goes back to Viktor Shklovsky’s book “On Mayakovsky” (1940), and through it to the forgotten, but known to Shklovsky review of Roman Gul on Mayakovsky’s poems (1923) published in the Berlin newspaper “Nakanune”. If for Mayakovsky the epic time is in the past, for Sosnora it has not yet come; Ilya Muromets has yet to be born in Karacharovo. The tavern motif introduces the memory of the poetry and the fate of Sergei Yesenin into the associative field of the poem. Turning to the Old Russian writings and folklore, the young Sosnora solved the problem of deep, not superficial, inheritance of the traditions of the Russian futurism (Vladimir Mayakovsky, Velimir Khlebnikov, Nikolai Aseev). The article also considers the rhythmic and composition of the poem in detail. It reveals the specificity of the tactician “Karacharovo” based in the main part of the poem on paean III (4 stanzas), and in the last stanza sounding anapestic. A rich system of alliterations and other methods of organizing the poem, such as original graphics, hyphenation, open and closed syllables in rhyme positions, is described. “Implicit” semantic parallels with other poems of “Horsemen” (“Rogneda”, “Kaliki”) are noted. “Reticence”, “figure of silence”, “reservation”, and “hints” become a means of involving into the creative process of the reader, who, the same as the author, has the right to “re-fantasize” the poetic text.

Keywords: Russian poetry; Russian poets; poetic creative activity; poetic genres; poems; Ilya Muromets; Russian bogatyrs; Russian folklore; folklorism; reminiscences

For citation: Kovaleva, T. I., Loshchilov, I. E. (2022). Vladimir Mayakovsky as “a Singing Ilya Muromets”: “Karacharovo” by Viktor Sosnora. In *Philological Class*. Vol. 27. No. 4, pp. 9–21. DOI: 10.51762/1FR-2022-27-04-01.

В книге Виктора Сосноры «Всадники» (1969), в отличие от ранних (редакторских) вариантов «древнерусского» цикла, вошедших в первые два сборника поэта [Соснора 1962: 55–98; 1965: 117–152]¹, выявляется пласт стихотворений, отсылающих к былинам и другим произведениям песенного народного творчества:

«Калики», «Карачарово», «Скоморохи», «Калика», «Соловей-разбойник», «Боярин», «Марина» и др. Названия стихотворений и их содержание показывают, что Соснора хорошо владел материалом былин, мастерски их «перепантасируя»². Обращение к ним было отмечено Д. С. Лихачевым в предисловии к из-

¹ В предисловии к одной из поздних публикаций ранних стихов Сосноры писал: «Единственная цельная книжка, вышедшая в те времена, – „Всадники“ с предисловием академика Д. Лихачева. Остальные – перепечатки, обмылки» [Соснора 1996: 51].

² «Перепантасирование» – самоопределение Сосноры: творческий принцип работы с материалом источников, оригинального «Слова о полку Игореве» и летописей при написании своего «Слова о полку Игореве» [Маграчев 1969]. «Перепантасируя» сюжеты, образы, события, отраженные в памятниках, поэт «обновляет» их для современного читателя. Это самоопределение можно распространить на весь цикл.

данию «Всадников» (1969) [Соснора 1969: 9]. Первые литературные обработки русских былин известны начиная с XVII в. (см. об этом, например: [Малышев 1956; Астахова и др. 1960: 7–78]). Однако, по верному наблюдению ученого, в «поэтическом отношении к Киевской Руси (а именно о ней по преимуществу говорит книга Виктора Сосноры) <и в сознании современного Сосноре читателя – Т. К., И. Л.> господствовали штампы и трафареты, созданные в свое время А. К. Толстым <...> Виктор Соснора разрушает эти красоты <...> Он стремится увидеть Русь в живой плоти – страдающей или по-простому радующейся, борющейся, материально-конкретной, часто грубой, чувственной, но неизменно жизнелюбивой. <...> Русь А. К. Толстого могла перейти в оперу и в живопись. Она могла стать такой же популярной, как оперная ария. Стихи Сосноры <...> не создают новый стиль восприятия эпохи, а разрушают существующие стилизации» [Там же: 5–10].

Одним из источников былин для Сосноры, вероятно, был сборник Кирши Данилова. Поэт высоко оценивал художественные достоинства сборника, отмечал его интересный состав [Соснора 1995: 96]. По свидетельству вдовы поэта, Т. В. Сосноры, он рекомендовал сборник и ученикам ЛИТО; в его домашней библиотеке хранится экземпляр 1938 г. [Древние российские стихотворения 1938]¹. Однако стихотворения цикла «Всадники» отсылают и к былинам, которых нет в сборнике Кирши Данилова (например, о Добрыне и Маринке). Наверняка поэт обращался и к другим их изданиям².

Один из центральных персонажей русских былин – богатырь Илья Муромец, историческое лицо и агиографический персонаж

(см. об этом, например: [Лопухина, Флора 2009; Бибииков 2018]). Его образ, значимый для концепции «Всадников», присутствует в цикле неявно, как «фигура умолчания»³. Он представлен «явно» и назван по имени, Илейка Муромец, лишь в одном из стихотворений «Всадников» – «Соловей-разбойник». Второй значимый для цикла персонаж, не названный по имени, образ которого также создан «намекками» – поэт Владимир Маяковский. Образы обоих персонажей, находящиеся в сложной связи, фигурируют в стихотворении «Карачарово». На его примере нам бы хотелось выявить присутствие этих двух неназванных главных героев.

Наше внимание будет сосредоточено на исследовании аллюзивного плана стихотворения и его ритмической структуры, наглядно демонстрирующих одну из ключевых черт поэтики Сосноры – «недоговоренность», «недосказанность», построение концепции при помощи «намекков», часто достаточно тонких и т. п. Именно поэтому «минус-прием» и «фигура умолчания» – частые гости на страницах «Всадников».

«Карачарово» было создано в 1959 г.; впервые издано во втором сборнике стихотворений Виктора Сосноры, «Триптих» (1965), как шестое в составе семичастного цикла «Из песен Бояна» [Соснора 1965: 139–140].

Третья книга целиком состояла из стихотворений по мотивам Древней Руси; начиная с этого издания цикл обрел название «Всадники». Здесь «Карачарово» было напечатано как самостоятельное стихотворение, вне циклов [Соснора 1969: 17–18]⁴.

С небольшими разночтениями, о которых скажем далее, оно входит в состав двух из трех известных нам машинописных редакций

¹ Из-за склонности Сосноры к мистификации и «редактированию» своей биографии нет точных сведений о круге его чтения. Зачастую они могут быть восстановлены из воспоминаний людей, входивших в круг общения поэта, его интервью. В год Марины Цветаевой (1992) «Литературной газетой» был устроен опрос о поэтессе, в котором принял участие и Соснора. На вопрос о влиянии Цветаевой поэт отвечает, что в 60-е его испытывал, «но также и „Слова о полку Игореве“, Кирши Данилова, Державина, фольклора» [«Одна... 1992: 6]. К сообщаемым Соснорой сведениям стоит относиться критически, однако влияние перечисленных авторов и источников прослеживается, в том числе и в стихотворениях, входящих во «Всадники», частично созданных уже к 1959 г.

² Наиболее близкие по времени к «древнерусским циклам» Сосноры: [Былины 1957; 1958; Илья Муромец 1958]. Отметим также выход в 1956 г. фильма «Илья Муромец» (реж. А. Л. Птушко). Его официально-патриотический ракурс мог быть актуален, скорее, для первочитателей-современников цикла «Всадники», но вряд ли близок его автору. Однако картина, показанная в разных странах и ставшая классикой советского кинематографа, – один из первых примеров художественного осмысления русских былин.

³ Как пишет Р. Г. Назиров, «Умолчание отражает повышенную эмоциональность речи и мобилизует контекстуальное воображение читателя: вследствие умолчания внимание реципиента *тем более* <Курсив авторов. – Т. К., И. Л.> концентрируется на том, что замалчивается <...> умолчание не создает тайны, а служит средством акцентирования того, о чем прямо не сказано. Так нужно понимать и латинскую поговорку: „Кто молчит, тот кричит“» [Назиров 1998: 57].

⁴ Другие публикации: [Соснора 2003: 17–18; 2006: 10–11; 2010: 25–26; 2018: 28–29; 2022: 11–12].

«древнерусского» цикла («Голь перекатная»)¹; в более ранней машинописи из фонда Николая Асеева – «„Слово о полку Игоревом“ в современном звучании» – «Карачарова» еще нет².

Карачарово

В Карачарове селяне –
крикуны.
Ох и любят они глотку
размять,
ох и любят помянуть под блины
новоявленного бога
и мать.
Соберутся в кабаке –
и в бока
заскорузные ладони:
– Дуду! –
И закатыт в кабаке трепака
под дуду,
да так,
что бревна
гудут
в кабаке.
А кабацкая голь,
завшивевшая,
в парше голова,
уворовывает яйца и соль,
огурцы и куропаток в рукава!
В Карачарове селяне –
крепыши,
бабы – пышки,
а детворня
кривнога, на ушибе ушиб,
испекает на угольях воронят
и, прищулив хитрющие ресницы,
преподносит воронят папашам:
– Вот попашете,
попшете из криницы,
и откушаете
уточки
с кашей...

В машинописных редакциях строка «Ох и любят они глотку» читалась «Ох и любят носоглотку», «ох и любят помянуть под блины» – «ох, не любят / помянуть / под блины». При подготовке к печати автор отказался и от анатомического термина *носоглотка*, и от лукавой синтаксической двусмыслицы: повторенное дважды «Ох, не любят...», судя по контексту, должно было бы означать «Любят, да еще как!»; но читателю при первом знакомстве с текстом нелегко было бы об этом догадаться.

Илья Муромец – незримый, неназванный и, собственно, еще не явившийся «герой» стихотворения. Но само его название «Карачарово» – аллюзия на образ богатыря. Указывая на место, считающееся его родиной, реально существующее село «Карачарово» под Муромом, оно также напоминает о традиционных зачинах некоторых былин о богатыре: «Как из славного города из Муромы, / из того села Корочаева...» («Первая поездка Ильи Муромца в Киев») [Илья Муромец 1958: 20].

Центральное место в композиции стихотворения занимает строфа, посвященная *кабацкой голи* (ср. первоначальное название сборника: «Голь перекатная»). Она отсылает к былинам об Илье Муромце и голях кабацких³. В них Илья обычно возвращается в Киев под видом калики: «Ото стольного города Киева / Ко славному городу Чернигову... / Идет калика перехожая» [Илья Муромец 1958: 252]. Эта деталь – неявное связующее звено «Карачарово» с двумя другими стихотворениями цикла: «Калики» и «Калика» (оба – 1959). Заходя в кабак, Илья просит продать ему вина, предлагая в заклад нательный крест, но ему отказывают. По просьбе богатыря голи складываются по копейке и угощают его:

Как он вышел на площадь на торговую,
И скрикнул-де калика зычным голосом:
– Собирайтесь-ко все голи до единого,

¹ Виктор Соснора. Голь перекатная / сентябрь 1959 – февраль 1960 [ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-607 (М. И. Борисова). Оп. 1. Д. 567. 74 лл.]; Карачарово (лл. 66–67); Виктор Соснора. Голь перекатная / сентябрь 1959 – февраль 1960 [РГАЛИ. Ф. 2577 (Л. Ю. Брик, В. А. Катанян. Оп. 1. Ед. хр. 1548. 64 лл.]. На титульном листе инскрипт: «Л. Ю. Брик / с уважением, / с благодарностью за / знакомство. / В. Соснора / 13.III. 1962 г.». Карачарово (лл. 35–36).

² Виктор Соснора. «Слово о полку Игоревом» в современном звучании [РГАЛИ. Ф. 28 (Н. Н. Асеев). Оп. 1. Ед. хр. 333. 68 лл.].

³ В стихотворении Сосноры словосочетание «голь кабацкая» употребляется в собирательном значении, в то время как собирательный образ русского фольклора выражен формой множественного числа – «голи кабацкие». Намеренные «неточности» поэтического языка Сосноры – включение анахронизмов, эклектичных деталей – отмечаются, например, в стихотворении «1111 год». В нем обращают на себя внимание не соответствующие историческому времени этноним *россияне*, жаргонное *баранья роба*. Подобные «смешения» объясняются «поэтической» логикой Сосноры, противопоставляющей себя логике «научной»: «Для автора, как для поэта, и для читателя, принимающего правила игры, она не менее убедительна» [Биткинова 2015: 148].

А купите вина мне полтора ведра,
 А опохмелите калику перехожего.
 Собирались голи до единого.
 Как собрали калики да по денежки,
 И мало того – по копеечке,
 И купили калики полтора ведра
 [Илья Муромец 1958: 253].

После, разбив винные погребца, богатырь выкатывает бочки с вином и угощает голей. Сюжет былин об Илье Муромце и голях кабацких «близко примыкает к былинам о бунте богатыря против князя Владимира, в которых рассказывается, как не позванный на княжеский пир Илья устраивает свой пир для голей» [Илья Муромец 1958: 486]. Илья Муромец является в былинах другом голей кабацких, однако разрушение государевых кружал, символизирующих нечистое богатство, входит в число его подвигов: «В народных эпических песнях кабак губит балладных молодцев и вызывает решительный протест богатырей, часто изображается порождением „латынского города“, чуждедальной стороны» [Новичкова 2001: 120].

Кабак, традиционно считавшийся в книжной и народной культуре антиподом церкви (вспомним, например, написанное в форме пародии на церковную службу сочинение XVII в. «Служба кабаку»), – центральное место действия стихотворения о Карачарове и карачаровцах. Они значимо названы *селянами*: более ожидаемое словоупотребление *крестьяне* дало бы звонкую аллитерацию («В Карачарове крестьяне крикунны...»), в обращении к каковым автор «Всадников» редко себе отказывает. Однако он помнит, что слово *крестьяне* – народная (и не только) этимология связывает его с *христианством* и *крестом* – появляется в письменных памятниках лишь с XIV века. В мире, который описан и изображен в стихотворении, христианство еще воспринимается как новость («...новоявленного Бога»). *Селяне*, как и упомянутые вскользь *бабы*,

выражены конкретными существительными во множественном числе, *голь*¹ и *детворня*² – собирательными существительными.

В финале отчетливо слышима реминисценция, отсылающая к школьно-хрестоматийным строкам из 19-й главы «октябрьской поэмы» Владимира Маяковского «Хорошо!» (1927), описывающим будущее советской деревни.

У Маяковского:

Сидят
 папаши.
 Каждый
 хитр.
 Землю попашет,
 попишет
 стихи [Маяковский 1958 (т. 8): 327].

У Сосноры концевая рифма (*папаши – попашет*) преобразована в легко опознаваемую внутреннюю (*папашам – попашете*), характеристика крестьян-колхозников («Каждый хитр») также подвергается преобразованию, сохраняя узнаваемость. *Детворня* у него

<...>, прищурив хитрющие ресницы,
 преподносит воронят папашам:
 – Вот попашете,
 попьете из криницы,
 и откушаете
 уточки
 с кашей...

Читатель, вспомнивший финал поэмы Маяковского, вспомнит и ее первые строки:

Время –
 вещь
 необычайно длинная, –
 были времена –
 прошли былинные.
 Ни былин,
 ни эпосов,
 ни эпопей <...>
 [Mаяковский 1958 (т. 8): 235].

¹ Слово *голь*, в ряду других характерных для словообразования Есенина субстантивов (*выть, хлюп*), встречается в его раннем стихотворении «Черная, потом пропахшая выть!» (1914): «Оловом светится лужная голь...» [Есенин 1995 (т. 1): 64]. В стихотворении «Русь уходящая» (1924) встречается авторский неологизм *оголь* («О чем крестьянская судачит оголь» [Есенин 1997 (т. 2): 105], которым воспользовался Маяковский в стихотворении «Разговор с товарищем Лениным» (1929): «...одеваем нищ и бголь» [Маяковский 1958 (т. 10): 18].

² Недоброжелательный критик отмечал: «В угоду рифме „буян“ становится „буянщиком“, а „детвора“ „детворней“. Звуковая стихия несет поэта над смыслом и чувством, рушит ветхие грамматические законы, ломает значения слов, не признает единства тональности внутри фразы или между соседствующими предложениями. <...> Виктор Соснора не одинок. Стихия претенциозности, захлестывающая иные поэтические “кораблики”, пагубно сказывается на языке произведений» [Горелов 1966: 189–190]. Приведенное суждение лишь подчеркивает непонимание материала критиком и, напротив, тонкую работу со словом поэта-слесаря.

Книга Виктора Сосноры «Всадники» написана явственно *после* Маяковского, с учетом поэтической техники Маяковского и вместе с тем – в споре с Маяковским. Если для Маяковского былинное, эпическое время осталось в прошлом, для Сосноры оно еще не наступило; Илье Муромцу еще только предстоит родиться в Карачарово¹.

Вторым невидимым героем «Карачарова» становится сам Маяковский, с его мессианизмом, поэтическими сквернословиями, с ранними хулиганскими футуристическими выходками. Богатырь и праведник Илья как бы «отрицает» Карачарово, а поэт-хулиган Маяковский парадоксальным образом продолжает и развивает его. Ассоциативные ореолы в «Карачарово» охватывают весь путь Маяковского: от раннего мессианизма («...новоявленного Бога...»), брани и богохульств («...и мать»)² до пропагандистской поэмы, написанной за три года до самоубийства.

Илья Муромец упомянут у Маяковского всего один раз – в значительно менее известной поэме «Пятый Интернационал» (1922), где поэт превращается в «людюгуся»:

Человек не человек,
а так –
людюгуся [Маяковский 1957 (т. 4): 110].

Деревенская жизнь видится поэту-людюгусю из далекого будущего (1940–1950), и это видение выглядит как первый набросок хрестоматийной сельской идиллии 19-й главы «Хорошо!»:

В красных,
в зеленых крышах села!
Тракторы!
Сухо!
Крестьянин веселый! [Там же: 110].

В тех же футурологических видениях:
Горизонт бровями лесными хмурится.
Еще винчусь.
Становища Муромца
из глаз вон. [Там же].

Богатырь и поэт сближены в подтексте стихотворения Сосноры по линии первенства и по характеру «начала пути»: Маяковский – «первый и лучший» «советский поэт»; Илья – первый и главный из былинных богатырей. В обоих случаях «начало пути» не вытекает прямо из их предыстории, из детства, проведенного в Карачарово или в Багдади.

Эта параллель восходит к книге Виктора Шкловского «О Маяковском» (1940), с большой вероятностью знакомой молодому Сосноре (известно о его раннем увлечении футуризмом):

«Можно по-разному начинать книгу о поэте, если она не его биография. И биографию не обязательно начинать сначала. У биографий начала бывают разные. <...> Илья Муромец не имеет детства. Оно начинается с прихода к нему странников. До этого Илья Муромец скучал на печке. <...> Вот будем думать о том, когда был призван Маяковский. О детстве его мы писать не будем» [Шкловский 1940: 5–6].

Эффект «Карачарова» Сосноры основан на минус-приеме: ни Ильи, ни Маяковского в нем нет, они присутствуют – и генерируют смысл – благодаря культурной и реминисцентной памяти читателя. Следующий раздел в книге о Маяковском, «Пейзаж», Шкловский начинает так: «Но все же напишем о месте, где родился Маяковский. К юго-востоку от древне-

¹ И. Кобзев приводил строки из «Карачарова» как пример «злой насмешки над понятием „поэтическое слово“»: «Речь идет, правда, о старых временах, но как раз именно о селе Карачарове, родине любимейшего народного богатыря Ильи Муромца. С очень большой нелюбовью говорится здесь о славных русичах: „...А кабацкая голь, <-> испекает на углях воронят...“, и т. д.» [Кобзев 1970: 50].

² Строки «новоявленного бога / и мать» перекликаются со стихотворением Маяковского «Сергею Есенину» (1926): «Оглушить бы / их / трехпалым свистом // в бабушку / и в бога душу мать!» [Маяковский 1957 (т. 7): 104]. В связи с вовлекающей в ассоциативное поле «Карачарова» фигурой Есенина вспоминаются, в свою очередь, строки его стихотворения, входящего в цикл «Москва кабацкая»: «Мне осталась одна забава: / Пальцы в рот – и веселый свист» [Есенин 1995 (т. 1): 185]. Так, «мерцание» фигуры Есенина в стихотворении Сосноры поддерживается кабацкой мотивикой. Кроме того, поэтический дар и страшный конец роднят Есенина с Маяковским. На этом основании в ассоциативное поле «богатырского» плана втягивается и память об образе Святогора; в некоторых версиях былины он перед своей страшной гибелью передает часть силы Илье Муромцу [Илья Муромец 1958: 14]. В таком случае сила, растворенная в обитателях Карачарова («В Карачарове селяне – крепыши»), обретает концентрированное выражение в образе неназванных богатырей, а передача силы становится метафорой поэтического наследования. Заметим, что Святогор и Илья Муромец – представители двух поколений героев русского эпоса. Святогор относится к древнейшему, мифологическому пласту, Илья Муромец – к новой, «богатырской» эпохе. Интересно с этой точки зрения взглянуть на поколения поэтов: Есенина, Маяковского и Соснору.

в этих двух стихах – и только в них – появляются четырехсложные интервалы («завшивевшая, в парше» и «пышки, а детворня»). Это намечает движение в сторону характерного для поэзии Маяковского акцентного стиха («Маяковский отказался от силлаботонизма, от счета слогов» [Шкловский 1940: 131]), но у Сосноры сохраняется связь расшатываемого метра с его силлабо-тонической основой.

Первые две доли последнего четверостишия («и, прищурив хитрющие») подхватывают трехсложную меру стиха 9 («в кабаке. А кабацкая голь»), и это, вкупе с женскими окончаниями, сообщает всей строфе трехсложную, в частности анапестическую, инерцию. Стих не переходит в акцентный (максимальная длина интервалов не превышает трех слогов), но связь с пеаном III уже не чувствуется: в последней строфе читатель ощущает смену тона рассказываемого (попытка услышать последние 4 стиха пеаном или его дериватом приведет к акцентологическому нонсенсу: «и, прищурив хитрющие ресницы»).

Отдельное семантическое пространство связано в стихотворении с упоминаемой снедью, продовольственным фундаментом жизни карачаровцев. В первой половине стихотворения это лишь *блины* с выраженным ритуальным (поминальным) и невыраженным празднично-масленичным значением («ох и любят помянуть под блины»). Начиная со стиха 11, открывающего вторую половину, лексикон и пространство стихотворения буквально заполняются снедью: *яйца, соль, огурцы, куропатки, пышки* (в составе сравнения), *воронята*, вода из *криницы*, *уточка с кашей*. Слова, называющие разновидности еды и питья, оставаясь частью нраво- и бытоописательной составляющей стихотворения, проявляют самостоятельные значения, восходящие к народно-символическим и ритуально-религиозным, а также к этимологической памяти. В этом качестве они вступают друг с другом в отношения, выходящие за описательные пределы, и выполняют миромоделирующую функцию. Так, в композиционном центре, стихах 10–11 («завшивевшая,

в парше голова, / уворовывает яйца и соль») сближены *голова* и *яйцо (яйца)*, что находит соответствие в архаичных представлениях об устройстве мира (мировое яйцо) и человека: «... принципиально важное подобие в структуре верха и низа подтверждается материалом мифов и ритуалов, мифопоэтической биологии, анатомии и медицины, данными языка. Речь идет о соотношении головы и *testicula*» [Топоров 1983: 253]. Кроме того, стихи 11–12 («уворовывает яйца и соль, / огурцы и куропаток в рукава!») уводят в частушечный контекст:

Оп-цы! Огурцы!
Помидоры, яйца!
Я бы еще частушки пел,
Да устали пальцы.

Оп-цы! Огурцы!
Помидоры, яйца!
Да капуста-винегрет!
Хозяина дома нет!

Эти же строки способны напомнить об одном эпизоде сказки «Царевна-лягушка»¹. В нем Василиса Премудрая на пиру царя (своего свекра) кладет в один рукав кости съеденной дичи, в другой – выливает остатки вина, демонстрируя затем свои магические способности. По словам Р. Г. Назирова, «трансформация этого мотива объясняется забвением архаических представлений о возрождении съеденных птиц из их костей <...> Как указывает К. Е. Корепова, этот эпизод „сохранен восточнославянской сказкой еще от мифа. Этнографической основой его является обряд „умножения животных“» [Назирова 1982: 34]. В контексте этих представлений интересно осмыслить и эпизод стихотворения Сосноры, в котором «магические» способности кабацкой голи сводятся к незаметному воровству ради «умножения пищи».

Несмотря на метафоричность второго из словоупотреблений, *блины* объединяются с *пышками* как *мучные изделия* и противопоставляются друг другу как *плоское* и *объемное, двухмерное* и *трехмерное*². Мучные изде-

¹ О сказочной Царевне-лягушке напоминает и входящее в цикл «Всадники» большое стихотворение «Веснушка-дурнушка», название которого рифмуется с названием «Царевна-лягушка».

² Ср. показательное для художественного мира Маяковского отрицание *монумента/идола* («Мне бы / памятник при жизни / полагается по чину. // Заложил бы / динамиту / – ну-ка, / дрызнь!» [Маяковский 1957 (т. 6): 56]) и почтение к двухмерному, плоскому изображению (версия на тему иконопочитания: «Двое в комнате. / Я / и Ленин – // фотографией / на белой стене» [Маяковский 1958 (т. 10): 17]).

лия связываются со смертью («помянуть под блины») и женским, рождающим началом («бабы – пышки»). Соль проявляет свое религиозное значение («Вы – соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою? Она уже ни к чему негодна, как разве выбросить ее вон на попрание людям», Мф 5: 13), *огурцы* – народное, связанное с символикой богатого потомства («Без окон, без дверей полна горница людей»).

Яйца (несомненно, куриные) открывают внутри этого продуктового лексикона «птичий» ряд: *яйца*, *куропатки*, *воронята*, *уточка*. Этимология слова *куропатка* ('похожая на курицу, куроподобная птица') подготавливает эффектный обман-подлог в финале: печеные *воронята* под видом «уточки с кашей». Финал стихотворения – яркая до болезненности сценка-картинка – окрашен в inferнальные тона: *детворня* – *кривонога* (инфернальная асимметрия)¹, *воронята* – черные, *угли* – черно-красные.

Определение *детворни* как *кривоногой* может намекать также и на известный эпизод биографии Ильи Муромца, когда он был не в состоянии ходить: просидел «сиднем» более тридцати лет и был исцелен паломниками, «каликами перехожими»: «Как приходили две калики перехожия / Под тое окошечко косявчето» и «поили его питьицем медвяным: и с того он стал владеть руками и ногами и силушку получил великую» [Илья Муромец 1958: 9, 11]. С этим эпизодом по ассоциации перекликается и название-аллюзия стихотворения, предшествующего «Карачарово», – «Калики», а также его начало: «Приходили калики к Владимиру, / Развлекали Владимира песенками» [Соснора 1969: 16].

Фактически в художественном мире стихотворения *селяне*, *бабы*, *кабачная голь*, *детворня* и *воронята* выступают дублерами друг друга: создается образ глубоко порочной, греховной и вместе с тем «подлинной» жизни: здесь царят брань, богохульство, пьянство, воровство, лесть и обман. Скрытый «фигурой умолчания» богатырь и праведник Ильи Муромец может явиться здесь только чудесным образом, как бы отрицая ценности карачаровской жизни. «Высокие» значения *птицы* не проявлены: *пти-*

ца является здесь предметом кражи, поедания и подлога. Однако они присутствуют как еще не осуществившаяся возможность, потенциал. *Воронята* хранят память об амбивалентности народной символики *ворона* (предвестник беды и символ мудрости в одно и то же время). Кроме того, в контексте русской литературной и исторической памяти, *ворон* и *вороненок* ассоциируются с «калмыцкой сказкой» Емельяна Пугачева из пушкинской «Капитанской дочки», где 300-летний ворон противопоставлен орлу, живущему лишь 33 года [Пушкин 1978 (т. 6): 237–238] (столько же лет «сидел сиднем» Илья Муромец), и его же подлинным последним словам перед казнью, где выражена идея *предвестия*: «Я не ворон (возразил Пугачев, играя словами и изъясняясь, по своему обыкновению, иносказательно), я вороненок, а ворон-то еще летает» [Пушкин 1978 (т. 8): 189]. В контексте поэзии Маяковского *вороненок/ уточка* перекликается с образом *поэта-людогоуса* из поэмы «Пятый Интернационал», а может быть, и с названием «хулиганской» книжки Алексея Крученых «Утиное гнездышко дурных слов» (1913). Лыстивое (а по сути – издевательское) предложение откусать «уточки с кашей» подобно предложению отвесть «супа с котом»: нечто, разрешившееся в ничто.

М. Желнина отметила, что «убийство (самоубийство) какого-либо животного или птицы <...> является одним из основных сюжетов Сосноры. Интересно, что традиционно это убийство совершается детьми» [Желнина 1996: 161]. Строки, посвященные *детворне*, содержат ступок мотивно-образных ассоциаций: «испекает на углях воронят / и, прищурив хитрющие ресницы, / преподносит воронят папашам». *Уголья* и *воронят* объединяет черный цвет; *уголья* и *испекает* – связь с *огненным пеклом*; вместе со словом *преподносит* (перекликающимся с *приносит*) сближение названных слов вызывает в памяти знаменитый отрывок из Жития протопопа Аввакума: «Куручка у нас черненька была; по два яичка на день приносила робяти на пищу...» [Житие протопопа Аввакума 1934: 99]. Кроме того, стихотворение Сосноры будто бы вступает в спор с поэмой Маяковского: «Сидят папаша. Каждый хитр» – «а детворня <...> прищурив хитрющие ресницы, препод-

¹ О народных представлениях в связи с проявлением у детей телесных уродств см.: [Новичкова 2001: 200].

носит воронят папашам». Здесь вновь отзывается эхом переключка с Житием протопopa Аввакума: «курочка... черненька... по два яйца... приносила...». Если в сознании читателя возникает отсылка к образу «огнепального протопopa», принявшего мученическую смерть за «старую веру», то благодаря ему высвечивается богатырская ипостась не былинного или агиографического персонажа, а «человека»¹, обладающего несокрушимой волей, силой духа, готовностью к самопожертвованию во имя великой идеи. Неслучайно историк С. М. Соловьев называет Аввакума «протопopом-богатырем» [Соловьев 1863: 206]².

С темой отцов и сыновей (детей) во «Всадниках» связан мотив хитрости и обмана, присутствующий и в цикле былин, в которых Илья Муромец сражается с чужеземным богатырем-нахвалящиком. В большинстве их вариантов эта тема «разрабатывается как повествование о бое отца с неузнанным сыном (Сокольников или Подсокольниковом) – древний сюжет, известный эпосам многих других народов (иранским – „Шах-нам“, германским – „Песни о Гильдебранте“³, эстонским – „Кивви-аль“ и др.)» [Илья Муромец 1958: 474]. В одном из вариантов былины имеется эпизод, когда сын, узнавший, что Илья его отец, желает расправиться с ним обманом, нападая на спящего богатыря, но убийство заканчивается неудачей:

Как ведь тут же Илья всё как заспал жо,
 Как крепким-то сном заспал богатырским же;
 Ишше взял Подсокольницёк-от востро копые,
 Как направил ёму всё в ретиво серьцё;
 Сохранил ёго господь-от, всё помиловал:
 Розлетелось копые-то Ильи-то в белы груди;
 Ище был-то у ёго на шеи навешан золотой
 же крест,

Золотой-от ведь крест был во вси груди;
 Он ведь тем же крестом от смерти всё избавилсе
 [Илья Муромец 1958: 199].

Былинная сцена убийства отца сыном, в свою очередь, переключается с эпизодом стихотворения «Рогнеда», предшествующего «Каликам» и «Карачарову»:

– Ах ты, сука непорочная!
 Ты грозишь:
 в грязи
 родишь сына,
 хитроумника, ненавистника,
 и сынок
 отца
 завлечет в капкан
 и прикончит Владимира быстренько
 [Соснора 1969: 14–15].

В основе стихотворения «Рогнеда» лежат летописные рассказы о сватовстве князя Владимира к Рогнеде и, что произошло позже, о неудачном покушении Рогнеды на Владимира из мести: за расправу с ее семьей, а также из ревности. Согласно летописи Рогнеда хотела заколоть спящего Владимира ножом, но, проснувшись, он поймал ее за руку. Эта ситуация напоминает былинную, с той разницей, что в роли убийцы выступает жена. Сын Владимира и Рогнеды Изяслав появляется немногим позже. Его выход с обнаженным мечом, по научению Рогнеды, прерывает попытку Владимира свести счеты с женой. Поединок отца с малолетним сыном, заступившимся за мать, не состоялся. В былине, к которой отсылает «Карачарово», бой отца с сыном – двух богатырей – осуществляется (хотя Илья этого и не желает), заканчиваясь победой отца. Так,

¹ В XVII в., по Д. С. Лихачеву, происходит открытие ценности человеческой и авторской личности, и старообрядческие автобиографии этот феномен ярко демонстрируют [Лихачев 1958: 151–161].

² Некоторые из ассоциативных переключек (как, например, с образом протопopa Аввакума) могут уводить достаточно далеко от стихотворного текста Сосноры. Авторы статьи не претендуют на то, чтобы «угадать правильно». Чтение как ранних, так и поздних стихов Сосноры – увлекательная задача, которая, однако, не превращается в ребус, имеющий единственно верное решение. Поэтика авангарда предполагает, что жизнь стихотворения продолжается в «сотворческом» сознании читателя, экстатически (как у Хлебникова и Маяковского), выходит за пределы собственно текстовой «жизни» и текстовых реалий. Может сложиться ошибочное впечатление неправдоподобно широкой культурной осведомленности автора, однако в его поэтической системе творцом «культурного поля» становится читатель, которому дано полное право выстраивать ассоциативные ряды, даже если автор не имел их в виду, «угадывать» в том числе и «неправильно». Соснора намеренно «вуалировал» источники своих сочинений и распространял разные версии знакомства с ними (их исследование может стать темой отдельной работы). Связь и развертывание ассоциативных цепочек в сознании читателя далеко не всегда подчиняется прямолинейной логике; это свойство поэтического текста приводит к принципиальной «монтажности» его аналитического описания и некоторому «нарушению» логической связанности между описанием разных уровней организации текста. В своем анализе мы стараемся показать, как «работает» поэтика Сосноры на частном, конкретном примере.

³ Подробнее см.: [Матюшина 2010].

в частности, в цикле разворачивается тема повторяющихся в иной форме или новом витке событий. В одном контексте с «Карачарово» «Рогнеда» предвосхищает былинную сцену.

Отметим, наконец, параллелизм первой и четвертой строф, основывающийся на точном совпадении начал («В Карачарове сельчане...») и фонетической игре со словом и его элементами. Близкое к точности совпадение стихов 1 и 13 ставит все сказанное между ними «в скобки» и под знак вопроса: а было ли оно сказано? Но нет, было: читатель убеждается в этом, лишь дойдя до общего фонетического компонента слов *крикуны* [кр'икуны́] и *крепныши*: [кр'ипыши́]: [кр'и-]. Далее слово «раздва-

ивается», а проявившийся компонент [-*пыш-*] в следующем стихе становится корневым и ударным («бабы – пышки») и многообразно отзывается, как эхо, в словах финала: *ушиб, папашам, попашете, откушаете, с кашей*.

У работающего с архаикой и авангардом Сосныры в стихотворении «Карачарово» фигуры былинного богатыря Ильи Муромца и поэта Владимира Маяковского сближаются на основании «первенства». Отмеченные ранее черты его поэтики – «недоговоренность», «недосказанность», «намеки» – становятся средством вовлечения в творческий процесс читателя, имеющего, подобно автору, право «перефантазировать» поэтический текст.

Литература

- Астахова, А. М. Былины и их пересказы в рукописях и изданиях XVII–XVIII вв. / А. М. Астахова [и др.] // Былины в записях и пересказах XVII–XVIII веков / подгот. А. М. Астахова [и др.]. – М.; Л.: АН СССР, 1960 (Памятники русского фольклора).
- Бибииков, М. В. Илья Муромец в Афонской традиции / М. В. Бибииков // Древнейшие государства Восточной Европы. Памяти Г. В. Глазыриной. 2016. – М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2018. – С. 290–293.
- Биткинова, В. В. Текст документа, стилевой диалог и языковая игра в исторических эссе Виктора Сосныры / В. В. Биткинова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2015. – № 3 (35). – С. 135–151.
- Былины / вступ. статья, подготовка текста и примеч. Б. Н. Путилова. – Л.: Сов. писатель, 1957. – 486 с.
- Былины : в 2 т. / подготовка текста, вступ. статья, с. III–LXIV, и коммент. В. Я. Проппа и Б. Н. Путилова. – М.: Гослитиздат, 1958. – 564 с. + 524 с.
- Горелов, Ал. Труд всей жизни... (Наблюдения над языком современной литературы) / Ал. Горелов // Звезда. – 1966. – № 7. – С. 184–199.
- Гуль, Р. Б. Запевший Илья Муромец (Лирика Вл. Маяковского) / Р. Б. Гуль // Накануне (Берлин). – 1923. – № 454, 7 октября. – С. 8.
- Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. – М.: Гослитиздат, 1938. – 312 с.
- Есенин, С. А. Полное собрание сочинений : в 7 т. / С. А. Есенин. – М.: ИМЛИ им. А. М. Горького РАН; Наука; Голос, 1995–2002.
- Желнина, М. Архетипическая триада *Поэт – Смерть – Слово* в поэзии Виктора Сосныры (Мифопоэтический анализ текста: сфера интерпретации) / М. Желнина // Русский текст: Российско-американский журнал по русской филологии. – 1996. – № 4. – С. 145–163.
- Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения / ред., вступит. статья и коммент. Н. К. Гудзия; оформление по рисункам Ф. И. Тихомирова. – М.: Academia, 1934. – 497 с. (Русские мемуары, дневники, письма и материалы под общ. ред. В. И. Невского).
- Илья Муромец / подготовка текстов, статья и коммент. А. М. Астаховой; отв. ред. чл.-кор. АН СССР Д. С. Лихачев. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – 557 с. (Сер. «Литературные памятники»).
- Кобзев, И. О любви и нелюбви / И. Кобзев // Русская речь. – 1970. – № 3. – С. 45–51.
- Лихачев, Д. С. Человек в литературе Древней Руси / Д. С. Лихачев. – М.; Л.: АН СССР, 1958. – 186 с.
- Лопухина, Е. В. Илья Муромец / Е. В. Лопухина, Б. Н. Флоря // Православная энциклопедия. Т. 22: Икона – Иннокентий / под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. – М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2009. – С. 307–312.
- Маграчев, Л. Е. Рабочий-поэт / Л. Е. Маграчев. – Текст : электронный // Радиоочерк. – 1960. – URL: <http://staroradio.ru/audio/36279> (дата обращения: 06.07.2022).
- Малышев, В. И. Повесть о Сухане (Из истории русской повести XVII века) / В. И. Малышев. – М.; Л.: АН СССР, 1956. – 223 с.
- Матюшина, И. Г. Былины об Илье Муромце и Сокольнике в древнегерманском контексте / И. Г. Матюшина // Arbor mundi (Мировое древо). – 2010. – Вып. 16. – С. 160–202.
- Маяковский, В. В. Полное собрание сочинений : в 13 т. / В. В. Маяковский. – М.: ГИХЛ, 1957–1961.
- Назирова, Р. Г. Возрождение из костей в мифах и сказках / Р. Г. Назирова // Фольклор народов РСФСР : сборник статей. – Уфа : Башк. ун-т, 1982. – С. 28–35.
- Назирова, Р. Г. Фигура умолчания в русской литературе / Р. Г. Назирова // Поэтика русской и зарубежной литературы : сборник статей. – Уфа : Гилем, 1998. – С. 57–71.
- Новичкова, Т. А. Эпос и миф / Т. А. Новичкова. – СПб.: Наука, 2001. – 253 с.
- «Одна – из всех – за всех – противу всех...» // Литературная газета. – 1992. – № 41 (5148), 7 октября. – С. 6.

- Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений : в 10 т. / А. С. Пушкин. – Л. : Наука. Ленинградское отделение, 1977–1979.
- Соловьев, С. М. История России с древнейших времен. Т. 13 / С. М. Соловьев. – М. : В университетской типографии, 1863. – 779 с.
- Соснора, В. А. Январский ливень / В. А. Соснора. – М. ; Л. : Советский писатель, 1962. – 100 с.
- Соснора, В. А. Триптих / В. А. Соснора. – Л. : Лениздат, 1965. – 155 с.
- Соснора, В. А. Всадники / В. А. Соснора. – Л. : Лениздат, 1969. – 112 с.
- Соснора, В. А. Стихотворения / В. А. Соснора. – Л. : Лениздат, 1977. – 176 с.
- Соснора, В. А. Возвращение к морю: Лирика / В. А. Соснора. – Л. : Советский писатель. Ленинградское отделение, 1989. – 304 с.
- Соснора, В. А. Александрийцы / В. А. Соснора // Комментарии: Журнал для читателя. – 1995 – № 6. – С. 79–109.
- Соснора, В. А. Книга Юга 1963 / В. А. Соснора // Мансарда: Литературно-художественный журнал. – 1996. – № 1. – С. 51–64.
- Соснора, В. А. Всадники. (По мотивам «Слова о полку Игореве») / В. А. Соснора ; предисл. Д. С. Лихачева. – СПб. : Пушкинский фонд, 2003. – 112 с.
- Соснора, В. А. Стихотворения / В. А. Соснора. – СПб. : Амфора, 2006. – 870 с.
- Соснора, В. А. Последняя пуля / В. А. Соснора. – СПб. : Издательская группа «Азбука-Классика», 2010. – 224 с.
- Соснора, В. А. Жизнь моя: Избранные стихотворения / В. А. Соснора. – СПб. : Издательская группа «Лениздат»; Команда А, 2013. – 176 с.
- Соснора, В. А. Стихотворения / В. А. Соснора. – СПб. : Союз писателей Санкт-Петербурга ; М. : ООО Группа компаний «РИПОЛ классик»; Издательство «Пальмира», 2018. – 910 с.
- Соснора, В. А. Ладога / В. А. Соснора. – СПб. : Т8 Издательские технологии ; Пальмира, 2022. – 414 с. (Сер. «Часть речи»).
- Топоров, В. Н. Пространство и текст / В. Н. Топоров // Текст: семантика и структура. – М. : Наука, 1983. – С. 227–284.
- Шкловский, В. Б. О Маяковском / В. Б. Шкловский. – М. : Советский писатель, 1940. – 224 с.

References

- Astakhova, A. M., Likhachev, D. S. (Eds.). (1958). *Ilya Muromets* [Ilya Muromets]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR. 557 p.
- Astakhova, A. M. et al. (1960). *Byliny i ikh pereskazy v rukopisyakh i izdaniyakh XVII–XVIII vv.* [Epics and Their Retellings in Manuscripts and Editions of the 17th–18th Centuries]. In Astakhova, A. M. et al. (Eds.). *Byliny v zapisyah i pere-skazakh XVII–XVIII vekov.* Moscow, Leningrad, AN SSSR.
- Bibikov, M. V. (2018). *Ilya Muromets v Afonskoi traditsii* [Ilya Muromets in the Athos Tradition]. In *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. Pamyati G. V. Glazyrinoi.* 2016. Moscow, Universitet Dmitriya Pozharskogo, pp. 290–293.
- Bitkinova, V. V. (2015). *Текст документа, стилизованный диалог и языковая игра в исторических эссе Виктора Соснора* [Document Text, Stylistic Dialogue and Language Game in Victor Sosnora's Historical Essays]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, No. 3 (35), pp. 135–151.
- Drevnie Rossijskie stikhotvoreniya, sobrannye Kirshyey Danilovym* [Old Russian Poems Collected by Kirsha Danilov]. (1938). Moscow, Goslitizdat. 312 p.
- Esenin, S. A. (1995–2002). *Polnoe sobranie sochinenii: v 7 t.* [Complete Set of Works, in 7 vols.]. Moscow, IMLI imeni A. M. Gor'kogo RAN, Nauka, Golos.
- Gorelov, Al. (1966). *Trud vsei zhizni... (Nablyudeniya nad yazykom sovremennoi literatury)* [The Work of a Lifetime ... (Observations on the Language of Modern Literature)]. In *Zvezda*. No. 7, pp. 184–199.
- Gudziya, N. K. (Ed.). (1934). *Zhitie protopopa Avvakuma im samim napisannoe i drugie ego sochineniya* [The Life of Archpriest Avvakum by Himself and His Other Writings]. Moscow, Academia. 497 p.
- Gul', R. B. (1923). *Zapevshii Ilya Muromets (Lirika Vl. Mayakovskogo)* [Singing Ilya Muromets (Lyrics of Vl. Mayakovsky)]. In *Nakanune* (Berlin). No. 454, p. 8.
- Kobzev, I. (1970). *O lyubvi i nelyubvi* [About Love and Dislike]. In *Russkaya rech'*. No. 3, pp. 45–51.
- Likhachev, D. S. (1958). *Chelovek v literature Drevnei Rusi* [Man in the Literature of Old Russia]. Moscow, Leningrad, AN SSSR. 186 p.
- Lopuhina, E. V., Florya, B. N. (2009). *Iliya Muromets* [Ilya Muromets]. In Aleksii II (Ed.). *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Vol. 22: Ikona – Innokentii. Moscow, Tserkovno-nauchnyi centr «Pravoslavnaya entsiklopediya», pp. 307–312.
- Magrachev, L. E. (1960). *Rabochii-poet* [Worker-poet]. In *Radioozerk*. URL: <http://staroeradio.ru/audio/36279> (mode of access: 06.07.2022).
- Malyshev, V. I. (1956). *Povest' o Sukhane (Iz istorii russkoi povesti XVII veka)* [The Tale of Sukhan (From the History of the Russian Story of the 17th Century)]. Moscow, Leningrad, AN SSSR. 223 p.
- Matyushina, I. G. (2010). *Byliny ob Il'e Muromtse i Sokol'nike v drevnegermanskom kontekste* [Epics about Ilya Muromets and Sokolnik in the Old Germanic Context]. In *Arbor mundi (Mirovoe drevo)*. Vol. 16, pp. 160–202.
- Mayakovskiy, V. V. (1957–1961). *Polnoe sobranie sochinenii: v 13 t.* [Complete Set of Works, in 13 vols.]. Moscow, GIKhL.
- Nazirov, R. G. (1982). *Vozrozhdenie iz kostei v mifakh i skazkakh* [Rebirth from Bones in Myths and Fairy Tales]. In *Fol'klor narodov RSFSR: sbornik statei*. Ufa, Bashkirskii universitet, pp. 28–35.
- Nazirov, R. G. (1998). *Figura umolchaniya v russkoi literature* [The Figure of Silence in Russian Literature]. In *Poetika russkoi i zarubezhnoi literatury: sbornik statei*. Ufa, Gilem, pp. 57–71.
- Novichkova, T. A. (2001). *Epos i mif* [Epos and Myth]. Saint Petersburg, Nauka. 253 p.

- «Oдна – iz vsekh – za vsekh – protivu vsekh...» [“One – of All – for All – against All ...”]. (1992). In *Literaturnaya gazeta*. No. 41 (5148), p. 6.
- Propp, V. Ya., Putilov, B. N. (Eds.). (1958). *Byliny: v 2 t.* [Epics, in 2 vols.]. Moscow, Goslitizdat. 564 p. + 524 p.
- Pushkin, A. S. (1977–1979). *Polnoe sobranie sochinenii: v 10 t.* [Complete Set of Works, in 10 vols.]. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1977–1979.
- Putilov, B. N. (Ed.). (1957). *Byliny* [Epics]. Leningrad, Sovetskii pisatel'. 486 p.
- Shklovsky, V. B. (1940). *O Mayakovskom* [About Mayakovsky]. Moscow, Sovetskii pisatel'. 224 p.
- Solovyev, S. M. (1863). *Istoriya Rossii s drevneishikh vremen* [History of Russia since Ancient Times]. Vol. 13. Moscow, V universitetskoi typographii. 779 p.
- Sosnora, V. A. (1962). *Yanvarskii liven'* [January Downpour]. Moscow, Leningrad, Sovetskii pisatel'. 100 p.
- Sosnora, V. A. (1965). *Triptikh* [Triptych]. Leningrad, Lenizdat. 155 p.
- Sosnora, V. A. (1969). *Vsadniki* [Horsemen]. Leningrad, Lenizdat. 112 p.
- Sosnora, V. A. (1977). *Stikhotvoreniya* [Poems]. Leningrad, Lenizdat. 176 p.
- Sosnora, V. A. (1989). *Vozvrashchenie k moryu: Lirika* [Return to the Sea: Lyrics]. Leningrad, Sovetskii pisatel', Leningradskoe otdelenie. 304 p.
- Sosnora, V. A. (1995). Aleksandriitsy [Alexandrians]. In *Kommentarii: Zhurnal dlya chitatelya*. No. 6, pp. 79–109.
- Sosnora, V. A. (1996). *Kniga Yuga 1963* [Book of the South 1963]. In *Mansarda: Literaturno-khudozhestvennyi zhurnal*. No. 1, pp. 51–64.
- Sosnora, V. A. (2003). *Vsadniki (Po motivam «Slova o polku Igoreve»)* [Riders (Based on “The Tale of Igor’s Campaign”)]. Saint Petersburg, Pushkinskii fond. 112 p.
- Sosnora, V. A. (2006). *Stikhotvoreniya* [Poems]. Saint Petersburg, Amfora. 870 p.
- Sosnora, V. A. (2010). *Poslednyaya pulya* [The Last Bullet]. Saint Petersburg, Izdatel'skaya gruppa «Azбука-Klassika». 224 p.
- Sosnora, V. A. (2013). *Zhizn' moya: Izbrannye stikhotvoreniya* [My Life: Selected Poems]. Saint Petersburg, Izdatel'skaya gruppa «Lenizdat», Komanda A. 176 p.
- Sosnora, V. A. (2018). *Stikhotvoreniya* [Poems]. Saint Petersburg, Soyuz pisatelei Sankt-Peterburga, Moscow, OOO Gruppy kompanii «RIPOL klassik», Izdatel'stvo «Pal'mira». 910 p.
- Sosnora, V. A. (2022). *Ladoga* [Ladoga]. Saint Petersburg, T8 Izdatel'skie tehnologii, Pal'mira. 414 p.
- Toporov, V. N. (1983). *Prostranstvo i tekst* [Space and Text]. In *Tekst: semantika i struktura*. Moscow, Nauka, pp. 227–284.
- Zheltnina, M. (1996). Arkhetipicheskaya triada Poet – Smert' – Slovo v poezii Viktora Sosnory (Mifopoeticheskii analiz teksta: sfera interpretatsii) [Archetypal Triad Poet – Death – Word in the Poetry of Viktor Sosnora (Mythopoetic Analysis of the Text: The Sphere of Interpretation)]. In *Russkii tekst: Rossiisko-amerikanskii zhurnal po russkoi filologii*. No. 4, pp. 145–163.

Данные об авторах

Ковалева Татьяна Ивановна – кандидат филологических наук, научный сотрудник, Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия).

Адрес: 630090, Россия, Новосибирск, ул. Николаева, 8.

E-mail: tkvl@inbox.ru.

Лошилов Игорь Евгеньевич – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия).

Адрес: 630090, Россия, Новосибирск, ул. Николаева, 8.

E-mail: loshch@yandex.ru.

Authors' information

Kovaleva Tatiana Ivanovna – Candidate of Philology, Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia).

Loshchilov Igor Evgenievich – Candidate of Philology, Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia).

Дата поступления: 05.10.2022; дата публикации: 29.12.2022

Date of receipt: 05.10.2022; date of publication: 29.12.2022

EXPRESSION OF HUMAN STATUS THROUGH ANIMALISTIC METAPHOR

Natalia Yu. Borodulina

Tambov State Technical University (Tambov, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9252-9037>

Marina N. Makeeva

Tambov State Technical University (Tambov, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3779-7386>

Abstract. The article deals with expression of the status of a person through comparison with animals. Despite the fact that this topic has already been touched upon in one way or another by researchers, not all issues have been resolved yet. The study presents an analysis of the metaphors “wolf” and “fox” in the French fable and paremiological corpora. The author looks at the status characteristics of representatives of the human world of the La Fontaine era, represented by metaphors. It is shown that the characteristics that emphasize the vices of the 17th century French society can be considered archetypal. Metaphors fix a person's knowledge of nature and surrounding reality, correlate with mythopoetic, religious and totemic pictures of the world, reflect the symbolism of the human unconscious and serve as the basis for the nation cultural codes formation. With the help of diachronic analysis, a comparison is made using the metaphors “wolf” and “fox” in modern socio-economic and political discourses. It is shown that the status expressed through the metaphor “jeune loup” is opposed to the status “vieux renards” on the basis of the difference between young and old in the economy and business. But in both cases, a reassessment of values is taking place: those characteristics that previously were correlated with vices have not lost their archetypal features, but in modern historical contexts there have been changes that led to an axiological coloring shift: ambition, zeal, cunning, young arrogance and superiority over a weak opponent, are the key to success in the world of business and politics nowadays.

The achieved results allow speaking about the linguo-pragmatic status of metaphor. The author plans, as a perspective, to carry out a study of metaphorical representations of significant fragments of the picture of the world in the diachronic aspect.

Key words: political discourse; French language; metaphorical modeling; metaphorical models; animalistic metaphors; cultural codes; fables; linguoaxiology; cognitive linguistics; human status

For citation: Borodulina, N. Yu., Makeeva, M. N. (2022). Expression of Human Status Through Animalistic Metaphor. In *Philological Class*. Vol. 27. No. 4, pp. 22–29. DOI: 10.51762/1FK-2022-27-04-02.

ВЫРАЖЕНИЕ СТАТУСА ЧЕЛОВЕКА ЧЕРЕЗ АНИМАЛИСТИЧЕСКУЮ МЕТАФОРУ

Бородулина Н. Ю.

Тамбовский государственный технический университет (Тамбов, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9252-9037>

Макеева М. Н.

Тамбовский государственный технический университет (Тамбов, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3779-7386>

Аннотация. В статье рассматривается выражение статуса человека через обращение к животным. Несмотря на то, что тема репрезентации различных фрагментов картины мира с помощью анималистических метафор так или иначе уже затрагивалась исследователями концептуальных метафор, еще не все вопросы решены. Для обсуждения предлагается анализ использования метафор «волк» и «лиса» во французском басенном и паремиологическом фонде. Рассматриваются статусные характеристики репрезентированных метафорами представителей мира человека эпохи Лафонтена. Показано, что характеристики, акцентирующие через анималистические метафоры пороки французского общества XVII века могут считаться

архетипическими. Метафоры фиксируют знания человека о природе и реалиях окружающей действительности, коррелируют с мифопоэтической, религиозной и тотемической картинами мира, отражают символику человеческого бессознательного и служат основой формирования культурных кодов нации. С помощью диахронического анализа проводится сопоставление с использованием метафор «волк» и «лиса» в современном социально-экономическом и политическом дискурсах. Определен лингвопрагматический статус личности, репрезентированной когнитивной метафорой в современном французском языке. Показано, что статус, выраженный через метафору «jeune loup» противопоставляется статусу «vieux renards» по признаку различия между новым и старым, молодым и возрастным в экономике и бизнесе. Но в обоих случаях в современном языковом сознании происходит переоценка ценностей: те характеристики, которые в эпоху Лафонтена соотносились с пороками, не утратили своих архетипических признаков (наглость, хитрость, прозорливость, злость), но в современных исторических условиях произошли изменения в социальной стратификации, которые привели к изменению аксиологической окраски: амбициозность, рвение, хитрость, молодая наглость и превосходство над слабым противником, актуализированные анималистическими метафорами, являются залогом успеха в мире бизнеса и политики.

Достигнутые результаты позволяют говорить о лингвопрагматическом статусе метафоры и наметить в качестве перспективы исследование в диахроническом аспекте метафорических репрезентаций значимых фрагментов картины мира.

Ключевые слова: политический дискурс; французский язык; метафорическое моделирование; метафорические модели; анималистические метафоры; культурные коды; басни; лингвоаксиология; когнитивная лингвистика; статус человека

Для цитирования: Бородулина, Н. Ю. Выражение статуса человека через анималистическую метафору / Н. Ю. Бородулина, М. Н. Макеева. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2022. – Т. 27, № 4. – С. 22–29. – DOI: 10.51762/IFK-2022-27-04-02.

Introduction

Un homme et un animal vivent dans des mondes différents. Mais l'un et l'autre se réfèrent à des êtres vivants coexistant toujours côte à côte ce qui a motivé l'homme à comprendre le monde qui l'entoure en recourant à une métaphore animale. Le monde animal est à la base des messages codés qui fixent les connaissances de l'homme sur la nature et la réalité, il peut corrélérer avec le modèle mythopoétique et religieux du monde, il reflète le symbolisme de la conscience collective. Certains codes moraux du comportement humain et de la distinction sociale sont formés sous l'influence des métaphores animales qui ont aussi servi de base à la création du fonds culturel de la nation (contes, fables, dictons et proverbes, idiomes et comparaisons). Animalité et humanité ont été associées dans le totémisme. L'animal totémique figurant l'homme dans son milieu devient la base d'une représentation métaphorique de la société hiérarchisée [Levi-Strauss 2008].

Durant les siècles les métaphores animales ont formé «un pont conceptuel» utilisant des approches analytiques issues des sciences cognitives et des études littéraires [Hart, Long 2011]. Les humains créent les métaphores animales pour modéliser et pour représenter cognitivement d'autres agents, y compris d'autres humains. Paradoxalement, mais l'utilisation évoluée de métaphores

animales pour exprimer une relation avec l'environnement permet aux humains de «se conceptualiser en tant que non-animaux» [ibid].

En examinant les fables, par exemple, nous pouvons découvrir que les problèmes qui surgissent dans les relations entre les animaux, ainsi qu'entre les hommes et les animaux peuvent nécessiter une compréhension évolutive de nous-mêmes. La Fontaine considère que l'homme agit et se comporte souvent comme un animal et que l'humanité est un «abrégé» du monde animal [Les Fables de la Fontaine 2022].

Dans la présente recherche les métaphores animales sont considérées par les auteurs comme un moyen productif d'exprimer le statut de l'homme participant à la communication politique et commerciale. Le but de l'article consiste à présenter une analyse des bases cognitives et linguistiques de la métaphore animale représentant les qualités humaines qui sont nécessaires dans le monde contemporain pour réussir dans la carrière politique et sociale. Les métaphores tirées des textes en ligne ont été utilisées en tant que matériel illustratif pour notre étude. Cela a permis de déterminer le statut d'une personne représentée par des métaphores provenant du monde animal dans les discours socio-économiques et politiques contemporains et leur relation avec les codes culturels nationaux.

L'actualité de l'étude présentée est liée au fait que la métaphore animale est envisagée compte tenu de son environnement social et politique et exprimant le statut qu'un homme peut avoir dans ce dernier. Le statut humain qui se manifeste dans la métaphore à travers les codes culturels du monde animal permet d'identifier tout individu, en le rapportant en fonction des caractéristiques manifestées à un groupe et en l'inscrivant dans la structure sociale, politique et économique de la société.

Conformément à l'objectif fixé dans l'article, ont été choisies les méthodes: analyse descriptive, analyse comparative, analyse conceptuelle et analyse diachronique des paradigmes figuratifs.

La réalisation de l'objectif posé s'est avérée possible grâce à une base théorique présentée par les travaux qui abordent les principales notions de la linguistique cognitive y compris celle de la métaphore en tant qu'affirmation catégorique [Fauconnier, Turner 2003; Gardes-Tamine 2011; Musolf 2004], les problèmes d'interculturel, en particulier, concernant des codes, des normes et des stéréotypes liés aux représentations métaphoriques [Berezovich, Kabakova 2015; Hoarau 2010; Yurchenko 2018; Zinken 2004].

Nous comprenons le statut d'un homme comme «une situation de fait dans la société, position» [Le Robert]. Aussi nous soulignons la différence entre le concept de statut social en sociologie et la représentation linguistique du statut social. Ce dernier est interprété suivant l'analyse linguistique des significations lexicales des mots.

Interprétation du statut de l'humanité à travers l'animalité dans les fables de J. de La Fontaine

À toute époque, depuis Ésope, dans les fables, l'animal est le reflet de l'individu et de son environnement social. La fable, en utilisant des associations avec le monde animal, sert à dessiner le monde de l'homme, à lui transmettre un message moral rempli de sagesse philosophique.

Le bestiaire de J. de La Fontaine, selon de nombreuses études, est habité par des animaux non réels, bien qu'ils parlent et discutent comme des êtres vivants, font des pèlerinages, se marient et possèdent une hiérarchie semblable à celle qui existe dans le monde des hommes. Incarnant certains traits des caractères humains, les animaux forment des concepts métaphoriques ayant des ca-

ractéristiques archétypales [Borodulina, Makeeva 2021; Hoarau 2010].

Dans le bestiaire de La Fontaine, il y a un certain nombre de bêtes qui peuvent être considérées comme des ennemis de la race humaine dont les principaux sont le loup et le renard. Dans la fable «Les Compagnons d'Ulysse» le loup rappelle à l'homme qu'il n'est pas plus sanguinaire que lui:

Si j'étais Homme, par ta foi, Aimerais-je moins

le carnage?

Pour un mot quelquefois vous vous étranglez tous:

Ne vous êtes-vous pas l'un à l'autre des loups?

[Les Fables de La Fontaine]

Le loup accuse l'homme de la prédation et parle du sang que ce dernier verse pour des raisons parfois très inutiles. Il renvoie ainsi à l'homme l'accusation d'être carnassier, rappelant le sang qu'il répand pour des raisons futiles. Les hommes étant «l'un à l'autre des Loups», le loup conclut:

Que scélérat pour scélérat

Il vaut mieux être un Loup qu'un Homme.

[ibid]

La fable «Le Loup et les Bergers» repose sur le même argument. Le loup qui s'interroge sur sa mauvaise réputation et la haine qu'il inspire décide de ne plus manger d'êtres vivants. Mais il aperçoit des bergers manger un agneau:

Oh, oh, dit-il, je me reproche

Le sang de cette gent.

[Fable, Jean de La Fontaine, Le loup et les Bergers]

Le loup pense que sa voracité ne lui serait pas reprochée si les hommes n'avaient pas le pouvoir de le chasser et de le tuer, s'ils ne pouvaient lui imposer la loi du plus fort. Il s'avère que l'homme surpasse les animaux pour de nombreux vices.

Dans d'autres fables sont accentuées les caractéristiques du loup telles que la cruauté, la méchanceté, l'ingratitude, l'insolence, la ruse et la stupidité («Le Loup devenu berger», «Le Loup et l'Agneau», «Le Loup et le Cheval», «Le Loup et La Cigogne») Le loup y est présenté comme «hypocrite», «docteur», «arboriste», «cette bête cruelle». La Fontaine dote l'animal de la parole et lui attribue des attitudes et des sentiments humains. Ainsi le champ lexical de la haine est accompagné des mots qualificatifs tels que «plein de rage» et «en colère» qui font du loup un être vengeur et agressif.

La Fontaine illustre le droit du plus fort dans de nombreuses fables. Mais dans «Le Loup et le Renard» c'est déjà le renard qui s'avère plus rusé que le loup. Dans une autre fable, «Le Corbeau et le Renard», La Fontaine dénonce la flatterie ainsi que la société qui l'accepte:

Apprenez que tout flatteur

Vit aux dépens de celui qui l'écoute.

[Les Fables de la Fontaine]

Le poète met en valeur les caractéristiques du renard (surtout la ruse, la flatterie et l'habileté) en employant les mots «compère», «capitaine», «maître», «maître en fait de tromperie», «sire», «galand» («Le Corbeau et le Renard», «Le Renard et la Cygogne», «La Cour du Lion», «Le Renard et le Bouc», «Les deux Rats, le Renard et l'Oeuf») et même «scélérat» dans la fable «Le Renard anglais» où le renard est montré comme un vrai méchant. Le Renard est avide, guidé dans ses actes uniquement par les motivations personnelles. La ruse et la flatterie le conduisent aux victoires et au succès dans la société des animaux où il ne rencontre pas de réprobation. C'est le renard qui joue le premier rôle dans la logique de la justesse des mœurs créée par La Fontaine. Les mécanismes de la ruse reposent dans les fables sur l'imagination et la faculté de prévoir l'avenir. Dans la fable «Le Corbeau et le Renard» le renard loue le corbeau car il peut anticiper les effets probables que cette louange produira sur le corbeau et sait qu'en l'incitant à chanter il fera tomber le fromage convoité.

Donc, on peut constater que dans les fables de La Fontaine les bêtes héritent souvent d'un statut d'agent. Elles agissent après avoir conçu, prévu leurs actions. La façon dont La Fontaine montre les sociétés animales témoigne d'une propension évidente à mettre en scène des bêtes aptes à juger, voire à penser leur organisation sociale et politique.

Le statut de l'humanité à travers l'animalité dans les codes culturels nationaux

La position qu'occupent le loup et le renard dans le monde des animaux est corrélée au domaine du but de la métaphore animale définissant le statut d'une personne construisant des relations dans la société conformément à la loi de la force: «La raison du plus fort est toujours la meilleure» [Les proverbes]. Ce statut du plus fort

qui a toujours raison se voit également dans les proverbes français qui ont gardé les codes culturels de la nation: *Le loup plaint la brebis, et puis la mange; Sur les pas du loup l'agneau ne marche pas; Pendant que le loup chie, la brebis au bois s'enfuit; le loup a toujours des raisons afin d'égorger les moutons; Qui se fait bête le loup le mange; L'homme qui ne sait pas les ruses du renard ne doit pas être tenu pour sage; Le renard, tout rusé qu'il est, n'échappe pas à l'aigle; Encore bien que le renard change son poil, il ne change pas son naturel; Quand le renard se met à prêcher, prends garde à ta poule; À la fin le renard sera moine; Quand court le renard, le poulet a des ailes; Une poule ne se confesse pas au renard, etc.* [Proverbes français].

Dans le dictionnaire Larousse on trouve les citations de La Fontaine qui soulignent le statut du plus fort: *Quiconque est Loup, agisse en Loup; C'est le plus certain de beaucoup; le loup n'a pas tort que quand il n'est pas le plus fort* [Larousse].

Les dictionnaires français modernes fixent le sens figuré du mot «loup» utilisé pour désigner le statut d'un jeune homme ambitieux qui construit une carrière dans le domaine socio-politique ou économique: *un jeune loup – un jeune arriviste* [Le Robert]; *homme ambitieux, désireux de réussir au plus vite et par tous les moyens dans le monde de la politique ou des affaires* [Larousse]. Il y a une opinion que ces caractéristiques sont liées à la propriété inhérente de la voracité du loup: si vous voulez manger, vous avez besoin de nourriture. Au sens figuré, c'est un fort désir de faire quelque chose [Jeune loup], par exemple réussir en profession, qu'il s'agisse des affaires ou de l'économie.

Le mot «le renard» possède aussi le sens figuré dans les dictionnaires: *personne rusée, subtile. Un vieux renard.* [Le Robert]; *personne rusée et fourbe* [Larousse]. Dans Larousse il y a une citation de Napoléon Ier, empereur des Français: *«Je sais, quand il faut, quitter la peau du lion pour prendre celle du renard»* [ibid]. L'expression «C'est un vieux renard» signifie une personne que l'âge a rendue rusée. L'expression tire ses origines du «Roman de Renart» qui met en scène le fameux baron Renart, le goupil, personnage chétif et malhonnête, compensant ses faiblesses par la ruse. L'écriture a changé depuis pour s'écrire «renard» [Edilivre].

Ainsi, dans l'imaginaire collectif, le loup et le renard sont des animaux réputés insolents et rusés dont les caractéristiques ont été depuis longtemps attribuées aux hommes.

Interprétation du statut d'un homme d'affaires et d'un personnage politique à l'aide des métaphores «jeune loup» et «vieux renard»

L'analyse diachronique nous mène à l'étude de la représentation du statut d'un homme d'affaires et d'un personnage politique à travers une métaphore animale, en particulier, «jeune loup» et «vieux renard».

L'expression «jeune loup aux dents longues» désigne aujourd'hui un arriviste, une personne ambitieuse qui est prête à tout pour parvenir à ses fins. Cette expression est dérivée de celle du XIV^e siècle signifiant tout simplement «avoir faim». En politique, cette expression, a surtout été rattachée à Jacques Chirac, en 1967: *«C'est à cette époque que les "jeunes loups" de Georges Pompidou sont envoyés à l'assaut des contreforts du Massif central et de l'ouest de la France pour bouter la gauche hors de la région. Mazeaud, Dannaud, Pons, Chirac: ils ont des gueules d'hommes, costume cintré noir et blanc, cravate fine et dents longues. Ils sentent les Trente Glorieuses et font de la politique à l'ancienne. Ils rêvent de briller sur ces terres de gauche et veulent à tout prix que de Gaulle et Pompidou les remarquent. Pour ça, ils sont prêts à tout»* [Collado 2019]. L'exemple cité donne un portrait collectif des «jeunes loups» conquérant la France politique: ils sont jeunes, ambitieux, énergiques et prêts à tout. Leur avidité politique donne du dynamisme au parti qu'ils représentent. Ils ont soif de reconnaissance et de gratitude de leurs aînés et sont fascinés par les enjeux politiques qui s'ouvrent.

Dès l'apparition dans la presse du terme «jeune loup», l'expression tendit à désigner l'ensemble des «experts» – membres de cabinets ministériels et/ou hauts fonctionnaires – candidats aux législatifs sous les couleurs de la majorité, républicains indépendants compris. En février 1967, l'édition bien connue en France, «Le Nouvel Observateur», a consacré une enquête à ces *«jeunes loups qui cherchaient à conquérir les fiefs»*... [Valence 2009].

L'expression «jeunes loups» renvoyait donc à l'augmentation du nombre de hauts fonctionnaires candidats aux élections législatives. Parler des «jeunes loups» c'était désigner un ensemble de phénomènes dont les analystes et les commentateurs devinaient l'importance pour les années futures.

D'élection en élection, *«les jeunes loups» mobilisent tout le monde autour d'eux et à un moment donné leurs appétits s'aiguisent: «les crocs dehors, ces jeunes*

loups politiques qui ont tout appris durant des années aux côtés de leurs aînés, savent que personne ne leur fera de place» [Dagry 2022].

Aujourd'hui, la métaphore «jeune loup» est réanimée dans le lexique de la nouvelle course présidentielle, elle est activement utilisée pour caractériser l'équipe du candidat à la présidence d'extrême droite Eric Zemmour. Les jeunes politiciens ont une excellente formation, ils sont créatifs et ont des qualités de bons organisateurs, de plus ils animent la mobilisation en ligne, c'est-à-dire qu'ils gèrent les comptes Tiktok, Instagram et Twitter de leur champion [Verner 2021].

Les exemples tirés des ressources d'Intrenet montrent aussi quel est le statut d'une personne caractérisée comme «jeune loup» au sein de la communauté des affaires. Ce sont de jeunes dirigeants qui ont reçu une brillante éducation et qui ont des ambitions de carrière. Nombre de ces entrepreneurs sont issus des étoiles montantes du secteur high-tech américaines et sont déjà milliardaires:

«Ils ont entre 30 et 45 ans mais occupent déjà des postes de premier plan dans les grandes entreprises françaises quand ils ne les dirigent pas tout simplement. Les cercles et réseaux influents parient sur leur avenir en les adoubant "young leaders", ils ont en commun d'avoir fait de brillantes études, d'être ambitieux et d'avoir mené leur carrière tambour battant» [Les jeunes loups de l'économie française 2011].

«Le club des milliardaires prend un coup de jeune. En 2015, 46 personnes de moins de 40 ans possèdent une fortune supérieure au milliard de dollars...» [Le Bars 2015].

Le statut humain représenté par la métaphore «jeune loup» est opposé à celui du «vieux renard». Ici on voit le problème de l'opposition des styles: d'un côté un jeune loup venu d'Internet, travaillant avec précision et ayant des avantages du cadet. De l'autre côté nous voyons les affaires à l'ancienne, une riche expérience et l'impossibilité de nier l'incroyable supériorité des vieux renards. Ces derniers sont les ministres-clés, les chefs de parti, les anciens candidats à la présidentielle dont un exemple éloquent est Edouard Chevardnadze: *«Le "vieux renard du Caucase" est resté fidèle à sa réputation d'homme de la Perestroïka, compagnon de Mikhaïl Gorbatchev: le velours de la "révolution" qui l'a chassé du pouvoir n'a pas été taché de sang. Il reste que l'ancien ministre des Affaires étrangères de l'URSS, qui avait su mettre fin à la guerre froide, n'a pu se libérer*

du lourd héritage soviétique dans son propre pays: ses anciens camarades, rassemblés dans des "clans" de la nomenklatura de parti se sont adaptés à l'indépendance et la démocratie en faisant régner la corruption au point de handicaper lourdement l'économie du pays et par conséquent le niveau de vie. Et ils ont utilisé les vieilles ficelles de toujours pour obtenir aux législatives du 2 novembre un résultat devant préserver leur pouvoir» [Les renards passent, les problèmes demeurent 2003].

L'expression «un vieux renard» est attribuée dans l'exemple suivant à l'investisseur américain rusé qui profite de la concurrence pour réussir dans le domaine pharmaceutique: *«Avant la pandémie, le marché des vaccins se partageait entre quatre acteurs: les américains Pfizer et Merck, le français Sanofi et le britannique GSK. Deux ans plus tard, on connaît le vainqueur et on a une idée des perdants. En s'invitant au capital de GSK, le fonds activiste Elliott Management de Paul Singer, célèbre pour savoir tirer profit des fragilités du moment, n'a pas choisi sa proie au hasard. Le vieux renard a reniflé les faiblesses»* [Escande 2021].

Le portrait du «vieux renard» du business comprend les traits suivants – il est âgé, ambitieux et riche: *«c'est un grand des télécoms depuis bien longtemps déjà. Sur le Vieux continent, il sévit depuis quelques années avec son groupe Liberty Global, basé à Londres, qui est le champion mondial du câble. John Malone, 75 ans, toujours très discret et aux antipodes du star-système dans lequel versent parfois certains hommes d'affaires, revient pourtant régulièrement sous les projecteurs, avec des "deals" toujours plus énormes. Dernier en date: le rachat l'an dernier de Time Warner Cable, numéro deux du secteur aux Etats-Unis, par son groupe Charter pour 55 milliards de dollars. Le plus gros chèque qu'il ait jamais signé!»* [Schmitt 2016].

La définition du statut d'un homme répandu dans le monde économique et politique à travers la métaphore animale «loup» et «renard» témoigne d'un certain changement de valeurs: la force fondée sur l'effronterie, la voracité, les ambitions, la ruse incarnée dans les images du loup et du renard et classée parmi les vices qui caractérisent le monde humain de l'époque de La Fontaine, sont égales aujourd'hui à des ambitions saines et à la

garantie de la réussite. La loi du plus fort, et plus précisément celle de la jeune génération par rapport à celle âgée, dans le monde capitaliste développé a un vaste potentiel axiologique. Il s'agit des changements dans la stratification sociale liés aux particularités des transformations socio-politiques et économiques du développement historique et correspondant aux nouveaux critères des valeurs qui n'ayant pas complètement perdu les caractéristiques archétypales initiales, ont subi une réévaluation des estimations dans les conditions contemporaines.

Conclusion

À la suite de la recherche effectuée, nous avons les conclusions suivantes:

- les métaphores cognitives animales expriment le statut de l'homme participant à la communication politique et commerciale suivant les codes culturels nationaux;
- les métaphores «loup» et «renard» sont les plus employées dans les fables de J. de La Fontaine pour représenter les relations humaines construites à la base de la loi de la force;
- dans le fonds parémiologique de la langue française sont accentuées les caractéristiques archétypales des métaphores «loup», «renard», révé- lées dans les fables de J. de La Fontaine;
- dans le discours socio-économique et politique de nos jours on voit une opposition des statuts des générations représentées par les images du jeune loup et du vieux renard. Dans les deux cas à la suite de la réévaluation des valeurs les qualités humaines telles que l'ambition, le zèle, la finauderie, l'insolence, la supériorité sur les faibles, la ruse, la méchanceté servent à aboutir à la réussite. Que ce soient les vieux renards ou les jeunes loups, ils ont vocation à occuper les terrains politiques et économiques, ainsi que médiatiques et électoraux, et à être les têtes d'affiche lors des élections présidentielles.

Les résultats obtenus dans notre recherche suggèrent d'autres perspectives des études des phénomènes de la métaphore en diachronie s'inscrivant dans les représentations actuelles de l'image du monde et de ses fragments.

Литература

Бородулина, Н. Ю. Архетипические характеристики зооморфных метафор: от Ж. де Лафонтена и И. А. Крылова к современному употреблению в русском и французском языках / Н. Ю. Бородулина, М. Н. Макеева // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2021. – № 2. – С. 65–79.

Berezovich, E. Stéréotypes du «russe» et du «français»: regards croisés» / E. Berezovich, G. Kabakova. – Texte : électronique // *Revue des études slaves*. – 2015. – LXXXVI-4. – URL: <http://journals.openedition.org/res/740> (mode d'accès: 24.01.2022).

Collado, J. En 1967, le «jeune loup» Chirac construit sa légende corrézienne / J. Collado. – URL: <http://www.slate.fr/story/124133/politique-histoire-jacques-chirac-conquete-correze-ussel-election> (mode d'accès: 24.01.2022). – Texte : électronique.

Dagry, M. La stratégie du jeune Loup politique / M. Dagry. – Texte : électronique // *Fratmat.info*. – 2022. – URL: <https://www.fratmat.info/article/61136/Focus/la-strategie-du-jeune-loup-politique> (mode d'accès: 24.01.2022).

Edilivre. – 2022. – URL: <https://www.edilivre.com/actualite/l'expression-de-la-semaine/> (mode d'accès: 24.01.2022). – Texte : électronique.

Escande, Ph. Elliott Management, le vieux renard dans la pharmacie GSK / Ph. Escande. – Texte : électronique // *Le Monde*. – 2021. – URL: https://www.lemonde.fr/economie/article/2021/04/16/elliott-management-le-vieux-renard-dans-la-pharmacie-gsk_6077011_3234.html (mode d'accès: 24.01.2022).

Fable, Jean de La Fontaine, Le loup et les Bergers. – 2022. – URL: <http://www.la-fontaine-ch-thierry.net/louberge.htm> (mode d'accès: 24.01.2022). – Texte : électronique.

Fauconnier, G. The way we think: conceptual blending and the mind's hidden complexities / G. Fauconnier, M. Turner. – New York : Basic Books, 2003. – 464 p.

Gardes-Tamine, J. Au coeur du langage. La métaphore / J. Gardes-Tamine. – Paris : Honoré champion, 2001. – 258 p.

Hart, K. R. Animal Metaphors and Metaphorizing Animals: An Integrated Literary, Cognitive, and Evolutionary Analysis of Making and Partaking of Stories / K. R. Hart, J. H. Long // *Evo Edu Outreach*. – 2011. – N° 4. – P. 52–63.

Hoarau, F. Entre anthropologie et politique: les animaux de La Fontaine / F. Hoarau ; Éditions de la Sorbonne. – 2010. – URL: <https://books.openedition.org/psorbonne/17529> (mode d'accès: 24.01.2022). – Texte : électronique.

Jeune loup. – 2022. – URL: <https://savour.eu/portfolio/jeune-loup/> (mode d'accès: 24.01.2022). – Texte : électronique.

Larousse. – 2022. – URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/> (mode d'accès: 24.01.2022). – Texte : électronique.

Le Bars, Th. Ces jeunes loups du business qui sont déjà milliardaires / Th. Le Bars. – Texte : électronique // *Capital*. – 2015. – URL: <https://www.capital.fr/economie-politique/ces-jeunes-loups-du-business-qui-sont-deja-milliardaires-1016933> (mode d'accès: 24.01.2022).

Le Robert. – 2022. – URL: <https://www.lerobert.com/dictionnaires/francais>. (mode d'accès: 24.01.2022). – Texte : électronique.

Les Fables de la Fontaine. – 2022. – URL: <http://www.lesfables.fr/> (mode d'accès: 24.01.2022). – Texte : électronique.

Les jeunes loups de l'économie française. – 2011. – URL: <https://www.journaldunet.com/economie/magazine/1095571-les-jeunes-loups-de-l-economie-francaise/> (mode d'accès: 24.01.2022). – Texte : électronique.

Les proverbes. – 2022. – URL: <https://les-proverbes.fr/site/proverbes/la-raison-du-plus-fort-est-toujours-la-meilleure/> (mode d'accès: 24.01.2022). – Texte : électronique.

Les renards passent, les problèmes demeurent. Ledevoir. – 2003. – URL: <https://www.ledevoir.com/monde/41299/les-renards-passent-les-problemes-demeurent> (mode d'accès: 24.01.2022). – Texte : électronique.

Levi-Strauss, C. Structural Anthropology / C. Levi-Strauss. – New York : Basic Books, 2008. – 352 p.

Musolff, A. Metaphor and conceptual evolution / A. Musolff // *Metaphorik.de*. – 2004. – N° 7. – P. 55–75.

Proverbes français. – 2022. – URL: <https://www.proverbes-francais.fr/proverbes/> (mode d'accès: 24.01.2022). – Texte : électronique.

Schmitt, F. Qui est John Malone, le vieux renard de la télé câblée? / F. Schmitt. – Texte : électronique // *Les Echos*. – 2016. – URL: <https://www.lesechos.fr/2016/09/qui-est-john-malone-le-vieux-renard-de-la-tele-cablee-213819> (mode d'accès: 24.01.2022).

Valence, D. 1967: l'opération des «jeunes loups» ou les débuts politiques de Jacques Chiracans / D. Valence. – Texte : électronique // *Parlement[s]*, *Revue d'histoire politique*. – 2009. – URL: <https://www.cairn.info/revue-parlements1-2009-3-page-22.htm> (mode d'accès: 24.01.2022).

Verner, R. Jeunes loups, collectifs... qui sont les personnalités qui préparent la candidature Zemmour? / R. Verner. – Texte : électronique // *BFMTV*. – 2021. – URL: https://www.bfmtv.com/politique/elections/presidentielle/jeunes-loups-collectifs-qui-sont-les-personnalites-qui-preparent-la-candidature-zemmour_AV-202107080265.html (mode d'accès: 24.01.2022).

Yurchenko, Yu. Les stéréotypes linguistiques et les expressions au sens métaphorique / Yu. Yurchenko // *Cahiers d'études romanes*. – 2018. – N° 36. – P. 267–303.

Zinken, J. (2004). Metaphors, stereotypes, and the linguistic – of the world: Impulses from the Ethnolinguistic School of Lublin / J. Zinken // *Metaphorik.de*. – 2004. – N° 07. – P. 115–136.

References

Berezovich, E., Kabakova, G. (2015). Stéréotypes du «russe» et du «français»: regards croisés». In *Revue des études slaves*. LXXXVI-4. URL: <http://journals.openedition.org/res/740> (mode d'accès: 24.01.2022).

Borodulina, N. Yu., Makeeva, M. N. (2021). Arkhetipicheskie kharakteristiki zoomorfnykh metafor: ot Zh. de Lafontena i I. A. Krylova k sovremennomu upotrebleniyu v russkom i frantsuzskom yazykakh [Archetypical Characteristics of Zoomorphic Metaphors: From J. de La Fontaine and I.A. Krylov to Modern Use in Russian and French]. In *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*. No. 2, pp. 65–79.

Collado, J. (2019). *En 1967, le «jeune loup» Chirac construit sa légende corrézienne*. URL: <http://www.slate.fr/story/124133/politique-histoire-jacques-chirac-conquete-correze-ussel-election> (mode d'accès: 24.01.2022).

- Dagry, M. (2022). La stratégie du jeune Loup politique. In *Fratmat.info*. URL: <https://www.fratmat.info/article/61136/Focus/la-strategie-du-jeune-loup-politique> (mode d'accès: 24.01.2022).
- Edilivre*. (2022). URL: <https://www.edilivre.com/actualite/lexpression-de-la-semaine/> (mode d'accès: 24.01.2022).
- Escande, Ph. (2021). Elliott Management, le vieux renard dans la pharmacie GSK. In *Le Monde*. URL: https://www.lemonde.fr/economie/article/2021/04/16/elliott-management-le-vieux-renard-dans-la-pharmacie-gsk_6077011_3234.html (mode d'accès: 24.01.2022).
- Fable, Jean de La Fontaine, Le loup et les Bergers*. (2022). URL: <http://www.la-fontaine-ch-thierry.net/louberge.htm> (mode d'accès: 24.01.2022).
- Fauconnier, G., Turner, M. (2003). *The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities*. New York, Basic Books. 464 p.
- Gardes-Tamine, J. (2001). *Au cœur du langage. La métaphore*. Paris, Honoré champion. 258 p.
- Hart, K. R., Long, J. H. (2011). Animal Metaphors and Metaphorizing Animals: An Integrated Literary, Cognitive, and Evolutionary Analysis of Making and Partaking of Stories. In *Evo Edu Outreach*. No. 4, pp. 52–63.
- Hoarau, F. (2010). *Entre anthropologie et politique: les animaux de La Fontaine* / Éditions de la Sorbonne. URL: <https://books.openedition.org/psorbonne/17529> (mode d'accès: 24.01.2022).
- Jeune loup*. (2022). URL: <https://savour.eu/portfolio/jeune-loup/> (mode d'accès: 24.01.2022).
- Larousse*. (2022). URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/> (mode d'accès: 24.01.2022).
- Le Bars, Th. (2015). Ces jeunes loups du business qui sont déjà milliardaires. In *Capital*. URL: <https://www.capital.fr/economie-politique/ces-jeunes-loups-du-business-qui-sont-deja-milliardaires-1016933> (mode d'accès: 24.01.2022).
- Le Robert*. (2022). URL: <https://www.lerobert.com/dictionnaires/francais>. (mode d'accès: 24.01.2022).
- Les Fables de la Fontaine*. (2022). URL: <http://www.lesfables.fr/> (mode d'accès: 24.01.2022).
- Les jeunes loups de l'économie française*. (2011). URL: <https://www.journaldunet.com/economie/magazine/1095571-les-jeunes-loups-de-l-economie-francaise/> (mode d'accès: 24.01.2022).
- Les proverbes*. (2022). URL: <https://les-proverbes.fr/site/proverbes/la-raison-du-plus-fort-est-toujours-la-meilleure/> (mode d'accès: 24.01.2022).
- Les renards passent, les problèmes demeurent. Ledevoir*. (2003). URL: <https://www.ledevoir.com/monde/41299/les-renards-passent-les-problemes-demeurent> (mode d'accès: 24.01.2022).
- Levi-Strauss, C. (2008). *Structural Anthropology*. New York, Basic Books. 352 p.
- Musolf, A. (2004). Metaphor and Conceptual Evolution. In *Metaphorik.de*. No. 7, pp. 55–75.
- Proverbes français*. (2022). URL: <https://www.proverbes-francais.fr/proverbes/> (mode d'accès: 24.01.2022).
- Schmitt, F. (2016). Qui est John Malone, le vieux renard de la télé câblée? In *Les Echos*. URL: <https://www.lesechos.fr/2016/09/qui-est-john-malone-le-vieux-renard-de-la-tele-cablee-213819> (mode d'accès: 24.01.2022).
- Valence, D. (2009). 1967: l'opération des «jeunes loups» ou les débuts politiques de Jacques Chiracans. In *Parlement[s], Revue d'histoire politique*. URL: <https://www.cairn.info/revue-parlements1-2009-3-page-22.htm> (mode d'accès: 24.01.2022).
- Verner, R. (2021). Jeunes loups, collectifs... qui sont les personnalités qui préparent la candidature Zemmour? In *BFMTV*. URL: https://www.bfmtv.com/politique/elections/presidentielle/jeunes-loups-collectifs-qui-sont-les-personnalites-qui-preparent-la-candidature-zemmour_AV-202107080265.html (mode d'accès: 24.01.2022).
- Yurchenko, Yu. (2018). Les stéréotypes linguistiques et les expressions au sens métaphorique. In *Cahiers d'études romanes*. No. 36, pp. 267–303.
- Zinken, J. (2004). Metaphors, Stereotypes, and the Linguistic – of the World: Impulses from the Ethnolinguistic School of Lublin. In *Metaphorik.de*. No. 07, pp. 115–136.

Данные об авторах

Бородулина Наталия Юрьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации, Тамбовский государственный технический университет (Тамбов, Россия).

Адрес: 392000, Россия, Тамбов, ул. Советская, 106.
E-mail: nat-dorodulina@yandex.ru.

Макеева Марина Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации, Тамбовский государственный технический университет (Тамбов, Россия).

Адрес: 392000, Россия, Тамбов, ул. Советская, 106.
E-mail: marnikma@inbox.ru.

Authors' information

Borodulina Natalia Yuryevna – Doctor of Philology, Professor of Department of Foreign Languages and Professional Communication, Tambov State Technical University (Tambov, Russia).

Makeeva Marina Nikolaevna – Doctor of Philology, Professor of Department of Foreign Languages and Professional Communication, Tambov State Technical University (Tambov, Russia).

СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЛИНГВИСТИКИ



УДК 811.161.1'42. DOI 10.51762/1FK-2022-27-04-03. ББК Ш141.12-51. ГРНТИ 16.21.33.
Код ВАК 10.02.19 (5.9.8)

ДИСКУРСИВНАЯ СЕМАНТИКА: ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ

Орлова Н. В.

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1761-4765>

Бутакова Л. О.

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3210-2311>

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о сущностных признаках и способах описания семантики дискурса, понимаемого как массив текстов, который сформирован ценностной (идеологической в широком смысле) позицией речевого субъекта. Сформулированы положения, связывающие дискурсивную семантику с миром действительности, интерпретаторами, материальным субстратом, типами знания, формой объективации. Представлена точка зрения, согласно которой дискурсивная семантика выражает идентичности, соотносится с миром идей, ценностей; интерпретируется с определенных идеологических позиций; манифестируется множеством реальных и потенциальных текстов, соотносимых на основе интертекстуальности; включает языковые и неязыковые знания; выражается преимущественно имплицитно. Новизна работы видится в уточнении онтологических аспектов дискурсивной семантики, создающих теоретические предпосылки для ее реконструкции. Подчеркивается, что маркеры дискурсивных значений в текстах разнородны, вариативны, что делает продуктивным эвристический путь их описания. Обосновывается валидность сопоставительного анализа, основанного на идее «дискурс – альтернативный мир». Продемонстрирован опыт реконструкции дискурсивных значений на основе диахронного сопоставления. Актуальность исследования обусловлена тем, что состояние обсуждаемой проблемы характеризуется множественными конкретными наблюдениями, нуждающимися в рефлексии и обобщении.

Ключевые слова: дискурс; семантика дискурса; дискурсивная семантика; тексты; интертекстуальность; идеология; национальная идентичность; маркеры семантики; вариативность маркеров

Для цитирования: Орлова, Н. В. Дискурсивная семантика: онтологические основания и опыт реконструкции / Н. В. Орлова, Л. О. Бутакова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2022. – Т. 27, № 4. – С. 30–37. – DOI: 10.51762/1FK-2022-27-04-03.

DISCURSIVE SEMANTICS: ONTOLOGICAL FOUNDATIONS AND THE EXPERIENCE OF RECONSTRUCTION

Natalia V. Orlova

Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1761-4765>

Larisa O. Butakova

Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3210-2311>

Abstract. The article considers the issue of essential features and ways of describing the semantics of discourse understood as an array of texts, which is formed by the value-based (ideological in a broad sense) position of the speaking subject. The study formulates the principles linking discursive semantics with the world of reality, interpreters, material substrate, types of knowledge, and a form of objectification. The authors presented a point of view according to which discursive semantics is an expression of identity, and correlates with the world of ideas and values; is interpreted from certain ideological positions; is manifested by a multitude of real and potential texts correlated with each other on the basis of intertextuality; includes linguistic and non-linguistic knowledge; and has predominantly implicit modes of expression. The novelty of the work lies in the clarification of ontological aspects of discursive semantics that create theoretical prerequisites for its reconstruction. The heterogeneity of markers of discursive meanings in texts and their variability is fundamentally important, since this makes the heuristic way of describing them productive. The study has substantiated the validity of comparative analysis based on the idea of “discourse as an alternative world”. The article demonstrates the experience of reconstructing discursive meanings on the basis of diachronic comparison. The urgency of the study can be attributed to the fact that the state of the problem under discussion is characterized by separate observations that need systemic reflection and generalization.

Keywords: discourse; semantics of discourse; discourse semantics; texts; intertextuality; ideology; national identity; semantic markers; marker variability

For citation: Orlova, N. V., Butakova, L. O. (2022). Discursive Semantics: Ontological Foundations and the Experience of Reconstruction. In *Philological Class*. Vol. 27. No. 4, pp. 30–37. DOI: 10.51762/1FK-2022-27-04-03.

1. Введение

В качестве исходных позиций для описания дискурсивной семантики выделим несколько положений, которые отражают разные грани самого дискурса. Публикации последних лет свидетельствуют о том, что дискурс продолжает рассматриваться как текст в связи с ситуативным контекстом [Одинцова 2018], как совокупность тематически / содержательно соотнесенных текстов [Мишанкина и др. 2020]; как способ видения мира, наряду с другими (альтернативными) способами [Полулях 2017]; как социально-коммуникативный и когнитивно-коммуникативный феномен [Карасик 2015; Маенаенко 2018; Чернявская 2021].

Существенными признаками дискурса являются такие связанные друг с другом признаки, как полевое устройство, множество критериев выделения, нежесткая системность дискурсивного пространства [Владимирова 2021; Лиханов 2018]. Так, на примере экскурсионно-

го дискурса М. В. Лиханов убедительно показывает, что экскурсионный дискурс – тип туристического по коммуникативным параметрам (передача знаний о культурных, природных, исторических местах от более осведомленного адресанта к адресату), научно-популярный по способу представления знания; искусствоведческий или исторический по тематическому типу, рекламный, поскольку одной из целей говорящего является реклама места, и т. д. Важнейшим и общепризнанным свойством дискурса является наличие правил, ограничительных, которые придают ему такое качество, как регулятивность. В диссертационном исследовании В. А. Егошкиной доказывается тезис, что в радиальном развлекательном дискурсе нельзя углубляться ни в одну тему, поскольку «не ставится задача повлиять на мировоззрение аудитории» [Егошкина 2019: 6].

Уточняя проблематику статьи, важно отметить, что она сосредоточена на семантике

дискурса, формируемого массивом текстов. Смыслообразование в дискурсе, понимаемом как процесс речепорождения, как конкретный коммуникативный акт [Макаров 2003; Межличностная... 2011], не является объектом нашего внимания.

Проблема семантики дискурса имеет несколько аспектов. Важно выяснить, какая информация о действительности транслируется в дискурсе; кто ее порождает и интерпретирует; каков ее материальный носитель; какие типы знания передаются и воспринимаются; каков способ существования семантики данного типа; какие подходы к анализу семантики дискурса отвечают ее природе.

2. Мир дискурса и его интерпретаторы

Дискурсы информируют об идеологиях, идентичностях, ценностях социальных групп [Dijk 1995; Fairclough 1992; Степанов 1995 и др.]. Соответствующие сведения составляют, по выражению И. М. Кобозевой, «мир дискурса» [Кобозева 2000: 58]. Термин, который исследовательница предложила для обозначения денотата языкового выражения, представляется уместным применить к дискурсу, рассматриваемому в соотношении с внеязыковой реальностью. При этом нуждается в уточнении понятие идеологии. В дискурс-анализе идеологию не рассматривают как отрефлексированную систему идей правящих элит. Согласно П. Серию, это «любой языковой и – еще шире – любой семиотический факт, который интерпретируется в свете социальных интересов и в котором узакониваются социальные значимости в их исторической обусловленности» [Квадратура... 1999: 20]. Подобным образом трактует проблему «идеология и дискурс» Т. ван Дейк, позиция которого глубоко проанализирована в обзорной статье В. И. Герасимова [Герасимов 2003]. По Т. ван Дейку, «идеологии – комплексы (системы) фундаментальных (базисных) представлений (beliefs) конкретных социальных групп и входящих в них индивидов» (цит. по [Герасимов 2003: 74]). Таким образом, в идеологии существенна, во-первых, ее неразрывная связь с системой ценностей определенных социокультурных сообществ (которая, в свою очередь, определяет их идентичность); во-вторых, ее семиотическая представленность. В данной трактовке понятие идеологии

закрепилось в отечественных исследованиях дискурса, иллюстрацией чего является определение, данное в одной из диссертационных работ последнего десятилетия: «Идеология – это интегрирующая, нейтральная по своей сути система ценностей и ориентиров, которая воплощается в знаках семиотических систем языка и мифа (по Р. Барту) и позволяет членам одной лингвокультурной общности функционировать как единое целое» [Канашук 2012: 13].

Из сказанного следует, что семантика дискурса определяется тем, какие социальные группы ее порождают и, что не менее важно, интерпретируют. Далее рассмотрим пример, который, как и последующие, обозначен символом ДМ (ДМ – дискурсивный маркер) и снабжен порядковым номером. Актриса С. Крюкова в одном из интервью вспоминала, как в детском саду (а она ходила в детский сад КГБ, где работал ее отец) выучила стихотворение:

«Я сижу на вишенке
Не могу накушаться.
Дядя Сталин говорит:

– *Надо маму слушаться*» (ДМ-1) (<https://www.sovsekretno.ru>).

В официальном политическом дискурсе советского времени стихотворение отражает идентичность социальной группы «идеологи партии», для которой контроль над всеми сторонами жизни со стороны партии и ее вождей является ценностью. Но уже в советское время это стихотворение (с вариантами «*дядя Сталин*» и «*дядя Ленин*») и ему подобные встраивались в иной дискурс – иронический по отношению к официальной идеологии, высмеивающий тотальный «патронаж». Прецедентом является, например, такое высказывание поэта Ю. Влодова: «*Ушла зима, настало лето, спасибо партии за это*» (ДМ-2). В подобных текстах ценность превращалась в антиценность, транслировалась идентичность идейного оппозиционера и/или «кухонного» пересмешника.

3. Формы и способы функционирования дискурсивной семантики

Дискурсивная семантика выражена множеством текстов – как реальных, уже существующих, так и потенциальных; внутри этого множества выделяется текстовая категория **интертекстуальности** как непосредственный субстрат дискурсивного значения. В качестве

иллюстрации приведем интертекстуальные знаки «дискурса границ», сформированного текстами популярной психологии. На психологических сайтах для широкого адресата проводятся аналогии между внутренним миром человека и такими сущностями, относительно которых естественно говорить о границах в прямой или косвенной форме. В следующей группе высказываний маркеры дискурса границ, в том числе метафорического плана, выделены шрифтом: *На физиологическом уровне мудрость нашего тела ясно понимает необходимость **ограничений**. У каждой клетки есть **стенки**, отделяющие ее от мира... Это **охраняемые двери**, но если клетка чувствует, что посетитель принесет ей пользу, она их открывает. Если же посетитель опасен – **дверь** останется закрытой* (Психологи на b17.ru); *Все дело в **границах**. Дом это наша душа, символ такой... Поэтому самая первая задача каждого – привести свой дом в порядок... Поставить вокруг **забор**, на калитке сделать **замок**. **Дверь** сделать хорошую, надежную, окна если разбиты починить, занавесочки новые повесить. И конечно смотреть, кого Вы в свой **дом** пускаете* (<https://pikabu.ru/story/>); *Личные **границы** в отношениях – как **сигнальные флажки**. Они помогают нам двигаться вместе и избегать аварий* (ДМ-3) (<https://www.psychologies.ru>).

Для дискурсивной семантики релевантно как языковое содержание, так и знания о мире (социокультурные, энциклопедические). Сочетание **двух типов знания** отчетливо иллюстрирует дискурс так называемого реверсивного, или обратного, расизма. Дискурс реверсивного расизма проявился в слогане и названии движения «Black Lives Matter» (BLM), его программе, опубликованной в 2016 году, – то есть имел языковое содержание (ДМ-4). С другой стороны, эти дискурсивные процессы происходили на фоне политических или политизируемых событий. После гибели от рук полицейских чернокожего американца Джорджа Флойда в мае 2020 года Америку захлестнули протесты, погромы, грабежи магазинов и т. д.; на футбольных матчах протест против расизма, в знак поддержки BLM, стали выражать символическим жестом «вставание на колено». Профессора Калифорнийского университета Периса уволили за то, что он, будучи белым, прочитал письмо Мартина Лютера Кинга с запретным словом «Negro», а сценариста и продюсера

сериала «Закон и порядок» Крейга Гора уволили из сериала за сообщение в Facebook о том, что он будет защищать свою собственность от тех, кто грабит магазин рядом с его домом. Палата представителей конгресса США одобрила законопроект, названный в честь погибшего Флойда. С другой стороны, сборная России на Евро-2021 отказалась преклонять колено; то же делали отдельные судьи и игроки, а манифест BLM обсуждался в том числе с критических позиций (ДМ-5). Все эти события попали в медийное пространство, стали дискурсивными.

Выражение дискурсивной семантики, как следует из вышесказанного, не исключает языковой экспликации идеологических смыслов. Вместе с тем следует подчеркнуть, что способ ее манифестации – **преимущественно имплицитный**, что отмечено в научной литературе [Чернявская 2014]. Яркий подтверждающий пример находим в сопоставлении русскоязычного инструктивного дискурса разных исторических периодов в вышеуказанном исследовании С. А. Канащук. Показано, что смена институтов власти (государство, затем корпорация) имела такие последствия, как включение в тексты элементов личностно ориентированного общения, научно-популярного стиля речи; влияние транснациональных корпораций сказалось на стандартизации синтаксиса и т. д. [Канащук 2012].

4. Проблема реконструкции

Вариативность маркеров дискурсивной семантики не исключает поиск единиц и приемов, наиболее пригодных для ее выражения. Н. Фэркло, обращаясь к дискурс-анализу текста, делает акцент на выборе слов, метафор, в грамматике выделяет транзитивность (кто несет ответственность за событие), модальность (важно, когда интерпретация подается как факт); ставит вопросы: «Кто определяет тему? Как сконструированы идентичности?» [Fairclough 1992]. Т. ван Дейк, утверждая, что идеологические представления могут получить выражение практически во всех структурах устной или письменной речи, полагает, однако, что семантические и стилистические структуры более подвержены идеологическому воздействию, чем морфологические, словообразовательные или собственно синтаксические [Dijk 1995].

В реальности выявление дискурсивной семантики текста (и текстов) зачастую происходит без какого-либо алгоритма или матрицы. Ю. С. Степанов видит «особый мир дискурса» в тех текстах, «за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика» [Степанов 1995: 38]. Можно полагать, что этот особый характер языка устанавливается эвристически. Эвристическим путем В. Е. Чернявская предлагает определить в конкретном тексте, «какие языковые и композиционные единицы оказываются прагматически сфокусированными», с тем чтобы на следующих этапах анализа соотнести эти смыслы с «духом времени» и выявить содержательно однородные тексты, «обеспечивающие приращение смысла внутри одной дискурсивной формации» [Чернявская 2014: 89].

С нашей точки зрения, процедура реконструкции дискурсивной семантики должна опираться на ее онтологические особенности (показанные в рубриках 2–3 и проиллюстрированные серией дискурсивных маркеров ДМ-1 – ДМ-5). Теоретические предпосылки процедуры можно представить в виде следующих исследовательских установок:

1. Исходной точкой анализа является текст, транслирующий информацию о ценностях и идентичности субъекта речи (ДМ-1).

2. Продуктивным следует считать сопоставление дискурсов, в том числе по ретроспективному вектору, в силу того что дискурсы – альтернативные способы видения мира (ДМ-1, ДМ-2).

3. Реконструкция дискурсивной семантики осуществляется на основе теории интертекстуальности (ДМ-3).

4. Блоки социальной информации принимаются во внимание исключительно «в связке» с вербальными репрезентациями дискурса (ДМ-4, ДМ-5).

5. Формальные методы описания (ДМ-3) сочетаются с интерпретативным подходом, поскольку дискурсивная семантика основана не только на языковых значениях, но и на знаниях о мире (ДМ-1 – ДМ-5).

5. Анализ по вариативным параметрам

Вследствие всего перечисленного маркеры дискурсивной семантики не заданы априори,

вариативны. Для реконструкции идентичности субъектов дискурса, их идеологии, ценностей, то есть того, что мы определяем как дискурсивную семантику, имеет значение наличие, отсутствие, частотность употребления тех или иных средств. При этом направление поиска маркеров является герменевтической процедурой. В одних случаях релевантность речевого факта очевидна, в других она открывается в виде догадки и, далее, ее верификации в процессе исследования интертекстуальных связей. Покажем это на двух далеких друг от друга дискурсах.

Дискурс сторонников уже упоминавшегося реверсивного расизма в западных странах утверждает вину одной (белой, европеоидной) расы перед другой (негроидной) и необходимость «заглаживания» вины. Маркером является значимое отсутствие отдельных слов и групп слов в результате переименования или отказа. Из ранее опубликованных литературных произведений устраняется слово «негр»: «negro» заменено на «slave» («раб») в книгах Марка Твена «Приключения Гекльберри Финна» и «Приключения Тома Сойера», изданных в США в 2011 году; «Ils étaient 10» («Их было 10») – новое название книги «Десять негритят» А. Кристи, предложенное в 2020 году для переиздания во Франции (ДМ-6). Среди ценностей – не единый идеал красоты, что актуально для текстов на этикетках товаров по уходу за кожей. Из описания продукции в текстах компаний L'Oréal (Франция), Unilever (Нидерланды) удаляются слова со значением белого, светлого, осветляющего (ДМ-7). В данном случае способ выражения идеологических смыслов достаточно очевиден.

Русскоязычный образовательный дискурс выражает разные идентичности и ценности субъектов, но обнаружить это оказалось возможным лишь в результате специального исследования, проведенного одним из авторов статьи [Орлова 2015]. Сопоставлялись приказы по университету, созданные в разные периоды советской (1970-е – 1980-е годы) и российской (2010-е годы) истории. Методика анализа была основана на сопоставлении языковых и тексто-композиционных воплощений одних и тех же смысловых и формальных компонентов в текстах предположительно разных дискурсов. На двух хронологических

срезах фиксировалось, в частности, как заполняются и функционируют такие позиции, как предметная область «высшее образование», предметная область «документный текст», «обозначения адресата приказа». Ответ на вопрос «дискурс кого (чей)?» обнаружил сдвиг идентичностей: дискурс работников системы высшего образования на первом хронологическом срезе трансформировался в дискурс субъектов административно-управленческой системы на втором срезе. Сдвиг идентичностей выразился в номинации адресатов. Если в 70-е – 80-е гг. последние обозначались как *декан, заведующий кафедрой, доцент, профессор, преподаватель кафедры, преподаватель, студент*, то в 2010-е – *руководители структурных подразделений, обучающиеся*, то есть как сотрудники и клиенты учреждения (ДМ-8). Дрейф документа в сторону административного дискурса выразился также в обозначении предметной области «высшее образование», где произошло размытие смыслов, связанных с вузовским обучением: вместо *факультета – структурное подразделение*, вместо *зачета и экзамена – промежуточная аттестация* (ДМ-9). Не совпали и ответы на вопрос «что ценно?». На втором хронологическом срезе, в отличие от первого, выражена идея ценности документа: предстоящая ситуация ознакомления сотрудников с документом эксплицируется выражениями «*под роспись*», «*с указанием даты*»; кроме того, названия документов пишутся с прописной буквы (ДМ-10). Здесь выявление дискурсивной семантики потребовало интерпретативных усилий, поскольку она не выражена на уровне ядра лексических значений.

6. Заключение

Обобщение научных сведений о дискурсивной семантике и способах ее описания, а также собственная рефлексия над данной проблемой выстраивается в следующую систему суждений.

Ключевыми моментами описания семантики дискурса являются ответы на следующие вопросы:

- (1) дискурс кого (чей)?
- (2) какие идеи для него значимы, что ценно?
- (3) каковы маркеры идентичностей, идей, ценностей в текстах?

Принципиально важно, что дискурсы гетерогенны по своей природе. Они представляют собой в равной степени ментальные, коммуникативные и социальные феномены. Отдельные тексты, продукты речепорождения и дискурсивные практики как их совокупность вербализуют социальные практики. Соответственно, семантика дискурса формируется языковыми значениями с опорой на фоновые знания и неречевые действия; с точки зрения адресата лингвистические маркеры «опознаются» в той или иной степени благодаря социальным знаниям и социальным практикам.

Для анализа дискурсивной семантики в принятом понимании не имеют значения жанровые и тематические характеристики текстов, а также их принадлежность к тому или иному институциональному дискурсу. Идентичность и ценностная позиция субъекта речи может проявиться в широком спектре социально-коммуникативных ситуаций и речевых жанров. Отсюда неслучайна «разрозненность» речевого материала ДМ-1 – ДМ-10, составившего фактографическую основу исследования.

Предложенная методика реконструкции дискурсивной семантики не относится к алгоритмизованным процедурам. Сформулированные выше теоретические предпосылки и исследовательские установки могут быть реализованы в последовательности «текст → интертекст → социальная практика», или «текст и интертекст одной эпохи → текст и интертекст другой эпохи», или «социальная практика → текст и интертекст».

Анализ семантики дискурса по вариативным и как бы «случайным» параметрам текста отвечает нескольким общим идеям дискурс-анализа: трактовке дискурса как альтернативного способа говорения, имплицитности дискурсивной семантики, сочетанию герменевтических процедур с формальными. Говорить о случайности параметров в конкретных случаях было бы не совсем правильно. На вопрос об их выборе можно ответить следующим образом: он осуществлялся «челночным» методом, в частности от текстов – к гипотезам о том, что в них выражает дискурсивную семантику, и, далее, к верификации гипотез. Верификация признается состоявшейся при наличии совокупности (не единичности) маркеров.

Источники

<https://www.sovsekretno.ru/articles/v-kazhdom-vozraste-svoi-prelesti/>
https://ru.wikipedia.org/wiki/Влодов,_Юрий_Александрович
<https://www.b17.ru/article/7364/>
https://pikabu.ru/story/granitsyi_v_otnosheniyakh_kak_sdelat_tak_chtobyi_vam_ne_plevali_v_dushu_7693077
<https://www.psychologies.ru/articles/gde-prolegayut-granitsyi-v-zdorovyih-otnosheniyah-i-kak-ih-stroit/>

Литература

- Владимирова, С. Б. Судебно-медицинская экспертиза в дискурсивном аспекте : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Владимирова С. Б. – Новосибирск, 2021. – 24 с.
- Герасимов, В. И. Идеология и дискурс в работах Т. А. ван Дейка (реферативный обзор) / В. И. Герасимов // Политическая наука. – 2003. – № 4. – С. 73–84.
- Егошкина, В. А. Русский развлекательный радиный дискурс : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Егошкина В. А. – Омск, 2019. – 23 с.
- Канащук, С. А. Инструктивный дискурс IT корпораций: социолингвистический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Канащук С. А. – Томск, 2012. – 23 с.
- Карасик, В. И. Дискурс / В. И. Карасик // Дискурс-Пи. – 2015. – № 3–4 (20–21). – С. 147–148.
- Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса : пер. с фр. и португ. / общ. ред. и вступ. ст. П. Серрио ; предисл. Ю. С. Степанова. – Москва : ОАО ИГ «Прогресс», 1999. – 416 с.
- Кобозева, И. М. Лингвистическая семантика : учебник / И. М. Кобозева. – Москва : Эдиториал УРСС, 2000. – 350 с.
- Лиханов, М. В. Речевой жанр экскурсионной метки: коммуникативно-прагматический аспект : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Лиханов М. В. – Кемерово, 2018. – 184 с.
- Макаров, М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – Москва : Гнозис, 2003. – 276 с.
- Манаенко, Г. Н. Дискурс как когнитивно-коммуникативный феномен / Г. Н. Манаенко // Когнитивные исследования языка. – 2018. – № 34. – С. 532–535.
- Межличностная коммуникация: теория и жизнь / О. И. Матьяш, В. М. Погольша, Н. В. Казаринова, С. Биби, Ж. В. Зарицкая ; под науч. ред. О. И. Матьяш. – Санкт-Петербург : Речь, 2011. – 560 с.
- Мишанкина, Н. А. Лексика делового протокола в аспекте «прерывности» дискурсивных формаций (на материале протоколов 1917–1933 гг.) / Н. А. Мишанкина, О. А. Черныш // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2020. – № 66. – С. 107–131.
- Одинцова, И. В. К проблеме соотношения понятий «текст» и «дискурс» в лингвистике и лингводидактике / И. В. Одинцова // Вестник Курского государственного университета. – 2017. – № 2. – С. 121–125.
- Орлова, Н. В. Дискурс-анализ официально-делового документа: цели, возможности, результаты / Н. В. Орлова // Язык и метод. Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. Том 2. Лингвистический анализ на грани методологического срыва. – Краков : Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2015. – С. 125–135.
- Полулях, Д. С. Дискурсивная борьба в международной экологической политике / Д. С. Полулях // Русская политология. – 2017. – № 3. – С. 36–42.
- Степанов, Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности / Ю. С. Степанов // Язык и наука конца XX века : сб. статей. – Москва : РГГУ, 1995. – С. 34–72.
- Стрижнёва, М. Ю. Институциональный дискурс и культурный туризм: лингвокультурологические корреляции / М. Ю. Стрижнёва, Л. М. Бузинова, С. И. Зиборов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2018. – Т. 37, № 4. – С. 562–572.
- Чернявская, В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия : учебное пособие / В. Е. Чернявская. – Москва : Директ-Медиа, 2014. – 184 с.
- Чернявская, В. Е. Текст и социальный контекст: социолингвистический и дискурсивный анализ смыслоporождения / В. Е. Чернявская. – Москва : Ленанд, 2021. – 208 с.
- Dijk, T. A. van. Discourse, semantics and ideology / T. A. van Dijk // Discourse and society. – 1995. – Vol. 6, No. 2. – P. 243–289
- Fairclough, N. Discourse and Social Change / N. Fairclough. – Cambridge : Polity, 1992. – 259 p.

References

- Chernyavskaya, V. E. (2014). *Diskurs vlasti i vlast' diskursa: problemy rechevogo vozdeystviya* [Discourse of Power and Power of Discourse: Problems of Speech Influence]. Moscow, Direkt-Media. 184 p.
- Chernyavskaya, V. E. (2021). *Tekst i sotsial'nyi kontekst: sotsiolingvisticheskii i diskursivnyi analiz smyslopороzhdeniya* [Text and Social Context: Sociolinguistic and Discursive Analysis of Meaning Generation]. Moscow, Lenand. 208 p.
- Dijk, T. A. van. (1995). Discourse, Semantics and Ideology. In *Discourse and society*. Vol. 6. No. 2, pp. 243–289.
- Egoshkina, V. A. (2019). *Russkii razvlekatel'nyi radiinyi diskurs* [Russian Entertainment Radio Discourse]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Omsk. 24 p.
- Fairclough, N. (1992). *Discourse and Social Change*. Cambridge, Polity. 259 p.
- Gerasimov, V. I. (2003). Ideologiya i diskurs v rabotakh T. A. van Deyka (referativnyi obzor) [Ideology and Discourse in the Works of T.A. van Dyck (Abstract Review)]. In *Politicheskaya nauka*. No. 4, pp. 73–84.
- Kanashchuk, S. A. (2012). *Instruktivnyi diskurs IT korporatsii: sotsiolingvisticheskii aspekt* [Instructive Discourse of IT Corporations: Sociolinguistic Aspect]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tomsk. 24 p.
- Karasik, V. I. (2015). Diskurs [Discourse]. In *Discourse-Pi*. No. 3–4 (20–21), pp. 147–148.
- Kobozeva, I. M. (2000). *Lingvisticheskaya semantika* [Linguistic Semantics]. Moscow, Editorial URSS. 350 p.

- Likhanov, M. V. (2018). *Rechevoi zhanr ekskursionnoi metki: kommunikativno-pragmatischekii aspekt* [Speech Genre of Excursion Marker: Communicative and Pragmatic Aspect]. Dis. ... kand. filol. nauk. Kemerovo. 184 p.
- Makarov, M. L. (2003). *Osnovy teorii diskursa* [Fundamentals of the Theory of Discourse]. Moscow, Gnozis. 276 p.
- Manaenko, G. N. (2018). Diskurs kak kognitivno-kommunikativnyi fenomen [Discourse as a Cognitive-Communicative Phenomenon]. In *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. No. 34, pp. 532–535.
- Matyash, O. I., Pogolsha, V. M., Kazarinova, N. V., Bibi, S., Zaritskaya, J. V. (2011). *Mezhlichnostnaya kommunikatsiya: teoriya i zhizn'* [Interpersonal Communication: Theory and Life] / ed. by O. I. Matthias. Saint Petersburg, Rech'. 560 p.
- Mishankina, N. A. Chernysh, O. A. (2020). Leksika delovogo protokola v aspekte «preryvnosti» diskursivnykh formatsii (na materiale protokolov 1917–1933 gg.) [Vocabulary of Business Protocol in the Aspect of “Discontinuity” of Discursive Formations (Based on the Protocols of 1917–1933)]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. No. 66, pp. 107–131.
- Odintsova, I. V. (2017). K probleme sootnosheniya ponyatii «tekst» i «diskurs» v lingvistike i lingvodidaktike [On the Problem of Correlation between the Concepts “Text” and “Discourse” in Linguistics and Linguodidactics]. In *Vestnik Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 2, pp. 121–125.
- Orlova, N. V. (2015). Diskurs-analiz ofitsial'no-delovogo dokumenta: tseli, vozmozhnosti [Discourse Analysis of an Official Business Document: Goals, Opportunities, Results]. In *Yazyk i metod. Russkii yazyk v lingvisticheskikh issledovaniyakh XXI veka. Vol. 2. Lingvisticheskii analiz na grani metodologicheskogo sryva*. Krakov, Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, pp. 125–135.
- Polulyakh, D. S. (2017). Diskursivnaya bor'ba v mezhdunarodnoi ekologicheskoi politike [Discursive Struggle in International Environmental Policy]. In *Russkaya politologiya*. No. 3, pp. 36–42.
- Serio, P., Stepanova, Yu. S. (Eds.). (1999). *Kvadratura smysla. Frantsuzskaya shkola analiza diskursa* [Quadrature of Meaning. French School of Discourse Analysis]. Moscow, OAO IG «Progress». 416 p.
- Stepanov, Yu. S. (1995). Alternativnyi mir, Diskurs, Fakt i printsip Prichinnosti [Alternative World, Discourse, Fact and Principle of Causality]. In *Yazyk i nauka kontsa XX veka: sb. statei*. Moscow, RGGU, pp. 34–72.
- Strizhneva, M. Yu., Buzinova, L. M., Ziborov, S. I. (2018). Institutsional'nyi diskurs i kul'turnyi turizm: lingvokul'turologicheskie korrelyatsii [Institutional Discourse and Cultural Tourism: Linguistic and Cultural Correlations]. In *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. Vol. 37. No. 4, pp. 562–572.
- Vladimirova, S. B. (2021). *Sudebno-meditsinskaya ekspertiza v diskursivnom aspekte* [Forensic Medical Examination in a Discursive Aspect]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Novosibirsk. 24 p.

Данные об авторах

Орлова Наталья Васильевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, славянского и классического языкознания, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия).

Адрес: 644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55-А.
E-mail: nvorl@rambler.ru.

Бутакова Лариса Олеговна – доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка, славянского и классического языкознания, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия).

Адрес: 644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55-А.
E-mail: larisabut@rambler.ru.

Authors' information

Orlova Natalya Vasilievna – Doctor of Philology, Professor of Department of Russian Language, Literature, Document Communications, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia).

Butakova Larisa Olegovna – Doctor of Philology, Head of Department of Russian Language, Literature, Document Communications, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia).

Дата поступления: 18.09.2022; дата публикации: 29.12.2022

Date of receipt: 18.09.2022; date of publication: 29.12.2022

СОЦИОНИМ «YUPPIE» В МАССМЕДИА: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ЯЗЫКОВЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

Дубровская Т. В.

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

Пензенский государственный университет (Пенза, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0044-6056>

Юськаева Э. И.

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

Пензенский государственный университет (Пенза, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7314-6137>

Аннотация. Статья является частью научного проекта, направленного на изучение семантики единения и вражды в русской лексике и фразеологии. Осуществляя семасиологический подход, авторы исследуют соционим «yuppie», который принадлежит к социальной лексике и выполняет номинативную функцию для социальной группы яппи – молодых городских профессионалов. Данная социальная категория рассматривается в качестве лингвокультурного типажа, который возник в США в 1980-х годах. Цель статьи – показать специфику функционирования соционима ‘yuppie’ и его дериватов в медийных текстах. Материал исследования включает 42 статьи из зарубежных газет и информационных порталов, опубликованных с начала 1980-х по 2020-е годы. В результате анализа словарных дефиниций и речевого материала было установлено, что в английском языке сформировалось развернутое словообразовательное гнездо на основе связанной корневой морфемы yup- (yuppie, yuppieish; yuppiedom; yuppiefy; deuyuppiefy; yuppiefication; Yupmobile; pre-yuppie; proto-yuppie; anti-yuppie; Über-yuppie), причем лексема ‘yuppie’ и ее дериваты продолжают выступать мотивирующими словами для новых дериватов (deuyuppiefication). Посредством контекстного анализа материала установлен объем понятия, включая денотативное и коннотативное значения. Определены основные характеристики типажа: трудоголизм, чрезмерное потребление, чудаковатость и равнодушие к ближнему. В массмедиа 1980-х соционим получил ярко выраженную отрицательно-оценочную коннотацию, что в результате повлекло его эвфемизацию посредством лексемы Y-word. Наблюдение над материалом в диахронии позволяет утверждать, что с течением времени соционим ‘yuppie’ трансформировался: типаж яппи 1980-х утрачивает основные денотативные значения и приобретает иное коннотативное значение в современных медиа: зависть и неприязнь к яппи сменяется ностальгическим флером, а лексема ‘нео-yuppie’ используется для обозначения новых моделей потребления и образа жизни. Систематизация номинативных единиц, используемых для обозначения лингвокультурных типажей, позволяет выявить их основные характеристики, а также отследить изменения языковой системы в связи с социальным контекстом.

Ключевые слова: соционимы; лингвокультурные типажы; яппи; дискурсивное конструирование; социокультурные трансформации; языковые трансформации; лексическая семантика; лексемы; журналистика; медиалингвистика; медиадискурс; медиатексты; СМИ; средства массовой информации; язык СМИ; языковые средства

Благодарности: исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда (проект № 20-68-46003 Семантика единения и вражды в русской лексике и фразеологии: системно-языковые данные и дискурс).

Для цитирования: Дубровская, Т. В. Соционим «yuppie» в массмедиа: социокультурные и языковые трансформации / Т. В. Дубровская, Э. И. Юськаева. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2022. – Т. 27, № 4. – С. 38–53. – DOI: 10.51762/1FK-2022-27-04-04.

SOCIONYM “YUPPIE” IN MASS MEDIA: SOCIOCULTURAL AND LINGUISTIC TRANSFORMATIONS

Tatiana. V. Dubrovskaya

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)
Penza State University (Penza, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0044-6056>

Elmira I. Iuskaeva

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)
Penza State University (Penza, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7314-6137>

Abstract. The article presents some results of a research project that studies the semantics of unity and animosity in Russian lexis and phraseology. Taking a semasiological approach, the authors explore the socionym ‘yuppie’, which belongs to social vocabulary and performs a nominative function for a social group of yuppies – young urban professionals. This category is viewed as a linguocultural type which emerged in the USA in the 1980s. The authors aim at revealing how the socionym ‘yuppie’ and its derivatives function in mass media texts. The research sample includes 42 articles retrieved from foreign newspapers and websites published from the 1980s to the 2020s. The analysis of dictionary definitions and real texts has discovered a well-established family of words with a bound root morpheme yup- (yuppie, yuppieish; yuppiedom; yuppiefy; deyuppiefy; yuppiefication; Yupmobile; pre-yuppie; proto-yuppie; anti-yuppie; Über-yuppie). The lexeme ‘yuppie’ and its derivatives still serve as motivating words for neologisms (deyuppiefication). Contextual analysis reveals the scope of the concept including its denotative and connotative meanings. The main characteristics of the type include workaholicism, conspicuous consumption, weirdness and indifference to others. In the mass media of the 80s, the socionym ‘yuppie’ used to function as a pejorative label, which resulted in its euphemistic change for ‘the Y-word’. The socionym ‘yuppie’ has transformed over time: the yuppie type of the 1980s has lost its main denotative features and acquired another connotative meaning: envy of and distaste to ‘yuppies’ are replaced by a nostalgic flair in the modern media, while the lexeme ‘neo-yuppie’ comes into use to indicate new consumption models and lifestyles. The systematic study of nominative units that are used to mark linguocultural types helps to identify their main characteristics, as well as track changes in the language system in relation to social context.

Keywords: socionyms; linguocultural types; yuppie; discursive construction; sociocultural transformations; linguistic transformations; lexical semantics; lexemes; journalism; media linguistics; media discourse; media texts; mass media; mass media language; language means

Acknowledgements: The study is supported by Russian Science Foundation (project No. 20-68-46003 “The Semantics of Unity and Animosity in Russian Lexis and Phraseology: Language System and Discourse”).

For citation: Dubrovskaya, T. V., Iuskaeva, E. I. (2022). Socionym “Yuppie” in Mass Media: Sociocultural and Linguistic Transformations. In *Philological Class*. Vol. 27. No. 4, pp. 38–53. DOI: 10.51762/1FK-2022-27-04-04.

I. Введение

Человек как существо социальное (homo socialis), с одной стороны, и существо говорящее (homo loquens), с другой стороны, нуждается в обширных языковых ресурсах для репрезентации общественных отношений, как институциональных, так и неинституциональных. А. В. Щетинина предлагает для таких ресурсов использовать термин «социальная лексика»: «Под ней подразумевается совокупность языковых фактов: лексем, фразеологизмов, составных неидиоматических выражений, а также паремий <...>, в значениях которых выявляются социальные семы, то есть семантические

компоненты, объективирующие принадлежность номинируемого объекта, его свойства или действия к сфере институционального общения <...> или социального неинституционального взаимодействия <...>» [Щетинина 2018: 8–9].

К категории социальной лексики относятся соционимы, т. е. коллективные имена для обозначения некоторой социальной группы, используемые с целью идентификации и/или стигматизации. Такие коллективные имена отражают и концептуализируют устройство общества, свидетельствуют о «заметности» социальной группы, ее важности в структуре

общества, а в случае самоидентификации – об осознании собственной отличности от других. Кроме того, формирование новых социальных отношений требует новых языковых ресурсов, появления неологизмов, которые впоследствии закрепляются в языке вместе с соответствующей реалией либо уходят, оказываясь невостребованными. А. Кустарев, характеризуя современный публичный дискурс, пишет о появлении новых соционимов-этикеток, таких как «офисный планктон», «олигархи» и др. «Это обновление общественного дискурса говорит о том, что старые понятия кажутся публике неадекватными характеристикам разных агентур и отношениям между ними <...> Общество переходит или даже уже перешло на новую ресурсную базу, и этот переход сопровождается появлением новых агентур деятельности, вступающих друг с другом в сильно измененные отношения» [Кустарев 2012].

Соционимы являются носителями семантики идентичности, исследования которой весьма актуальны для современной лингвистики, лингвокультурологии, лингвистической прагматики, социолингвистики. По верному наблюдению Т. В. Леонтьевой и А. В. Щетиной, «предметом языковедческого анализа становится лингвокультурная идентичность, репрезентируемая посредством различных дискурсивных практик», и разные типы групповых идентичностей [Леонтьева, Щетинина 2021: 92]. Способы дискурсивной актуализации коллективной идентичности обсуждались нами ранее применительно к национальной идентичности, субкультурным и профессиональным идентичностям [Дубровская 2015; Данкова, Дубровская 2018; Дубровская 2019; Dubrovskaya & Yuskaeva 2021].

В настоящей статье мы обращаемся к групповой идентичности, стоящей за англоязычным соционимом-акронимом «уирри», который расшифровывается как young urban professional (молодой горожанин-профессионал). Мы ставим **цель** показать специфику функционирования данного соционима в медийных текстах. Эта цель достигается решением нескольких частных **задач**:

- выявить, как соционим «уирри» и однокоренные лексемы входят в речевой обиход и в языковую систему;

- определить, какое денотативное и коннотативное значение он получает;

- описать особенности коллективной идентичности, стоящей за данной лексической единицей;

- выявить смысловые трансформации соционима в диахронии.

Литература, посвященная исследованиям социальной лексики и групповой идентичности, обширна и успешно обобщена в работе А. В. Щетиной [Щетинина 2018]. В отдельную группу можно выделить исследования, выполненные в рамках теории лингвокультурных типажей, которая связывает элементы общественной структуры, факторы культуры и языковые объективации тех и других [Ярмахова 2005; Дмитриева 2007; Иванова и др. 2010]. О. А. Дмитриева представляет структуру лингвокультурного типажа, включающую характеристику социально-исторических условий, перцептивно-образное представление о типаже, характеристики, построенные на дефинициях и толкованиях, и оценку типажа со стороны его современников и носителей сегодняшней лингвокультуры [Дмитриева 2007: 4].

Авторы работ о социальной группе «уирри» обсуждают ее в основном с точки зрения социологии [Smith 1986; Юрина 2014] и политологии [Hammond 1986; Carpinì & Sigelman 1986; Dekker & Ester 1990]. П. Деккер и П. Эстер полагают, что уирри (далее для удобства – яппи) являются «культурным конструктом», который нельзя рассматривать в отрыве от специфического социального, политического и экономического контекста, и выделяют принципиальные характеристики этой социальной группы [Dekker & Ester 1990: 310]. Исследователи обсуждают проблему сочетания в яппи либеральных политических воззрений и консервативных экономических позиций [Dekker & Ester 1990; Carpinì & Sigelman 1986]. Д. Хаммонд полагает, что либеральные воззрения яппи скорее связаны не с наличием явной политической позиции, а с их молодым возрастом и наличием высшего образования [Hammond 1986].

Ш. К. Жаркынбекова и Э. Б. Заданова предприняли попытку изучить репрезентации типажа «уирри» в американской культуре [Жаркынбекова, Заданова 2021]. В качестве методологии они заявляют анализ выборки из газетных текстов и художественной лите-

ратуры, а также ассоциативный эксперимент, однако фактически ограничиваются только последним. Анализ массмедиа в работе не представлен. Полагаем, что наше обращение к текстам СМИ, фиксирующим как социальные, так и языковые изменения, будет способствовать решению задач, обозначенных выше.

II. Теоретические предпосылки

Теоретическую основу нашей работы образуют следующие положения, выдвинутые в работах лингвистов и касающиеся как лексического уровня языковой системы, так и связей между языком и культурой:

1. Лексика является уровнем языка, наиболее восприимчивым к социальным изменениям, и отражает «историю культуры, производства, быта, потому что словарный состав непосредственно связан со всеми, без исключения, сферами человеческой деятельности» [Арнольд 2012: 18]. Несмотря на очевидность данного утверждения, эта предпосылка представляет для нас важность в свете того, что соционим *уирриэ* и его дериваты зафиксировали новое социальное явление, а именно – появление некоторой более или менее однородной группы людей с набором характеристик, касающихся самых разных аспектов социального бытия (отношение к работе, соседские взаимоотношения, семейная жизнь, отношение к финансам и т. д.).

2. С позиций лингвокультурологии то или иное общество может быть представлено в терминах типажей, «обобщенных узнаваемых представителей той или иной культуры» [Карасик 2010: 221], причем в лингвокультурных типажах может быть ярко выражено как национально-культурное своеобразие этноса, так и социокультурное своеобразие некоторой социальной группы. Лингвокультурный типаж имеет имя [Карасик 2010: 221–222]. Соответственно, мы полагаем, что социальная категория «*уирриэ*» может рассматриваться как лингвокультурный типаж.

3. Если исходить из того, что лингвокультурный типаж – это разновидность концепта [Карасик 2010: 222], то ему присуща определенная номинативная плотность, т. е. количество наименований концепта, причем высокая номинативная плотность «свидетельствует об актуальности той или иной сферы действитель-

ности для конкретного сообщества» и «о коммуникативной релевантности концепта, необходимости обсуждать его <...> в конкретном социуме» [Бабушкин, Стернин 2018: 34]. Далее будет показано, что вербализация типажа *уирриэ* происходит посредством интенсивных деривационных процессов, в которых формируются коммуникативно релевантные лексические единицы, актуализирующие разные признаки типажа.

4. В структуре значения социальной лексики важную роль играют коннотативные смыслы, которые дополняют денотативное и грамматическое значения [Леонтьева, Щетинина, Еремина 2018: 6]. При этом коннотации, в том числе культурные, соотносимы с разными прагматическими факторами [Телия 1996: 107]. Культурный компонент смысла слова «может иметь интеллектуальное и экспрессивно-эмоциональное содержание, рационалистическую и эмоциональную оценку», и его специфика выявляется в контекстах [Бельчиков 1986]. Данные предпосылки лежат в основе обращения к устойчивым оценочным смысловым компонентам рассматриваемых лексем, выделяемым в ходе контекстного анализа.

5. В своем исследовании мы опираемся на семасиологический подход, «при котором исследователь, отталкиваясь от формы, идет к установлению ее содержания» [Кобозева 2019: 128]. Именно такой подход позволяет изучить «информацию, заложенную в единицах языка, способы ее репрезентации и трансформирования в речи (процессы порождения текста), механизмы ее переработки в целях понимания и присвоения (процессы понимания), а также семантические единицы и их компоненты, характерные для этноса коммуникантов, раскрывающие особенности их национального мышления и восприятия действительности» [Цупикова, Фисенко 2016: 272]. Осуществляя семасиологический подход, мы движемся от имени, от выделения в медийном материале номинаций (слов и словосочетаний), которые используются для называния типажа и явлений, с ним связанных. От имени мы переходим к значениям слов, закрепленным в словарных дефинициях, и затем, опираясь на медийные контексты использования лексической единицы *уирриэ* и однокоренных единиц, выделяем рекуррентные смыслы, которые и образу-

ют в совокупности узнаваемый, исторически и культурно обусловленный типаж.

Поскольку материалом анализа выступают медийные тексты, необходимо выдвинуть также теоретические положения, касающиеся специфики функционирования СМИ:

6. Медийные тексты традиционно признаются исследователями не менее влиятельным источником знаний об окружающей действительности, чем непосредственный личный опыт. СМИ способствуют структурированию понимания своего и чужих обществ и культур, однако транслируемая картина мира не является нейтральной и предлагает потребителю СМИ многочисленные и противоречивые репрезентации, что обусловлено диверсификацией и децентрализацией СМИ, их политическими пристрастиями и просто техническими ограничениями [Полонский 2014; Fairclough 2004; Busch 2006; McKay 2006; Thornborrow 2006].

7. С точки зрения роли СМИ в обществе, важно, что «в медиадискурсе происходит конвертация информации в смыслы», а «анализ медиадискурса, с одной стороны, направлен на вычленение существенных элементов процесса создания и трансляции смыслов в ходе массовой коммуникации и, с другой стороны, на определение роли медийного контекста в смыслообразовании» [Кожемякин 2010: 16].

8. Исследования медийного дискурса позволяют проследить трансформации языковых явлений. Так, в работах медиалингвистов рассматриваются ключевые слова «новой реальности» XXI века (cancel culture, woke, white fragility и др.) в англо-американском массмедийном дискурсе [Добросклонская 2022], семантические трансформации языковых единиц, связанные с ценностными сдвигами в российском обществе [Буряковская 2015], отражение глобальных процессов [Карасик 2020]. Общественные изменения и их языковые репрезентации находятся в центре нашего исследования.

Таким образом, далее мы рассматриваем социальную категорию «уирриэ» как лингвокультурный типаж, объективированный набором языковых средств, включая соционим «уирриэ» и его дериваты, которые выполняют номинативную функцию для социальной группы и ее признаков. Эти лексемы наделены как

денотативными, так и коннотативными значениями, которые актуализируются в его синтагматических отношениях с другими единицами медийного текста. Совокупность выделенных единиц и смыслов, вербализованных контекстуально, определяет объем понятия уирриэ и наиболее характерные признаки социального типажа, а также выражает и формирует эмоционально-оценочное отношение к социальной группе уирриэ.

III. Материал и метод

Материалом исследования послужили 42 статьи из американских, британских и канадских газет и информационных порталов (Chicago Magazine, The New York Times (далее – NYT), Maclean's, The Guardian и др.), опубликованные с 1980-х по 2020-е годы. Общий объем материала – 52 тысячи словоупотреблений.

Процедура анализа соответствует поставленным задачам. Мы обращаемся к словарным дефинициям и отмечаем время фиксации неологизма уирриэ и его дериватов в словарях, а также посредством наблюдения над материалом выявляем словообразовательный потенциал лексемы и формирование лексического гнезда. С помощью контекстного анализа устанавливается объем понятия, включая денотативное и коннотативное значения, и определяются характеристики типажа с опорой на его структуру, предложенную О. А. Дмитриевой [Дмитриева 2007]. Диахронический анализ материала позволит выявить смысловые трансформации соционима.

IV. Анализ

1. Соционим «уирриэ» и его словообразовательное гнездо

Акроним уирриэ возник в 1980–1985-х годах посредством сложения начальных букв слов у(oung) u(rban) p(rofessional) + аффикс -ie для номинации новой социальной группы молодых городских профессионалов. С точки зрения формы данная лексема интересна тем, что как таковой «голый» акроним уир не используется как отдельная единица, хотя и представляет собой морфему, несущую содержание. Соответственно, этот акроним может быть отнесен к категории связанного корня [Yule 2003]. Обычно к связанным относятся функциональные морфемы, включая деривацион-

ные морфемы и флексии. Однако, как увидим далее, акроним *yup* никогда не функционирует самостоятельно, требуя после себя аффикса *-ie*, или выступает в составе сложного существительного *yupmobile*. Во всех деривационных процессах мотивирующим элементом выступает лексема *yuppie*.

В словаре слово *yuppie* получает следующие определения:

A) A *yuppie* is a term that was used to describe a young person who had a well-paid job and liked to show that they had a lot of money by buying expensive things and living in an expensive way. [disapproval]; B) NOUN 1. An affluent young professional person; ADJECTIVE 2. typical of or reflecting the values characteristic of yuppies; C) Informal: any of those young professionals of the 1980s variously regarded as upscale, ambitious, materialistic, faddish, etc. D) a young, ambitious, and well-educated city-dweller who has a professional career and an affluent lifestyle [Collins English Dictionary].

Анализ словарной дефиниции позволяет выделить характеристики представителя данной группы: молод, проживает в городе, образован и успешен, имеет высокооплачиваемую работу, богат и тратит большие суммы на дорогие товары. Показательна ссылка на временные рамки существования социальной группы – 1980-е годы. Эти характеристики заложены в денотативном значении соционима. Коннотативное отрицательно-оценочное значение объективируется пометами *disapproval* (неодобрительное), а стилистическая коннотация – пометой *informal* (неформальное, разговорное).

Первое употребление слова *yuppie* в медиа датируется маем 1980 года. Американский писатель и журналист Д. Роттенберг использовал его в своей статье. В ней автор представляет новый социальный слой, представители которого активно обживают один из районов Чикаго:

(1) *Some 20,000 new dwelling units have been built within two miles of the Loop over the past ten years to accommodate the rising tide of "Yuppies"—young urban professionals rebelling against the stodgy suburban lifestyles of their parents. The Yuppies seek neither comfort nor security, but stimulation, and they can find that only in the densest sections of the city.* (Chicago Magazine, May 1, 1980)

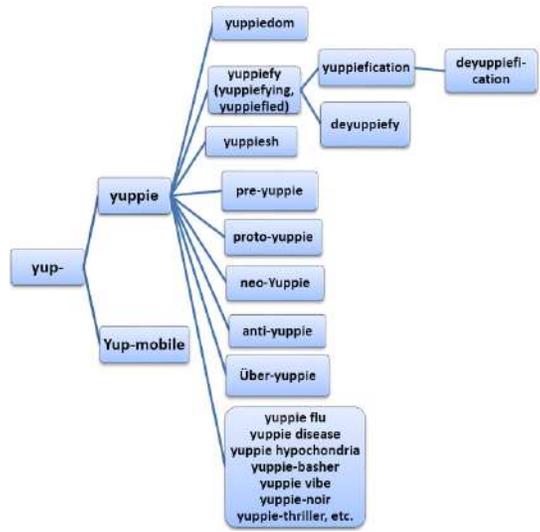


Рис. 1. Словообразовательное гнездо с корневой морфемой *yup*

Fig. 1. Family of words with the root morpheme *yup*

В данном контексте яппи – новый социальный актер, восставший (*rebellng*) против скучной (*stodgy*) жизни своих родителей из среднего класса. Скуке пригородной жизни противопоставляется активная жизнь яппи в «самых густонаселенных частях города». В этом смысле яппи репрезентируются как антиподы другой социальной группы – представителей субурбии.

В 1980–90-е годы соционим *yuppie* не только входит в активное употребление, но и занимает место в языковой системе, о чем свидетельствуют активные процессы словообразования. Сокращение *yup*, вершина словообразовательного гнезда, дает жизнь существительному *yuppie*, которое становится мотивирующим словом для разных дериватов, включая: *yuppieish*; *yuppiedom*; *yuppiefy* (и его словоформы *yuppiefied*, *yuppiefying*); *deyuppiefy*; *yuppiefication*; *Yupmobile*; *pre-yuppie*; *proto-yuppie*; *anti-yuppie*; *Über-yuppie*. Кроме того, появляется ряд номинативных групп, включая *yuppie flu* и *yuppie disease* для обозначения медицинского состояния – синдрома хронической усталости. Две новые лексические единицы (глагол *yuppiefy* и номинативная группа *yuppie flu*) в 1990 году получают словарную фиксацию в словаре The Longman Register of New Words [Longman Register 1990], где соответствующим

щие словарные статьи иллюстрируются примерами из английских газетных текстов 1987 и 1988 годов. При этом словарь также фиксирует и отрицательно-оценочную коннотацию глагола как *derogatory* (уничижительное). Таким образом, к 1990 году в языковой системе за лексемами с корневой морфемой *уир-* закрепляется отрицательно-оценочная коннотация, а развернутое лексическое гнездо, построенное на основе наиболее продуктивных словообразовательных моделей английского языка, свидетельствует о включении слова *уирриэ* и его дериватов в языковую систему (см. рис.).

2. Типаж «уирриэ» в англоязычных медиа и его языковая объективация

Типаж *уирриэ* не случайно стал конструктом медиа 1980-х годов. Его появление обусловлено экономическим подъемом, происходившим в США в 1983–1990 гг.: увеличилась занятость и вырос объем личного потребления [Гагут, Панферов 2008]. Повышение материального благосостояния предусматривало соответствующую жизненную философию и образ жизни, основные характеристики которого выделены далее.

Потребление. Достаток и страсть к приобретению товаров премиум-класса конструируются в медиа как характеристики яппи. Роскошная жизнь яппи связана с дорогими вещами, продуктами и предметами собственности (туфли бренда «Сальваторе Феррагамо», костюмы «Brooks Brothers», загородные дома, европейские машины и калифорнийское Шардоне):

(2) *How else are we going to afford our Ferragamo pumps, Brooks Brothers suits, country houses, European cars and California chardonnays?* (NYT, Oct. 2, 1984)

Стремление к чрезмерному потреблению подвергается критике и даже высмеиванию со стороны журналистов:

(3) *As for shape, the Yupmobile will be sleek in a way, but boxy too – as though a Saab had swallowed a BMW. We are talking best of all possible worlds here. Yuppies countenance nothing less.*

<...> Store windows in certain neighborhoods of New York City are monuments to trendiness. <...> Such is the state of things that one cannot purchase in all of Yuppiedom a chocolate-chip cookie less than a foot in diameter or popcorn that has not been tinted fuchsia and sold by the cubic foot. Abundance has become its own esthetic.

<...> Manufacturers of just about everything else are keenly aware of how freely these people spend and how insatiable their appetite seems for comfort, fulfillment, security, adventure, exposed brick walls, warm croissants and perfect sunsets.

They want Brie, Chardonnay and baguettes? Let them have it all – and the discomfort of the ensuing indigestion, besides. <...> these folks are on the road to total self-absorption. (Maclean's, Oct. 22, 1984)

В примере (3) чрезмерное потребление предметов роскоши конструируется посредством гиперболизации. Обрисовывая перспективы создания автомобиля для яппи (*Yupmobile*), журналист использует идиому *the best of all possible worlds* (самые идеальные или желаемые атрибуты из нескольких разных вещей, ситуаций или обстоятельств), сравнение *as though a Saab had swallowed a BMW* (будто СААБ проглотил БМВ) и сочетание *nothing less* (не менее), что подчеркивает чрезмерное стремление к идеальному, которое доходит до абсурда. Все, что связано с яппи, отличается размахом (*monuments to trendiness; Yuppiedom* – Королевство Яппи) и изобилием (*abundance*): печенье с шоколадной крошкой должно быть диаметром не менее фута, а попкорн, окрашенный в цвет фуксии, должен продаваться в кубических футах. И даже закат, будучи природным нерегулируемым явлением, становится для яппи идеальным (*perfect sunset*). Покупка роскошных товаров сравнивается с потреблением пищи с помощью развернутой метафоры. «Аппетит» яппи характеризуется эпитетом *insatiable* (ненасытный). Журналист с сарказмом предлагает яппи приобрести дискомфорт от нарушения пищеварения в придачу к Бри, Шардоне и багету. Субстантивное сочетание *these people* (эти люди), примененное к группе яппи, проводит разделительную черту между яппи и автором, выполняя функцию дистанцирования. Эту же функцию выполняют сложные лексемы *Yuppiedom* и *Yupmobile*, которые конструируют особое изолированное жизненное пространство с присущими только ему предметами быта.

Вкусы и интересы. Также яппи приписываются необычные предпочтения, к примеру, отмечается их пристрастие к творчеству музыкантов с трагической судьбой:

(4) *Mr. Livingstone notes that Yuppies, yielding to their yen for electronics products, are eager to keep up*

with the latest advances. <...> Mr. Livingstone <...> propounds the intriguing thesis that Yuppies favor musicians who died under miserable circumstances. This provides an ample choice, including Bessie Smith, Antonio Vivaldi, Franz Schubert, Janis Joplin, Mama Cass and Wolfgang Amadeus Mozart.

What they like is **sang-froid**: the **insouciance** of Vivaldi blithely careening toward poverty, the **cool elegance** of Mozart unknowingly heading for disaster. Perhaps they sense in this a **simile to their own charmed lives in an imperiled world**. (NYT, June 10, 1984)

Сильный интерес яппи к последним новинкам техники выражен лексемой *уеп* (страсть, сильное желание), а хладнокровие яппи перед лицом надуманной опасности конструируется посредством лексики с семантикой отстраненности (*sang-froid*, *cool elegance*, *insouciance*).

В то же время более современные медиа признают новаторство яппи в определенных сферах жизни и организации быта. Такие нововведения, как бранчи и тренировки в спортивном зале, вызывали смех (*humorous*) и давали повод называть яппи «эксцентричными» (*wacky*). Однако 25 лет спустя владение компьютером, одежда от дизайнеров и суши стали вполне традиционными аспектами жизни:

(5) *The concepts of “brunching” and “working out” were apparently new and humorous. A few of their defining characteristics – dhurrie rugs, potted ferns, pickled parquet floors – sound suitably dated. But many more – European automobiles, gourmet kitchens, computer literacy, designer clothing, and sushi – fail 25 years later to convey the exoticism that the authors seem to have intended. Oh, those wacky yuppies, eating raw fish and going to the gym.* (New York Magazine, Sept. 22, 2008)

Работа. Трудовая деятельность занимала большую часть времени яппи и играла первостепенную роль в их жизни, поскольку главным фактором успеха были деньги. В воспоминаниях адвоката-яппи деньги репрезентируются как жизненно важный компонент (*vital*), от которого зависит самооценка. Однако прилагательные с семантикой напряжения (*tense*, *uptight*) маркируют деградацию личности в результате постоянного стресса на работе:

(6) *The amount of money I earned as an attorney was not important to me for what it could buy, but it was vital to my self-image. My self-esteem seemed to rise in direct proportion to my salary increases.*

<...> I became a **tense, uptight** person who was only half-jokingly referred to by one of my colleagues as ‘Colonel Breen.’ I had **lost a part of my humanity**. («MindMyHouse»)

Для восполнения затраченной энергии и снятия напряжения использовались наркотики:

(7) *For a brief period, coke seemed like the perfect drug for bright, shiny overachievers. <...> Coke was the perfect metaphor for a culture of runaway consumption, for a culture based on credit that believed in an endless postponement of consequences. Cocaine was literally a treadmill; there was no end point at which fulfillment was reached, where the exact right number of lines had been consumed. Fulfillment was always one line away.* (New York Magazine, Sept. 22, 2008)

Посредством метафоры потребление кокаина сравнивается с устройством беговой дорожки: достижение полного насыщения невозможно. Яппи категоризируются как «overachievers», т. е. трудоголики, жаждущие новых целей и задач. Однако чрезмерное потребление, материальное и нематериальное, становилось причиной выгорания и синдрома хронической усталости, обозначаемого номинативными словосочетаниями *yuppie flu*, *yuppie disease* и *yuppie hypochondria*:

(8) *AFTER years of dismissing chronic fatigue syndrome as yuppie hypochondria and little more than a figment of the imagination, doctors in growing numbers are coming to believe that it is a distinct condition and one that may reflect an overcharged immune system.* (NYT, Dec. 4, 1990)

Семейная жизнь. Исследователи отмечают, что яппи оказали существенное влияние на американскую семью [Coleman & Ganong 2014: 1477]. Постоянное стремление яппи к успеху и карьерному росту приводило к тому, что молодые городские профессионалы предпочитали свободную жизнь и откладывали создание семьи:

(9) *At the same time, however, it (Washington – Т. Д., Э. Ю.) is first in its proportions of both young, single men and single women of all ages listed as separated, divorced or never married.* (NYT, April 21, 1985)

Но даже у яппи, создавших семью, благополучие отношений зависит от финансового состояния партнеров. Метафора чувств, бьющихся в такт финансам, и эпитеты *passionate* и *obsessive*, характеризующие нарциссизм супругов, иллюстрируют модель отношений,

которая основана на материальной составляющей:

(10) *Yet for all their casual, low-key qualities, what's most notable about both Nora and Malcolm is their **passionate, obsessive narcissism**. <...> "If they'd been good Marxists, they would have admitted that their **feelings** for each other had always **pulsed to the beat of their finances**."* (Washington Post, Sept. 27, 1989)

Сами яппи также противопоставляют материальное богатство, объективированное лексемами с семантикой избытка (*showered, generous, abundance*), ощущению пустоты в браке (*emptiness*):

(11) *My husband's parents **showered** us with **generous** gifts, buying us beautiful clothes <...> As wonderful as it was to enjoy such material **abundance**, I felt a puzzling **emptiness**.* (MindMyHouse)

Кроме того, в браке обнаруживается и странное распределение ролей. Женщина, помогающая по дому, становится «женой» для супругов-яппи:

(12) *For a while, we hired a woman to come in every afternoon for four hours to clean our house, run our errands, launder our clothes, and prepare an elaborate dinner for us. We referred to Martha as '**our wife**'.* (MindMyHouse)

Яппи и социум. Одним из неоднозначных явлений общества стала джентрификация, или яппификация (*yuppification*), которая активно происходила в разных городах США и Англии, в том числе в Хобокене недалеко от Манхэттена, и стала причиной социальных противоречий. Джентрификация представлена как болезнь посредством метафор (*spreading disease, frightening symptoms*), а люди, подвергающиеся этой угрозе, – как нуждающиеся в защите (*need to be protected*):

(13) *<...> Hoboken has caught its **neighbor's spreading disease**, gentrification – the upgrading of neighborhoods – and is beginning to show not only the benefits of urban renewal but also several **frightening symptoms**. <...> However, the existing community of working people, the elderly and the poor **need to be protected** from arbitrary, callous actions of those who stand to profit from changes <...>* (NYT, June 5, 1982)

Конфликты нередко переходили в открытое столкновение между коренным населением и яппи. СМИ выступают своего рода медиатором между сторонами и репрезентируют конфликт. Жители обозначают процесс за-

селения яппи вторжением (*invasion of yuppies*) и характеризуют пришельцев эпитетом *weird* (странный, нелепый). Идиома *turn one's stomach* актуализирует их отвращение к яппи. Газета размещает также и ответные ремарки представителей яппи:

(14) *Here is the letter, dated July 9, 1986, from which the book takes its title: "I'm a Hoboken resident for 35 years, losing my home to Yuppies. Seeing these **weird people** with sneakers and dresses every morning dashing for a crosstown bus just **turns my stomach**.*

*The following month, a letter-writer responded: "We **so-called 'Yuppies'** are sorry for taking over your town, but what do you want from us? <...> We just want a place to live **just like you**."* (NYT, April 17, 1988)

Интересно, что в ответе представитель группы яппи прибегает к самореференции, снабжая номинацию *yuppie* метатекстовым элементом *so-called*, таким образом не соглашаясь с ней. Стремление к сокращению дистанции с коренным населением актуализировано конструкцией *just like you*.

Медийные репрезентации представляют яппификацию как повсеместное явление, сообщая о столкновениях местных жителей и яппи посредством множественных метафорических репрезентаций войны (*the war against gentrification and high rents; the Yuppie **Eradication** Project; similar **fight** against «yuppie gentrifying scum»; the Black **Army** Faction believe they are driving yuppification from a traditionally low-rent bohemian area*) (The Guardian, Aug. 9, 1999).

Различия в понимании правил социального общежития обостряли конфликты, что получает отражение в медиа. Так, яппи негодуют по поводу шума во время праздников итальянского комьюнити (пример (15)), но и местные жители выступают в ответном жанре обвинения по поводу нарушения приличий со стороны яппи (пример (16)):

(15) *"I am writing this letter to vent my **spleen**. To celebrate a feast is beautiful, but **why the noise?**"* («NYT», March 6, 1987)

(16) *<...> "No matter how small a parking space, Yuppies must **squeeze their cars in, not caring** about the car behind or in front," and, "Yuppies don't put curtains on their windows, **forcing** neighbors to look into their **filthy apartments**."* (NYT, March 6, 1987)

Интересно, что в некоторых случаях яппи дифференцируются. Утверждается о существовании двух разных групп: местные хорошие

яппи *us good Yuppies* противопоставляются «плохим» яппи из Нью-Йорка, которые получают характеристику *ignorant* (невежи):

(17) *In response, Sarah Jane Webster, the writer of "Proud to Be a Yuppie," wrote that the native yuppies were good yuppies, not like the bad yuppies from New York. "Please don't get us good Yuppies confused with the ignorant," she said. (NYT, March 6, 1987)*

Такая дифференциация нетипична. В основном яппи рассматриваются как единая группа и подвергаются эксплицитным оскорблениям. К примеру, им приписывают полное отсутствие интеллекта:

(18) *Here are two differences between the yuppie and the dinosaur: the dinosaur took longer to become extinct. And the dinosaur probably had a larger brain. <...>*

True yuppie characters are generally more self-interested than that, which is how they come to do such stupid things. <...> (NYT, Feb. 2, 1992)

Отметим, однако, что сравнение яппи с динозаврами в пользу последних и пейоратив *stupid* противоречат рациональной оценке и фактам. При отсутствии интеллектуальных способностей яппи не были бы способны достичь финансового успеха.

В кинематографе и литературе яппи все чаще изображен как главный злодей. Одним из примеров является роман «Американский психопат» Б. Эллиса. Неологизм *Über-yuppie*, несомненно, отсылает к концепту Сверхчеловека Ф. Ницше (*Übermensch*), который в современной интерпретации превращается в Сверх-яппи. При этом к сверх-свойствам относят пытки окружающих и способность убивать (*torture and murder*):

(19) *A few months after Black Monday, Newsweek declared the yuppie extinct, and various commentators have been writing obituaries ever since, the most powerful of which was a novel called American Psycho, published in 1991 by Bret Easton Ellis. Patrick Bateman is the Über-yuppie whose hobbies just happen to include torture and murder. <...> If someone asks, as my son did recently, "What is a yuppie?," we need only point to Bateman. (New York Magazine, Sept. 22, 2008)*

Таким образом, в поп-культуре типаж яппи гиперболизирован и доведен до абсурда: яппи, хищник и охотник за материальными благами, превращается в охотника за людьми. Как отмечает К. Фергюсон, общественное беспокойство, связанное с немотивированной жестокостью

в американском обществе, привело к репрезентации яппи как «неуловимого, мифологического животного» [Ferguson 2016: 91].

Результатом интенсивных отрицательных оценок и постепенной стигматизации типажа яппи становится то, что *yuppie* становится бранным словом, которое нельзя произносить, и заменяется эвфемизмом *the Y-word*:

(20) *I first remember hearing the Y-word in '83, when I was living in the East Village, sharing an apartment with my best friend while working on my first novel and paying the bills as a slush-pile reader at Random House. <...> Not long after my first actual sighting, I would see the earliest DIE YUPPIE SCUM graffiti around the neighborhood, an epithet that was soon vying in popularity with that LES perennial EAT THE RICH. The vituperative tone with which the Y-word was pronounced on East Fifth Street was in part a function of rapidly escalating real-estate prices in the East Village (New York Magazine, Sept. 22, 2008)*

В приведенном фрагменте автор ни разу не называет слово полностью, заменяя его эвфемизмом. Полная форма слова *yuppie* встречается только при цитировании надписи «DIE YUPPIE SCUM» (Смерть мерзким яппи), которая была элементом граффити-кампании против яппи.

Против подобной номинации возражают и сами представители яппи, называя слово *yuppie* оскорбительным ярлыком:

(21) *The "yuppie" label is offensive and patronizing. (NYT, April 1, 1984)*

(22) *"Virtually nobody is likely to consider themselves a yuppie," he said. "It doesn't even sound nice." (NYT, Nov. 2, 1987)*

Представители яппи стремятся освободиться от ярлыка, с одной стороны. С другой стороны, даже этот пейоративный ярлык ценен тем, что он выступает маркером достижений в обществе:

(23) *On the whole, in spite of the pejorative aspect, yuppies still take a masochistic glee in being yuppies," says Jonathan Silver, 27, a financial analyst. "If you can in fact think about yourself in this way, it says something about your own achievement record and success rate, and that's an important and valuable thing". (NYT, June 28, 1985)*

Таким образом, лексема *yuppie* наделена некоторым внутренним парадоксом: денотативное значение лексемы указывает на профессию

онально успешного человека, принадлежащего к группе подобных, однако она сильно нагружена отрицательно-оценочными коннотациями, связанными с прагматическим контекстом функционирования соционима – отношением к яппи окружающих. Отношение к яппи извне провоцирует негативные эмоциональные переживания, которые обозначены в примере (24) номинативными словосочетаниями *yuppie guilt* и *yuppie denial*:

(24) *But, nonetheless, many of New York's young professionals are suffering from "yuppie guilt" and engaging in "yuppie denial" – a syndrome that many analysts from Madison Avenue to Washington, D.C., say signals the end of yuppie civilization as we know it.* (NYT, June 28, 1985)

Возрождение яппи или нео-яппификация?

В современных медиа яппи конструируются как ушедший типаж, а некоторые атрибуты их образа жизни, например одежда, подвергаются переосмыслению в современных 2020-х годах. Британская газета *The Guardian* в качестве такого атрибута ушедшей эпохи отмечает возвращающуюся моду яппи из 80-х (*the 80s yuppie look is back*), к которой, однако, добавляются новые элементы, порождающие новый современный типаж, обозначаемый акронимом *the yindies* (*young ironic nostalgic dresser*):

(25) *In the ultimate moment of fashion revival, the 80s yuppie look is back – but with a difference. The "yindies" (young ironic nostalgic dresser), is bringing back the suited, Wall Street look but with a touch of knowing self-reference and elements of preppy style too.*

Carlson's label recently recreated Diana, Princess of Wales's sheep jumper – a yuppie classic – in collaboration with original designers Warm & Wonderful. "The 80s are back in a big way," he says. (*The Guardian*, Nov. 22, 2020)

Мода и стиль яппи представлены как вечная классика (*yuppie classic*). В одежде яппи новое поколение видит ресурс силы, самоутверждения (*empowerment; showing off your knowledge*), но во избежание слишком прямых аналогий такие аллюзии на прошлое требуют доли иронического отношения. Ирония становится новой призмой, через которую смотрят в прошлое:

(26) *It's an ironic take on what some could see as a costume for corporate life," said Misty White Sidell, a reporter from Women's Wear Daily.*

"Irony is a huge part of how people dress now," Jack Carlson, the founder of designers Rowing Blazers

added. "By incorporating irony in the way you dress it's showing off your knowledge. There's empowerment through appropriating the yuppie look: it's almost a positive spin on it." (*The Guardian*, Nov. 22, 2020)

Костюм яппи в 2000-х годах расценивается как знаковое воплощение силы, денег и маскулинности, которое до сих пор влияет на тенденции современной моды:

(27) *The suit is a strong and eloquent archetype. [There's] so much information about power, money and masculinity wrapped into one design. It has the ability to change a body, give it power." <...>*

"The yuppies of the 80s cast a long shadow over the looks I designed," says costume designer Claire Finlay-Thompson, who was influenced by American Psycho and The Bonfire of the Vanities. (*The Guardian*, Nov. 22, 2020)

Еще одно направление культуры, испытывающее влияние восьмидесятых, это кино. В следующем примере сообщается о возрождении «яппи-триллера», обусловленного экономическим неблагополучием и насилием, которые связаны с различиями между социальными классами:

(28) *After a spree of noughties films boasting a total lack of bad-guy motivation (The Strangers, Them, Funny Games US), in 2010 we seem to be returning to violence, and rationalised in the context of class and envy issues. Last year, many of us experienced economic adversity, giving the return of the yuppie-thriller a fresh legitimacy. <...> While we loathed the obnoxious perfection of the yuppies, who of us didn't also secretly covet it?* (*The Guardian*, March 25, 2010)

В примере подчеркивается амбивалентность отношения общества к данной социальной группе: лексемы с семантикой негативной оценки (*obnoxious, loathe*) вступают в смысловую оппозицию с глаголом *covet* (сильно желать, жаждать).

Ряд атрибутов образа жизни яппи утратил свою элитарность. Так, употребление кокаина больше не ассоциируется только с этой социальной группой. Напротив, кокаин превратился в наркотик рабочего класса:

(29) *Ian Hamilton, a senior lecturer in addiction and mental health at the University of York, goes further, believing that cocaine can be categorised as a working-class narcotic. "Anecdotally, I hear of all sorts of people using it; builders, plumbers, joiners, whoever."*

Cocaine, he says, has undergone a radical brand transformation that the government is choosing to

overlook. "I'm old enough to remember **yuppies in the 1980s – that image stayed with cocaine for a while**. Newer generations don't have that baggage, or perception. Also, they haven't experienced crack cocaine in the same way as people did in the 80s and 90s." (The Guardian, Sep. 19, 2021)

Имидж яппи 80-х был ассоциативно связан с кокаином, однако социальные изменения позволяют автору публикации говорить (не без иронии, вероятно) о трансформации бренда кокаина, утрате им признаков элитарности.

Медиа предлагают идею о некоей преемственности между яппи и нынешними миллениалами: и тем и другим свойственны демонстративное потребление и свои игрушки (только вместо дорогих машин теперь технологии от Apple):

(30) *As for millennials, they have inherited an economy too fragile, and student loans too insurmountable, to enable their full-fledged yuppiefication. But they still share their ancestors' love for **conspicuous consumption** (Instagram pictures of meals, parties and vacations) and **toys** (in lieu of expensive cars, real estate and artwork, the sleekly technological and more affordable plunder of Apple products and apps).* (NYT, May 8, 2015)

Для концептуализации будущего благополучия нынешней молодежи использовано сочетание full-fledged yuppiefication (полноценная яппификация), однако очевидно, что смысловая наполненность лексемы yuppiefication изменилась. Для нового поколения молодых обеспеченных людей появляется образованное от корневой морфемы обозначение «нео-яппи». Эти люди пересматривают модели потребления в сторону разумного потребления и даже склонны покупать все в небольших количествах (small-batch). Вспомним, что оригинальные яппи обожали огромные масштабы во всем, включая дома, машины, потребление еды. Кроме того, нео-яппи нацелены на накопление культурного капитала:

(31) *Her book *The Sum of Small Things* offers a rich anthropological portrait of the "aspirational class" — a type of **neo-yuppie** that defines itself through understated modes of consumption and an emphasis on the **accrual of cultural capital**. They buy green cleaning products, ethically made clothes, and **small-batch everything**. They aspire, says Currid-Halkett, "to be their version of better humans in all aspects of their lives."* (The New Republic, August 1, 2017)

Иными словами, нео-яппи фактически выступают антиподами яппи 1980-х годов.

V. Заключение

Лингвокультурный типаж *yuppie*, сформировавшийся в англоязычных культурах в 1980-х годах, в частности в США и Великобритании, является неоднозначным и многогранным. Появившись в США в условиях экономического роста, типаж яппи стал знаковым социальным конструктом того времени и одновременно причиной языковых изменений: в английский язык вошло и закрепилось развернутое словообразовательное гнездо с корневой морфемой *yup-*. Эта морфема проявила себя как bound morpheme (связанная морфема), поскольку она функционирует только вместе с аффиксом *-ie* в составе соционима *yuppie* либо в составе дериватов этой лексемы. Лексема *yuppie* и ее дериваты оказались востребованы настолько, что не покинули язык, как это случается со многими неологизмами, а закрепились в словарных статьях и продолжают выступать мотивирующими словами для новых дериватов (например, neo-Yuppie, *deyuppiefication*).

Другим важным процессом, происходящим с соционимом *yuppie* и обусловленным происходящими в структуре общества изменениями, является постепенное изменение семантики лексемы *yuppie* в применении к современности. Соционим *yuppie* времен 1980-х годов функционировал как отрицательно-оценочный ярлык: акцент ставился на склонности яппи к трудоголизму, чрезмерному потреблению, чудаковатости и равнодушию к ближнему. Джентрификация способствовала усилению негативных коннотаций, и в результате соционим *yuppie* стал оскорбительным, что повлекло его эвфемизацию посредством лексемы *Y-word*. Публикации последних лет показывают, что типаж яппи 1980-х утратил наиболее принципиальные характеристики и приобрел ностальгический флер, хотя и не без доли иронии. Кроме того, под ярлыком нео-яппи формируются совершенно иные, менее эгоистичные, модели потребления и образа жизни.

С точки зрения методологии типаж как носители культуры целесообразно изучать в совокупности с теми номинативными единицами, которые используются для обозначения

ния самих типажей, а также разных аспектов их жизни. Систематизация этих единиц позволяет не только более точно раскрыть суть типажа, но и отследить изменения языковой системы, сопутствующие социальным изменениям.

Источники материала

- Chicago Magazine (<https://www.chicagomag.com/>). 3 June 2015; 1 May 1980 (accessed: 12.07.2022).
 In Deep Music Archive. Marty's Daily Album Picks. <https://www.indeepmusicarchive.net/2020/08/29-8-20-martys-daily-album-picks/> (accessed: 12.07.2022).
 Maclean's (<https://archive.macleans.ca/>). 22 Oct. 1984; 6 Jan. 1986 (accessed: 12.07.2022).
 MindMyHouse. My story: True confessions of a yuppie lawyer. <https://www.mindmyhouse.com/community/blog/stories/even-more-stories-poems-blog-excerpts/my-story-true-confessions-of-a-yuppie-lawyer> (accessed: 12.07.2022).
 New York Magazine. Yuppies in Eden. <https://nymag.com/anniversary/40th/50657/> (accessed: 12.07.2022).
 The Guardian (<https://www.theguardian.com/international>). 19 Sep. 2021; 25 May 2017; 25 Mar. 2010; 10 Oct. 2009; 9 Aug. 1999 (accessed: 10.07.2022).
 The New Republic. The New Yuppies. <https://newrepublic.com/article/143609/new-yuppies-how-aspirational-class-expresses-status-age-inequality> (accessed: 12.07.2022).
 The New York Times (<https://www.nytimes.com/>). 2 Oct. 1984; 12 Oct. 1984; 30 Oct. 1984; 25 Mar. 1984; 1 Apr. 1984; 19 July 1985; 22 July 1985; 10 June 1984; 19 Aug. 1985; 19 Aug. 1985; 30 June 1985; 17 April 1988; 6 March 1987; 2 Nov. 1987; 5 Nov. 1987; 21 Oct. 1987; 8 Jan. 1989; 28 Feb. 1988; 27 March 1988; 4 Dec. 1990; 12 Jan. 1992; 2 Feb. 1992; 8 May 2015; 18 Mar. 1984; 21 April 1985; 28 June 1985; 5 June 1982 (accessed: 10.07.2022).
 The Washington Post (<https://www.washingtonpost.com/>). 19 Nov. 2019; 27 Sep. 1989 (accessed: 12.07.2022).

Литература

- Арнольд, И. В. Лексикология современного английского языка : учеб. пособие / И. В. Арнольд. – 2-е изд., перераб. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2012. – 374 с.
 Бабушкин, А. П. Когнитивная лингвистика и семасиология / А. П. Бабушкин, И. А. Стернин. – Воронеж : ООО «Ритм», 2018. – 229 с.
 Бельчиков, Ю. А. О культурном коннотативном компоненте лексики / Ю. А. Бельчиков // Язык: система и функционирование. – 1988. – С. 30–35.
 Буряковская, В. А. Трансформация семантики некоторых языковых единиц как идентификатор ценностных сдвигов в обществе / В. А. Буряковская // Грани познания. – 2015. – № 1 (35). – С. 50–55.
 Гагут, Л. Д. Мировая экономика и внешнеэкономическая деятельность: Тексты лекций / Л. Д. Гагут, К. Н. Панферов. – М. : МГТУ ГА, 2008. – 96 с.
 Данкова, Н. С. Групповая идентичность байкеров в аксиологическом аспекте (на материале Интернет-коммуникации) / Н. С. Данкова, Т. В. Дубровская // Научный диалог. – 2018. – № 7. – С. 53–65.
 Дмитриева, О. А. Лингвокультурные типы России и Франции XIX века : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Дмитриева О. А. – Волгоград : Волгогр. гос. пед. ун-т, 2007. – 40 с.
 Добросклонская, Т. Г. Ключевые слова «новой реальности» XXI века в англо-американском медиадискурсе / Т. Г. Добросклонская // Медиалингвистика : материалы VI международной научной конференции, Санкт-Петербург, 30 июня 2022 года / науч. редактор Л. Р. Дускаева ; отв. редактор А. А. Малышев. – Санкт-Петербург : ООО «Медиапапир», 2022. – С. 570–573.
 Дубровская, Т. В. «Любови достойна только мать и Гелендваген 5.5»: пацанская лирика как жанр молодёжного интернет-дискурса / Т. В. Дубровская // Жанры речи. – 2019. – № 1 (21). – С. 56–65.
 Дубровская, Т. В. 'I was the first Westerner, the only English person: дискурсивное конструирование национальной идентичности / Т. В. Дубровская // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Лингвистика. – 2015. – № 2. – С. 25–40.
 Жаркынбекова, Ш. К. Репрезентация лингвокультурного типажа «уипpie» в языковой картине мира американцев / Ш. К. Жаркынбекова, Э. Б. Заданова // Язык, общество, личность и творчество Низами Гянджеви : Международная научная конференция, Сумгаит, 28–29 октября 2021 года. – Сумгаит : Сумгаитский государственный университет, 2021. – С. 402–406.
 Карасик, В. И. Эпидемия в зеркале медийного дискурса: факты, оценки, позиции / В. И. Карасик // Политическая лингвистика. – 2020. – № 2 (80). – С. 25–34. – DOI: 10.26170/pl20-02-02.
 Карасик, В. И. Языковая кристаллизация смысла / В. И. Карасик. – Волгоград : Издательство «Парадигма», 2010. – 422 с.
 Кобозева, И. М. Лингвистическая семантика / И. М. Кобозева. – М. : ЛЕНАНД, 2019. – 352 с.
 Кожемякин, Е. А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования / Е. А. Кожемякин // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2010. – № 12 (83). – С. 13–21.
 Кустарев, А. Престижный соционим / А. Кустарев. – Текст : электронный // Культурная эволюция. – URL: <https://yarcen.ru/articles/society/prestizhnyu-sotsionim-51952/> (дата обращения: 07.07.2022).
 Леонтьева, Т. В. Идентичность как организующая идея новой лексики и фразеологии / Т. В. Леонтьева, А. В. Щетинина // Научный диалог. – 2021. – № 12. – С. 89–105.
 Леонтьева, Т. В. Галерея лингвистических портретов социальных типажей : монография / Т. В. Леонтьева, А. В. Щетинина, М. А. Еремина. – Екатеринбург : Ажур, 2018. – 336 с.

Лингвокультурные типы: признаки, характеристики, ценности : коллективная монография / М. М. Иванова, Ю. В. Какичева, А. Ю. Коровина [и др.] ; под редакцией О. А. Дмитриевой ; Волгоградский государственный педагогический университет ; Научно-исследовательская лаборатория «Аксиологическая лингвистика». – Волгоград : Парадигма, 2010. – 228 с.

Полонский, А. В. Массмедийность как категория дискурса и текста / А. В. Полонский // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования : I Междунар. науч.-практ. конф. 1–4 апреля 2014. – Белгород : Константа, 2014. – С. 110–122.

Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

Цупикова, Е. В. Интеграция наук в поисках смысла в рамках современной семасиологии / Е. В. Цупикова, О. С. Фисенко // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2016. – № 1 (23). – С. 70–77.

Щетинина, А. В. Теоретико-методологические основы идеографирования социальной лексики : монография / А. В. Щетинина ; под науч. ред. Т. В. Леонтьевой. – Екатеринбург : Ажур, 2018. – 180 с.

Эйто, Дж. Словарь новых слов английского языка / Дж. Эйто. – М. : Русский язык, 1990. – 434 с.

Юрина, А. А. Субкультура яппи: попытка социологического анализа / А. А. Юрина // Вестник Самарского государственного университета. – 2014. – № 5 (116). – С. 45–50.

Ярмахова, Е. А. Лингвокультурный типаж «английский чудак»: дис. ...канд. филол. наук / Ярмахова Е. А. – Волгоград : Волгогр. гос. пед. ун-т, 2005. – 191 с.

Busch, B. Media, politics, and discourse: interactions / B. Busch // Encyclopedia of Language and Linguistics. – Amsterdam : Elsevier, 2006. – P. 609–616.

Carpini, M. D. Do Yuppies Matter? Competing Explanations of Their Political Distinctiveness / M. D. Carpini, L. Sigelman // The Public Opinion Quarterly. – 1986. – Vol. 50 (4). – P. 502–518.

Coleman, M. The Social History of the American Family: An Encyclopedia / M. Coleman, L. Ganong. – SAGE Publications, Inc., 2014. – 2144 p.

Collins English Dictionary. – URL: <https://www.collinsdictionary.com> (mode of access: 15.07.2022). – Text : electronic.

Dekker, P. The political distinctiveness of young professionals: 'yuppies' or 'new class'? / P. Dekker, P. Ester // Political Psychology. – 1990. – Vol. 11 (2). – P. 309–330. – DOI: 10.2307/3791692.

Dubrovskaya, T. V. Values as a unifying power in teachers' online communities / T. V. Dubrovskaya, E. I. Yuskaeva // ICERI2021 Proceedings. 14th annual International Conference of Education, Research and Innovation. Online Conference. 8–9 November, 2021. – Valencia : IATED Academy, 2021. – P. 2030–2037. – doi: 10.21125/iceri.2021.

Fairclough, N. Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research / N. Fairclough. – London ; New York : Routledge, 2004. – 270 p.

Ferguson, K. L. Eighties People: New Lives in the American Imagination / K. L. Ferguson. – NY : Palgrave Macmillan, 2016. – 193 p.

Hammond, J. L. Yuppies / J. L. Hammond // Public Opinion Quarterly. – 1986. – Vol. 50 (4). – P. 487–501. – <https://doi.org/10.1086/268999>.

McKay, S. Media and language / S. McKay // Encyclopedia of Language and Linguistics. – Amsterdam : Elsevier, 2006. – P. 597–602.

Smith, N. Of Yuppies and Housing: Gentrification, Social Restructuring, and the Urban Dream / N. Smith // Environment and Planning D: Society and Space. – 1987. – Vol. 5 (2). – P. 151–172. – DOI: 10.1068/d050151.

Thornborrow, J. Media: analysis and methods / J. Thornborrow // Encyclopedia of Language and Linguistics. – Amsterdam : Elsevier, 2006. – P. 616–623.

Yule, G. The study of language / G. Yule. – Cambridge : Cambridge University Press, 2003.

References

Arnold, I. V. (2012). *Leksikologiya sovremennogo angliiskogo yazyka* [Lexicology of the Modern English Language]. 2nd edition. Moscow, FLINTA, Nauka. 374 p.

Ayto, J. (1990). *Slovar' novykh slov angliiskogo yazyka* [The Longman Register of New Words]. Moscow, Russkii yazyk. 434 p.

Babushkin, A. P., Sternin, I. A. (2018). *Kognitivnaya lingvistika i semasiologiya* [Cognitive Linguistics and Semasiology]. Voronezh, ООО «Ritm». 229 p.

Belchikov, Yu. A. (1988). O kul'turnom konnotativnom komponente leksiki [On the Cultural Connotative Component of Vocabulary]. In *Yazyk: sistema i funktsionirovanie*, pp. 30–35.

Buryakovskaya, V. A. (2015). Transformatsiya semantiki nekotorykh yazykovykh edinit kak identifikator tsennostnykh sdvigo v obshchestve [Transformation of Semantics of Some Language Units as Index of Value Shifts in Society]. In *Grani poznaniya*. No. 1 (35), pp. 50–55.

Busch, B. (2006). Media, Politics, and Discourse: Interactions. In *Encyclopedia of Language and Linguistics*. Amsterdam, Elsevier, pp. 609–616.

Carpini, M. D., Sigelman, L. (1986). Do Yuppies Matter? Competing Explanations of Their Political Distinctiveness. In *The Public Opinion Quarterly*. Vol. 50 (4), pp. 502–518.

Coleman, M., Ganong, L. (2014). *The Social History of the American Family: An Encyclopedia*. SAGE Publications, Inc. 2144 p.

Collins English Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com> (mode of access: 15.07.2022).

- Dankova, N. S., Dubrovskaya, T. V. (2018). Gruppovaya identichnost' baikerov v aksiologicheskom aspekte (na materiale Internet-kommunikatsii) [Axiology of Bikers' Group Identity (Based on the Internet Communication)]. In *Nauchnyi dialog*. No. 7, pp. 53–65.
- Dekker, P., Ester, P. (1990). The Political Distinctiveness of Young Professionals: 'Yuppies' or 'New Class'? In *Political Psychology*. No. 11 (2), pp. 309–330. DOI: 10.2307/3791692.
- Dmitrieva, O. A. (2007). *Lingvokul'turnye tipazhi Rossii i Frantsii XIX veka* [Linguistic and Cultural Types of Russia and France of the 19th Century]. Avtoref. dis. ... d-ra. filol. nauk. Volgograd, Volgogradskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet. 40 p.
- Dobrosklonskaya, T. G. (2022). Klyuchevye slova «novoi real'nosti» XXI veka v anglo-amerikanskom mediadiskurse [Key Words of XXI Century "New Reality" in Anglo-American Media Discourse]. In Duskaeva, L. R., Malyshev, A. A. (Eds.). *Medialingvistika: materialy VI mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Sankt-Peterburg, 30 iyunya 2022 goda*. Saint Petersburg, OOO «Mediapapir», pp. 570–573.
- Dubrovskaya, T. V. (2015). 'I was the first Westerner, The only English person: diskursivnoe konstruirovaniye natsional'noi identichnosti [I Was the First Westerner, The Only English Person: Discursive Construction of National Identity]. In *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya Lingvistika*. No. 2, pp. 25–40.
- Dubrovskaya, T. V. (2019). «Lyubvi dostoina tol'ko mat' i Gelendvagen 5.5»: patsanskaya lirika kak zhanr molodezhnogo internet-diskursa [“Only Mother and Geländevagen 5.5 Deserve Love”: Busters' Lyrics as a Genre of the Youth Internet Discourse]. In *Zhanry rechi*. No. 1 (21), pp. 56–65.
- Dubrovskaya, T. V., Yuskaeva, E. I. (2021). Values as a Unifying Power in Teachers' Online Communities. In *ICERI2021 Proceedings. 14th annual International Conference of Education, Research and Innovation. Online Conference. 8–9 November, 2021*. Valencia, IATED Academy, pp. 2030–2037. doi: 10.21125/iceri.2021.
- Fairclough, N. (2004). *Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research*. London, New York, Routledge. 270 p.
- Ferguson, K. L. (2016). *Eighties People: New Lives in the American Imagination*. NY, Palgrave Macmillan. 193 p.
- Gagut, L. D., Panferov, K. N. (2008). *Mirovaya ekonomika i vnesheekonomicheskaya deyatel'nost': Teksty lektsii* [World Economy and Foreign Economic Activity: Lecture Texts]. Moscow, MGTU GA. 96 p.
- Hammond, J. L. (1986). Yuppies. In *Public Opinion Quarterly*. No. 50 (4), pp. 487–501. <https://doi.org/10.1086/268999>.
- Ivanova, M. M., Kakicheva, Yu. V., Korovina, A. Yu. et al. (2010). *Lingvokul'turnye tipazhi: priznaki, kharakteristiki, tsemnosti* [Linguistic and Cultural Types: Signs, Characteristics, Values] / ed. by O. A. Dmitrieva. Volgograd, Paradigma. 228 p.
- Yarmahova, E. A. (2005). *Lingvokul'turnyi tipazh «angliiskii chudak»* [Lingvocultural Type “English Eccentric”]. Dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, Volgogradskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet. 191 p.
- Yurina, A. A. (2014). Subkul'tura yappi: popytka sotsiologicheskogo analiza [Subculture of the Yuppie: Attempt of Sociological Analysis]. In *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 5 (116), pp. 45–50.
- Karasik, V. I. (2020). Epidemiy v zerkale mediinogo diskursa: fakty, otsenki, pozitsii [Epidemic in the Mirror of Media Discourse: Facts, Evaluations, Positions]. In *Politicheskaya lingvistika*. No. 2 (80), pp. 25–34. DOI: 10.26170/pl20-02-02.
- Karasik, V. I. (2010). *Yazykovaya kristallizatsiya smysla* [Language Crystallization of the Point]. Volgograd, Izdatel'stvo «Paradigma». 422 p.
- Kobozeva, I. M. (2019). *Lingvisticheskaya semantika* [Linguistic Semantics]. Moscow, LENAND. 352 p.
- Kozhemyakin, E. A. (2010). Massovaya kommunikatsiya i mediadiskurs: k metodologii issledovaniya [Mass Communication and Media Discourse: Towards Research Methodology]. In *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. No. 12 (83), pp. 13–21.
- Kustarev, A. (2012). Prestizhnyi sotsionim [Prestigious Socionym]. In *Kul'turnaya evolyutsiya*. URL: <https://yarcen-ter.ru/articles/society/prestizhnyy-sotsionim-51952/> (mode of access: 07.07.2022).
- Leontyeva, T. V., Shchetinina, A. V., Eremina, M. A. (2018). *Galereya lingvisticheskikh portretov sotsial'nykh tipazhei* [Gallery of Linguistic Portraits of Social Types]. Ekaterinburg, Azhur. 336 p.
- Leontyeva, T. V., Shchetinina, A. V. (2021). Identichnost' kak organizuyushchaya ideya novoi leksiki i frazeologii [Identity as an Organizing Idea of New Vocabulary and Phraseology]. In *Nauchnyi dialog*. No. 12, pp. 89–105.
- McKay, S. (2006). Media and Language. In *Encyclopedia of Language and Linguistics*. Amsterdam, Elsevier, pp. 597–602.
- Polonsky, A. V. (2014). Massmediynost' kak kategoriya diskursa i teksta [Mass media as a Category of Discourse and Text]. In *Diskurs sovremennykh mass-media v perspektive teorii, sotsial'noi praktiki i obrazovaniya: I Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. 1–4 aprelya 2014*. Belgorod, Konstanta, pp. 110–122.
- Shchetinina, A. V. (2018). *Teoretiko-metodologicheskie osnovy ideografirovaniya sotsial'noi leksiki* [Theoretical and Methodological Foundations of the Ideography of Social Vocabulary] / ed. by T. V. Leontyeva. Ekaterinburg, Azhur. 180 p.
- Smith, N. (1987). Of Yuppies and Housing: Gentrification, Social Restructuring, and the Urban Dream. In *Environment and Planning D: Society and Space*. No. 5 (2), pp. 151–172. DOI: 10.1068/d050151.
- Teliya, V. N. (1996). *Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokulturologicheskii aspekty* [Russian Phraseology. Semantic, Pragmatic and Linguocultural Aspects]. Moscow, Shkola «Yazyki russkoi kul'tury». 288 p.
- Thornborrow, J. (2006). Media: Analysis and Methods. In *Encyclopedia of Language and Linguistics*. Amsterdam, Elsevier, pp. 616–623.
- Tsupikova, E. V., Fisenko, O. S. (2016). Integratsiya nauk v poiskakh smysla v ramkakh sovremennoi semasiologii [Scientific Integration in Search of Meaning within the Framework of Modern Semasiology]. In *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya*. No. 1 (23), pp. 70–77.
- Yule, G. (2003). *The Study of Language*. Cambridge, Cambridge University Press.
- Zharkynbekova, Sh. K., Zadanova, E. B. (2021). Reprezentatsiya lingvokul'turnogo tipazha «yuppie» v yazykovoi kartine mira amerikantsev [Representation of the Linguocultural Type “Yuppie” in the Language Picture of the Americans].

In *Yazyk, obshchestvo, lichnost' i tvorchestvo Nizami Gyandzhevi: Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya, Sumgait, 28–29 oktyabrya 2021 goda*. Sumgait, Sumgaitskii gosudarstvennyi universitet, pp. 402–406.

Данные об авторах

Дубровская Татьяна Викторовна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой «Английский язык», Пензенский государственный университет (Пенза, Россия); ведущий научный сотрудник кафедры языков массовых коммуникаций, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 440026, Россия, Пенза, ул. Красная 40; 620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

E-mail: gynergy74@gmail.com.

Юскаева Эльмира Ильясовна – аспирант кафедры «Английский язык», Пензенский государственный университет (Пенза, Россия); лаборант-исследователь кафедры языков массовых коммуникаций, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 440026, Россия, Пенза, ул. Красная 40; 620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

E-mail: elmira.yuskaeva@yandex.ru.

Authors' information

Dubrovskaya Tatiana Viktorovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of English Language Department, Penza State University (Penza, Russia); Leading Researcher of Department of Mass Communication Languages, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia).

Iuskaeva Elmira Ilyasovna – Postgraduate Student of English Language Department, Penza State University (Penza, Russia); Research Laboratory Assistant of Department of Mass Communication Languages, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia).

Дата поступления: 16.09.2022; дата публикации: 29.12.2022

Date of receipt: 16.09.2022; date of publication: 29.12.2022

ФЕМИНИТИВНОСТЬ: ОТ ЛЕКСИЧЕСКОЙ К СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ

Ильясова С. В.

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2386-6512>

Пугачева Е. В.

Кубанский государственный университет, филиал (Геленджик, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4012-8776>

А н н о т а ц и я . Феминитивы (феминативы) в настоящее время являются одной из активно обсуждаемых лексико-семантических групп. Обсуждение вышло далеко за пределы научного сообщества. Особенно жаркие дискуссии идут в интернет-коммуникации, в которой участвуют активные пользователи Интернета – сетяне, сетенавты. Они не только выражают свое отношение к существующим в языке феминитивам, но и предлагают свои, авторские, феминитивы, которые мы обозначаем термином неофеминитивы.

Термин *феминитив* имеет узкое и широкое значение. В узком значении под феминитивом понимается обозначение женщины в соответствии с выполняемой ею ролью в обществе, напр.: *студентка, учительница, кассирша*. Показателем феминности выступают суффиксы женскости – *-есс(а), -ис(а), -к(а), -ш(а)* и др. Наиболее продуктивными на сегодняшний день являются *-к(а)* и *-ш(а)*, новообразования с которыми вступают в отношения словообразовательной конкуренции, что на обширном иллюстративном материале показано в статье.

В широком значении под феминитивами понимаются существительные с семантикой женскости, а показателем феминности выступает окончание *-а*, напр.: *мама, тетя*.

Следствием активизации процесса заимствования стало расширение понятия феминности и, соответственно, границ лексико-семантической группы «Феминитивы». В эту группу вошли слова, имеющие только лексические признаки женскости, ср.: *бизнесвумен, шоувумен, бизнес-леди, герлскаут, колгерл, плеймейт* и др. Активность проникновения подобных иноязычных свидетельствует об их актуальности – правомочности отнесения к так называемым *актуальным неологизмам* (Маринова).

В то же время русский язык, открытый для заимствований, будучи языком флективного типа, активно осваивает заимствования, подстраивает их под сложившуюся систему, что находит выражение в создании неофеминитивов с признаками женскости на словообразовательном уровне, ср.: *бизнесвуменша – бизнесвуменшца, герлскаутка – герлскаутшца, плейметша – плейметшца*. Неофеминитивы вступают в отношения словообразовательной конкуренции – одного из активных словообразовательных процессов в современном русском языке.

Результатом нашего анализа неофеминитивов стал вывод о том, что они выполняют двоякую функцию: дифференцирующую, т. к. указывают на пол называемого объекта, но акт номинации почти всегда стилистически маркирован в силу особенностей суффиксов женскости, поэтому с уверенностью можно говорить о том, что сетевые неофеминитивы выполняют также перлокутивную функцию.

Научная новизна исследования видится в доказательстве положения о роли словообразования в изучении языковой картины мира применительно к сетевым неофеминитивам.

Ключевые слова: феминитивы; неофеминитивы; феминитивность; суффиксы женскости; русский язык; лексикология русского языка; лексическая семантика; заимствованная лексика; заимствованные слова; Интернет; интернет-коммуникация; интернет-технологии; интернет-дискурс; интернет-тексты; интернет-ресурсы; неформальная интернет-коммуникация

Для цитирования: Ильясова, С. В. Феминитивность: от лексической к словообразовательной / С. В. Ильясова, Е. В. Пугачева. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2022. – Т. 27, № 4. – С. 54–66. – DOI: 10.51762/1FK-2022-27-04-05.

FEMINITIVITI NOMINATIVE AND DERIVATIONAL ASPECTS

Svetlana V. Ilyasova

Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2386-6512>

Elena V. Pugacheva

Branch of Kuban State University (Gelendzik, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4012-8776>

Abstract. Currently feminitives (feminatives) appear to be one of the actively discussed lexico-semantic groups. This discussion has gone far beyond the community of researchers. Especially heated discussions are held in the internet-mediated communication involving the so called netizens, or netenauts – active Internet users. They not merely express their attitude towards the feminitives that already exist in the language but also propose their own auctorial feminitives. The authors denote these units by the term *neofeminitives*.

The term *feminitive* has narrow and broad meanings. In its narrow meaning the term *feminitive* is understood to be a denomination of a woman in accordance with her social role, for instance: *studentka* (college girl), *uchitel'nitsa* (schoolmistress), *kassirsha* (paymistress). The feminine suffixes *-ess(a)*, *-is(a)*, *-k(a)*, *-sh(a)* and others serve as determinants expressing the notion of femininity. Nowadays, the most productive suffixes are *-k(a)* and *-sh(a)*. The units newly formed with the help of them enter into the relations of derivational competition. The article shows this phenomenon on the vast illustrative material.

The term *feminitive* in its broad meaning is used to denote nouns having semantics of femininity and expressed by the inflection *-a*, for instance: *mama* (mom), *tyotyа* (aunt), etc.

The extension of the notion of femininity and, correspondingly, the expansion of the scope of the lexico-semantic group of “feminitives” appear as consequence of activation of the processes of borrowing. The group of “feminitives” has accepted some words that have only lexical feature of femininity, cf.: *biznesvumen*, *shouvumen*, *biznesledi*, *gerlskaut*, *kolgerl*, *pleymeyt* and others. The activity of penetration of such foreignisms serves as an evidence for their being urgent and proves that they should be regarded as the so called *actual neologisms* (Marinova).

Meanwhile, the Russian language, being an inflectional language open to new loan words, actively adopts borrowings, adjusting them to the established system. This is manifested through creating neofeminitives with the derivational determinants of femininity, cf.: *biznesvumensha* – *biznesvumenikha*, *gerlskautka* – *gerlskautsha*, *pleymetsha* – *pleymeytikha*. These neofeminitives enter into the relationship of derivational competition, which is one of the active derivational processes in the modern Russian language.

As the results of this neofeminitives analyses, the authors draw a conclusion that they accomplish a twofold function. Firstly, neofeminiteves accomplish a differentiating function, as they denote the gender of the named object, but this act of naming is almost always stylistically marked because of some particular qualities of the feminine suffixes. For this reason, one may state with confidence, that Internet neofeminitives also accomplish a perlocutionary function.

The scientific novelty of the study is seen in the proof of the position on the role of word formation in the study of the linguistic picture of the world in relation to the group of neofeminitives.

Keywords: feminitives; neofeminitives; feminitivity; feminine suffixes; Russian language; Russian lexicology; lexical semantics; borrowed vocabulary; loan words; Internet; Internet communications; Internet technologies; Internet discourse; Internet texts; Internet resources; non-formal Internet communication

For citation: Ilyasova, S. V., Pugacheva, E. V. (2022). Feminitiviti: Nominative and Derivational Aspects. In *Philological Class*. Vol. 27. No. 4, pp. 54–66. DOI: 10.51762/1FK-2022-27-04-05.

Пополнение современного русского языка новой лексикой, как известно, идет двумя путями – путем заимствования и путем словообразования, причем словообразовательные процессы происходят в основном за счет освоения новых заимствований – так называемых актуальных неологизмов, «которые обозначают заимствованные из чужой действительности и ставшие актуальными в нашей действи-

тельности реалии, понятия» [Маринова 2008: 426].

Рассматриваемая в работе категория феминитивности служит доказательством отмеченных процессов, т. к. в современном русском языке она представлена как традиционными для русского языка словами с формальными показателями женскости – окончаниями и суффиксами женскости, так и заимствован-

ными лексемами с семантикой женскости, которые не только фиксируются словарями иноязычной лексики и словарями новых слов, но и подвергаются словообразовательной адаптации, что вызывает к жизни *неофеминитивы* (термин наш). Покажем отмеченные процессы поэтапно.

Термин *феминитив* получил в последнее время широкое хождение не только в научной литературе, но и в языке СМИ, а также в неформальной интернет-коммуникации, в дискуссиях интернет-пользователей, где обсуждается не только правомерность создания и употребления феминитивов (в основном споры касаются обозначений женщин по роду занятий), но и сам термин феминитив, ср.:

– Глеб, феминитивы (или феминативы, потому что слово новое и еще не зафиксировано в словарях => никакой ошибки здесь нет, можно использовать оба варианта) не всегда противоречат нормам языка. Спортсменка, учительница, кухарка и многие другие слова – тоже феминитивы, на минуточку. Та же спортсменка – феминитив от «спортсмен», который изначально также является заимствованным словом.

– Зачем феминизировать названия профессий?; Глеб, я тоже против феминитивов и др. (<https://t-catalog.ru/views/content>).

Текст-размышление с метаязыковыми комментариями (о которых подробнее будет идти речь далее) приводит Н. А. Самыличева, ср.: *Подходящие слова зовутся феминитивами. На картинке реальный скрин из группы по теме. В обсуждениях можно встретить всякое – типа «Я блогерка, авторка уникального контента и фотография (!)». А суффиксы типа «-ша» фемок угнетают – мол, неуважительно это и прозаично.*

Архитекторка	Гения
Редакторка	Египтологиня
Сурдопедагогиня	Ревизорка
Политологиня	Дикторка

Если честно, меня просто бомбануло.

*С вами была педагогиня (по образованию), авторка (данного поста и **болванесса** (по жизни)) (http://grows5.rssing.com/chan-1+895415|all_p1835.html) [Самыличева 2021: 273].*

В специальной литературе термин *феминитив* может употребляться в широком и узком смысле, ср.: «Феминативы (феминитивы, от

лат. *fēmina*, женщина) – это слова с „показателем женскости“, в русском языке – обычно со специальным суффиксом. Например: *волчица* или *рыбачка*. В более широком смысле – слова, обозначающие женщин, в том числе, например, *тетя, примадонна*» [Фуфаева 2020: 10].

Таким образом, а) термином *феминитив* (*феминатив*) может обозначаться любое существо женского пола; б) показателем женскости выступают как специальные суффиксы женскости, так и окончание *-а*. Кстати, доказательством последнего положения являются такие примеры обратного словообразования, как *гейш, примадон* [см. Ильясова 2002: 202], а также зафиксированные в Викисловаре *нянь, проститут*.

Следовательно, феминитивы – это слова с формальными показателями женскости. Категория женскости в современном русском языке понимается как модификационная, напр.: «Модификационным значением женскости обладают: а) существительные со знач. лица женского пола, мотивированные существительными мужского рода со знач. лица; слова этой группы могут иметь также значение „жена лица, названного мотивирующим словом; б) названия самок животных, мотивированных названиями животных“» [РГ-80, § 380].

Но в современном русском языке появились две группы слов, которые при обозначении женщин «обходятся» без морфологических и словообразовательных показателей женскости. На них обратила внимание Е. В. Маринова. Прежде всего, это существительные мужского рода, обозначающие лицо только женского пола, эти слова автор характеризует как уникальные, ср.: «На рубеже XX–XXI веков в современной русской речи употребляются уникальные с точки зрения русской грамматики слова – существительные, которые, несмотря на то что обозначают лицо женского пола (по роду деятельности), изменяются как существительное мужского рода» [Маринова 2008: 149]. В эту группу автор включает два слова: *бемиситтер / беби-ситтер, чирлидер*.

Во вторую группу входят существительные женского рода, обозначающие лицо только женского пола. Эту группу образуют такие слова, как:

а) склоняемые: *путана, секс-бомба*;

б) несклоняемые: *бизнесвумен, бизнес-леди, гёрлфренд, колгёрл, кавегёрл, гоу-гоу-гёрл, плейгёрл, шоувумен, хостес* [Там же: 151].

В кандидатской диссертации А. С. Васильевой в таблице «Иноязычные наименования лиц женского пола» группа несклоняемых существительных с компонентом «женскости» представлена более широко, ср.: *герл-гайд, герлскаут, герлфренд, ит-герл, колгерл, пин-ап-герл, плеймейт, промогерл, ринг-герл, тамблер-герл, фэшнвумен, фронт-герл, шоувумен, эмо-герл, экскорт-герл* [см. Васильева 2016: 58–61].

Большинство из перечисленных заимствований являются экзотизмами, но, учитывая идущий ускоренными темпами процесс интернационализации, нельзя исключать факт быстрого появления этих реалий в нашей жизни и, соответственно, их обозначений, что должно найти подтверждение в: 1) их вхождении в словари иноязычной лексики, словари новых слов; 2) грамматической и словообразовательной адаптации.

Заметим, что три заимствования – *бемиситтер, чирлидер* и *хостес* – уже послужили предметом нашего анализа, который подтвердил выдвинутую гипотезу как об отражении их в словарях русского языка, так и о влиянии словообразовательной категории женскости русского языка при освоении заимствований, изменяющихся как существительные мужского рода. Все эти слова уже имеют формальные показатели женскости, ср.: *бемиситтерша, бемиситтерка, чирлидерша, чирлидерка, хостесша* [см. Ильясова, Пугачева 2021].

Проверим эту тенденцию на примере другой группы слов.

1. Феминитивы с семантикой женскости и производные от них в словарях русского языка

Большая часть слов с компонентом женскости уже зафиксирована словарями русского языка. Это: *бизнесвумен, герлскаут, герлфренд, гоу-гоу-герл, кавегерл, колгерл (кол-герл), промогерл (промогерл), плеймейт, ринг-герл (ринг-герл), шоувумен, эмо-герл*. Рассмотрим их в указанном порядке. Часть из приведенных заимствований можно найти в Викисловаре – мобильном лексикографическом источнике. Важным считаем отметить, что в разделе «Библиография» для некоторых слов приводится ссылка

на «Новые слова и значения. Словарь справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX в.» (СПб.: Дмитрий Буланин», 2014) [далее – НСЗ-90]. Такая информация содержится в словарных статьях, посвященных заимствованиям *бизнесвумен, герлскаут, герлфренд, кол-герл, промогерл, ринггерл, шоувумен*, напр.:

бизнесвумен

Значение

женск. к бизнесмен.

Синонимы

бизнес-дама, бизнес-леди, коммерсантка, предпринимательница; разг. бизнесвуменка, бизнесвуменша.

Библиография

НСЗ-90.

Обратим внимание на следующее:

Существительное представлено как парное к существительному мужского рода.

Среди синонимов можно увидеть два производных неофеминитива – *бизнесвуменка, бизнесвуменша*. Второму из них в Викисловаре посвящена отдельная словарная статья, которая также представляет интерес, ср.:

бизнесвуменша

Корень: -бизнес-; корень: -вумен-; суффикс: -ш; окончание: -а.

Значение

разг. женщина-предприниматель ♦

Синонимы

бизнес-дама, бизнес-леди, коммерсантка, предпринимательница; разг. бизнесменка, бизнесменша.

Библиография

Бизнес-вуменша // НСЗ-90.

Мы выбрали из словарной статьи разделы, представляющие для нас интерес. Обратим внимание на то, что слово представлено как традиционный феминитив – выделен соответствующий суффикс женскости; толкование значения опирается на семантику самого слова (а не на производящее, напр.: то же, что *бизнесвумен*); в списке синонимов отсутствуют *бизнесвуменка, бизнесвуменша*; отражено вариативное написание – *бизнес-вумен*.

Заимствование *бизнесвумен*, безусловно, является *актуальным неологизмом*, и подтверждением этого служит появление неофеминитивов, вступающих между собой в отношения словообразовательной конкуренции. Оба не-

офеминитива – *бизнесвуменша* и *бизнесвуменка* – образованы с помощью самых частотных суффиксов женскости, о чем подробно будет сказано далее.

С компонентом *-вумен* в словарях также представлен неологизм *шоувумен* – ведущая телешоу [Викисловарь; НСЗ-90].

Заемствование *фэшн-вумен* в диссертации А. С. Васильевой толкуется как «женщина из мира клипа» [Васильева 2016: 61].

Гораздо больше новейших заимствований содержит компонент *-герл*, и палитра значений здесь куда более широкая – от достаточно нейтральных, напр.: *герлскаут* – «девочка или девушка, являющаяся членом скаутской организации» [Викисловарь] до порою эпатирующих, ср.: *герлфренд* – «подруга, партнерша в интимных отношениях» [Там же]; *кол-герл* – «девушка по вызову, проститутка» [Там же]. Оба последних заимствования зафиксированы также в НСЗ-90. Для заимствования *герлфренд* приводится также антоним – *бойфренд*.

В словарной статье с заглавным словом *герлфренд* приведен также ряд синонимов: *герлфрендша*, *партнерша*, *сожительница*, *девушка*. Полагаем, что последний из синонимов выглядит в этом ряду не совсем гармонично.

Несомненный интерес представляет и развернутая этимологическая справка, из которой видно, как произошло расширение значения, ср.:

Этимология

Происходит от англ. *girlfriend* «подруга», из *girl* «девочка» + *friend* «друг». Англ. *girlfriend* в знач. «подруга детства» – с 1860-х, в значении «партнерша в интимных отношениях» – с 1922 г. Использованы материалы Online Etymology Dictionary Дугласа Харпера.

В Викисловаре представлен также и неофеминитив *герлфрендша*. Его значение полностью совпадает со значением заимствования *герлфренд*, ср.:

разг. подруга, партнерша в интимных отношениях.

Оба слова – *герлфренд* и *герлфрендша* – представлены также в НСЗ-90.

Полагаем, что будет уместно сделать небольшое отступление, касающееся феминитивов и их обсуждения в неформальной интернет-коммуникации. Проблема феминитивов, как уже было показано, давно вышла

за рамки научных дискуссий и стала одной из самых обсуждаемых пользователями Интернета – *сетянами*, *сетенавтами*. Покажем это на примере феминитивов от заимствования *френд*. Поводом для обсуждения стало слово *френдочка*, которое является не феминитивом, а уменьшительно-ласкательным существительным. В ходе обсуждения возник целый ряд неофеминитивов, ср.:

– *Еще есть френдницы. На мой взгляд не лучше (здесь и далее сохранена авторская пунктуация).*

– *А мне нравится «френдесса». Ассоциируется с «принцессой» почему-то.*

– *И со «стюардессой, тоже, а они часто бывают красивые.*

– *Френда... френдюшка... френдесса.*

– *Френдша.*

– *Френдка.*

– *Френд-герл*

(<https://luchshe-molchi.livejournal.com>).

Подобные обсуждения, в которых можно встретить и метаязыковые комментарии, можно найти на целом ряде сайтов, особенно популярны они на сайте «Ответы.Mail.ru». Идут жаркие споры, дискуссии о том, нужны ли феминитивы вообще. И часто они заканчиваются такими вот категоричными высказываниями, как при обсуждении феминитивов, образованных от заимствования *френд*, ср.: – *Ну раз так бесит... то можно устроить френдоцид.*

Вернемся к обсуждению фиксации заимствований с компонентом женскости *-герл* в словарях.

В Викисловаре можно увидеть заимствование *эмо-герл* – «девушка – представительница суб-культуры эмо». В разделе «Библиография» есть ссылка на «Словарь новейших иностранных слов» Е. И. Шагаловой.

В Викисловаре находим также два заимствования с названным компонентом в форме множественного числа:

Промогерлз – «девушки, которые работают на промоутерской акции, встречая посетителей, раздавая рекламные буклеты, знакомя с продукцией и т. д».

Это заимствование также включено в НСЗ-90.

Ринг-герлз – «в некоторых видах спорта – девушки, которые выходят на ринг, держа в руках таблички с номером раунда».

Два заимствования отражены в «Словаре иностранных слов» Н. Г. Комлева:

Кавэ-герл

Фото модель для обложек иллюстрированных журналов

Разг. журнальная красотка

Гоу-гоу-герл амер., ирон. девушка, задающая тон в танце на дискотеке.

Невозможно оставить без внимания словарную статью, посвященную заимствованию *тамблер-герл* в «Словаре молодежного сленга», ср.:

Тамблер-герл

тамблер-гёрл, сущ., ж. р. (интернет, социальные сети, тамблер)

Значение:

Молодая девушка или девочка, проводящая время в тамблере, посящая различные тамблер-картинки и другие записи.

Девушка или девочка, предпочитающая стиль тамблера, зачастую черный или темный цвет одежды, обязателен чокер, для фото наклеивает на свое лицо стразы или различные фотошоп наклейки. Может красить волосы или подмышки в различные яркие цвета (прим. розовый, фиолетовый, зеленый) [Словарь молодежного сленга].

В неформальной интернет-коммуникации можно найти множество определений этого заимствования – от относительно нейтральных до откровенно эпатажных, ср.:

– *тамблер герл это девушки, которые ведут активную жизнь в социальной сети «Tumblr». Вообще вся эта вакханалия нужна лишь для того, чтобы быть в центре внимания и ничего больше. Значение слова Тамблер герл. Первое значение. Тамблер гёрл это девушка (или даже парень), которая любит постить милые селфи фотографии в различные социальные сети. Особую популярность приобретают те особи, у которых чрезвычайно милый и беззащитный вид. После появления целой команды поклонников и поклонниц начинает чувствовать себя социально значимым индивидом (vk.com>wall-156363309).*

– *Существо, непонятного рода, которое облиывает кактусы, сытет в глаза и на лицо блестячки, красит подмышки и брови в яркие цвета. идиот (teenslang.ru).*

Семантическую адаптацию проходят и другие новейшие заимствования.

Так, если значение заимствования *герл-гайд* А. С. Васильева со ссылкой на Lingvo Universal

приводит как «девушка-гид» [Васильева 2016: 60], то в «Словаре композитов» читаем:

Герл-гайд

член скаутской организации девочек от 7 до 18 лет, участница движения герл-гайдинг. Это значение полностью согласуется со значением заимствования *гайдинг*, приведенным в Викисловаре, ср.:

гай-динг

Всемирное движение, объединяющее девочек, девушек и женщин и ставящее своей целью их духовное, интеллектуальное, физическое развитие.

Интерес для прагмалингвистического анализа представляет также ряд других заимствований.

Заимствование *фронт-герл* отсутствует в известных нам словарях, но в Викисловаре есть неологизм *фронтмен* – муз. участник музыкальной группы, ее лидер (как правило, вокалист). В диссертации А. С. Васильевой, без ссылки на источник, заимствованию *фронт-герл* дается такое определение – «девушка – главное лицо поп-клипа» [Там же: 61].

Несомненный интерес представляет сопоставление семантики неофеминитива *эскортница* и заимствования *эскорт-герл*. Первое, возникшее в русском языке, имеет уже развитую семантическую структуру и отчетливо выраженную коннотацию, ср.:

1) *разг., неол.* в модельном бизнесе – девушка (манекенщица), оказывающая платные услуги бизнес-эскорта – делового сопровождения важных персон на каком-либо мероприятии; эскорт-модель;

2) *эвф.* элитная профессиональная проститутка, отличающаяся привлекательной внешностью, интеллектом, изысканной одеждой и аксессуарами, знанием иностранных языков и тщательно залегендированным социальным положением [Викисловарь].

Второе – нейтрально и поэтому имеет шансы закрепиться в русском языке для обозначения вида деятельности, не содержащей отрицательную оценку, ср.: *эскорт-герл* – «девушка, организующая сопровождение и досуг состоятельных мужчин» [Васильева 2016: 61].

Заслуживает внимания анализ заимствования *пин-ап-герл*, которое в диссертации А. С. Васильевой со ссылкой на Lingvo Universal

определяется как «девушка с постера, настенного календаря» [Там же: 69].

Это заимствование отсутствует в известных нам словарях, но об интересе к феномену *пин-ап* свидетельствует словарная статья в Вики-словаре, ср.:

пин-ап

рисованная открытка, фотография или постер с изображением красивой полуобнаженной девушки.

Завершим обзор заимствований с компонентом женскости неологизмом *плеймейт*, включенным в Википедию, ср.:

Playmate (с англ. – «подружка плейбоя») – женщина-модель, представленная на развороте журнала Playboy как Playmate of the Month (англ. подружка месяца журнала Playboy).

II. Неофеминитивы в неформальной интернет-коммуникации

Мы полностью разделяем точку зрения Т. Б. Радбиля на роль интернет-коммуникации как лаборатории языковых инноваций [Радбиль 2021: 12]. Представленные далее результаты анализа подтверждают высказанное автором мнение о том, что «заимствованные элементы, изначально являясь знаками чужой культуры и даже на формальном уровне сохраняя внешние маркеры „чужести“, становятся, по сути, принадлежностью „русского мира“. При этом культурная апроприация иноязычных элементов имеет вполне отчетливые фонетические и орфоэпические, семантические и лексические, словообразовательные, грамматические, функционально-стилистические признаки, по которым можно диагностировать степень культурной апроприации того или иного инновационного образования с иноязычными строевыми элементами» [Там же: 56].

Покажем признаки культурной апроприации на словообразовательном уровне. Для демонстрации этих признаков нам представляется удачным термин «офемитивливание», использованный в монографии И. Фуфаевой, под которым автор понимает создание новых феминитивов, ср.: «Серьезные мечты Ефремова об агрономиях и докторинях не сбывались, пока их не подхватили на новой волне офемитивливания» [Фуфаева 2020: 229].

Для освещения процесса *офемитивливания* следует обратиться к проблеме суффиксов

женскости, которая является предметом лингвистических дискуссий.

В отечественном языкознании сложилась устойчивая традиция трактовать категорию женскости как модификационную категорию. Такой подход отражен в РГ-80, где существительные со значением женскости рассматриваются в разделе «Существительные с модификационными значениями», которыми «обладают существительные: а) со знач. лица женского пола, мотивированные существительными мужского рода со значением лица; слова этой группы могут иметь также значение „жена лица, названного мотивирующим словом“; б) названия самок животных, мотивированные названиями животных» [РГ-80: 200]. Заметим, что при таком понимании существительных со значением женскости за пределами этой категории остаются все феминитивы, мотивированные существительными, не обозначающими мужчин, например *маникюрша*, *педикюрша* и др.

В работах Е. А. Земской, которая также понимает категорию женскости как модификационную, подчеркивается ее универсальный характер для многих языков [Земская 1992: 167]. Очень важным моментом для исследования неофеминитивов является даваемая автором стилистическая характеристика суффиксов женскости [Там же]. Не оспаривая положение об универсальности категории женскости, заметим только, что в русском языке языковые средства ее воплощения отличаются от других языков, что и вызывает такие жаркие споры о правомерности существования феминитивов вообще. Так, например, нейтральное в немецком языке слово *Kanzlerin* приобрело экспрессивное, игровое значение в таком контексте: *Канцлерин вся Германия*.

Предложенная Е. А. Земской стилистическая оценка суффиксов женскости, относящаяся к концу XX века, дает возможность увидеть как традиции, так и новации, относящиеся уже к XXI веку. И те и другие представлены, например, в докторской диссертации З. И. Минеевой, где дана картина неологизации русского языка. Отметим, что неофеминитивы рассматриваются автором в группе неоагентивов, например, неофеминитивы на *-к(а)* – в группе «Отыменная деривация», где наряду с феминитивами на *-к(а)* приведены агентивы на *-ик*, *-ист*, *-овец*

[Минеева 2017: 160–192]. Забегая вперед, скажем, что феминитивы на *-есс(а)*, *-истк(а)*, *-их(а)*, *-иц(а)*, *-ниц(а)*, *-ш(а)* представлены в одном ряду с другими дериватами – на *-ак*, *-ан*, *-ин* и др. [Там же: 223–241]. С одной стороны, такой подход представляется вполне оправданным, т. к. образование феминитивов рассматривается в диссертации как словообразовательный процесс, а не модификационный, с другой – здесь явно имеют место свои закономерности, о чем можно прочесть, например, в захватывающей монографии И. Фуфаевой, посвященной лексике «со сложной судьбой» [Фуфаева 2020: 9], где история суффиксов женскости прослеживается начиная с XVII века.

В нашем исследовании мы будем придерживаться классификации суффиксов женскости, предложенной В. В. Лопатиным и И. С. Улухановым в «Словаре словообразовательных аффиксов русского языка» (далее – Лопатин), которая базируется на обширном материале, в том числе, что очень важно, неологическом. Авторы выделяют следующие суффиксы женскости: *-есс(а)*, *-ин(я)* и орф. *-ын(я)*, *-ис(а)*, *-иц(а)*, *-их(а)*, *-к(а)*, *-ш(а)* и называют их заглавными морфемами. Они могут быть единственными или основными. «Если заглавный морф не единственный, то далее перечисляются (через запяты) все остальные морфы данной морфемы в алфавитном порядке» [Лопатин 2016: 7]. Так, например, морфема с основным морфом **-К(А)З** представлена 12 морфемами [Там же: 465].

Анализ новых слов, которые приводятся с пометами «Нов.» и «Окказ.», позволил выявить продуктивность каждого из приведенных суффиксов: *-есс(а)* прод. (продуктивен – С.И., Е.П.), преимущ. в разг. речи; *-ин(я)* – прод. в разг., преимущ. в шуточных образованиях, относящихся к некоторым профессиональным сферам общения; *-ис(а)* – эпизодич. прод. в разг. речи; *их(а)* – прод. в разг. речи; *-иц(а)* – прод.; *-к(а)* – прод.; *ш(а)* – прод. в разг. речи и в просторечии. Все перечисленные суффиксы женскости характеризуются как продуктивные, но продуктивность их ограничена сферой функционирования – разговорной речью и просторечием. Так, например, узусальные существительные на *-есс(а)*, напр. *поэтесса*, *стюардесса*, *адвокатесса*, «прод. преимущ. в разг. речи» [Там же: 315], новые – *гидесса* и *критикесса* – также в разговорной речи,okka-

зиональные – *авторесса*, *критикесса* – приводятся с указанием на источник – художественная литература, публицистика, устная речь [Там же]. Вызывает вопрос отнесение их к разным типам новых слов. Для ответа на этот вопрос обратимся к толкованию терминов неологизм и окказионализм, ср.: «Неологизмы – это новые слова, вошедшие в общее употребление, например *космодром*, *расстыковка*, *цементовоз*, *нефтехимия*. Окказионализмы – это индивидуальные новообразования, не вошедшие в общее употребление, например: *громадье*, *паспортина* (Маяковский)» [Там же: 34]. Если считать, что под сокращением нов. скрываются неологизмы, тогда и *гидесса*, и *критикесса* должны быть зафиксированы в толковых словарях или в словарях новых слов. Спорность ситуации усугубляется тем, что все новые слова – и неологизмы, и окказионализмы – образованы по одной модели.

Подобный вопрос вызывает знакомство с разрядами новой лексики, образованной с помощью других суффиксов. Так, среди новых слов на *-к(а)* к неологизмам отнесены *синоптичка*, *хиповка*, *учителка*, а к окказионализмам – *демагогичка*, *терапевтичка* и еще ряд слов на *-ичк(а)*, среди новообразований на *-ш(а)* – к неологизмам – *модельерша*, *режиссерша* и др., к окказионализмам – *искусствоведша*, *экскурсоводша*, *барменша* и др.

Так как приведенные в словаре феминитивы имеют непосредственное отношение к теме нашего исследования – проблеме феминитивности и способам создания неофеминитивов – позволим себе дать оценку феминитивам, созданным по некоторым из моделей.

Рассмотрим неологизмы и окказионализмы, образованные с помощью суффикса *-ша*. К первым отнесены модельерша, режиссерша, реставраторша, ординаторша, чабанша, кандидатша, шоферша, ко вторым – искусствоведша, экскурсоводша, слесарша, педагогша, метрдотельша, руководительша. В первой группе наблюдается следующая картина: модельерша и кандидатша есть в НСЗ-80, режиссерша – в «Словаре новых слов» (1995), шоферша – в Википедии, во второй группе: искусствоведша – в «Большом академическом словаре» (М., СПб.: Наука, 2004), экскурсоводша – в НСЗ-90, слесарша – в Викисловаре. Таким образом, в словарях представлены как неологизмы, так и окказионализмы. Послед-

нее противоречит традиционному пониманию окказиональных слов как слов необычных, фактов речи, а не языка.

Вопросы вызывает также интерпретация новых слов на *-ecc(a)* и *-к(a)*.

На наш взгляд, причина отмеченной непоследовательности лежит в отсутствии единой четкой классификации новой лексики, хотя неология уже прошла достаточно долгий путь в своем развитии и становлении, но поиски новых средств выразительности журналистами, пользователями Интернета приводят к появлению неодериватов, не всегда поддающихся однозначной оценке.

Напомним, что в указанном словаре все суффиксы женскости оценены как продуктивные. Обратимся к другим источникам, чтобы выявить, какие же суффиксы являются самыми *феминитивными* (термин наш), созданными по аналогии с введенным А. Г. Лыковым, ср.: особое внимание автор обращает на словообразовательные типы с суффиксом *-щик/-чик*, «наиболее агентивным» из всех суффиксов лица [Лыков 1959: 7. Цит. по Минеева 2017: 34].

Самыми «феоменитивными» в настоящее время считаются суффиксы *-к(a)* и *-ш(a)*.

В известной монографии «Словообразование как деятельность» Е. А. Земская наиболее активным называет суффикс *-к(a)*, при этом наиболее частотны женские корреляты на *-к(a)* от существительных на *-ист* [Земская 1992: 151].

Характеризуя суффикс *-ша*, ученый отмечает, что он используется в первую очередь тогда, «когда соответствующая специальность преимущественно женская: *секретарша*, *кондукторша*. При необходимости обозначить пол лица создаются производные на *-ш(a)* и от нетипично женских профессий и званий» [Там же: 152].

Мнения исследователей современных словообразовательных процессов расходятся. Если в докторской диссертации З. И. Минеевой в разделе «Дериваты с высокопродуктивными суффиксами» первым из суффиксов «женскости» назван *-к(a)*, который автор, ссылаясь на мнение Т. Ф. Ефремовой, характеризует как регулярную и очень продуктивную словообразовательную единицу [Ефремова 2005: 240. Цит.: по Минеева 2017: 182], то феминитивы на *-ш(a)* рассмотрены в разделе «Дериваты с продуктивными суффиксами», где опять-таки с опорой на «Толковый словарь словообразовательных

единиц русского языка» Т. Ф. Ефремовой дается следующая характеристика: «Достаточно регулярная и в разговорной речи продуктивная словообразовательная единица» [Ефремова 2005: 508. Цит.: по Минеева 2017: 236].

Другого мнения придерживается И. Фуфаева, ср.: «В результате тот самый *-ша* сейчас самый продуктивный суффикс женскости» [Фуфаева 2020: 219]. Вместе с тем автор отмечает активизацию суффикса *-к(a)* начиная с XVIII века. Успех *-к(a)* автор связывает «с валом заимствований» [Там же: 87]. Обратим также внимание на еще один важный вывод: именно в этот период появляются «дубли: *комедиантка* – *комедиантша*, *гувернантка* – *гувернантша* <...> В принципе, как уже говорилось, вариативность для новых слов, и особенно для заимствований, – дело привычное» [Там же]. К вопросу вариативности мы вернемся при рассмотрении вариантов от заимствований с семантикой женскости.

Как было сказано, в задачи нашего исследования входит проследить словообразовательную активность заимствованных слов с семантикой женскости, говоря другими словами, превращение их в традиционные для русского языка феминитивы – вхождение в словообразовательную категорию женскости.

А. С. Васильева в доказательство выдвинутого Е. В. Мариновой положения о том, что специфической чертой нашего времени является «стремительное формирование словообразовательного гнезда» [Маринова 2008: 429], приводит гнезда с вершинами *герл* и *вумен*. В первое входят 25 дериватов, в том числе феминитивы – *герл-ица-а*, *герл-ух-а*; *герл-скаутиха*; *герлфренд-их-а* [Васильева 2016: 77], во второе – 20, среди которых 8 феминитивов – *вумен-ш-а*, *вумен-к-а*, *вумен-иц-а*; *шоувумен-к-а*, *шоувумен-ш-а*; *бизнес-вумен-к-а*, *бизнесвумен-ш-а*, *бизнес-вумен-иц-а* [Там же].

Таким образом, с уверенностью можно говорить о том, что заимствования *вумен* и *герл* относятся к актуальным неологизмам [Маринова 2008: 426], т. к. они частотны, понятны и «легко порождают производные...» [Там же].

В настоящее время безоговорочное признание получила роль поисковых систем Интернета в исследовании языкового материала. Н. Д. Голев отмечает возможности Интернета на примере решения лингвистических задач

разного типа – поисковых, лексикографических, теоретических – преимущественно в сфере русского словообразования с привлечением данных из других сфер [Голев 2010: 197]. Применительно к дериватологии роль Интернета как источника языкового материала автор видит в возможности поиска заданного слова: «для дериватологии здесь особенно значимо то обстоятельство, что заданное слово можно сформулировать по актуальным для исследователя свойствам» [Там же: 202].

Полагаем, что полученные нами неодериваты нуждаются также в оценке выполняемой ими функции.

Бранко Тошович, в монографии которого наряду с родовым термином «интернет-лингвистика» употребляется и видовой термин «интернет-словообразование», выделяет три основных типа сетевых новообразований: «(а) каузативные (вызванные появлением новых понятий, предметов, свойств, процессов, действий и состояний), (б) утилитарные (вызванные стремлением к экономии), (в) перлокутивные, ориентированные на эффект – стилистический (создание экспрессивности и эмоциональности), лудистический (игра слов), демонстративный (выражение протеста), деструктивный (нарушение языковых норм), провокационный (использование словообразовательных эрративов)» [Тошович 2018: 169–170].

Рассмотрим неофеминитивы в аспекте выполняемой ими функции.

Бизнесвумен – бизнесвумениха

Этот неофеминитив пополняет ряд уже рассмотренных неодериватов (*бизнесвуменша*, *бизнесвуменка*), вступая с ними в отношения словообразовательной конкуренции: *Дожили. Какая-то ушлая бизнесвумениха зарегистрировала права на мемасик «Наташа, ты спишь?..» С котиками, и теперь намерена на нем барыжить* (<https://vk.com>).

Глубокий, многоаспектный анализ словообразовательной конкуренции дан в работах Г. П. Нецименко. Охарактеризовав феномен конкуренции как имеющий исключительную важность «для понимания специфики функционирования языковой материи, характера и темпа ее развития» [Нецименко 2010: 121], автор замечает, что «о возникновении конкурентной ситуации можно говорить тогда, когда в некоторых точках языковой системы по-

являются, причем в рамках одного и того же синхронного среза, более или менее множественные очаги скопления изофункциональных средств. Отличаясь по своему внешнему оформлению (манifestация форманта), они идентичны в семантическом и стилистическом отношении, т. е. могут заменять друг друга в тексте без ущерба для содержащейся в нем смысловой и стилистической информации» [Там же: 120]. Полагаем, что стилистическая маркированность суффиксов женскости позволяет говорить об идентичности неофеминитивов.

Важно, что пользователи Интернета не только выбирают понравившийся им вариант наименования или приводят свой, часто также неодериват, но и дают метаязыковой комментарий – «оценивают, насколько в данной ситуации уместно данное слово, или мотивируют свой выбор слова, или указывают на индивидуальные оттенки смысла» [Мечковская 2016: 40]. Характеризуя метаязыковую функцию, Н. Б. Мечковская отмечает, что она «отличается от остальных выделенных Якобсоном функций большей логической сложностью и большей интеллектуальностью» [Там же].

Так, рассуждая о том, как назвать женщину, занимающуюся бизнесом, пользователи упоминают и заимствование с компонентом *-вумэн*, но неофеминитив почему-то мотивирован агентивом *бизнесмен*, ср.:

1. О неофеминитиве бизнесмениха: *Мне второй вариант очень нравится, применительно к России*)).

2. *Ой... да баба – она и есть баба.*

3. *Ни того ни другого слова нет.*

4. *Бизнесмениша – жена бизнесмена.*

Бизнесмениха – нет такого слова.

Бизнесвумэн – женщина, занимающая бизнесом Бизнесмениха короче)) (отметим логику пользователя, который сначала отрицает существование слова и тут же употребляет его).

5. *Да хоть как обзовите, что ей от этого делается* (<https://otvet.mail.ru/question/72712238>).

Предваряя анализ дальнейшего иллюстративного материала, скажем, что везде соблюдена авторская орфография и пунктуация.

Герлскаут – герлскаутка, герлскаутша

Эти неофеминитивы вступают в отношения словообразовательной конкуренции с уже рассмотренным *герлскаутиха*.

Первый из неофеминитивов довольно широко распространен в языке Интернета. Приведем пример, взятый с сайта «Ответы Mail.ru», ср.: *Идущие вместе это хороший проект? Нашей стране нужны бойскауты и гёрлскаутки по аналогии с USA?* (<https://otvet.mail.ru/question/34628056>).

На указанном сайте в ответе на вопрос *Подскажите, пожалуйста какие есть программы, чтобы съездить в США... – встретился другой неодеватив от гёрлскаут, ср.:*

флекс – выиграть языковой конкурс

есть множество обществ дружбы – они своих активных участников всегда поощряют поездкой стать гёрлскаутшей за счет бойскаутов америки (<https://otvet.mail.ru/question/88626162>).

Как видим, оба коррелята к *бойскаут* здесь уже выступают как собственно феминитивы.

Герлфренд – герлфрендесса, герлфрэндиня

Учитывая уже приведенные неофеминитивы *герлфрендша* (Викисловарь) и *герлфрэндиша* (Васильева), можно говорить о том, что конкуренция в этой группе неофеминитивов оказывается более острой.

Интересным примером создания неофеминитива по аналогии с узуальным словом (так называемое аналогическое словообразование – Е. С. Кубрякова) может служить следующий: *моя герлфрендесса-поэтесса как то сказала сакральную фразу «начинаю тихо ненавидеть коллег-поэтов... все врут и врут* (<https://stihi.ru/rec.html?2012/08/07/150>).

Неофеминитив *герлфрэндиня* появился при обсуждении в сети Дня святого Валентина. Так как комментарии носят эпатажный, в основном оскорбительный характер, приводить мы их не будем (<https://www.dispute.az/topic/1151753>).

Плеймейт – плеймейтша – плеймейтиха

Учитывая, что одним из значений феминитива *плеймейт* является женщина-модель, закономерным выглядит обсуждение на одном

из форумов, *могут ли плеймейтши иметь пышные формы* (<https://forum.pickup.ru/topic/12842501.092021>).

С плейметихами совсем запутались (<https://yandex.ru/search/?text=плеймейт>).

Результаты проведенного исследования могут быть представлены в виде следующих выводов:

1. Заимствования с семантикой женскости (11 слов) включаются в словари новых слов, в основном в Викисловарь, что свидетельствует о правомерности отнесения их к актуальным неологизмам. Интерес для русского языкового сознания представляют иноязычия как с компонентом *-вумен*, так и с компонентом *-герл*. На русской почве заметны следы семантической адаптации (см. *герлфренд, тамблер-герл, герл-гайд*).

2. В словарях отражается также процесс словообразовательной адаптации (см. *бизнесвуменша, бизнесвуменка, герлфрендша*), что служит еще одним показателем актуальности слов с семантикой женскости.

3. Более последовательно процесс словообразовательной адаптации идет в неформальной интернет-коммуникации – лаборатории создания инноваций. Дискуссии интернет-пользователей, их метаязыковые комментарии свидетельствуют об интересе к процессу офеминитивливания русского языка. Неофеминитивы вступают в отношения словообразовательной конкуренции, ср.: *гёрлскаутка – гёрлскаутша, герлфрендесса – герлфрэндиня*, через вариативность идет процесс поиска наиболее приемлемой номинации.

4. Неофеминитивы выполняют двоякую функцию: дифференцирующую, т. к. указывают на пол называемого объекта, но акт номинации почти всегда стилистически маркирован в силу особенностей суффиксов женскости, поэтому с уверенностью можно говорить о том, что сетевые неофеминитивы выполняют перлокутивную функцию.

Литература

Васильева, А. С. Наименования лиц женского пола в русском языке конца XX – начале XXI в.: семантика, структура, функционирование : дис ... канд. филол. наук / Васильева А. С. – М., 2016. – 199 с.

Викисловарь. – URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki> (дата обращения: 15.09.2021). – Текст : электронный.

Голев, Н. Д. Поиск системы Интернета как лингвистический источник (на примере решения некоторых теоретических и прикладных вопросов русского словообразования / Н. Д. Голев // Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование : Доклады XI Международной научной конференции Ко-

- миссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филологический факультет, 24–26 марта 2009 года). – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2010. – С. 197–211.
- Земская, Е. А. Словообразование как деятельность / Е. А. Земская. – М. : Наука, 1992. – 221 с.
- Ильясова, С. В. Словообразовательная игра как феномен языка современных СМИ / С. В. Ильясова. – Ростов-на-Дону : Изд-во Рост. ун-та, 2002. – 360 с.
- Ильясова, С. В. Феминизация феминитивов / С. В. Ильясова, Е. В. Пугачева // Филология и культура. – 2021. – № 3. – С. 11–17.
- Комлев, Н. Г. Словарь иностранных слов русского языка / Н. Г. Комлев. – URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/foreign-words-komlev/index.htm> (дата обращения: 10.10.2021). – Текст : электронный.
- Маринова, Е. В. Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI в.: проблемы освоения и функционирования / Е. В. Маринова. – М. : ООО «Издательство ЭЛПИС», 2008. – 495 с.
- Мечковская, Н. Б. Философия языка и коммуникации : учеб. пособие / Н. Б. Мечковская. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2016. – 508 с.
- Минеева, З. И. Активные процессы в деривации неоагентов в современном русском языке (1960–2016 гг.): структурно-семантический и прагматический аспекты : дис. ... д-ра филол. наук / Минеева З. И. – Нижний Новгород, 2017. – 577 с.
- Нещименко, Г. П. Тенденция языковой экономии как фактор динамики литературной нормы / Г. П. Нещименко // Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование : Доклады XI Международной научной конференции Комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филологический факультете, 24–26 марта 2009 года). – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2010. – С. 116–134.
- Пятаева, Н. В. Антропоцентрический и синергетический принципы лингвистики в динамическом исследовании лексических гнезд : монография / Н. В. Пятаева. – 2-е изд, испр. и доп. – М. : ФЛИНТА, 2018. – 212 с.
- Радбиль, Т. Б. Лингвокультурологическая и когнитивно-дискурсивная интерпретация активных процессов на базе иноязычных элементов в русском языке Интернета // Русский язык в интернет-коммуникации: лингвокогнитивный и прагматический аспекты : коллективная монография / Т. Б. Радбиль, Л. В. Рацибурская, Е. В. Щеникова, Е. А. Жданова, Н. А. Самыличева, В. А. Куликова ; под ред. Л. В. Рацибурской. – Москва : ФЛИНТА, 2021. – С. 10–93.
- Русская грамматика. Т. I. Фонетика. Фонология. Дарение. Интонация. Словообразование. Морфология. – М. : Наука, 1980. – 784 с.
- Самыличева, Н. А. Оценочный потенциал новообразований в языке Интернета в аспекте языковой игры / Н. А. Самыличева // Русский язык в интернет-коммуникации: лингвокогнитивный и прагматический аспекты : коллективная монография / Т. Б. Радбиль, Л. В. Рацибурская, Е. В. Щеникова, Е. А. Жданова, Н. А. Самыличева, В. А. Куликова ; под ред. Л. В. Рацибурской. – Москва : ФЛИНТА, 2021. – С. 237–283.
- Словарь молодежного сленга. – URL: <http://www.math.solution.ru> (дата обращения 05.10.2021). – Текст : электронный.
- Словарь композитов. – URL: https://complex_words.academic.ru/ (дата обращения: 06.10.2021). – Текст : электронный.
- Тошович, Б. Структура интернет-стилистики : монография / Б. Тошович. – М. : ФЛИНТА, 2018. – 492 с.
- Фуфаева, И. Как называются женщины. Феминитивы: история, устройство, конкуренция / И. Фуфаева. – М. : Издательство «АСТ» ; CORPUS, 2020. – 394 с.

References

- Fufaeva, I. (2020). *Kak nazyvayutsya zhenshchiny. Feminitivy: istoriya, ustroystvo, konkurentsia* [How are Women Called. Femininitives: History, Structure, Competition]. Moscow, Izdatel'stvo «AST», CORPUS. 394 p.
- Golev, N. D. (2010). *Poiskovye sistemy Interneta kak lingvisticheskii istochnik (na primere resheniya nekotorykh teoreticheskikh i prikladnykh voprosov russkogo slovoobrazovaniya* [Internet Search Engines as a Linguistic Source (on the Example of Solving Some Theoretical and Applied Issues of Russian Word Formation)]. In *Novye yavleniya v slavyanskom slovoobrazovanii: sistema i funktsionirovanie: Doklady XI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii Komissii po slavyanskomu slovoobrazovaniyu pri Mezhdunarodnom komitete slavistov (Moskva, MGU im. M. V. Lomonosova, filologicheskii fakul'tet, 24–26 marta 2009 goda)*. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, pp. 197–211.
- Ilyasova, S. V. (2002). *Slovoobrazovatel'naya igra kak fenomen yazyka sovremennykh SMI* [Word-Formation Game as a Phenomenon of the Language of Modern Media]. Rostov-on-Don, Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta. 360 p.
- Ilyasova, S. V., Pugacheva, E. V. (2021). *Feminizatsiya feminitivov* [Feminization of Femininitives]. In *Filologiya i kul'tura*. No. 3, pp. 11–17.
- Komlev, N. G. *Slovar' inostrannykh slov russkogo yazyka* [Dictionary of Foreign Words of the Russian Language]. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/foreign-words-komlev/index.htm> (mode of access: 10.10.2021).
- Marinova, E. V. (2008). *Inoyazychnye slova v russkoi rechi kontsa kontsa XX – nachala XXI v.: problemy osvoeniya i funktsionirovaniya* [Foreign Words in Russian Speech at the End of the 20th – Beginning of the 21st Centuries: Problems of Development and Functioning]. Moscow, ООО «Izdatel'stvo ELPIS». 495 p.
- Mechkovskaya, N. B. (2016). *Filosofiya yazyka i kommunikatsii* [Philosophy of Language and Communication]. Moscow, FLINTA, Nauka. 508 p.
- Mineeva, Z. I. (2017). *Aktivnye protsessy v derivatsii neoagentivov v sovremennom russkom yazyke (1960–2016 gg.): strukturalno-semanticheskii i pragmaticheskii aspekty* [Active Processes in the Derivation of Neoagents in Contemporary Russian Language (1960–2016): Structural-Semantic and Pragmatic Aspects]. Dis. ... d-ra filol. nauk. Nizhny Novgorod. 577 p.

Neshchimenko, G. P. (2010). Tendentsiya yazykovoi ekonomii kak faktor dinamiki literaturnoi normy [The Trend of Linguistic Economy as a Factor in the Dynamics of Literary Norms]. In *Novye yavleniya v slavyanskom slovoobrazovanii: sistema i funktsionirovanie: Doklady XI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii Komissii po slavyanskomu slovoobrazovaniyu pri Mezhdunarodnom komitete slavistov (Moskva, MGU im. M. V. Lomonosova, filologicheskii fakul'tet, 24–26 marta 2009 goda)*. Moscow, Izdate'l'stvo Moskovskogo universiteta, pp. 116–134.

Pyataeva, N. V. (2018). *Antropotsentricheskii i sinergeticheskii printsipy lingvistiki v dinamicheskom issledovanii leksicheskikh gnezd* [Anthropocentric and Synergetic Principles of Linguistics in the Dynamic Study of Lexical Nests]. 2nd edition. Moscow, FLINTA. 212 p.

Radbil, T. B. (2021). Lingvokul'turologicheskaya i kognitivno-diskursivnaya interpretatsiya aktivnykh protsessov na baze inoyazychnykh elementov v russkom yazyke Interneta [Linguoculturological and Cognitive-Discursive Interpretation of Active Processes Based on Foreign Language Elements in the Russian Language of the Internet]. In Radbil, T. B., Ratsiburskaya, L. V., Shchenikova, E. V., Zhdanova, E. A., Samylicheva, N. A., Kulikova, V. A. *Russkii yazyk v internet-kommunikatsii: lingvokognitivnyi i pragmaticheskii aspekty: kollektivnaya monografiya*. Moscow, FLINTA, pp. 10–93.

Russkaya grammatika. T. I. Fonetika. Fonologiya. Darenie. Intonatsiya. Slovoobrazovanie. Morfologiya [Russian grammar. Vol. I. Phonetics. Phonology. Donation. Intonation. Word Formation. Morphology]. (1980). Moscow, Nauka. 784 p.

Samylicheva, N. A. (2021). Otsenochnyi potentsial novoobrazovaniya v yazyke Interneta v aspekte yazykovoi igry [Estimated Potential of Neoplasms in the Language of the Internet in the Aspect of a Language Game]. In Radbil, T. B., Ratsiburskaya, L. V., Shchenikova, E. V., Zhdanova, E. A., Samylicheva, N. A., Kulikova, V. A. *Russkii yazyk v internet-kommunikatsii: lingvokognitivnyi i pragmaticheskii aspekty: kollektivnaya monografiya*. Moscow, FLINTA, pp. 237–283.

Slovar' kompozitov [Dictionary of Composites]. URL: https://complex_words.academic.ru/ (mode of access: 06.10.2021).

Slovar' molodezhnogo slenga [Youth Slang Dictionary of Composites]. URL: <http://www.math.solution.ru> (mode of access: 05.10.2021).

Toshovich, B. (2018). *Struktura internet-stilistiki* [Structure of Internet Stylistics]. Moscow, FLINTA. 492 p.

Vasilyeva, A. S. (2016). *Naimenovaniya lits zhenskogo pola v russkom yazyke kontsa XX – nachale XXI v.: semantika, struktura, funktsionirovanie* [Names of Females in the Russian Language of the Late XX – Early XXI Century: Semantics, Structure, Functioning]. Dis ... kand. filol. nauk. —Moscow. 199 p.

Vikislovar' [Wiktionary]. URL: <https://en.wiktionary.org/wiki> (mode of access: 15.09.2021).

Zemskaya, E. A. (1992). *Slovoobrazovanie kak deyatel'nost'* [Word Formation as an Activity]. Moscow, Nauka. 221 p.

Данные об авторах

Ильясова Светлана Васильевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка для иностранных учащихся, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Россия).

Адрес: 344006, Россия, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42.

E-mail: Ilyasova_rnd@mail.ru.

Пугачева Елена Вячеславовна – преподаватель, Кубанский государственный университет, филиал (Геленджик, Россия).

Адрес: 353460, Россия, Геленджик, ул. Луначарского, 126.

E-mail: ele-pugacheva@yandex.ru.

Authors' information

Ilyasova Svetlana Vasilyevna – Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language for Foreign Students, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia).

Pugacheva Elena Viacheslavovna – Lecturer, Branch of Kuban State University (Gelendzik, Russia).

Дата поступления: 07.07.2022; дата публикации: 29.12.2022

Date of receipt: 07.07.2022; date of publication: 29.12.2022

CREATIVITY OF REGIONALISMS ON THE LEVEL OF WORD BUILDING

Svetlana A. Pitina

Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4983-6872>

Elena V. Kharchenko

South Ural State University (National Research University) (Chelyabinsk, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0071-595x>

Abstract. The article deals with the peculiarities of creating and functioning of regionalisms: regional words and word combinations used by the residents of a certain region. Regionalisms are studied on the material of Chelyabinsk regional dialect (regiolect). The authors argue that regional words and word combinations form a unique part of the national language, being the markers of the regional identity, and creatively reflecting the regional picture of the world.

The study employs a comprehensive approach to the exploration of Chelyabinsk regional lexicon including cognitive, sociolinguistic, and linguo-cultural methods, structural-semantic analysis and continuous sampling. It shows that the creative character of regionalisms is reflected in their structure and meaning.

Creative regionalisms include unofficial toponyms, microtoponyms and urbanyms that undergo transonymization and function alongside with official toponyms, microtoponyms, official ergonyms – names of firms, language schools, shops, tourist centers – and nonstandard regionalisms used in colloquial speech. The main tendencies of regional creativity realization are revealed in word building types, the most productive of which and most frequently used are compounding (30% of the empirical material) and affixation (30% of the examples). Creative regionalisms are also formed by blending (25% of the examples) and by abbreviations (15% of the studied regionalisms). The findings prove that the nomination processes among regionalisms reflect both local and global nomination tendencies. One of the main universal tendencies of nomination is globalization revealed in the English influence on the formation of regional ergonyms, on the one hand, and glocalization realized through hybrid English-Russian words and word combinations, on the other hand. Hybrid regionalisms dominate among ergonyms.

Key words: linguocreativity; regionalisms; regional words; word combinations; toponyms; ergonyms; microtoponyms; hybrid regionalism; regional identity; onomastics

Acknowledgments: The study has been carried out with financial support of the Russian Science Foundation (RSF), project number 22-18-20022.

For citation: Pitina, S. A., Kharchenko, E. V. (2022). Creativity of Regionalisms on the Level of Word Building. In *Philological Class*. Vol. 27. No. 4, pp. 67–75. DOI: 10.51762/1FK-2022-27-04-06.

КРЕАТИВНОСТЬ РЕГИОНАЛИЗМОВ НА УРОВНЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Питина С. А.

Челябинский государственный университет (Челябинск, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4983-6872>

Харченко Е. В.

Южно-Уральский государственный университет (научно-исследовательский университет)
(Челябинск, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0071-595x>

Аннотация. Целью настоящего исследования является изучение создания и функционирования регионализмов: слов и словосочетаний, характерных для использования жителями определенной области. Регионализмы анализируются в работе на материале Челябинского регионального диалекта (региолек-

та). Авторы статьи утверждают, что региональные слова и словосочетания составляют уникальную часть национального языка, являясь маркерами региональной идентичности, креативно отражая региональную картину мира.

В работе применяется интегральный подход к анализу лексикона Челябинской области, включая когнитивный, социолингвистический и лингвокультурный методы, структурно-семантический анализ и прием сплошной выборки эмпирического материала. Доказано, что креативный характер регионализмов отражается в их структуре и значении.

Креативные регионализмы включают в себя неофициальные топонимы, микротопонимы и урбанонимы, которые претерпевают трансонимизацию и функционируют в разговорной речи наряду с официальными топонимами, микротопонимами, официальными названиями фирм, туристических центров, языковых школ, а также с просторечными региональными словами, используемыми в разговорной речи жителей области.

Выявлены основные тенденции реализации креативности в регионализмах на уровне словообразования. Самыми продуктивными словообразовательными способами являются словосложение (30% всех примеров) и аффиксация (30% всех примеров). Креативные регионализмы также образуются при помощи блендинга (25% примеров) и сокращения (15% эмпирического материала).

Результаты исследования показали, что процессы номинации регионализмов отражают как глобальные, так и локальные тенденции номинации. Одной из универсальных тенденций создания регионализмов можно считать влияние английского языка на региональные эргонимы, с одной стороны, и процесс глокализации, проявляющийся в возникновении и функционировании гибридных англо-русских регионализмов, с другой. Следует отметить, что гибридные регионализмы доминируют в эргонимах.

Ключевые слова: лингвокреативность; регионализмы; региональные слова; словосочетания; топонимы; эргонимы; микротопонимы; гибридный регионализм; региональная идентичность; ономастика

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 22-18-2002.

Для цитирования: Питина, С. А. Креативность регионализмов на уровне словообразования / С. А. Питина, Е. В. Харченко. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2022. – Т. 27, № 4. – С. 67–75. – DOI: 10.51762/1FK-2022-27-04-06.

Introduction

Lexicon is an open multilayered part of a language system in which regional words occupy a considerable part making their research relevant. We agree with the opinion that former dialects are being transformed into regional languages (regiolects) and that the notion regiolect does not have a stable definition [Terkulov 2019: 45]. According to V. I. Terkulov, regiolect can be studied as:

1. A combination of city idioms reflecting regionally marked peculiarities of urban vernacular.
2. A combination of all idioms functioning on one territory both in the country and in cities and towns [Ibid: 46].

We suppose that regiolect denotes a type of the national language possessing markers of regional language peculiarities being a significant constituent of regional identity. Regional lexemes are usually not fixed in dictionaries of the literary language or such lexemes are marked as colloquial or local words. Regional words are called differently in scientific works: “regionalisms” [Zagryazkina 1995; Zvarykina 2013], “localisms” [Erofe-

eva 2020; Popov 2019], etc. A detailed analysis of the existing synonymous terms to regionalisms is given by Yu. A. Rezvukhina [Rezvukhina 2015]. The term “regionalism” is used by the authors of this study because we suppose that it reflects the empirical material precisely. Regionalisms represent an important constituent of the local picture of the world and regional identity. Studies of regional words and word combinations help reveal unique peculiarities of a concrete regional lexicon. Such studies attract both Russian and foreign linguists. Local words of Perm region have been successfully studied in the works by T. I. Erofeeva [Erofeeva 2020], T. I. Erofeeva and S. V. Shustova [Erofeeva, Shustova 2020] and other Perm linguists. Regional lexicon as a manifestation of multiculturalism is viewed by T. A. Kadalo [Kadalo 2011]; R. V. Popov analyses urban localisms in the speech of Severodvinsk [Popov 2019]. Minor place names occupy a significant part of regional lexicon and are in the center of studies of many Russian and foreign linguists [Pitina, Taskaeva 2021; Kharchenko, Man Shu 2019]. Moscow street names are analyzed by T. A. Golikova as a special

type of transonymization of godonyms [Golikova 2014]; unofficial names of Yekaterinburg are researched by E. N. Klimenko and T. V. Popova [Klimenko, Popova 2012]. I. N. Potanakhina studies most productive models of urban unofficial place names and colloquial micro-urban place names [Potanakhina 2008]. Local naming is viewed in detail in the works by M. V. Golomidova [Golomidova 2012], O. S. Issers [Issers 2017], I. V. Kryukova [Kryukova 2017]. M. A. Borodina outlines narrow and broad regionalisms, narrow being used only in the concrete territory, while broad ones can be found in several regions [Borodina 1982: 35].

Regional words and word combinations are, as a rule, creative language units. Linguistic creativity is viewed from a cognitive perspective in the work by B. Zawada [Zawada 2006]. V. I. Zabotkina researches cognitive bases of linguistic creativity, creativity in lexicon as a result of interaction of cognition and communication [Zabotkina 2018; 2019]. Creativity in language production is studied by R. J. Gerrig and R. W. Gibbs [Gerrig, Gibbs 1988]. Lexical creativity in word formation is explained as a function of language use in the collective work edited by J. Munat [Munat 2007]. Creativity in word formation and word interpretation is in the center of interdisciplinary research of L. Körtvélyessy, P. Štekauer and Kačmár P. [Körtvélyessy et al 2022]. The authors focus on linguistic creativity in general and word building creativity in particular.

Many regional words result from creative cognitive processes of categorization and classification. The paper is aimed at revealing and systematizing manifestations of creativity in regional words and word combinations. Chelyabinsk region has been chosen to study regional creativity for several reasons.

1. Favourable geographical position of the region. Situated in the two continents, Europe and Asia with the Ural mountain range in the middle, Chelyabinsk region is rich in natural resources which attracted and attracts business and manpower from various parts of the Russian Empire, Soviet Union and modern Russia.

2. Permanent geographical migration. The region has been formed by several waves of voluntary and forced migrations caused by construction of plants, wars, evacuations, repressions.

3. Cultural and ethnic diversity. As a result of historical and economical development Che-

lyabinsk region is a multicultural territory inhabited by over 3 million people of 40 ethnicities represented not only by Russians but by Turkic peoples, namely Tatars and Bashkirs, Ukrainians, Germans, etc.

Multicultural population of the territory has inevitably led to the formation of the specific regional dialect in which vocabulary often reveals creativity of the users' cognition processes and makes its study relevant.

The paper is targeted at revealing, describing and systematizing creativity realization in regional unofficial place names, minor place names and other types of regional words and word combinations. The hypothesis of the paper is that creativity of regional cognition is realized in local words and word combinations by various means of word building and meaning transformation.

Methods and materials

This study is an integral cognitive, sociolinguistic, linguistic and cultural approach to analyzing Chelyabinsk regional lexicon. The target of such integral analysis is to gather information about: (1) the cognitive mechanisms of regionalisms creation; (2) structural and semantic peculiarities of regional words and phrases. The integral approach to regionalisms study is supposed to resort to some actual linguistic analysis methods. Cognitive approach is used to reveal mechanisms of regionalisms creation and perception by the residents, while the usage of language and cultural approach is helpful in outlining unique peculiarities of Chelyabinsk region lexicon. Structural and semantic analyses have been used in studying creativity in regionalisms structure and meaning. Semantic analysis helps trace peculiarities of transonymization realized by using metaphor, metonymy, hybrid words. Continuous sampling is useful in verifying the hypothesis and results of the research.

Data collection consisted in the content analysis of over 200 toponyms – place names, 2,000 microtoponyms – minor place names including 1,200 ergonyms – commercial names understood as secondary informative, pragmatic and most often positively motivated minor place names created for marketing reasons. Empirical material has been retrieved from Internet-sites with official and unofficial regional place names, minor place names and colloquial words, the sur-

veys of 250 respondents of Chelyabinsk region residents.

Results and discussion

Regionalisms can be official as in ergonyms and unofficial which frequently occur in local place naming, in toponyms and microtoponyms such as names of streets (godonyms), squares (agonyms), etc. Creativity of regional lexicon has been analyzed in the paper on the level of word building. The illustrative material is represented in the following way: the Russian place name or minor place name is followed by transliteration into English and then translated into English.

All word building types except conversion are typical of regional lexicon creation.

1. **Compounding** is the most productive word building type (30% of the examples) of regional words. It is often found in hybrid commercial names by adding a Russian word to another Russian word, combining Russian and English word and even two English words. Hybrid ergonyms are complex structurally and semantically contaminated commercial names that reflect mechanisms of place names formation, influence of language fashion, various degrees of creativity and stereotype nature of naming [Pitina 2020: 62–66] because such names are more open to changes, successful and unsuccessful borrowing in attempts to attract customers. A tourist firm *МноГо туров* (MnoGoturov – many tours) is an original mixture of the beginning of the Russian adverb много (many), the capitalized English verb go and another Russian word туров (tours). Such original commercial name is supposed to be attractive and unusual for perspective customers. The beginning of the transliterated place name Chelyabinsk is added to the Russian noun concretizing and localizing the commercial name: *Челнуво* (*Chelpivo* – Chelyabinsk beer), *Челмкани* (*Cheltkani* – Chelyabinsk draperies). Anglicized beginning sounds ironical as the place is not the leader in beer and drapery production. In ergonym *Челси* (*Chel-si* – Chelyabinsk city) the compound abbreviation is used as the name of the large supermarket of construction materials. Commercial names *Челси* and *Мегачел* (the night club) are the examples of minor place names with initial and final positions of the abbreviated official regional toponym). The reverse type of hybridization is found in the ergonym *Челсити* (*Chelcity* – Chelyabinsk plus city)

which is the hybrid compound word consisting of the Russian abbreviated toponym Челябинск and transliterated into Russian the English word city. Creative regional educational ergonyms include composite neologisms built by adding two English words: *Englishland*, *Studyland*, *Englishup*, compressed slogans: *FasTrackEnglish*. There are many completely anglicized compound commercial names: *Ecolife*, *Ecoboath*. *Enerjeans* is an ironical compound word formed from the abbreviation of the noun energy and jeans, ergonym *IQ007* is equally ironically perceived language school name. *ZanziBar* and *BarBados* are creatively coined names of local cafes in which geographical names are turned into compounds by graphical means.

Love to hyperbole in commercial naming is reflected in the usage of the abbreviation евро – euro (European) in anglicized hybrid compounds *Евромех* (*Evro meh* – *Eurofurs*), *Евростиль* (*Evrostil'* – *EuroStyle*), *Евроокна* (*Evrookna* – *Euro-windows*), although the goods are locally produced. Partially anglicized names of commercial organizations are represented by *Проавто* (*Proavto* – professional automobiles), *Провижение* (*Provizhenie* – professional vision), the last component is transliterated into Russian creating a strangely sounding for the Russian ear word). Ergonym *Прозрение* (*Prozrenie*) is an ambiguous word meaning either professional restoration of vision or insight). *Pro* in the first part of the examples is used with English spelling, while the second part of the compounds is in Russian, creating glocalized hybrid words (glocalization is understood as the manifestation of the coexistence of English and local characteristics of Russian minor place names). In the example of hyperbole and hybrid compounding *Шопомир* the English beginning shop is added to the transliterated into English Russian noun mir (world), with the typical Russian connecting vowel -o- between the two stems. *Англомир* (*Anglomir* – English world) is the hyperbolized language school name registered in Russian. Ironically perceived hybrid compounds are *Веерлога* (*Beerloga* – beer plus den), *Колбаскинг* (*Kolbasking* – sausage plus king) is the example of broad regionalism; *Фриедом* (formed from the English adjective free and the Russian noun dom – house) is a hybrid compound homonymous to the partially transliterated English noun freedom.

2. **Affixation** (30% of the examples) is represented by the abundant usage of diminutive suf-

fixes in place names and minor place names. Most frequently found suffix is *-k-*: *Zlatka* – unofficial name of the city Zlatoust; *Magnitka* – unofficial name of Magnitogorsk. In the above toponyms official composite place names Magnitogorsk and Zlatoust underwent abbreviation and addition of the diminutive suffix making unofficial names less formal and positively connoted. Unofficial minor place name *Kolupaevka* is used for the unattractive part of Chelyabinsk Soviet district, losing its association with the surname of its founder Kolupaev. *Topolinka* is a more positively connoted derivative of the newly constructed part of Chelyabinsk, although the poplar (*topol'* in Russian) valley was cut several years ago. *Kashirka* is the name of the market on Kashirinykh Brothers st. and the folk name of the street. *Kirovka* (Kirov st.) is the diminutive and positively connoted unofficial name of the godonym and pedestrian part of the street. *Khokhriachka* is a negatively connoted unofficial minor place name of Khohryakov st. Analogous example includes *Son'ka* (Sonya Krivaya st.). Folk names of microtoponyms reflect the attitude of the residents to the local space. If *Kirovka* is a positively connoted godonym, *Kashirka* is perceived as neutral, the last two unofficial godonyms have unjustified negative connotations. Folk street names are mainly used by teenagers and young people who do not associate these commemorative names with the outstanding people: Semen Vasilievich Khokhryakov, twice Hero of the Soviet Union and revolutionary Sonya Krivaya.

Productive diminutive suffix *-к-* (*-k-*) is used not only in place names and minor place names godonyms but also in colloquial words: *публичка* (*publichka* – public library); *мороженка* (*morozhenka* – icecream); *гροхотка* (*grohotka* – metaphorical name for a container for eggs); *зеленка* (*zelenka* – certificate of the private property of the house, land, apartment, etc. which is another example of the metaphorical transformation of the word meaning because several years ago the color of the document was green not pink and brown or black and white as at present); *полуторка* (*polutorka* – one room apartment, the word is often mixed by the residents of other regions for the name of the light small lorry popular during the Great Patriotic War or a bed); *круглосутка* (*kruglosutka* – 24 hour shop, drugstore); *стекляшка* (*stekliashka* – a shop with large glass windows). Abbreviation and suffixation are characteristic

of the vernacular student words to name some subjects: *зарубежка* (*zarubezhka* – foreign literature); *отечка* (*otechka* – Russian literature). Everyday regional university student words include: *оборотка* (*oborotka* – the used A4 paper one side of which can be for economy distributed for written work in class); *стипенешка* (*stipeshka* – stipend); *стекляшка* (*steklyashka* – a local word for the originally supposed temporarily study-room in Chelyabinsk State University built in the recreation halls due to the lack of classrooms for practical studies with small groups. Compare with the above mentioned example of the local word *stekliashka* for shop). *Ягодка* (*Yagodka* – little berry); *Маринка* (*Marinka* – diminutive from the female anthroponym Marina) are examples of the official regional commercial names of local shops. Vernacular words with the suffix *-k-* are mainly neutral in meaning. It should be noted that according to the data analysis unofficial regionalisms and official regional commercial names with this suffix are always used in the feminine gender.

Another diminutive suffix found in regional words is *-ик-* (*-ik-*): *Южник* (*Yuzhnik* – unofficial name of the town Yuzhnouralsk); *Златик* (*Zlatic* – unofficial name of the city Zlatoust); *Снежик* (*Snezhik*) is a folk name of the town Snezhinsk; *Челик* (*Chelik*) is one of the numerous unofficial abbreviations of Chelyabinsk. Folk toponyms with this suffix are positively connoted or neutral. The same is true of some official commercial names: ergonym *Салончик* (*Salonchik* – a small salon) is the unpretentious name of Chelyabinsk hairdresser; *Перчик* (*Perchik* – little pepper) is the café name.

Diminutive suffix *-ишк-* (*-ishk-*) creates negative connotation in the folk place name *Каслишки* (*Kaslishki*) which used instead of the official place name Kasli, but positive connotation can be traced in the ergonym *Пельмешка* (*Pel'meshka* – little dumpling).

Less frequently met diminutive suffixes *-ок-* (*-ok-*); *-ушк-* (*-ushk-*); *-юшк-* (*-yushk-*); *-ин-* (*-in-*); *-бург-* (*-burg-*) are found mainly in commercial names of cafes and shops, less often in urban city names: *Северок* (*Severok* – north) for the new district; *Блинк* (*Blinok* – little pancake); *Ватрушка* (*Vatrushka* – a ring-form pie with dough and cottage cheese in the middle); *Хозяюшка* (*Hozyayushka* – hostess); *Индюшкин* (*Indyushkin* – turkey). In regional ergonyms used by means of contraction and suffixation *Сладбург* (*Sladburg* – sweet plus

suffix -burg as in Yekaterinburg) and *Пиццабург* (*Pitszburg* – pizza plus suffix -burg, which is typical of place names, is used to hyperbolize the type of café.

One of the words in phrases naming ergonyms can contain diminutive suffix making the whole word combination creative and colloquial: *Бьюти штучки* (*Beauty shtuchki* – beautiful little things); *Сытый кабанчик* (*Sytyj kabanchik* – well-fed little boar); *Мое солнышко* (*Мое solnyshko* – my sun), etc.

3. Blending (25% of the empirical material) is found to be a productive word building type in the studied regional lexicon. In place names blending can realize an extremely negative attitude to the city: *Чердачинск* (*Cherdachinsk* – (Chelyabinsk + attic) to manifest the backward character of the place; *Чикагинск* (*Chicaginsk* – Chicago + Chelyabinsk) to express the high level of crimes in the city; *Челяба* (*Chelyaba* – Chelyabinsk plus the end of the Turkic variant of the city name Seliaba, Selebe), *Захолуст* (*Zaholust*) is the blend created by adding the beginning of the noun *захолустье* (*zaholustie* – backwater, outback) to the end of the place name Zlatoust. The above mentioned blends are negatively connoted revealing the attitude of the people to the place where they live.

Blending is found in various commercial names:

a) *Labridge School* (language + Cambridge), *Kinglish* (king + English), *Foleng* (foreign + language) are the blends of language schools names formed from the two English words concretizing the type of educational activity.

b) *Ариант* (*Ariant*) is the blended name of the famous not only in Chelyabinsk region but in Russia and abroad successfully functioning agricultural and heavy industry holding which used to be in joined ownership. It was founded by Chelyabinsk businessmen A. Aristov and Yu. Antipov and named by blending the beginning and the end of their family names. The long partnership has recently split but the name remained. Another well-known in the Russian Federation blend *Макфа* (*Makfa*) sounds original but denotes macaroni plus factory.

4. Abbreviation (15% of the examples) is often found in the unofficial names of the districts: *ЧТЗ* (*ChTZ* – tractor plant district), *ЧМЗ* (*ChMZ* – Metallurgical district) where *Ч* (*Ch*) is the abbrevi-

ation of Chelyabinsk. Chelyabinsk, Magnitogorsk and some other cities and towns of the region grew as industrial centers from former settlements with unofficial names after the constructed plants. *КБС* (*KBS*), *ЧЭМК* (*ChEMK*) and *АМЗ* (*AMZ*) are unofficial local abbreviations to name the residential area built up around the industrial enterprise or power station: forging and pressing plant (*KBS*), Chelyabinsk electrical and metallurgical plant (*ChEMK*) or automotive plant (*AMZ*). Such examples are numerous for the region with over 150 industrial enterprises reflecting the principle of language economy and concretizing the special attribution of the residents.

Ч (*Ch*), *Че*, (*Che*); *Чб* (*Chb*); *Chel* with the spelling in English; *Челси* (*Chelsi*) illustrate some unofficial abbreviations of Chelyabinsk. *Емак* (*Emak*); *Еман* (*Eman*) are used instead of Emanzhelinsk; *Злат* (*Zlat*) for Zlatoust. The above mentioned examples are neutral or positively connoted, but abbreviation *Чебара* (*Chebara* – unofficial place name of Chebarkul') has a definitely negative connotation.

Abbreviations are not often met in local creative ergonyms. They can function both in abbreviated and complete forms as in *К&Б* (*K&B* – Krasnoe & Beloe, the chain of cheap shops selling not only red and white wine). *Торгаш* (*Torgash* – derogatory substantivized derivative from the adjective *торговый* – trade) is the colloquial name of Chelyabinsk Trade center.

Conclusion

Creativity in Chelyabinsk regionalisms is realized both in official and unofficial lexemes. The analysis of the empirical material including place names and minor place names has revealed the types of word building used in creating regionalisms. Most productive ways of replenishing regional lexicon are represented by compounding, affixation. Blending and abbreviation are also typical of the analyzed regionalisms. Creativity of regionalisms is also revealed in the formation of hybrid words and word combination reflecting the influence of language fashion in commercial place naming process, on the one hand. Emotiveness is realized in numerous unofficial place names and minor place names by creating positively or negatively connoted regionalisms.

Литература

- Бородина, М. А. Диалекты или региональные языки? / М. А. Бородина // Вопросы языкознания. – 1982. – № 5. – С. 29–38.
- Голикова, Т. А. Формальные vs неформальные годонимы Москвы: модели трансонимизации / Т. А. Голикова // Научный диалог. – 2014. – № 9 (33). – С. 24–36.
- Голомидова, М. В. Искусственная номинация в русской ономастике : монография / М. В. Голомидова. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 1998. – 232 с.
- Ерофеева, Т. И. Социолингвистический глоссарий пермских локализмов: 60–90 е годы XX века : словарь / Т. И. Ерофеева. – Пермь : Пермский национально-исследовательский университет, 2020. – 239 с.
- Ерофеева, Т. И. Лексическое просторечие в речи носителей литературного языка Пермского региона / Т. И. Ерофеева, С. В. Шустова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 4. – С. 42–51. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.4.4>.
- Заботкина, В. И. Креативность в лексиконе: взаимодействие когниции и коммуникации / И. В. Заботкина // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация : сборник научных трудов. – М. : КДУ ; Университетская книга, 2018. – С. 22–25.
- Заботкина, В. И. Когнитивные основы лингвистической креативности / И. В. Заботкина // Когнитивные исследования языка. – 2019. – № 38. – С. 208–216.
- Загряжская, Т. Ю. Французская диалектология / Т. Ю. Загряжская. – М. : МАЛП М, 1995. – 192 с.
- Зварыкина, И. С. К вопросу о соотношении диалектного и регионального в русском языке (на примере лексикона Астраханского края) / И. С. Зварыкина // Гуманитарные исследования. – 2013. – № 2 (46). – С. 30–36.
- Иссерс, О. С. Лингвокогнитивные основания креативных решений в нейминге / О. С. Иссерс // Когнитивные исследования языка. Вып. XXX «Когнитивная лингвистика в антропоцентрической парадигме исследований». – Москва ; Тамбов ; Белгород, 2017. – С. 821–824.
- Кадоло, Т. А. Региональная лексика как проявление поликультурности / Т. А. Кадоло // Язык и культура. – 2011. – № 2 (14). – С. 22–28.
- Клименко, Е. Н. Словарь неофициальных терминов названий городских реалий Екатеринбурга как новый тип словаря / Е. Н. Клименко, Т. В. Попова // Вестник Белгородского государственного университета. – 2012. – № 12 (131). – С. 12–17.
- Крюкова, И. В. Когнитивные основы многозначности прецедентных рекламных имен / И. В. Крюкова // Когнитивные исследования языка. Вып. XXX «Когнитивная лингвистика в антропоцентрической парадигме исследований». – Москва ; Тамбов ; Белгород, 2017. – С. 689–693.
- Питина, С. А. Названия памятных объектов Челябинской области как составляющая героической парадигмы / С. А. Питина, А. В. Таскаева // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. – 2021. – № 9 (455). – С. 120–127. – DOI: <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2021-10917>.
- Попов, Р. В. Городские локализмы в региональной речи Северодвинска / Р. В. Попов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – № 4. – С. 173–177. – DOI: <https://doi.org/10.30853/flnauki.2019.4.35>.
- Потанахина, И. Н. Городская неофициальная топонимия / И. Н. Потанахина // Русский язык в школе. – 2008. – № 10. – С. 65–69.
- Резвухина, Ю. А. Регионализм: к определению понятия / Ю. А. Резвухина. – Текст : электронный // Интерэкспо Гео-Сибирь. – 2015. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalizm-k-opredeleniyu-ponyatiya> (дата обращения: 30.08.2022).
- Теркулов, В. И. К определению понятия регионализм / В. И. Теркулов // Крымские международные Михайловские литературно-онимастические чтения. Симферополь, 18 сентября 2019 г. – Симферополь, 2019. – С. 45–50.
- Харченко, Е. В. Лингвистическое пространство города: межкультурный аспект / Е. В. Харченко, Шу Мань // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. – 2019. – № 10 (432) – С. 177–183. – DOI: <https://doi.org/10.24411/1994-2796-2019-11025>.
- Gerrig, R. J. Beyond the Lexicon: Creativity in Language Production / R. J. Gerrig, R. W. Gibbs. – Text : electronic // Metaphor and Symbolic Activity. – 1988. – Vol. 3, Issue 1. – P. 1–19. – URL: <https://psycnet.apa.org/record/1989-00939-001>. – DOI: [10.1207/s15327868ms0301_1](https://doi.org/10.1207/s15327868ms0301_1) (mode of access: 03.09.2022).
- Körtvélyessy, L. Creativity in Word Formation and Word Interpretation. Creative Potential and Creative Performance / L. Körtvélyessy et al. – Cambridge : Cambridge University Press, 2022. – URL: <https://www.cambridge.org/core/books/creativity-in-word-formation-and-word-interpretation/6D8DDAB44258B5ADE403085>. – DOI: <https://doi.org/10.1017/9781009053556> (mode of access: 06.09.2022). – Text : electronic.
- Munat, J. Lexical Creativity as a Marker of Style in Science Fiction and Children's Literature / J. Munat. – Text : electronic // Lexical Creativity, Texts and Contexts / ed. by J. Munat. – Amsterdam/Philadelphia : John Benjamins, 2007. – P. 163–185. – URL: https://www.academia.edu/46996869/Lexical_Creativity_Texts_and_Contexts (mode of access: 06.09.2022).
- Pitina, S. English Influence on Linguistic Landscape of Modern Russian Cities / S. Pitina // International Journal of English Linguistics. – 2020. – Vol. 10, Issue 1. – P. 61–68. – DOI: <https://doi.org/10.5530/ijel.v10n1p61>.
- Zawada, B. Linguistic Creativity from a Cognitive Perspective / B. Zawada. – Text : electronic // Southern African Linguistics and Applied Language Studies. – 2006. – Vol. 24, Issue 2. – P. 235–254. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/citedby/10.2989/16073610609486419?scroll=top&needAccess=true>. – DOI: <https://doi.org/10.2989/16073610609486419> (mode of access: 05.09.2022).

References

- Borodina, M. A. (1982). Dialekty ili regional'nye yazyki? [Dialects or Regional Languages?]. In *Voprosy yazykoznanija*. No. 5, pp. 29–38.
- Erofeeva, T. I. (2020). *Sotsiolingvistscheskii glossarii permskikh lokalizmov: 60–90 e gody XX veka* [Social and Linguistic Glossary of Perm Local Words: 60–90s of 20th Century]. Perm, Permskii natsional'no-issledovatel'skii universitet. 239 p.
- Erofeeva, T. I., Shustova, S. V. (2020). Leksicheskoe prostorechie v rechi nositelei literaturnogo yazyka Permskogo regiona [Lexical Vernacular in the Speech of Literary Language Residents in Perm Region]. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*. Vol. 19. No. 4, pp. 42–51. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.4.4>.
- Gerrig, R. J., Gibbs, W. Jr. (1988). Beyond the Lexicon: Creativity in Language Production. In *Metaphor and Symbolic Activity*. Vol. 3. Issue 1, pp. 1–19. URL: <https://psycnet.apa.org/record/1989-00939-001>. DOI: 10.1207/s15327868mso301_1 (mode of access: 03.09.2022).
- Golikova, T. A. (2014). Formal'nye vs neformal'nye godonimy Moskvy: modeli transonimizatsii [Formal vs Informal Godonyms of Moscow: Models of Transonymization]. In *Nauchnyi dialog*. No. 9 (33), pp. 24–36.
- Golomidova, M. V. (1998). *Iskusstvennaya nominatsiya v russkoi onomastike* [Artificial Nomination in Russian Onomastics]. Ekaterinburg, Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet. 232 p.
- Issers, O. S. (2017). Lingvokognitivnye osnovaniya kreativnykh reshenii v neiminge [Linguo-Cognitive Grounds for Creative Naming]. In *Kognitivnye issledovaniya yazyka. Issue XXX. «Kognitivnaya lingvistika v antropotsentricheskoi paradigme issledovaniia»*. Moscow, Tambov, Belgorod, pp. 821–824.
- Kharchenko, E. V., Man, Shu (2019). Lingvisticheskoe prostranstvo goroda: mezhkul'turnyi aspekt [Linguocultural Urban Environment: Intercultural Aspect]. In *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologicheskie nauki*. No. 10 (432), pp. 177–183. DOI: <https://doi.org/10.24411/1994-2796-2019-11025>.
- Klimenko, E. N., Popova, T. V. (2012). Slovar' neofitsial'nykh terminov nazvanii gorodskikh realii Ekaterinburga kak novyi tip slovarya [Dictionary of Informal Names of City Realias as a New Type of Dictionary]. In *Vestnik Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 12 (131), pp. 12–17.
- Körtvélyessy, L., et al. (2022). *Creativity in Word Formation and Word Interpretation. Creative Potential and Creative Performance*. Cambridge, Cambridge University Press. URL: <https://www.cambridge.org/core/books/creativity-in-word-formation-and-word-interpretation/6D8DDAB4258B5ADE403085>. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781009053556> (mode of access: 06.09.2022).
- Kryukova, I. V. (2017). Kognitivnye osnovy mnogoznachnosti pretsedentnykh reklamnykh imen [The Cognitive Bases for Polysemy in Precedent Advertising Names]. In *Kognitivnye issledovaniya yazyka. Issue XXX «Kognitivnaya lingvistika v antropotsentricheskoi paradigme issledovaniia»*. Moscow, Tambov, Belgorod, pp. 689–693.
- Munat, J. (2007). Lexical Creativity as a Marker of Style in Science Fiction and Children's Literature. In Munat, J. (Ed.). *Lexical Creativity, Texts and Contexts*. Amsterdam/Philadelphia, John Benjamins, pp. 163–185. URL: https://www.academia.edu/46996869/Lexical_Creativity_Texts_and_Contexts (mode of access: 06.09.2022).
- Pitina, S. (2020). English Influence on Linguistic Landscape of Modern Russian Cities. In *International Journal of English Linguistics*. Vol. 10. Issue 1, pp. 61–68. DOI: <https://doi.org/10.5530/ijel.v10n1p61>.
- Pitina, S. A., Taskaeva, A. V. (2021). Nazvaniya pamyatnykh ob'ektov Chelyabinskoi oblasti kak sostavlyayushchaya geroicheskoi paradigmy [Regional Names of Commemorative Objects of Chelyabinsk as Part of Heroic Paradigm]. In *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologicheskie nauki*. No. 9 (455), pp. 120–127. DOI: <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2021-10917>.
- Popov, R. V. (2019). Gorodskie lokalizmy v regional'noi rechi Severodvinska [Urban Localisms in Regional Speech of Severodvinsk]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. No. 4, pp. 173–177. DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.4.35>.
- Potnakhina, I. N. (2008). Gorodskaya neofitsial'naya toponimiya [Urban Unofficial Toponymy]. In *Russky yazyk v shkole*. No. 10, pp. 65–69.
- Rezvukhina, Yu. A. (2015). Regionalizm: k opredeleniyu ponyatiya [Regionalism: To the Definition of the Notion]. In *Interexpo Geo-Sibir'*. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalizm-k-opredeleniyu-ponyatiya> (mode of access: 30.08.2022).
- Terkulov, V. I. (2019). K opredeleniyu ponyatiya regionalizm [To the Definition of the Notion Regionalism]. In *Krymskie mezhdunarodnye Mikhailovskie literaturno-onomasticheskie chteniya. Simferopol', 18 sentyabrya 2019 g.* Simferopol, pp. 45–50.
- Zabotkina, V. I. (2019). Kognitivnye osnovy lingvisticheskoi kreativnosti [Cognitive Bases of Linguistic Creativity]. In *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. No. 38, pp. 208–216.
- Zabotkina, V. I. (2019). Kreativnost' v leksikone: vzaimodeistvie kognitsii i kommunikatsii [Creativeness in Lexicon: Interaction of Cognition and Communication]. In *Yazyk. Kul'tura. Perevod. Kommunikatsiya: sbornik nauchnykh trudov*. Moscow, KDU, Universitetskaya kniga, pp. 22–25.
- Zagryazkina, T. Yu. (1995). *Frantsuzskaya dialektologiya* [French Dialectology]. Moscow, MALP M. 192 p.
- Zawada, B. (2006). Linguistic Creativity from a Cognitive Perspective. In *Southern African Linguistics and Applied Language Studies*. Vol. 24. Issue 2, pp. 235–254. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/citedby/10.2989/16073610609486419?scroll=top&needAccess=true>. DOI: <https://doi.org/10.2989/16073610609486419> (mode of access: 05.09.2022).
- Zvarykina, I. S. (2013). K voprosu o sootnoshenii dialektnogo i regional'nogo v russkom yazyke (na primere leksiki Astrakhanskogo kraja) [To a Question of Interrelation between Dialectal and Regional in Russia (on the Material of Astrakhan Region)]. In *Gumanitarnye issledovaniya*. No. 2 (46), pp. 30–36.
- Kadolo, T. A. (2011). Regional'naya leksika kak proyavlenie polikul'turnosti [Regional Lexicon as Manifestation of Multiculturalism]. In *Yazyk I kul'tura*. No. 2 (14), pp. 22–28.

Данные об авторах

Питина Светлана Анатольевна – доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания, Челябинский государственный университет (Челябинск, Россия).

Адрес: 454001, Россия, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129.

E-mail: sap.pitina@rambler.ru.

Харченко Елена Владимировна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка как иностранного, Южно-Уральский государственный университет (научно-исследовательский университет) (Челябинск, Россия).

Адрес: 454080, Россия, Челябинск, пр. им. В. И. Ленина, 76.

E-mail: kharchenkoev@susu.ru.

Authors' information

Pitina Svetlana Anatolyevna – Doctor of Philology, Professor of Department of Theoretical and Applied Linguistics, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russia).

Kharchenko Elena Vladimirovna – Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Russian as a Foreign Language, South Ural State University (National Research University) (Chelyabinsk, Russia).

Дата поступления: 09.09.2022; дата публикации: 29.12.2022

Date of receipt: 09.09.2022; date of publication: 29.12.2022

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ



УДК 811.161.1'38*070(091). DOI 10.51762/1FK-2022-27-04-07. ББК Ш141.12-55+Ч600.3(2).
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 10.01.08 (5.9.3)

ЗАРОЖДЕНИЕ ЖАНРА ЛИТЕРАТУРНОГО ИНТЕРВЬЮ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ

Селютина Е. А.

Челябинский государственный институт культуры (Челябинск, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5982-6208>

Аннотация. В статье исследуются ранние образцы литературного интервью как жанра, формы взаимодействия интервьюера и интервьюируемого и варианты презентации материала в периодической печати конца XIX – начала XX веков, в научный дискурс вводится новый материал, ранее не исследованный. Литературное интервью рассматриваются через нарратологический подход, позволяющий интерпретировать формально-содержательные категории жанра, сравнивается современный подход к интервью и ретроспективный, основывающийся на выявлении дефиниции жанра в исследуемом периоде и презентации жанровых характеристик в образцах этого жанра массмедиа. Критериями анализа явились: структура интервью, цель интродукции (вводной части) в аналитических очерках-интервью и трансфер ее содержания в жанр заметки, проблемно-тематическое поле. В исследовании дается определение жанра «литературное интервью», представлены предшественники жанра, сформулирован методологический подход к написанию интервью в указанный период, определена зависимость интеракции от нарратологической рамки, предлагаемой писателю корреспондентом издания. Делается вывод о проблемно-тематическом многообразии интервью, их стилевых особенностях, возможности использовать материал бесед с литераторами для анализа публичной авторефлексии писательского сообщества над актуальными социокультурными вопросами и способностью литературы на них ответить.

Ключевые слова: литературное интервью; русский модернизм; эго-нарратив; журналистика; история журналистики; СМИ; средства массовой информации; медиатексты; медиадискурс; речевые жанры; периодическая печать; интервьюеры; интервьюируемые

Для цитирования: Селютина, Е. А. Зарождение жанра литературного интервью на рубеже XIX–XX веков / Е. А. Селютина. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2022. – Т. 27, № 4. – С. 76–87. – DOI: 10.51762/1FK-2022-27-04-07.

THE BIRTH OF THE GENRE OF LITERARY INTERVIEW AT THE TURN OF THE 19TH – 20TH CENTURIES

Elena A. Selyutina

Chelyabinsk State Institute of Culture (Chelyabinsk, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5982-6208>

Abstract. The article explores early examples of literary interviews as a genre and describes the forms of interaction between the interviewer and the interviewee and variants of presentation of the material in the periodical press of the late 20th – early 20th century. New material previously unexplored is introduced into scholarly discourse. Literary interviews are considered through a narratological approach, which allows interpreting the formal and content-related aspects and compares the modern approach to the genre of interview and the retrospective one, based on working out the definition of the genre in the period under study and the representation of genre characteristics in the samples of this genre of mass media. The analysis is based on the following criteria: the structure of the interview, the purpose of the introduction (introductory part) in analytical essays and the transfer of its content into the genre of notes, and the event-driven topical field. The study defines the genre of “literary interview”, presents the predecessors of the genre, formulates a methodological approach to writing interviews during this period, and determines the dependence of interaction on the narratological framework offered to the writer by the correspondent of the publication. The author makes a conclusion about the topical diversity of interviews, their stylistic features, the possibility of using the material of conversations with writers to analyze the public self-reflection of the writers’ community on topical socio-cultural questions and the ability of literature to answer them.

Keywords: literary interview; Russian modernism; ego-narrative; journalism; history of journalism; mass media; media texts; media discourse; speech genres; periodicals; interviewers; interviewees

For citation: Selyutina, E. A. (2022). The Birth of the Genre of Literary Interview at the Turn of the 19th – 20th Centuries. In *Philological Class*. Vol. 27. No. 4, pp. 76–87. DOI: 10.51762/1FK-2022-27-04-07.

Современное литературоведение все чаще обращается к исследованиям литературных интервью авторов нового и новейшего литературного процесса. В силу специфики жанра область исследования ограничена преимущественно литературными интервью конца XX века – началом XXI века, когда жанр интервью пережил реновацию и стал частью современного медиадискурса, что не в последнюю очередь связано с новыми стратегиями продвижения персоны на книжном рынке.

Литературоведов жанр литературного интервью интересует как важная составляющая моделирования литературного портрета (прямая речь включена в справочник-«библионавигатор» по современной литературе М. А. Черняк и М. А. Саргсян) [Черняк 2020]; возможность вести систематизацию частных и общих тем, важных для самоопределения писателя любого типа (через анализ устных автобиографических нарративов) [Абашева 2001]; как источник «метапоэтических данных о языке литературы», имеющий эпистемологическое значение, позволяющий корректно интерпретировать «потенциально возможные метакоды, которые могут определить уникальность (гениальность?) творческого метода того или иного писателя» [Тугушева 2018: 58]; ученые видят в интервью возможность определения эстетической составляющей, проблемного и поэтологического уровней творчества отдельных авторов, позволяющую воссоздать целостную картину современного литературного про-

цесса [Юрьев 2016]. Безусловно, литературное интервью в условиях кризиса традиционной текстологии, обращающейся к черновикам, редакциям литературных текстов, позволяет проследить этапы работы над произведением, подтвердить некоторые выводы относительно художественной стратегии автора. Можно говорить о тенденции видеть генетическую связь между личностью автора и его творением, восходящую к традициям биографического метода интерпретации литературного текста.

Интервью также дает возможность рассуждать о составляющих литературной репутации того или иного автора, т. к. фактически подтверждает «от первого лица» интерпретационные характеристики, даваемые всей литературной средой, верифицировать подходы современников к автору, т. е. данный жанр имеет значение в рамках социологического изучения литературы. Понимая репутацию вслед за А. Рейтблатом как представления о писателе (и его творчестве), «которые сложились в рамках литературной системы и свойственны значительной части ее участников (критики, литераторы, издатели, книготорговцы, педагоги, читатели)» [Рейтблат 2001: 51], мы можем говорить о комплементарном, дополнительном значении интервью как источника.

На наш взгляд, литературные интервью конца XIX – начала XX веков впервые сделали публичным аспект самоидентификации творца художественного текста, оказали влияние на открытое самоосмысление литераторов

в прессе как участников сложных социокультурных и экономических отношений, ответили на запрос читающей публики в понимании природы творчества, тайны гениальности, послужили методом репрезентации писательского житнетворчества. Литературные интервью являются важнейшим источником изучения нарратива о миссии писателя, сформулированного изнутри писательского сообщества. В связи с ведущейся научной дискуссией по проблеме самоидентификации автора (важные материалы к указанной проблеме содержатся в сборнике материалов конференции «Ссылка, изгнанничество, эмиграция: самосознание, ответственность и сочувствие в зеркале эго-документов и фикциональной литературы») мы полагаем, что первые литературные интервью рубежа XIX–XX веков являются демонстрацией творческой авторефлексии (пусть и в редуцированном виде переработанной корреспонденцией прямой речи), поэтому их исследование необходимо для понимания литературной ситуации модерна, а также более глубокого осмысления публичного дискурса массмедиа во взаимодействии с литераторами.

Область зарождения жанра литературного интервью еще исследована мало, литературные интервью русского модерна не так часто видятся необходимым самостоятельным материалом исследования. Отчасти потому, что сами источники опубликованы не в полном объеме, не имеют научных комментариев, хотя у авторов «первого ряда», таких как Л. Толстой, И. Бунин, А. Куприн, интервью постепенно вошли в состав новых собраний сочинений или опубликованы в виде отдельных изданий (см. [Интервью 1987; Куприн 2007; Бунин 2004]). Между тем огромный массив интервью, опубликованных в периодической печати конца XIX – начала XX веков, еще ждет своего издателя. Библиографическая систематизация архивов была проведена Российской государственной библиотекой, по итогам работы выпущен справочник «Российские литераторы начала XX века на страницах московских газет. 1901–1917» [Российские литераторы... 2019]. На данном этапе проделаны изыскания в смежном жанре – жанре анкеты, не менее популярном в периодической печати указанного периода. Ученые видят прямую связь между методом интервьюирования и анкетирования литераторов

(см. [Вахненко 2019; Александров 2019]). Само осознание необходимости фронтальной выборки и публикации литературных интервью было сформулировано В. Лакшиным в книге интервью Л. Толстого еще в конце 1980-х годов, в одном из первых образцов научного подхода к изучаемому нами жанру: по его мнению, литературное интервью находится между жанрами «литературные мемуары» и «репортаж», поэтому вбирает в себя преимущества каждого из них, а главное – является жанром особой ответственности, т. к. герой имеет возможность живо отреагировать на неточности, поэтому интервью является источником рассказа без «вымысла поневоле» (как это происходит в мемуарах из-за временной дистанции) [Лакшин 1987: 5]. Сказанное литератором в беседе интерпретируется ученым как информация фактическая.

Современное понимание жанра интервью, базирующееся на изучении нарратива, напротив, полагает, что любые эго-источники необходимо понимать с поправкой на «примысливание» от субъекта наррации. Интервью, таким образом, необходимо воспринимать не как изложение фактов, но как представление события, т. е. не просто случившегося, а сформулированного с точки зрения вовлеченного (социально-ситуативно, ментально, аксиологически) в факт человека. Именно поэтому литературоведы И. Силантьев и Е. Созина предлагают рассматривать событие через категорию автокоммуникации («сопричастностного осмысления» и аксиологизации) [Силантьев 2013: 60]. Под нарративом мы понимаем не только повествование в общем смысле (событие в жизни человека, изложение которого можно считать частью дискурса), но и схему организации опыта, имеющую определенную структуру, которую можно описать через ряд операций (что определили еще В. Лабов и Д. Валетски) [Labov, Waletzky 1966]. Нарратив литераторов в интервью заслуживает внимания не как фактическая информация, но как источник интерпретации «большой истории» о том, каково быть писателем в конкретный исторический период, рассказанной участниками для максимально широкого круга заинтересованных лиц.

Нужно иметь в виду, что в исследуемое нами время еще не была распространена (за редким исключением, например, известно,

что некоторые интервью Л. Толстого прошли корректуру автора [Лакшин 1987: 9]) практика авторизации текста, читатель сам для себя определял степень вовлеченности в интерпретацию писательских нарративов: от тотального недоверия к абсолютному принятию всего опубликованного как правдивого.

Данная статья ставит цель исследовать некоторые ранние образцы литературного интервью как жанра, формы взаимодействия интервьюера и интервьюируемого и варианты презентации материала в периодической печати конца XIX – начала XX веков, когда словесность переживала первый этап десакрализации творца литературного текста в силу общей демократизации всех общественных институтов, а отдельные авторы впервые напрямую вышли к своему читателю.

Интервью в указанный период было новым, интересным читающей публике методом сбора и презентации данных, т. к. позволяло максимально приблизиться к персоне литератора. По свидетельству А. И. Рейтבלата в конце XIX века произошел значимый рост периодических изданий (за последнее десятилетие XIX века с 65 до 900 тысяч экземпляров) [Рейтблат 1997: 105], «толстые» литературные журналы, определявшие литературные вкусы читающей публики, были потеснены газетами, которые сохраняли рубрику как в журнале, но реагировали на повседневность быстрее, отвечая духу времени. Исследователь эго-документов И. Бунина Д. Риникер отмечает, что интервью создали полифонию мнений в периодических изданиях, что невозможно было в журнале с «направлением» [Риникер 2004: 408]. На наш взгляд, именно интеракция, нехарактерная для литературно-художественных изданий, сделала интервью важным компонентом нового печатного продукта и всей медиасреды. Дистанцирование от газетного мира для некоторых авторов стало средством самоидентификации, как, например, для И. Бунина [Бунин 2004: 418], что также свидетельствует, сколь влиятельными становились средства массовой информации и их жанры. Неслучайно в публичной речи по поводу юбилея газеты «Русские ведомости» в 1915 году Бунин иронизирует по поводу авторитетности новой прессы у читателя: «Мы как провинциал: видим вывеску – „центральный магазин“ – и полага-

ем, что это магазин и впрямь центральный» (цит. по [Бунин 2004: 418]). Во многом легитимизация этого жанра произошла достаточно быстро, т. к. значимое количество литераторов вошли в публичное пространство именно благодаря сотрудничеству с газетами (А. Чехов, К. Чуковский, М. Горький, И. Бунин, В. Брюсов и мн. др.). Поэтому внимание корреспондентов газет к ограниченному кругу литераторов – следствие не только симпатий публики к авторам преимущественно реалистической художественной стратегии, понятной более широкому кругу читателей (так, мы практически не находим интервью с символистами, за исключением Д. Мережковского, К. Бальмонта и В. Брюсова, но интервьюеры неоднократно и регулярно запрашивают мнение Л. Андреева, А. Куприна, М. Арцыбашева и М. Горького), но и большей вовлеченности этих авторов в мир прессы вообще. И если в конце XIX века интервью еще вызывает неоднозначную реакцию, то к середине десятых годов XX века это уже жанр вполне привычный, имеющий понятную цель и словесное оформление.

Эмпирической базой исследования стали интервью писателей рубежа XIX–XX веков, данные газетам «Биржевые ведомости», «Исторический вестник», «Вечерние известия», «Голос Москвы», «Петербургская газета», «Новый путь», «Раннее утро», «Московская газета», «Наш понедельник», «Театральные известия», «Русское слово». Данные тексты были исследованы ранее фрагментарно, как часть корпуса иных биографических материалов. В научный дискурс мы вводим новые источники, ранее не исследуемые литературоведами. Нас интересуют формально-содержательные аспекты интервью писателей, их тематические векторы.

Методика исследования базируется на компаративном анализе современного подхода к жанру интервью и ретроспективного, основывающегося на выявлении дефиниции жанра в исследуемом периоде и репрезентации жанровых характеристик в образцах этого жанра периодической печати. Критериями анализа интервью конца XIX – начала XX веков являются: структура интервью, цель интродукции (вводной части) в аналитических очерках-интервью и трансфер ее содержания в жанр заметки, проблемно-тематическое поле.

Под литературным интервью мы понимаем интервью, взятое у литератора, общественно-значимой фигуры, актора литературного процесса. Литературное интервью как свободное говорение – коммуникативная иллюзия, т. к. литератор-нарратор заключен в нарративную рамку вопросов, зависит от нее; на примере различных интервью одного субъекта мы можем проследить повторяемость компонентов нарратива. Внутри одного интервью могут сочетаться речевые жанры разного типа, которые зависят от нарративной рамки («воспоминание», «случай» и т. п.), а также этот жанр предполагает имитацию устного разговора. Но в момент появления жанра в отечественном литературном процессе все эти особенности еще только начинали проявляться.

Историки публицистики вопрос зарождения жанра интервью рассматривают через его этимологию: если понимать его как *inter* (взаимодействие) и *view* (точка зрения), т. е. процесс обмена информацией, имеющей выражено личную окраску, то историю жанра следует начинать с древнейших памятников (от Платона, Сократа через жанр философского диалога в движении времени – Августин, Б. Паскаль, Д. Юм, Ф. Шлегель, Д. Дидро, Ф. В. Й. Шеллинг и т. д.). В Европе XIX века также получил распространение жанр литературного портрета (впервые как отдельный жанр у О. Сент-Бева в его книге «Литературные портреты. Критические очерки» (1832)), а затем литературного репортажа (например, в творчестве журналиста Ж. Юре исследователи видят трансформацию биографического метода Сент-Бева [Макарова 2020]). Прообразом интервью в современном его понимании можно полагать и жанр очерка-диалога, придуманного О. Уайльдом для газеты «The Women's World» (1884), а затем распространившегося по всей Европе [Fitzsimons 2015]. В российских словарях конца XIX – начала XX веков мы не можем найти термина «интервью», только словарные статьи «беседа» [Даль 1880: 85] и «портрет» (происходит актуализация вторичного значения слова как «описания нрава, быта и внешности человека») [Брокгауз 1898: 323], но оно достаточно употребимо в частной переписке и дневниках (см., например, мемуары Ф. Ф. Фидлера, важного участника литературной жизни Петербурга конца XIX – начала XX веков [Фидлер 2008]).

Поэтому и в периодике этого времени мы чаще видим «беседы» (например, «Д. С. Мережковский о москвичах: из беседы с писателем» [Мережковский 1913], «Беседа с Н. А. Тэффи» [Беседа 1916], «Леонид Андреев о своих критиках: беседа с писателем» [Леонид Андреев 1907]) или «отчеты о посещениях» («У И. С. Шмелева» [У Шмелева 1916], «У И. В. Шпажинского» [У Шпажинского 1901], «У автора «Души, тела и платья»: беседа с драматургом П. А. Олениным» [У автора... 1911]) и гораздо реже собственно «интервью» («Л. Андреев о войне: интервью писателя» [Л. Андреев 1914], «Маленькое интервью: беседа с М. Арцыбашевым» [Маленькое... 1912]).

Несмотря на то что жанр литературного интервью в общем совпадает с инвариантом – интервью вообще, интервьюируемая персона (автор) вписана в литературное поле, в связи с чем оба участника диалога находятся в области общественных конвенций, начавших интенсивно осмысляться, с одной стороны, в тот момент, когда авторство осознается как специфическая область человеческой деятельности, и его природа начинает активно описываться изнутри (в дневниках и частной переписке) и извне (институтом критики и учеными) в конце XVIII века, с другой – интенсифицировавшихся в момент появления массового читателя и развитием прессы в конце XIX века. Причем эти конвенции можно рассматривать на разных уровнях: культурно-специфическом (всеевропейском) или национальном, а также индивидуально-творческом. Пресса стала медиатором прямого взаимодействия с писателем, читатель получил возможность узнать, насколько автор правдив в конструировании художественного мира. Можно говорить об инерции творческого метода или художественной стратегии, предшествовавшей литературной ситуации указанного периода: конец XIX века – время господства реалистического письма. Запрос на прямую речь писателя-современника был столь высок, что корреспонденты активно трансформировали имеющиеся у них эго-документы в некое подобие интервью, создающее иллюзию непосредственного говорения, самопортретирования автора. Известно, что А. П. Чехов не давал интервью (хотя имел такую возможность), но после его смерти, в дни юбилеев, газеты полагали своим долгом

знакомить читателей с выдающимся человеком: «Чехов о самом себе» [Чехов 1911], «Чехов о Толстом» [Чехов 1910], «А. П. Чехов об игре актеров» [А. П. Чехов 1915].

Современные теоретики видят в интервью два плана: методологический и жанровый. По словам А. Тертычного, выделение жанра «интервью» произошло в результате того, что ряд публикаций, в ходе создания которых (при сборе материала) был применен метод интервью, фиксирует собой реальный процесс интервьюирования или же специально строится в вопросно-ответной форме (форме интервью) [Тертычный 2017: 86]. Информационным можно полагать интервью, лишенное комментария автора (что? где? когда?), в ином случае корректно говорить об аналитическом интервью (почему? каким образом? что это значит?) [Там же: 86]. На рубеже XIX–XX веков жанр интервью преимущественно воспринимался как метод, путь сбора данных, которые затем творчески переформлились корреспондентом. К современному пониманию формально-содержательных особенностей интервью был близок иной жанр, также получивший широкое распространение в журналистике в позднейшее время – анкета. Именно в этом жанре сохранялись без изменений ответы литераторов. Но, в отличие от интервью со значимой персоной (беседой), анкета собирала разных респондентов под одной темой. Е. Е. Вахненко, анализируя анкетирование в период Первой мировой войны, отмечает, сколь широким спектром вопросов занимались литераторы начала XX века, полагая себя компетентными в проблеме возможного альянса Англии и России, еврейском вопросе, «общих прений по бюджету»; особенный интерес в середине десятилетия вызывал «писатель на войне» [Вахненко 2019]. А. С. Александров также отмечает, что анкетирование проводилось как для выяснения мнения по тривиальному поводу («Что запомнилось Вам больше всего в уходящем году?», «Выскажите свои пожелания в Новом Году?»), стандартному для обращения к творческой личности («Каковы Ваши творческие планы?»), так и остросоциальному, подобно анкете К. Чуковского для газеты «Свобода и жизнь» об отношении писателей к революции, на которую он получил отклик не только от литераторов, но и рядовых читателей [Александров

2019]. Анкетирование как основу для создания широкой панорамы мнений литераторов начала XX века использовал Ф. Ф. Фидлер, который в 1911 году выпустил книгу «Первые литературные шаги: Автобиографии современных русских писателей», посвященную прежде всего феноменологии литературного дебюта (54 биографии авторов, актуальных для литературной жизни этого периода) [Первые литературные... 1911].

Интервью изучаемого периода во многом повторяли проблемно-тематический ряд анкет: тема войны (интервью с Л. Андреевым [Л. Андреев 1914], А. Куприным [У А. И. Куприна 1915], С. Юшкевичем [У С. Юшкевича 1914]), В. Ивановым [У Вячеслава Иванова 1914]), взаимосвязь политики и художественной словесности (интервью с драматургом И. Колышко [Политика и... 1910]). На наш взгляд, подобные вопросы литераторам были вполне закономерны в той системе ценностных координат, которая была выстроена к этому моменту в обществе: писателей репрессивно подвергали интервьюированию, полагая, что их статус творцов предопределяет понимание важнейших вопросов современности, т. к. вопросы вечности и души человеческой им открылись при создании текстов. Так, например, в 1907 году вышел роман М. Арцыбашева «Санин», а в 1911 – роман «У последней черты», которые воспринимались современниками как эпатажные, полемичные, даже порнографические. И хотя произведения рисуют многообразные характеры молодежи конца XIX – начала XX веков, критикуют ведущие философские течения времени (например, толстовство и ницшеанство), из-за смелых описаний физиологии любви автор для общества стал экспертом по пропаганде порнографии и самоубийствам [Маленькое... 1912]. Похожая судьба ждала и А. Куприна, опубликовавшего широко известную повесть «Яма». Острый вопрос существования проституции, художественно осмысленный на примере публичного дома начала XX века, инициировал дискуссию, шокировал современников и обеспечил внимание корреспондентов к писателю, к которому на протяжении 1910-х годов обращались за сведениями о написании второй части известного текста [У А. И. Куприна 1910; У Куприна 1909; Приезд... 1910]. Часть интервью имела ритуальный характер и создавалась

в честь юбилеев писателей: «За 25 лет: юбилейное интервью с Е. Н. Чириковым» [За 25 лет 1911], «И. А. Бунин: интервью в связи с 25-летием литературной деятельности» [И. А. Бунин 1912]. Особый интерес для нас представляют интервью, касающиеся непосредственно актуального литературного процесса: «Где же будущее: беседа с К. Чуковским» (о футуризме в литературе) [Где же... 1913]; общих вопросов писательства как культурной практики и творческой лаборатории автора: «У Семена Юшкевича: Есть талантливые люди и бесталанная литература» [У Семена Юшкевич 1912], «М. П. Арцыбашев о самом себе» [М. П. Арцыбашев 1910], «Бунин о поэзии» [Бунин 1912], «И. А. Бунин о театре» [И. А. Бунин 1912].

Но интервью предполагает интеракцию, где не менее важной является вопрошающая сторона. Сошлемся на определение С. Н. Ильченко: «Интервью – это целостный акт коммуникации, предполагающий диалогическое общение журналиста с респондентом в ситуации последовательного чередования вопросов и ответов с целью получения информации, мнений или суждений, представляющих общественный интерес» [Ильченко 2016: 16]. В интервью конца XIX – начала XX веков вопросы чаще всего редуцировались, переводились в косвенную речь, полагались лишь исходным материалом для создания заметки или очерка (такая форма была принята, например, в столичных газетах «Речь» и «Русские ведомости»), но, очевидно, что именно журналист расставлял акценты в финальном варианте для публикации, создавал драматургию повествования. Поэтому В. Лакшин предлагал называть ранние интервью «газетный отчет», а современные исследователи говорят о «квазиинтервью» (С. Ташлыков) [Куприн 2020] или «редуцированном» интервью [Александров 2019].

С современной точки зрения корректно говорить о синтетической, гибридной природе интервью рубежа XIX–XX веков, сочетании различных речевых жанров в пределах одной формы: интервью-очерк, интервью-статья, репортаж-интервью или заметка-интервью – все эти жанры еще не имели строгой закреплённости и взаимно влияли друг на друга, а «чужое слово» писателя встраивалось в собственный нарратив журналиста. Газетные публикации отличаются объемом: от разверну-

тых портретных зарисовок до микрореакций-заметок «по поводу».

Традиционно интервью – развернутый отчет о встрече с писателем (симметричный современному аналитическому интервью) имел рамочную композицию. В рамке могла быть изложена ситуация приезда – отъезда, описание места встречи с литератором. Рамка выполняла функцию интродукции, введения в печатный материал. В стилистическом отношении введение ориентируется на реалистические художественные тексты второй половины XIX века, детерминирующие субъекта окружающим миром, а также европейскую традицию создания литературного портрета. Так, интервьюер Л. Толстого Г. Данилевский апеллирует к английской традиции создания литературного портрета в «Graphic», «Illustrated London News», где выходили очерки-«беседы с писателями» Теннисоном, Диккенсом, Гладстоном, Вальтер-Скоттом, Коллинзом [Данилевский 1987]. Поэтому корреспондент начинает интервью введением, описывающим кабинет литератора: «Это светлая высокая и скромно убранная комната, аршин 12 длины и около 6-ти аршин ширины» [Там же: 24], столовую и поместье в целом. Начало публикации, открывающееся пейзажной зарисовкой или сценкой (действием), вполне традиционно для 1886 года: интервью с Л. Толстым – «Резвые, сытые лошади, погромыхивая бубенцами, весело неслись с холма на холм, между жнивьем и свежих озимей, по которым паслись овцы и скот. – Что это за поселок? – спросил я на пути возницу» [Там же: 20]. Тот же композиционный прием использован уже в 1900-е годы в интервью с А. Куприным: «Случай забросил меня в Житомир. Конечно, первой моей мыслью было навестить живущего теперь там Куприна. <...> Александр Иванович, приветливо улыбаясь, перекладывал с одной руки на другую лейку, которой только что поливал цветы. – Простите, господа, не подаю вам руки, она грязная, в земле» [У Куприна 1909]. Но корреспондент, автор текста не просто создает рамку, оформляет разговор: интродукция показывает его кругозор и литературную компетентность, причастность к миру литераторов, доказывает право на беседу с гением места. Развернутое интервью позволяло вести разговор не на одну узкую тему, а представить

в одной публикации актуальные события, творческие планы, получить ответ на главный вопрос: как вы пишете?

Так, например, в интервью А. Куприна разных лет складывается образ автора, пишущего только на те темы, в которых материал ему известен досконально. Куприн апеллирует к традиции творчества как «правды жизни», без прикрас и вымысла: «Я лично люблю правду голую, бьющую по головам, и, как говорится, по сусалам. Поэтому нахожу, что писатель должен изучить жизнь, не отворачиваясь ни от чего... скверно ли пахнет, грязно ли... иди, наблюдай» [У Куприна 1905]; «Вот я вспомнил о Балаклаве... Жизнь там, среди рыбаков, дала мне неисчерпаемый источник сюжетов для моих произведений» [У Куприна 1909].

С течением времени подобный подход к интервью начинает становиться шаблоном. Портрет, предшествующий серьезному разговору, начинает клишироваться, о чем с иронией говорят сами корреспонденты: «В нашей современной литературе есть два имени, две точки, около которых ютятся остальные ее представители, которые дают общий тон и направление, и предписывают те или иные взгляды и требования. Это – Андреев и Куприн. Их фигуры уже примелькались. Всем известна черная тужурка Андреева. Все знают несколько сторбленную, усталую фигуру Куприна. И на портретах Андреев выходит всегда жизнерадостным, веселым, полным сил, – в то время как у Куприна мы замечаем какое-то скорбное выражение, говорящее о душевной усталости и желании отдохнуть» [Одинокий 1912].

Иной характер имеют интервью-заметки, публиковавшиеся в ежедневных дешевых изданиях, подобных московской «Газете-Копейке». Очевидно, что читателей такого рода изданий не слишком интересовали стиль и творческие озарения авторов, но явно интересовали вещи, которые в аналитических больших статьях-интервью находились лишь в вводной части, т. е. именно быт, повседневные привычки и ближайшее окружение. Характерна заметка, называемая «М. Горький и корреспонденты», в которой цитируется письмо писателя в провинциальную газету «Астраханский листок», где Горький опровергает информацию одного английского журнала (название из текста установить невозможно); информацию

«Астраханского листка» перепечатала газета «Звезда», а уже затем она попала в московскую «Газету-Копейку» в феврале 1911 г.: «В одном из номеров „Астраханского листка“ помещена заметка „У Максима Горького“. В заметке этой говорится о том, что Горький выезжает из Капри в Швейцарию, где арендовал замок в 40 комнат и проч.; в этом духе. Я вообще не понимаю смысла сообщений такого рода и не вижу, кому они могут быть интересны. В данном же случае заметка изобилует неточностями. Укажу главные: я не собираюсь переезжать с Капри, не арендовал замка в Швейцарии, не имею коллекции произведений итальянских мастеров живописи, более трех лет не выезжал из пределов Италии, не был близ Монте, из чего ясно, что корреспондент английского журнала не мог меня видеть там и не говорил со мной на Капри, ибо я не принимаю корреспондентов, как таковых, т. е. ради сообщения им каких-либо сведений обо мне. Цель настоящего письма сообщить всем тем, кому это интересно, что сведения обо мне, время от времени печатаемые прессой являются плодом личного творчества гг. корреспондентов, ибо повторяю, я уклоняюсь от чести и удовольствия беседовать с ними» [М. Горький 1911].

Интервью и заметки, дающиеся из номера в номер, явно объединяются в серии, сопровождающие «высокие» точки творческого пути авторов. Так, серии заметок сопровождали полемику по поводу выхода повести «Яма» А. Куприна, «Деревни» И. Бунина, пьес Л. Андреева. Писатели были вынуждены отвечать на обвинения в плагиате и искажении действительности (А. Куприна, например, спрашивали, не знакомился ли он с повестью французского писателя Бильзе «История одного маленького гарнизона», когда писал «Поединок» [У Куприна 1905], а Л. Андреева подозревали в плагиате сюжета повести «Анатэма» [Займствовал ли... 1909]). Очевидная необходимость поддерживать интерес читателей заставляла корреспондентов составлять заметки по результатам телефонных разговоров, в которых информативность была минимальной: «А. И. Куприн мало доволен своим летом, проведенным в Гатчине. За это время он не написал ничего кроме статей и миниатюрных рассказов. <...> С А. И. ведутся переговоры о сотрудничестве в одной новой газете – вопроса этого он окончательно не

решил, хотя не считает этого невозможным» [Регинин 1909].

Таким образом, реконструкция авторских нарративов в литературных интервью конца XIX – начала XX веков дает возможность сделать выводы о первых авторских публичных попытках ответить на общественный запрос о роли писателя в социуме, определиться с писательской стратегией и ее доминантами, демонстрирует рефлексию писательского сообщества над актуальными социокультурными вопросами и способностью литературы на них ответить. Многие аспекты восприятия фигур литераторов этого периода сформиро-

ваны при непосредственном участии самих творцов и повлияли на стереотипизацию в их оценке, а доступность коммуникации дала ход десакрализации персоны литератора вообще. Текущность жанра, его синтетический характер, объяснимый моментом становления интервью как новой формы взаимодействия общества и литератора, дают представление о принципиальных изменениях литературной жизни этого времени: писатель видится необходимым субъектом публичного пространства, интерес вызывают не только его тексты, но и автор как персона, момент и место «производства» произведения.

Литература

- А. П. Чехов об игре актеров // Вечерние вести газеты «Патруль». – 1915. – 13 апреля (228). – С. 4.
- Абашева, М. П. Литература в поисках лица (русская проза конца XX века: становление авторской идентичности) / М. П. Абашева. – Пермь : Изд-во Пермского ун-та, 2001. – 318 с.
- Александров, А. С. Ответы писателей на анкеты периодических изданий начала XX века / А. С. Александров // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 447. – С. 5–10.
- Беседа с Н. А. Тэффи // Вечерние известия. – 1916. – 3 марта (924). – С. 8.
- Брокгауз, Ф. А. Портрет / Ф. А. Брокгауз, И. А. Эфрон // Энциклопедический словарь : в 86 т. Т. 48. – СПб. : Типо-литография И. А. Ефрона, 1898. – С. 323.
- Бунин о поэзии / записал Х. // Голос Москвы. – 1912. – 22 октября (217). – С. 5.
- В гостях у А. И. Куприна // Петербургская газета. – 1909. – 9 июня (155). – С. 5.
- Вахненко, Е. Е. Редакционная политика газеты «Биржевые ведомости» в контексте исторического слома (июль 1914 – октябрь 1917 года) / Е. Е. Вахненко // Сибирский филологический журнал. – 2019. – № 4. – С. 101–115.
- Где же будущее?: беседа с К. Чуковским // Вечерние известия. – 1913. – 28 октября (314). – С. 3.
- Даль, В. И. Толковый словарь живаго великорусскаго языка : в 4 т. Т. 1 / В. И. Даль. – СПб. ; М. : Типография М. О. Вольфа, 1880. – С. 85.
- Данилевский, Г. Поездка в Ясную Поляну / Г. Данилевский // Интервью и беседы с Львом Толстым. – М. : Современник, 1987. – С. 18–25.
- Д. С. Мережковский о москвичах: из беседы с писателем / подгот. В. К. // Вечерние известия. – 1913. – 4 ноября (320). – С. 2.
- За 25 лет: юбилейное интервью с Е. Н. Чириковым // Русское слово. – 1911. – 22 января (17). – С. 2.
- Займствовал ли Андреев «Анатэму»? К обвинению писателя в плагиате // Раннее утро. – 1909. – 27 ноября (272). – С. 4.
- И. А. Бунин: Новые материалы: Вып 1 / сост., ред. О. Коростелев и Р. Дэвис. – М. : Русский путь, 2004. – 584 с.
- И. А. Бунин: интервью в связи с 25-летием литературной деятельности // Голос Москвы. – 1912. – 24 октября (245). – С. 4.
- И. А. Бунин о театре // Вечерние известия. – 1912. – 26 октября (21). – С. 3.
- Ильченко, С. Н. Интервью в журналистике: как это делается : учеб. пособие / С. Н. Ильченко. – СПб. : С.-Петербург. гос. ун-т ; Ин-т «Высш. шк. журн. и мас. коммуникаций», 2016. – 236 с.
- Куприн, А. И. Интервью. Анкеты / А. И. Куприн // Куприн А. И. Полное собрание сочинений : в 10 томах. Т. 10: Заметки публициста, сатирика и литературного критика. Интервью, анкеты. – М. : Воскресение, 2007. – С. 307–338.
- Куприн в зеркале интервью : сборник материалов / сост., вступ. ст. и комм. С. А. Ташлыкова. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2020. – 239 с.
- Лакшин, В. Я. Лев Толстой глазами современников / В. Я. Лакшин // Интервью и беседы с Львом Толстым. – М. : Современник, 1987. – С. 3–17.
- Л. Андреев о войне: интервью писателя // Вечерние известия. – 1914. – 13 сентября (566). – С. 3.
- Леонид Андреев о своих критиках: беседа с писателем // Наш понедельник. – 1907. – 17 декабря (5). – С. 4.
- Л. Н. Андреев, А. В. Амфитеатров и А. И. Куприн // Вечерние известия. – 1916. – 9 сентября (1080). – С. 3.
- Маленькое интервью: беседа с М. Арцыбашевым / подгот. Атанасио // Голос Москвы. – 1912. – 14 марта (61). – С. 5.
- М. Горький и корреспонденты // Газета-Копейка. – 1911. – 25 января. – № 15 (585).
- М. П. Арцыбашев о самом себе / подгот. Н. Н. // Голос Москвы. – 1910. – 18 ноября (266). – С. 6.
- Макарова, П. А. О влиянии жанра литературного портрета на литературный репортаж конца XIX века (на основании публикаций Ж. Юре в газете Эко де Пари) / П. А. Макарова, А. Д. Сабова // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2020. – № 4. – С. 80–100.

- Одинокий, В. Противоречивое творчество // Новый путь. – 1912. – 2 января (1). – С. 2.
- Первые литературные шаги: автобиографии современных русских писателей / собр. Ф. Ф. Фидлер. – М., 1911. – 268 с.
- Приезд А. И. Куприна / записал П. Г. // Голос Москвы. – 1910. – 26 февраля (46). – С. 5.
- Политика и сцена: беседа с И. Колышко // Раннее утро. – 1910. – 18 декабря (292). – С. 3.
- Протест Короленко: письмо в газету «Речь» // Вечерние известия. – 1916. – 3 августа (1051). – С. 5.
- Регинин, В. Куприн о своих планах / В. Регинин // Биржевые ведомости. – 1909. – 28 февраля (10984). – С. 6.
- Рейтблат, А. И. Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи / А. И. Рейтблат. – М. : Новое литературное обозрение, 2001. – 336 с.
- Рейтблат, А. И. Роман литературного краха / А. И. Рейтблат // Новое литературное обозрение. – 1997. – № 25. – С. 99–109.
- Риникер, Д. «Литература последних годов – не прогрессивное, а регрессивное явление во всех отношениях»: Иван Бунин в русской периодической печати (1902–1917) / Д. Риникер // И. А. Бунин: Новые материалы: Вып. 1 / сост., ред. О. Коростелев и Р. Дэвис. – М. : Русский путь, 2004.
- Российские литераторы начала XX века на страницах московских газет. 1901–1917: библиографический указатель: в 2 т. Т. 1. – М. : Пашков дом, 2019. – 470 с.
- Российские литераторы начала XX века на страницах московских газет. 1901–1917: библиографический указатель: в 2 т. Т. 2. – М. : Пашков дом, 2019. – 468 с.
- Силантьев, И. В. Нарратив в литературе и истории. На материале дневниковой прозы А. Герцена 1840-х гг. / И. В. Силантьев, Е. К. Созина // Сибирский филологический журнал. – 2013. – № 3. – С. 58–68.
- Тертычный, А. А. Жанры периодической печати: учебное пособие / А. А. Тертычный. – М. : Аспект-Пресс, 2017.
- Тугушева, Э. Ф. Интервью с писателем как источник метапоэтических данных о языке новейшей художественной литературы / Э. Ф. Тугушева, Л. А. Федорчукова, Н. П. Филатова // Грамота: Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 8 (86). Ч. 1. – С. 57–61.
- У автора «Души, тела и платья»: беседа с драматургом П. А. Олениным / подгот. корр. газеты // Московская газета. – 1911. – 13 ноября (158). – С. 5.
- У Вячеслава Иванова / записал В. Д. // Голос Москвы. – 1914. – 2 декабря (277). – С. 4.
- У И. С. Шмелева // Вечерние известия. – 1916. – 16 марта (935). – С. 8.
- У И. В. Шпажинского // Театральные известия. – 1901. – 6 ноября (1262). – С. 2.
- У А. И. Куприна // Русское слово. – 1910. – 14 марта (60). – С. 6.
- У А. И. Куприна // Вечерние известия. – 1915. – 25 мая (экстр. вып.). – С. 2.
- У Куприна // Голос Москвы. – 1909. – 13 октября (234). – С. 2.
- У Куприна // Петербургская газета. – 1905. – 4 августа (203). – С. 4.
- У С. Юшкевича // Голос Москвы. – 1914. – 20 ноября (268). – С. 5.
- У Семена Юшкевича: Есть талантливые люди и бесталанная литература // Раннее утро. – 1912. – 13 сентября (211). – С. 4.
- Фидлер, Ф. Ф. Из мира литераторов: характеры и суждения / Ф. Ф. Фидлер. – М. : Новое лит. обозрение, 2008. – 861 с.
- Черняк, М. Селфи на фоне эпохи: библионавигатор по современной литературе: учебное пособие / М. Черняк, М. Саргсян. – М. : РШБА, 2020. – 352 с.
- Чехов о Толстом // Московская газета. – 1910. – 8 ноября (47). – С. 2.
- Чехов о самом себе // Кинематограф. – 1911. – № 10 (11). – С. 4.
- Юрьев, Д. Ю. Творческая личность М. Елизарова: аспекты критической рефлексии и самоидентификации / Д. Ю. Юрьев. – Текст : электронный // Научный журнал КубГАУ. – 2016. – № 120 (06). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tvorcheskaya-lichnost-m-elizar-ova-aspekty-kriticheskoy-refleksii-i-samoidentifikatsii> (дата обращения: 02.08.2022).
- Labov, W. *Narrative analysis: Oral versions of personal experience* / W. Labov, J. Waletzky // *Essays on the Verbal and Visual Arts: Proceedings of the American Ethnological Society* / ed. by J. Helm. – Seattle: University of Washington Press, 1966. – P. 12–44.
- Fitzsimons, E. Entering “The Woman’s World”: Oscar Wilde as Editor of a Woman’s Magazine / E. Fitzsimons. – Text : electronic // *The Victorian Web: Literature, History & Culture in the Age of Victoria*. – 2015. – 16 September. – URL: <https://victorianweb.org/authors/wilde/fitzsimons.html>.

References

- A. P. Chekhov ob igre akterov [A. P. Chekhov about Acting]. (1915). In *Vechernie vesti gazety «Patrul'»*. April 13 (228), p. 4.
- Abasheva, M. P. (2001). *Literatura v poiskakh litsa (russkaya proza kontsa XX veka: stanovlenie avtorskoj identichnosti)* [Literature in Search of a Face (Russian Prose of the Late 20th Century: The Formation of the Author’s Identity)]. Perm, Izdatel'stvo Permskogo universiteta. 318 p.
- Aleksandrov, A. S. (2019). Otveti pisatelei na ankety periodicheskikh izdaniy nachala XX veka [Writer’s Answers to the Questionnaires of Periodicals of the Beginning of the 20th Century]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 447, pp. 5–10.
- Beseda s N. A. Teffi [Conversation with N. A. Teffi]. (1916). In *Vechernie izvestija*. March 3 (924), p. 8.
- Brokgauz, F. A., Efron I. A. (1898). Portret [Portrait]. In *Entsiklopedicheskii slovar': v 86 t.* Vol. 48. Saint Petersburg, Tipo-litografiya I. A. Efrona, p. 323.
- Bunin o poezii [Bunin about Poetry]. (1912). In *Golos Moskvy*. October 22 (217), p. 5.

- Chekhov o samom sebe [Chekhov about Himself]. (1911). In *Kinematograf*. No. 10 (11), p. 4.
- Chekhov o Tolstom [Chekhov about Tolstoy]. (1910). In *Moskovskaya gazeta*. November 8 (47), p. 2.
- Chernyak, M. (2020). *Selfi na fone epokhi: bibliograficheskii navigator po sovremennoi literature* [Selfie Against the Backdrop of the Era: A Bibliographic Navigator for Modern Literature]. Moscow, RShBA. 352 p.
- D. S. Merezhkovskii o moskvichakh: iz besedy s pisatelem [D. S. Merezhkovsky about Muscovites: From a Conversation with a Writer]. (1913). In *Vechnie izvestiya*. November 4 (320), p. 2.
- Dal, V. I. (1880). *Tolkovnyi slovar' zhivago velikorusskago yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language, in 4 vols.]. Vol. 1. Saint Petersburg, Moscow, Tipografiya M. O. Vol'fa, p. 85.
- Danilevsky, G. (1987). *Poezdka v Yasnuyu Polyanu* [Trip to Yasnaya Polyana]. In *Interv'yu i besedy s L'vom Tolstym*. Moscow, Sovremennik, pp. 18–25.
- Fidler, F. F. (2008). *Iz mira literatorov: kharaktery i suzheniya* [From the World of Writers: Characters and Judgments]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 861 p.
- Fitzsimons, E. (2015). Entering "The Woman's World": Oscar Wilde as Editor of a Woman's Magazine. In *The Victorian Web: Literature, History & Culture in the Age of Victoria*. September 16. URL: <https://victorianweb.org/authors/wilde/fitzsimons.html>.
- Gde zhe budushhee?: beseda s K. Chukovskim [Where Is the Future?: A Conversation with K. Chukovsky]. (1913). In *Vechnie izvestiya*. October 28 (314), p. 3.
- I. A. Bunin o teatre [I. A. Bunin about the Theater]. (1912). In *Vechnie izvestiya*. October 26 (21), p. 3.
- I. A. Bunin: interv'yu v svyazi s 25-letiem literaturnoi deyatel'nosti [I. A. Bunin: Interview in Connection with the 25th Anniversary of Literary Activity]. (1912). In *Golos Moskvy*. October 24 (245), p. 4.
- Ilchenko, S. N. (2016). *Interv'yu v zhurnalistike: kak eto delaetsya* [Interview in Journalism: How It's Done]. Saint Petersburg, Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet, Institut «Vysshaya shkola zhurnalistiki i massovykh kommunikatsii». 236 p.
- Korostelev, O., Djevis, R. (Eds.). (2004). *I. A. Bunin: Noveye materialy* [I. A. Bunin: New Materials]. Issue 1. Moscow, Russkii put'. 584 p.
- Kuprin, A. I. (2007). Interv'yu. Ankety [Interview. Questionnaires]. In *Kuprin A. I. Polnoe sobranie sochinenii: v 10 t.* Vol. 10: Zametki publitsista, satirika i literaturnogo kritika. Interv'yu, ankety. Moscow, Voskresenie, pp. 307–338.
- L. Andreev o voine: interv'yu pisatelya [L. Andreev about the War: An Interview with the Writer]. (1914). In *Vechnie izvestiya*. September 13 (566), p. 3.
- L. N. Andreev, A. V. Amfiteatrov i A. I. Kuprin [L. N. Andreev, A. V. Amfiteatrov and A. I. Kuprin]. (1916). In *Vechnie izvestiya*. September 9 (1080), p. 3.
- Labov, W., Waletzky, J. (1966). Narrative Analysis: Oral Versions of Personal Experience. In Helm, J. (Ed.). *Essays on the Verbal and Visual Arts: Proceedings of the American Ethnological Society*. Seattle, University of Washington Press, pp. 12–44.
- Lakshin, V. Ya. (1987). Lev Tolstoy glazami sovremennikov [Leo Tolstoy through the Eyes of Contemporaries]. In *Interv'yu i besedy s L'vom Tolstym*. Moscow, Sovremennik, pp. 3–17.
- Leonid Andreev o svoikh kritikakh: beseda s pisatelem [Leonid Andreev about His Critics: A Conversation with a Writer]. (1907). In *Nash ponedel'nik*. December 17 (5), p. 4.
- M. Gor'kii i korrespondenty [M. Gorky and Correspondents]. (1911). In *Gazeta-Kopeika*. January 25. No. 15 (585).
- M. P. Artsybashev o samom sebe [M. P. Artsybashev about Himself]. (1910). In *Golos Moskvy*. November 18 (266), p. 6.
- Makarova, P. A. (2020). O vliyaniy zhanra literaturnogo portreta na literaturnyy reportazh kontsa XIX veka (na osnovanii publikatsii Zh. Yure v gazete Eko de Pari) [On the Influence of the Literary Portrait Genre on the Literary Reportage of the End of the 19th Century (Based on J. Huret's Publications in the Eco de Paris Newspaper)]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*. No. 4, pp. 80–100.
- Malen'koe interv'yu: beseda s M. Arcybashevym [A Short Interview: A Conversation with M. Artsybashev]. (1912). In *Golos Moskvy*. March 14 (61), p. 5.
- Odinokiy, V. (1912). Protivorechivoe tvorchestvo [Contradictory Creativity]. In *Novyi put'*. January 2 (1), p. 2.
- Pervye literaturnye shagi: avtobiografii sovremennykh russkikh pisatelei [First Literary Steps: Autobiographies of Modern Russian Writers]. (1911). Moscow. 268 p.
- Politika i stsena: beseda s I. Kolyshko [Politics and Stage: A Conversation with I. Kolyshko]. (1910). In *Rannee utro*. December 18 (292), p. 3.
- Priezd A. I. Kuprina [Arrival of A. I. Kuprin]. (1910). In *Golos Moskvy*. February 26 (46), p. 5.
- Protest Korolenko: pis'mo v gazetę «Rech» [Korolenko's Protest: A Letter to the Rech Newspaper]. (1916). In *Vechnie izvestiya*. August 3 (1051), p. 5.
- Reginin, V. (1909). Kuprin o svoikh planakh [Kuprin about His Plans]. In *Birzhevye vedomosti*. February 28 (10984), p. 6.
- Reitblat, A. I. (1997). Roman literaturnogo krakha [A Novel of Literary Collapse]. In *Novoe literaturnoe obozrenie*. No 25, pp. 99–109.
- Reitblat, A. I. (2001). *Kak Pushkin vyshel v genii: Istoriko-sociologicheskie ocherki o knizhnoi kul'ture Pushkinskoi epokhi* [How Pushkin Became a Genius: Historical and Sociological Essays on the Book Culture of the Pushkin Era]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 336 p.
- Riniker, D. (2004). «Literatura poslednikh godov – ne progressivnoe, a regressivnoe yavlenie vo vsekhn otnosheniyah»: Ivan Bunin v russkoi periodicheskoi pechati (1902–1917) [“The Literature of Recent Years Is Not a Progressive, but a Regressive Phenomenon in All Respects”: Ivan Bunin in Russian Periodicals (1902–1917)]. In Korostelev, O., Djevis, R. (Eds.). *I. A. Bunin: Noveye materialy: Vyp. 1*. Moscow, Russkii put'.
- Rossiiskie literaturnye nachala XX veka na stranitsakh moskovskikh gazet. 1901–1917: bibliograficheskii ukazatel': v 2 t. [Russian Writers of the Early 20th Century on the Pages of Moscow Newspapers. 1901–1917: Bibliographic Index, in 2 vols.]. (2019). Vol. 1. Moscow, Pashkov dom. 470 p.

Rossiiskie literaturny nachala XX veka na stranitsakh moskovskikh gazet. 1901–1917: bibliograficheskii ukazatel': v 2 t. [Russian Writers of the Early 20th Century on the Pages of Moscow Newspapers. 1901–1917: Bibliographic Index, in 2 vols.]. (2019). Vol. 2. Moscow, Pashkov dom. 468 p.

Silant'yev, I. V. (2013). Narrativ v literature i istorii. Na materiale dnevnikovoi prozy A. Gertsena 1840-kh gg. [Narrative in Literature and History. On the Material of A. Herzen's Diary Prose of the 1840s.]. In *Sibirskii filologicheskii zhurnal*. No. 3, pp. 58–68.

Tashlykov, S. A. (Ed.). (2020). *Kuprin v zerkale interv'yuu* [Kuprin in the Mirror of the Interview]. Irkutsk, Izdatel'stvo IGU. 239 p.

Tertychnyi, A. A. (2017). *Zhanry periodicheskoi pechati* [Genres of Periodical Press]. Moscow, Aspekt-Press.

Tugusheva, E. F. (2018). Interv'yuu s pisatelem kak istochnik metapoeticheskikh dannyykh o yazyke noveishei khudozhestvennoi literatury [Interview with a Writer as a Source of Metapoetic Data on the Language of Modern Fiction]. In *Gramota: Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. No. 8 (86). Part 1, pp. 57–61.

U A. I. Kuprina [At A. I. Kuprina]. (1910). In *Russkoe slovo*. March 14 (60), p. 6.

U A. I. Kuprina [At A. I. Kuprina]. (1915). In *Vechnie izvestiya*. May 25, p. 2.

U avtora «Dushi, tela i plat'ya»: beseda s dramaturgom P. A. Oleninyim [From the Author of "Soul, Body and Dress": A Conversation with the Playwright P. A. Olenin]. (1911). In *Moskovskaya gazeta*. November 13 (158), p. 5.

U I. S. Shmeleva [At I. S. Shmelev]. (1916). In *Vechnie izvestiya*. March 16 (935), p. 8.

U I. V. Shpazhinskogo [At I. V. Shpazhinskogo]. (1901). In *Teatral'nye izvestiya*. November 6 (1262), p. 2.

U Kuprina [At Kuprina]. (1905). In *Peterburgskaya gazeta*. August 4 (203), p. 4.

U Kuprina [At Kuprina]. (1909). In *Golos Moskvyy*. October 13 (234), p. 2.

U S. Yushkevicha [At S. Yushkevicha]. (1914). In *Golos Moskvyy*. November 20 (268), p. 5.

U Semena Yushkevicha: Est' talantliвыe lyudi i bestalannaya literatura [Semyon Yushkevich: There Are Talented People and Mediocre Literature]. (1912). In *Rannee utro*. September 13 (211), p. 4.

U Vyacheslava Ivanova [At Vyacheslav Ivanov]. (1914). In *Golos Moskvyy*. December 2 (277), p. 4.

V gostyakh u A. I. Kuprina [Visiting A. I. Kuprin]. (1909). In *Peterburgskaya gazeta*. June 9 (155), p. 5.

Vakhnenko, E. E. (2019). Redaktsionnaya politika gazety «Birzhevye vedomosti» v kontekste istoricheskogo sloma (iyul' 1914 – oktyabr' 1917 goda) [Editorial Policy of the Newspaper "Birzhevye Vedomosti" in the Context of the Historical Breakdown (July 1914 – October 1917)]. In *Sibirskii filologicheskii zhurnal*. No. 4, pp. 101–115.

Yuryev, D. Yu. (2016). Tvorcheskaya lichnost' M. Elizarova: aspekty kriticheskoi refleksii i samoidentifikatsii [Creative Personality of M. Elizarov: Aspects of Critical Reflection and Self-Identification]. In *Nauchnyi zhurnal KubGAU*. No. 120 (06). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tvorcheskaya-lichnost-m-elizar-ova-aspekty-kriticheskoy-refleksii-i-samoidentifikatsii> (mode of access: 02.08.2022).

Za 25 let: yubileinoe interv'yuu s E. N. Chirikovym [For 25 Years: Anniversary Interview with E. N. Chirikov]. (1911). In *Russkoe slovo*. January 22 (17), p. 2.

Zaimstvoval li Andreev «Anatemu»? K obvineniyu pisatelya v plagiate [Did Andreev Borrow Anatema? To the Accusation of the Writer of Plagiarism]. (1909). In *Rannee utro*. November 27 (272), p. 4.

Данные об авторе

Селютина Елена Александровна – кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, доцент кафедры литературы, русского и иностранных языков, Челябинский государственный институт культуры (Челябинск, Россия).

Адрес: 454091, Россия, Челябинск, ул. Орджоникидзе, 36 А.

E-mail: L22502@yandex.ru.

Author's information

Selyutina Elena Aleksandrovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Leading Researcher, Associate Professor of Literature, Russian and Foreign Languages Department, Chelyabinsk State Institute of Culture (Chelyabinsk, Russia).

Дата поступления: 05.09.2022; дата публикации: 29.12.2022

Date of receipt: 05.09.2022; date of publication: 29.12.2022

КАТЕГОРИЯ АВТОРА В ИССЛЕДОВАНИЯХ МИШЕЛЯ ФУКО

Ожигова М. М.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9631-0446>

Аннотация. В статье на тему «Категория автора в исследованиях Мишеля Фуко: литературоведческий аспект» рассматриваются исследования Мишеля Фуко, связанные с языком, литературой и мышлением. При этом в работе основной акцент сделан на двух важнейших исследованиях Фуко, где непосредственно проявлена категория автора: это его эссе «Фантастическая библиотека. Об „Искушении святого Антония“ Гюстава Флобера» и доклад «Что такое автор?». При анализе текстов применяется сравнение с аналогичной работой того же периода «Смерть автора» (1967) Ролана Барта. Целью исследования является, во-первых, анализ малоизвестной работы Фуко «Об Искушении святого Антония», во-вторых, рассмотрение исследовательской парадигмы Мишеля Фуко в контексте его отношения к фигуре автора в тексте, в частности, художественном. Данная проблематика интересна своей многогранностью: рассмотрение работ, относящихся к одному периоду творчества Фуко, показывает, что позиция ученого была неоднозначной. С одной стороны, Фуко следует тенденции, характерной для «археологического периода» его творчества, со стремлением к минимизации роли субъекта в социальных практиках. С другой стороны, анализ работ Фуко показывает, что у него категория автора не редуцируется, а рассматривается исследователем комплексно, с учетом не только порождения текстов и смыслов, но и их дальнейшего существования в области знания. Автор предлагает несколько иначе взглянуть на привычное восприятие фигуры автора у Фуко только лишь в философском ключе, показывая, что при анализе художественных текстов фигура автора у Фуко обретает литературоведческий статус. Таким образом, результатом работы стали конкретизация места и специфики категории автора и авторства в исследовательской парадигме Фуко, установление того, что для Фуко и сам художественный текст занимает особое место, являясь более сложным объектом изучения, а соответственно, и роль автора в тексте варьируется в зависимости от специфики текста и характера дискурса.

Данные выводы являются ценными для исследователей художественных текстов, так как освещают еще один способ анализа категории автора, а также значение этой категории не только в тексте, но и за его пределами. Кроме того, работа знакомит читателей с малоизвестным эссе Мишеля Фуко, являющимся важным в литературоведческом отношении.

Ключевые слова: художественный дискурс; художественные тексты; реальные авторы; имплицитные авторы; интенция; письмо

Для цитирования: Ожигова, М. М. Категория автора в исследованиях Мишеля Фуко: литературоведческий аспект / М. М. Ожигова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2022. – Т. 27, № 4. – С. 88–98. – DOI: 10.51762/1FK-2022-27-04-08.

THE CATEGORY OF “AUTHOR” IN THE STUDIES OF MICHEL FOUCAULT

Maria M. Ozhigova

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9631-0446>

Abstract. The paper investigates the category of “author” in the studies of Michel Foucault related to language, literature and thinking. The work actually focuses on two Foucault’s most important studies, in which the author’s category is directly addressed: the essay “Fantasia of the library” and the lecture “What is an Author?” In addition, Foucault’s research is analyzed in comparison with a similar work of the same period, “The Death of the Author” (1967) by Roland Barthes. The aim of the study is, firstly, to analyze the little-known work of Foucault “Fantasia of the library”, and secondly, to consider the research paradigm of Michel Foucault in the context of his attitude to the figure of the author in the text, in particular, in the fiction text. This problem has various difficult aspects: the analysis of works related to one period of Foucault’s work shows that the position of the scholar was ambivalent. On the one hand, Foucault follows the trend characteristic of the “archaeological period” of his work. This period is characterized by the desire to minimize the role of the subject in social practices. On the other hand, the analysis of Foucault’s works shows that his category of the author is not reduced, but is consi-

dered by the researcher comprehensively. At the same time, Foucault takes into account not only the generation of texts and meanings, but also their continued existence in the field of knowledge. The author of the article suggests taking a different look at the habitual perception of the author's figure by Foucault in terms of a philosophical study. In addition, the author shows that when analyzing literary texts, the author's figure in Foucault's works acquires a literary status. Thus, the results of the work present the concretization of the place and specificity of the category of the author and authorship in Foucault's research paradigm. In addition, it was found that the fiction text itself occupies a special place for Foucault, being a more complex object of study, and, accordingly, the role of the author in the text varies depending on the specificity of the text and the nature of the discourse.

These conclusions may become valuable for researchers of literary texts, as they illuminate another way of analyzing the category of the author, as well as the meaning of this category not only in the text, but also beyond it. In addition, the study acquaints readers with a little-known essay by Michel Foucault, which is important in the literary aspect.

Key words: literary discourse; fiction texts; real authors; implicit authors; intention; writing

For citation: Ozhigova, M. M. (2022). The Category of "Author" in the Studies of Michel Foucault. In *Philological Class*. Vol. 27. No. 4, pp. 88–98. DOI: 10.51762/1FK-2022-27-04-08.

Структуралистские и постструктуралистские исследования в области гуманитарного знания имеют свою специфику и методологию. Одной из ключевых фигур в этой области является философ, культуролог Мишель Фуко. Работы Фуко отличаются многогранностью, большим охватом информации из разных областей знания, осмыслением и соотношением друг с другом различных исторических эпох. Тем интереснее подробнее рассмотреть его изыскания в контексте языка и слова, а точнее в контексте литературоведческой проблематики. Если обозреть труды Мишеля Фуко, связанные с гуманитарным знанием, то условно их можно подразделить на несколько категорий: работы, затрагивающие тему искусства, исследования, связанные со словом и литературой, с социальным поведением и его отклонениями, политикой и дискурсом. Кроме того, условно принято делить творчество Фуко на три периода: «...an archaeological phase, a genealogical phase, and an ethical phase. The first of these phases covers work largely undertaken in the 1960s; the second deals with work of the early to mid-1970s; and the last with work of the late 1970s until the early 1980s...» [Golder 2015: 37]¹. Нас же в данной статье будут интересовать тексты «археологического» периода и лишь один из аспектов в подходе Мишеля Фуко к работе с текстами (как художественными, так и научными), а именно его отношение к фигуре автора. Целью работы являются рассмотрение исследований Мишеля Фуко, в которых так или иначе затрагивается

тема, связанная с фигурой автора, установление и конкретизация научной позиции Фуко по этому вопросу. Для этого мы подробнее остановимся на двух его важнейших работах: статье «Что такое автор?», составленной по записи известного выступления Фуко в Коллеж де Франс, и на менее известной работе «Фантастическая библиотека. Об „Искушении святого Антония“ Гюстава Флобера», однако включим в рассмотрение и работы, где проблематика, связанная с автором, затрагивается косвенно или имплицитно.

Прежде чем говорить о позиции Мишеля Фуко по отношению к категории автора, необходимо обозначить несколько функциональных моментов, связанных со спецификой исследований Фуко.

Во-первых, следует сразу разграничить вопросы, связанные с отношением Фуко к субъекту, и анализ категории автора, которую предлагает Фуко. Подробнее об этом мы будем говорить при рассмотрении его доклада «Что такое автор?». Вопрос о субъекте предполагает рассмотрение человека и его места в научном творчестве Фуко, вопрос же об авторе – это проблема, связанная с некоей инстанцией, продуцирующей речь или письмо. Автор даже в теории литературы – это всегда некая инстанция, полностью нетождественная реальному биографическому автору, субъекту пишущему. Так, достаточно вспомнить одну из дисциплин литературоведения нарратологию, где категория автора, как и категория читателя, подраз-

¹ «...археологическая фаза, генеалогическая фаза и этическая фаза. Первый из этих этапов охватывает работу, в основном выполненную в 1960-х годах; второй посвящен работе с начала до середины 1970-х годов; а последний – работе с конца 1970-х до начала 1980-х годов...»

деляется на несколько уровней, таких как «абстрактный и конкретный автор, абстрактный читатель и фиктивный нарратор» и т. д. [Шмид 2008: 45].

Подробно проблему субъекта высказывания в рамках структуралистской и постструктуралистской мысли в лингвистическом аспекте рассматривали, безотносительно художественного творчества, П. Серио, П. Анри и другие. Так, к примеру, П. Анри «...называет расщеплением, или дроблением, формы-субъекта» [Квадратура смысла 1999: 369]. В литературоведческом и культурологическом ракурсе особо можно выделить Р. Барта, Ю. Кристеву, Ж. Делёза и других. Проблеме философии искусства Фуко посвятил отдельную монографию Йозеф Танке, где среди прочего затрагивается и положение субъекта. Мы же в данной статье сконцентрируемся на узкой проблематике, а именно на анализе категории автора у Фуко, а отношение к субъекту рассмотрим лишь в той степени, в которой сам ученый высказывался о нем.

Во-вторых, принято считать, что Фуко, рассматривая прямо или косвенно категорию автора, не придает ей литературоведческого статуса. Так об этом пишет, в частности, И. В. Пешков, утверждая, что «...Специфика связи автора с текстом художественного произведения Мишелем Фуко не уточняется...» [Пешков 2017: 238]. Кроме того, схожую мысль годом позже более подробно развивает и С. Н. Зенкин: «концепция авторства у Фуко – сильная и убедительная, однако она мало касается специфики литературного творчества» [Зенкин 2018: 91]. При этом аргументом к такого рода выводу, по мнению исследователя, является то, что «Фуко... не анализирует ее <авторской функции> внутритекстуальные аспекты – формы и статус „имплицитного“, фикционального автора, который характерен как раз для художественной словесности» [Зенкин 2018: 91]. Здесь стоит отметить, что С. Н. Зенкин предлагает своеобразный концепт – «категория авторства у Фуко», явно оставляя за рамками другие важные работы Фуко, связанные с этой темой, и даже, собственно, работы Фуко, где он непосредственно анализирует художественные тексты. Таким образом, сама проблематика авторства у Фуко редуцируется до его доклада «Что такое автор?», а это, в свою

очередь, несколько искажает цельную картину того, как выглядит концепция автора в творчестве Фуко. В этом смысле у нас есть основания сомневаться в убедительности данных положений, высказанных учеными, ведь очевидно, что в своих исследованиях Фуко оперирует концептами, не применяя их на художественном материале, а лишь в лучшем случае используя имена (как, например, имя Шекспира в докладе «Что такое автор?». Однако когда дело касается анализа художественного текста, категория автора у Фуко приобретает не только философскую, но и литературоведческую спецификацию. В этом отношении нам ближе взгляд исследователей Т. Амиряна и В. Демина, предлагающих в своей работе «Литература как „опыт-переживание“» мысль о необходимости разделять у Фуко две позиции: «...по отношению к функции автора... и другую – позицию философа как автора собственных книг» [Мишель Фуко и литература 2020: 50]. Отсюда возникает интерес к «...разветвленности смыслового субъекта – диалогическому письму, содержащему в себе перспективу множественного» [Мишель Фуко и литература 2020: 49]. И здесь речь именно о смысловой «разветвленности», концептуальной многозначности категории авторства в теории, не исключающей использования категории автора на практике в литературоведческом ключе. Эту позицию мы рассмотрим подробнее при анализе работы Фуко «Об Испытании святого Антония». Но прежде чем рассматривать эту работу, нам необходимо сказать и о других работах, относящихся к этому периоду. Так, в поле нашего внимания попадут «Слова и вещи», «Археология знания» и «Порядок дискурса».

Сложный и многогранный труд «Слова и вещи», вышедший в 1966 году, затрагивает множество различных проблем, связанных не только со становлением понятия «дискурс», но и с проблемой языка и речи, пространства высказывания, а также с понятием «эпистема», которое Фуко предлагает использовать для характеристики различных исторических периодов в развитии человеческой мысли и языка. Проблема автора не затрагивается в исследовании, однако это не значит, что имплицитно Фуко ее не касается. Не заявляя позицию об авторской инстанции открыто и говоря исключительно о языке и дискурсивности,

Фуко, затрагивая область литературы, рассуждая о литературе XX века, фактически констатирует то, о чем годом позже напишет Ролан Барт в своей известной работе «Смерть автора» (1967). Так, говоря о языке и литературе, Фуко пишет: «...литература (сначала в форме сюрреализма, пусть пока замаскированного, потом во все более чистой форме – ...у Батая, у Бланшо) дается... как опыт смерти..., немислимой мысли (и во всей ее недоступности), возвращения (первоначальной девственности, всегда в форме наиболее близкой к языку, и в то же время наиболее удаленной); как опыт конечности человеческого бытия (в его открытости и вместе с тем принудительности). Мы видим, что этот „возврат“ языка вовсе не был для нашей культуры каким-то внезапным вторжением...» [Фуко 1977: 484]. При этом позже в предисловии к своему докладу в Коллеж де Франс в 1969 году Фуко пояснит, говоря о «Словах и вещах»: «...на протяжении всего этого текста наивным, а стало быть – диким образом использовал-таки имена авторов. Я говорил о Бюффоне, о Кювье, о Рикардо и т. д. и позволил этим именам функционировать неким весьма затруднительным двусмысленным образом» [Фуко 1996: 10–11]. Именно эта двусмысленность (которую Фуко, впрочем, не до конца признавал), возникшая еще в «Словах и вещах», побудила его сделать доклад «Что такое автор?», в котором позиция автора уже будет относительно определена.

При этом важно понимать, что эту двусмысленность позже в «Археологии знания» Фуко успешно редуцирует, так как будет говорить об авторах, не являющихся писателями, используя материал по большей части биологического и экономического дискурсов. Сама выборка иллюстративного материала в «Археологии знания» говорит о том, что Фуко, несмотря на свою работу в русле структурализма и постструктурализма, тем не менее отводил автору в художественном творчестве особое место и не мог однозначно с ним распрощаться, как в свое время это сделал Барт. Именно поэтому в «Археологии» встречаются имена ученых, а не писателей.

В «Археологии знания» Фуко анализирует дискурсы, дискурсивные формации и дискурсивные практики уже без какой-либо отсылки к субъекту (как это все же происходило в «Словах и вещах») и тем более к авторской инстан-

ции. Здесь субъект «...определяется языковыми практиками господства, которые конституируют метанарративы, влияющие на индивидуальное сознание» [Фуко 2020: 11]. Естественно, что фигура автора, как реального, так и абстрактного, уже не рассматривается, «...мнимая всевластность „Субъекта“ на самом деле растворяется в потоках дискурсов...» [Мишель Фуко и литература 2020: 61], так как Фуко стремится наиболее объективно описать формирование и движение знания в определенных дискурсах.

Сама особенность подхода Фуко, а именно выделение различных дискурсов, систем дискурсивности, функционирования высказываний вне контекста их авторского порождения, в этой работе практически исключает рассмотрение автора как отдельной важной институции, продуцирующей знание. Конечно же, подход Фуко диктовался не только замыслом «...описания дискурсивных событий как горизонта для исследования формирующихся в нем единств» [Фуко 2020: 72], но и желанием вывести гуманитарное знание любого типа из-под влияния субъективного элемента. Ведь если обратить внимание не на то, что Фуко подробно рассматривает, к примеру дискурсы или их различные формации, а на то, что он не включает в подробный анализ, то можно заметить, что редуцирование фигуры автора до статуса «отсутствия» действительно приводит к снижению субъективизации гуманитарного знания. Именно в этом пункте структуралистов и постструктуралистов часто упрекают за то, что они стремятся изъять человека из процесса жизни и познания. И нужно признать, что основания для таких упреков имеются, однако в случае Фуко мы имеем дело не с уничтожением субъекта, а скорее с попыткой установления его функционирования и возможностей его анализа с меньшей степенью субъективности. Конкретный субъект редуцирован и уступает место инстанции, имени автора, которое функционирует уже абсолютно самостоятельно. Это функционирование Фуко и показывает в докладе «Что такое автор?», хронологически и интенционально соотносимом с предыдущими рассмотренными нами работами «археологического периода». Здесь исследователь предлагает уже иную трактовку позиции автора и субъекта по отношению к письменным высказываниям.

В своем выступлении Фуко затрагивает три важнейших аспекта процесса создания текста: произведение как объект и завершенное целое, письмо как акт и явление и собственно фигура автора, точнее, функция-автор. Согласно Фуко, понятия «произведения» и «письма» мешают «...констатировать исчезновение автора...» [Фуко 1996: 16], поэтому, как бы опровергая их, Фуко утверждает, что «теории произведения не существует» [Фуко 1996: 16], так как невозможно установить границы всего когда-либо написанного определенным автором. В свою очередь, понятие «письма» в его традиционном понимании ученый ставит под сомнение, рассматривая «...эстетический принцип продолжения жизни произведения и после смерти автора...» в религиозном аспекте как стремление искать сокровенные смыслы в написанном и продолжать комментировать тексты вновь и вновь. Здесь сразу следует отметить важное отличие от эссе Ролана Барта 1967 года.

Для Барта «письмо – та область неопределенности, неоднородности и уклончивости, где теряются следы нашей субъективности, черно-белый лабиринт, где исчезает всякая самотождественность, и в первую очередь телесная тождественность пишущего» [Барт 1994: 384]. Иначе говоря, Барт наделяет письмо верховной изначальной функцией по отношению к акту высказывания, ставя его выше автора, контекста и других с ним связанных аспектов. Как отмечает А. В. Дьяков, «письмо – одновременно и форма языкового выражения, и форма принуждения» [Дьяков 2005: 30]. С другой стороны, автор – творящий субъект лишается своего права творца, вкладывающего в текст определенные смыслы. Единственное, что остается, это скриптор, который «...рождается одновременно с текстом. У него нет никакого бытия до и вне письма, он отнюдь не тот субъект, по отношению к которому его книга была бы предикатом; остается только одно время – время речевого акта, и всякий текст вечно пишется здесь и сейчас» [Барт 1994: 387]. У Фуко, как можно увидеть, письмо не наделяется такой авторитетной функцией, скорее, наоборот, ученый здесь предостерегает от понимания письма как некоей абсолютной инстанции: «... не есть ли это понятие <...> только транспозиция – в форме трансцендентальной анонимности – эмпирических характеристик автора?

<...> наделять письмо статусом изначального, разве это не есть способ выразить в трансцендентальных терминах... теологическое утверждение о его священном характере... и критическое утверждение о его творящем характере! Признать, что письмо самой историей, которую оно и сделало возможной, подвергается своего рода испытанию забвением и подавлением, не означает ли это представлять в трансцендентальных терминах религиозный принцип сокровенного смысла... и критический принцип имплицитных значений, безмолвных определений, смутных содержаний <...>?» [Фуко 1996: 17–18].

Таким образом, для Фуко проблема порождения высказывания оказывается гораздо сложнее и не может быть объяснена через констатацию письма как единственной порождающей инстанции. Иным образом, чем Ролан Барт, смотрит Фуко и на позицию субъекта письма и автора. Фактически Фуко отходит от «...буквального истолкования... понятия» [Ильин 1996: 75] «смерти автора». Во-первых, Фуко, хотя «постструктурализм сопротивляется традиции ссылок на авторитетных авторов...» [Дьяков 2015: 497], не констатирует «смерть автора», более того, не рассматривает он и фигуру некоего скриптора. Как можно увидеть, и об этом Фуко говорит ближе к концу своей речи, фигура автора, понимаемая как субъект пишущий, не отвергается исследователем. Так, Фуко, давая характеристику письму, подчеркивая, что оно «...отсылает лишь к себе самому...» [Фуко 1996: 13], упорядочивается «...не столько своим означаемым содержанием, сколько самой природой означаемого...» [Фуко 1996: 13], рассуждает о том, что «...вопрос стоит об открытии некоторого пространства, в котором пишущий субъект не перестает исчезать» [Фуко 1996: 14]. То есть Фуко не отрицает пишущего субъекта и, что важно, понимает под этим субъектом не только скриптора в бартовском ключе, но и, пользуясь языком нарратологии, реального автора, создающего свой текст.

Более того, в докладе 1970 года «Порядок дискурса» он как бы подтверждает это, говоря о том, что «было бы абсурдно... отрицать существование пишущего и сочиняющего индивида». Таким образом, впечатление, что Фуко стремится констатировать исчезновение автора как субъекта творчества и отнять у него

индивидуальный акт творения, является ошибочным. Речь здесь идет скорее о том, «...чтобы внутри речевого акта провести разделительную линию, которая позволит выделить, отличить субъекта речи от совокупности элементов (слова, шумы и т. д.), составляющих само это действие и делающих его возможным» [Фуко 2007: 70]. Что же касается автора, то Фуко ставит вопрос иначе: его интересует не наличие или отсутствие фигуры автора или его качество по отношению к тексту. Фуко стремится, при этом оставаясь в парадигме своих дискурсивных исследований, установить статус автора по отношению к тексту и то, как эта авторская инстанция влияет на дальнейшую жизнь текста. Именно поэтому в дальнейшем в своих рассуждениях Фуко снова использует понятие «автор» для человека, создающего тексты, разграничивая его с понятием «функции-автор».

Таким образом, целью мыслительных операций становится не уничтожение автора как такового, а раскрытие того, чем или кем становится автор (не будем здесь использовать термин «субъект», так как в докладе Фуко разграничивал эти термины) после того, как текст написан и выпущен в свет, тем более если существует множество текстов одного и того же автора. То есть Фуко имеет в виду не субъекта пишущего (скриптора), не реального автора, не абстрактного имплицитного автора, часто соотносимого в литературной теории с образом автора, а автора, чье имя уже связано с текстом и функционирует в определенном дискурсе. Этого автора Фуко обозначает «функцией-автор». Это разграничение, на наш взгляд, является очень важным и методологически ценным. Автор «из плоти и крови», создавший текст, будем называть его реальным автором, не отрицается, однако он «...есть... проекция... некоторой обработки, которой подвергают тексты: сближений, которые производят, черт, которые устанавливают как существенные, связей, преемственности, которые допускают...» [Фуко 1996: 25]. Иначе говоря, реальный автор становится неким эфемерным явлением, происходит своеобразная подмена. На самом же деле на первый план выходит «функция-автор», связанная, во-первых, с именем автора, вокруг которого возникает определенный дискурс. Дискурсы же, в свою очередь, включают дискурсивные формации, «...упорядочивающие

реальность определенным образом» [Кожемякин 2008: 83]. В этом контексте, следуя логике Фуко, видим, что «функция-автор» – это и не абстрактная авторская инстанция, отождествляемая обычно с образом автора. «Функция-автор» «...характерна для способа существования, обращения и функционирования вполне определенных дискурсов внутри того или иного общества» [Фуко 1996: 22].

Таким образом, «функция-автор» – это имя, позволяющее текстам функционировать внутри того или иного дискурса: «...имя автора – это не просто элемент дискурса... оно выполняет по отношению к дискурсам определенную роль: оно обеспечивает функцию классификации; такое имя позволяет сгруппировать ряд текстов, разграничить их, исключить из их числа одни и противопоставить их другим... оно выполняет приведение текстов в определенное между собой отношение» [Фуко 1996: 21]. Интересным здесь является и то, что, разграничивая автора и «функцию-автор», Фуко как бы занимает срединное положение в вопросе авторской интенции. Для Барта вопрос об авторской интенции снимался автоматически вместе со «смертью» автора, ведь скриптор не может иметь никакой интенции, его единственная функция – это фиксация текста, его материализация. В логике Фуко авторская интенция остается, ведь интенция – это не только намерение автора, но и те смыслы, которые он вкладывает в текст. Интенция – это «...ответственность автора за смысл и значение текста» [Компаньон 2001: 56]. В этом плане интенция понимается еще и как ответственность за дальнейшие прочтения, интерпретации текста в том числе. Поэтому с позиции Фуко, при которой существует пишущий субъект и «функция-автор», понятие интенции относится именно к «функции-автор», к имени, которое связано со всеми текстами того или иного автора и которое задает определенную парадигму прочтения всего корпуса текстов одного и того же автора. Иными словами, в своем докладе Фуко оставляет «за скобками» порождение значения и смыслов и их соотношение с фигурой пишущего субъекта, однако связывает различные прочтения и интерпретации текста именно с «функцией-автор», с именем, которое предпослано текстам, и вокруг которого возникает множество коммен-

тариев, и с которым связаны определенные прочные коннотации. В пользу такого понимания «функции-автор» говорит и то, что годом позже в «Порядке дискурса» Фуко предложит уже исторический аспект формирования «функции-автор»: «...по крайней мере, начиная с какого-то времени, индивид, приступающий к писанию текста, горизонтом которого маячит возможное произведение, принимает на себя определенную функцию автора... он получает ее от своей эпохи или же какой она, в свою очередь, становится в результате произведенных им изменений» [Фуко 1996: 64].

Как можно увидеть, в плане ответственности за функционирование текста «функция-автор» определенным образом связана и с интенцией, так как сама эта функция формируется в индивиде и под историческим влиянием в том числе. Здесь может возникнуть впечатление, что Фуко редуцирует важность, степень вовлеченности и отношения реального автора к своему тексту. Однако это не совсем так, и ценность этих сугубо теоретических рассуждений оказывается значительной для исследователей различных текстов, в том числе и художественных. Ведь фактически Фуко не просто предлагает для рассмотрения категорию «функция-автор», но выделяет еще две инстанции, которые не рассматривает в данном докладе. Так, отдельно, как мы уже указывали выше, он говорит о субъекте пишущем, но и не отрицает автора абстрактного, соотносимого с образом автора, принятым в теории литературы. Эту инстанцию Фуко учитывает, хоть и относится к ней критически, считая, что этот имплицитный автор целиком является продуктом литературной критики: «...способ, каким литературная критика в течение долгого времени определяла автора – или, скорее, конструировала форму-автор исходя из существующих текстов и дискурсов, – что способ этот является достаточно прямым производным того способа, которым христианская традиция удостоверяла (или, наоборот, отрицала) подлинность текстов, которыми она располагала» [Фуко 1996: 26]. Можно сказать, что Фуко в данном случае, разграничивая субъекта пишущего, автора имплицитного (образ автора) и «функцию-автор», реализует *операцию абстрагирования*, показывая, что и один, и множество текстов одного реального автора, выйдя

из-под его пера и оказавшись в пространстве восприятия, уже считаются совершенно иным образом. Речь идет уже не о самостоятельной жизни текста с приращением к нему смыслов при помощи читателя, как это можно увидеть, например, у Ролана Барта. Здесь имеется в виду, что именно «функция-автор» реализует себя в определенном или нескольких дискурсах. Иначе говоря, и восприятие текстов оказывается подвержено определенным «искажениям» в связи с тем, что «функция-автор» «определяется не спонтанной атрибуцией дискурса его производителю, но серией специфических и сложных операций; она не отсылает просто-напросто к некоему реальному индивиду – она может дать место одновременно многим Эго, многим позициям-субъектам...» [Фуко 1996: 30]. По-видимому, возникновение этих Эго связано не только с существованием текста самого по себе, но и с тем, как этот текст воспринимается, какие смыслы к нему прирастают, и, наконец, и это является самым значимым, в каких дискурсах функционирует данный текст. В дальнейшем эту же мысль можно увидеть и в «Порядке дискурса» (1970): «речь идет об авторе – понимаемом, конечно, не как говорящий индивид, который произнес или написал текст, но как принцип группировки дискурсов, как единство и источник их значений, как центр их связности» [Фуко 1996: 62–63]. Кроме того, внимательное рассмотрение доклада Фуко позволяет утверждать, что в его позицию не заключен абсолютный отказ от реального автора, ведь «функция-автор», которую описывает исследователь, сама по себе «является результатом сложной операции, которая конструирует некое разумное существо, которое и называют автором» [Фуко 1996: 25]. Фуко в данном случае предлагает обоснование существования «функции-автор», однако не исключает субъекта и реального автора из процесса художественного творчества. При этом исследователь невольно обозначает вопрос о степени субъективизации текстов.

Эта проблема характерна не только для филологических, но и для других гуманитарных дисциплин, а потому рассматривается нами как явление для Фуко генетическое, ведь еще структурализм «...претендовал не только на то, чтобы быть „метаязыком“ литературы, но и на то, чтобы выступить в роли „метаязыка“ лите-

ратуроведения» [Косиков 2012: 290], пытаюсь решить самые проблемные вопросы гуманитарных дисциплин. В этом отношении Фуко, затрагивая вопрос субъективизации текстов, говорит не только о процессе создания текста, но и имплицитно подразумевает проблемы исследователя-гуманитария, связанные с поиском позиции, с которой он мог бы менее субъективно и предвзято смотреть на текст. Подобный взгляд во многом очень ценен для любого гуманитарного исследования.

Однако не всегда в исследованиях Фуко категория автора редуцируется и сводится к имени и «функции-автор». Как известно, круг научных интересов Фуко был очень широк, и помимо работ, посвященных языку и живописи, у него есть исследования, посвященные только лишь литературе. Одну из этих работ – «Фантастическая библиотека. Об „Искушении святого Антония“ Гюстава Флобера» – мы рассмотрим более подробно.

Эссе «Фантастическая библиотека» является своеобразной работой, сочетающей в себе доминанты дискурсивных исследований Фуко с несколько другим взглядом на литературу и возможностью прочтения художественного текста. Эссе создавалось в то время, когда Фуко уже работал над замыслом будущей «Археологии знания». Следуя своим методологическим подходам, Фуко словно разворачивает текст в иной плоскости, предлагая увидеть всю его глубину и значимость в творчестве Гюстава Флобера. Во многом эссе можно назвать одной из лучших работ в области литературоведения и в области понимания творчества Флобера. Для Фуко по-прежнему важна категория пространства, теперь рассматриваемая в рамках художественного произведения. Также в эссе говорится и о дискурсе, однако особенного внимания заслуживает специфическое положение автора по отношению к художественному тексту. Здесь Фуко не рассматривает «функцию-автор», как сделает это позже в докладе «Что такое автор?», в данном тексте удивительным образом сочетается аналитическая способность Фуко, его анализ пространства текста и его дискурсивного порождения с сохранением фигуры автора. При этом важно понимать, что исследователь, рассматривая текст, говорит уже именно о реальном авторе, что выражается в пяти выделенных нами важных

аспектах анализа романа Флобера: роли текста во всем творчестве писателя, поэтологическом аспекте (как сам Флобер относился к своему творчеству), творческой истории, сравнительном аспекте и, наконец, анализе сложной архитектоники произведения. Во-первых, Фуко подчеркивает место и значение «Искушения» во всем творчестве писателя: «„Искушение“ пронизывает все творчество Флобера» [Фуко 2018: 9]. Интересным является и то, как Фуко отыскивает «следы» «Искушения святого Антония» во всех ключевых флюберовских текстах, при этом устанавливая, что текст философской драмы как бы предваряет и определяет все дальнейшие работы писателя. Начинается эссе со строчки: «Флобер трижды брался за написание и переписывание „Искушения...“» [Фуко 2018: 9], а затем следует хронологическая реконструкция выхода романов «Мадам Бовари», «Саламбо», «Бювар и Пекюше», в которой показано, что Флобер не оставлял работу над романом на протяжении всей жизни. С рассмотрением роли текста во всем творчестве Флобера связан и другой аспект анализа, который проводит Фуко, а именно поэтологический аспект. Анализ флюберовского текста учитывает и отношение самого автора к процессу своего творчества. Этот факт особенно примечателен, если принять во внимание позицию Фуко по отношению и к субъекту, и к автору во всем его научном творчестве. Так, Мишель Фуко цитирует Флобера: «Я как одержимый погрузился в работу над „Святым Антонием“ и довел себя до сладостного состояния невероятной экзальтации...» [Фуко 2018: 13]. И тут же противопоставляет признания Флобера, его восприятие творческого процесса очевидному выводу: «Искушение – это не результат экзальтации», а «...памятник педантичного знания» [Фуко 2018: 13]. Здесь мы подходим к третьему важнейшему аспекту анализа текста Флобера, который предлагает Фуко: творческой истории произведения. Этот пункт Фуко связывает не только с редакциями «Искушения» и первыми его набросками, но также и перечисляет все источники, которыми точно или предположительно пользовался Флобер. Так, он называет имена Тиллемона, Маттера, Бозобра, Ройсса, Бюрнуфа, Анкетиль-Дюперрона, Гербелота и Готтингера, Дюре, Спинозы и многих других. Для Фуко этот источниковедческий анализ

необходим для того, чтобы показать, что текст Флобера является не просто собранием фантастических образов, но хранилищем огромного массива знаний, и сам по себе является знанием. С литературоведческой же точки зрения мы видим в этом признание фигуры автора и пристальное внимание к тому, как автор создавал свой текст, какие источники изучал и как происходил процесс отбора материала не на уровне «функции-автора», а на уровне реального автора и его творческого замысла. При этом, конечно же, все эти поиски и открытия источников, задействованных при создании произведения, приводят Фуко к четвертому аспекту, акцентирующему присутствие автора, а именно к сравнительному анализу «Искушения». Так, Фуко сопоставляет отдельные фрагменты текста Флобера с гравюрами и иллюстрациями в изданиях Крейцера, Лейарда, Маттера, а сам замысел соотносит с сюжетом картины Питера Брейгеля Младшего, который произвел на Флобера огромное впечатление. Но, наконец, и вся форма «ученого галлюцинирования» [Фуко 2018: 16] в тексте соотносится им с произведениями Ж. Мишле («Ведьма») и Э. Кине («Агасфер»). Весь этот, пусть и неглубокий, сравнительный анализ приводит Фуко к выводу о том, что «Искушение» включает «...в себя все пространство существующих книг» [Фуко 2018: 17], и в отличие от «Дон Кихота» Сервантеса «...располагается в институционально признанной сфере письма» [Фуко 2018: 17]. В конечном итоге Фуко приходит к пятому выделенному нами аспекту: анализирует архитектуру текста Флобера, при этом выделяя пять разных пространственных уровней текста: «...книга, театр, священный текст, видения и видения видений» [Фуко 2018: 26]. Примечательно, что ход рассуждений Фуко при подходе к анализу «Искушения» сближается с нарратологическим анализом точки зрения, принятым в литературоведении. Классифицируя категорию читателя, Фуко предлагает схему, словно показывая различные точки зрения: «...описанный порядок позволяет читателю увидеть святого Антония через плечо зрителя, предположительно созерцающего происходящую драму, – и через это сам читатель отождествляется со зрителем» [Фуко 2018: 27]. Можно заметить, пользуясь нарратологической терминологией, что при таком анализе точки зрения

абстрактного автора, абстрактного читателя и конкретного читателя пересекаются. Но на этом Фуко не останавливается подробно, так как его интересует именно позиция конкретного, реального читателя по отношению к раскрывающемуся во всей глубине пространству книги. Для нас же важно отметить сам ход анализа, с одной стороны, характерный для работ Фуко и затрагивающий тему пространства, письма и возможностей его развертывания. С другой стороны, в этом же разборе не только присутствует включение реального автора, но и сосуществуют близкие к литературоведению элементы анализа художественного текста. Наконец, рассмотрев общую перспективу текста и позицию читателя, Фуко обращается к своеобразной трактовке образов, условно подразделяя их на четыре серии. Каждую серию он разбирает подробно, тем самым завершая очень хорошее дискурсивное и во многом филологическое рассмотрение произведения Флобера.

Таким образом, мы, подробно рассмотрев доклад Мишеля Фуко «Что такое автор?» и его эссе «Фантастическая библиотека», проследили истоки позиции Мишеля Фуко по отношению к автору, а также определили место и специфику категории автора в его исследованиях. В работе «Об Искушении святого Антония Гюстава Флобера», увидели, что при исследовании искусства, в частности художественного творчества, Фуко задействует фигуру автора, не уходя в анализ «функции-автор». Здесь при анализе художественного творчества фигура автора, рассматриваемая Фуко, начинает тяготеть скорее к нарратору, который имплицитно в текст разные точки зрения, что роднит разбор Фуко с нарратологической теорией литературоведения и показывает, что Фуко было не чуждо рассмотрение категории авторства именно с литературоведческих позиций. При этом в докладе, сделанном в Коллеж де Франс, Фуко рассматривает «функцию-автор» в абстрактной теории дискурса, не применяя свой анализ на конкретном материале. При этом важно то, что мы не говорим об эволюции взглядов Фуко на категорию автора в ту или иную сторону, речь здесь идет об открытости позиции при рассмотрении произведений искусства, в том числе художественных текстов, возможном включении категории автора в литературоведческий

контекст, даже при наличии дискурсивного подхода. Именно этот взгляд позволяет идеям Мишеля Фуко жить и быть перспективными для дальнейшего изучения и применения.

Литература

- Барт, Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – М. : Издательская группа «Прогресс»; Универс, 1994. – 616 с.
- Дьяков, А. В. Мишель Фуко и его время / А. В. Дьяков. – СПб. : Алетейя, 2015. – 672 с.
- Дьяков, А. В. Проблема сверхдетерминации индивида в философии постструктурализма / А. В. Дьяков. – Курск. : Изд-во Курск. гос. ун-та, 2005. – 131 с.
- Зенкин, С. Н. Теория литературы. Проблемы и результаты / С. Н. Зенкин. – Москва : Новое литературное обозрение, 2018. – 362 с.
- Ильин, И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм / И. П. Ильин. – М. : Интрада, 1996. – 255 с.
- Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса. – М. : ОАО ИГ «Прогресс», 1999. – 416 с.
- Кожемякин, Е. А. Дискурсивный подход к изучению институциональной культуры / Е. А. Кожемякин. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2008. – 244 с.
- Компаньон, А. Демон теории / А. Компаньон. – М. : Издательство им. Сабашниковых, 2001. – 336 с.
- Косиков, Г. К. Собрание сочинений : в 2 т. Т. 2: Теория литературы. Методология гуманитарных наук / Г. К. Косиков. – М. : Центр книги Рудомино, 2012. – 696 с.
- Мишель Фуко и литература. – СПб. : Алетейя, 2020. – 144 с.
- Пешков, И. В. Р. Барт и М. Фуко о генезисе категории авторства / И. В. Пешков // *Liberal Arts in Russia*. – 2017. – № 3. – С. 230–241.
- Фуко, М. Археология знания / М. Фуко. – СПб. : ИЦ «Гуманитарная Академия», 2020. – с. 416.
- Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / М. Фуко. – М. : Касталь, 1996. – 448 с.
- Фуко, М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году / М. Фуко. – СПб. : Наука, 2007. – 677 с.
- Фуко, М. Слова и вещи / М. Фуко. – М. : Прогресс, 1977. – 487 с.
- Фуко, М. Фантастическая библиотека. Об «Искушении святого Антония» Гюстава Флобера / М. Фуко. – М. : ЦЭМ; V-A-C press, 2018. – 48 с.
- Шмид, В. Нарратология / В. Шмид. – М. : Языки славянской культуры, 2008. – 304 с.
- Golder, B. Foucault and the politics of rights / B. Golder. – Standford : Standford University Press, 2015. – 246 p.
- Hubert, L. Dreyfus. Michel Foucault: Beyond Structuralism and Hermeneutics. / L. Hubert Dreyfus, P. Rabinow. – Chicago : University of Chicago Press, 1982. – 321 p.
- Tanke, J. Joseph. Foucault's philosophy of Art: a genealogy of modernity / J. Tanke. – London ; New York : Continuum International Publishing Group, 2009. – 222 p.

References

- Bart, R. (1994). *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected Works: Semiotics. Poetics]. Moscow, Izdatel'skaya grup-pa «Progress», Univers. 616 p.
- Dyakov, A. V. (2005). *Mishel' Fuko i ego vremya* [Michel Foucault and His Time]. Saint Petersburg, Aleiteiya. 672 p.
- Dyakov, A. V. (2005). *Problema sverkhdeterninatsii individa v filosofii poststrukturalizma* [The Problem of Overdetermination of the Individual in the Philosophy of Poststructuralism]. Kursk, Izdatel'stvo Kurskogo gosudarstvennogo univer-siteta. 131 p.
- Foucault, M. (2020). *Arkheologiya znaniya* [Archeology of Knowledge]. Saint Petersburg, ITs «Gumanitarnaya Aka-demiya». 416 p.
- Foucault, M. (1996). *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let* [The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power and Sexuality. Works of Different Years]. Moscow, Kastal'. 448 p.
- Foucault, M. (2018). *Fantasticheskaya biblioteka. Ob «Iskushenii svyatogo Antoniya» Gyustava Flobera* [Fantasia of the Li-brary. About The Temptation of Saint Anthony by Gustave Flaubert]. Moscow, Ts-EM, V-A-C press. 48 p.
- Foucault, M. (2007). *Germenevtika sub'ekta: Kurs lektzii, prochitannykh v Kollezh de Frans v 1981–1982 uchebnom godu* [Hermeneutics of the Subject: A Course of Lectures at the Collège de France in the 1981–1982 Academic Year]. Saint Pe-tersburg, Nauka. 677 p.
- Foucault, M. (1977). *Slova i veshchi* [The Order of Things]. Moscow, Progress. 487 p.
- Golder, B. (2015). *Foucault and the Politics of Rights*. Standford, Standford University Press. 246 p.
- Hubert, L. Dreyfus., Rabinow, P. (1982). *Michel Foucault: Beyond Structuralism and Hermeneutics*. Chicago, University of Chicago Press. 321 p.
- Ilyin, I. P. (1996). *Poststrukturalizm. Dekonstruktivizm. Postmodernizm* [Poststructuralism. Deconstructivism. Postmo-dernism]. Moscow, Intrada. 255 p.
- Kompanyon, A. (2001). *Demon teorii* [Demon of the theory]. Moscow, Izdatel'stvo im. Sabashnikovykh. 336 p.
- Kosikov, G. K. (2012). *Sobranie sochinenii: v 2 t.* [Collected Works, in 2 vols.]. Vol. 2: Teoriya literatury. Metodologiya gumanitarnykh nauk. – Moscow, Tsentr knigi Rudomino. 696 p.
- Kozhemyakin, E. A. (2008). *Diskursnyi podkhod k izucheniyu institutsional'noi kul'tury* [The Discourse Approach to the Study of Institutional Culture]. Belgorod, Izdatel'stvo BelGU. 244 p.

Kvadratura smysla: frantsuzskaya shkola analiza diskursa [The Quadrature of Meaning: The French School of Discourse Analysis]. (1999). Moscow, OAO IG «Progress». 416 p.

Mishel' Fuko i literatura [Michel Foucault and Literature]. (2020). Saint Petersburg, Aleteiya. 144 p.

Peshkov, I. V. (2017). R. Bart i M. Fuko o genezise kategorii avtorstva [Barth and Foucault and the Genesis of the Category of Authorship]. In *Liberal Arts in Russia*. No. 3, pp. 230–241.

Shmid, V. (2008). *Narratologiya* [Narratology]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kultury. 304 p.

Tanke, J. Joseph. (2009). *Foucault's Philosophy of Art: A Genealogy of Modernity*. London, New York, Continuum International Publishing Group. 222 p.

Zenkin, S. N. (2018). *Teoriya literatury. Problemy i rezul'taty* [Literary Critics. The Problems]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 362 p.

Данные об авторе

Ожигова Мария Михайловна – аспирант кафедры теории литературы филологического факультета, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия).

Адрес: 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1.

E-mail: ozhigova13.m@gmail.com.

Author's information

Ozhigova Maria Mikhailovna – Postgraduate Student of Theory of Literature Department, Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

Дата поступления: 29.04.2022; дата публикации: 29.12.2022

Date of receipt: 29.04.2022; date of publication: 29.12.2022

ПЕРЕЧИТЫВАЯ РУССКУЮ КЛАССИКУ



УДК 821.161.1-32(Тургенев И. С.):821.111-2(Бульвер-Литтон Э.). DOI 10.51762/1FK-2022-27-04-09.
ББК Ш33(2Рос=Рус)5-8,444+Ш33(4Вел)5-8,446. ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 10.01.01 (5.9.1)

ДРАМА Э. БУЛЬВЕРА-ЛИТТОНА «ДЕНЬГИ» В ТВОРЧЕСКОМ ВОСПРИЯТИИ И. С. ТУРГЕНЕВА

Волков И. О.

Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6317-8397>

А н н о т а ц и я . Статья посвящена проблеме восприятия И. С. Тургеневым английской литературы. В центре внимания находится драматическое творчество Э. Бульвера-Литтона, ставшее объектом сначала читательской, а затем творческой рефлексии русского писателя в 1840-е гг. Подвергаются компаративному анализу, с одной стороны, драма «Деньги» (1841) английского писателя, а с другой стороны, одноактные комедии Тургенева «Безденежье» (1846) и «Где тонко, там и рвется» (1848). Тургенев и Бульвер-Литтон выдвинули единые требования к национальному театру, которые основывались на обращении драматического фокуса к жизни обыкновенного человека, перипетиям частного лица в его ежедневном существовании. Оба писателя ставят на первый план современной драматургии «страдания рядового человека». В пьесах «Деньги» и «Безденежье» деньги выступают ярким социальным символом, который уже с заглавия простирается над судьбой героев. Их роль заложена авторами в саму технику драмы и заключается в обеспечении единства и динамики действия. Бульвер-Литтон каждый шаг своей пятиактной пьесы закрепляет за ходом денежной интриги, повороты которой подчиняют почти равные изгибы человеческой психологии и морали. Тургенев организует свои комические сцены в более выпуклой связанности основного мотива с самочувствием героя. Комедия «Где тонко, там и рвется» дает несколько иной вариант восприятия драмы Бульвера-Литтона, поскольку линия интерпретации здесь выстроена в почти трагическом ключе. Главным объектом творческой рефлексии Тургенева становится гамлетовская образность в изображении Ивлина, которая вошла в состав характера Евгения Горского. Русский писатель угадал в герое Бульвера-Литтона ориентированные на поэтику Шекспира внутреннюю раздвоенность, нерешительность и иронию как средство взаимодействия с окружающим миром. В период работы над «Где тонко, там и рвется» он использовал тему любви и брака как проблему жизненного выбора постоянно рефлексизирующего героя.

К л ю ч е в ы е с л о в а : русские писатели; литературное творчество; литературные жанры; литературные сюжеты; литературные образы; литературные герои; английская литература; английские писатели; драматургия; драматурги; комедии; пьесы; социально-психологические драмы

Д л я ц и т и р о в а н и я : Волков, И. О. Драма Э. Бульвера-Литтона «Деньги» в творческом восприятии И. С. Тургенева / И. О. Волков. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2022. – Т. 27, № 4. – С. 99–111. – DOI: 10.51762/1FK-2022-27-04-09.

IVAN TURGENEV'S INTERPRETATION OF THE PLAY "MONEY"

BY EDWARD BULWER-LYTTON

Ivan O. Volkov

National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6317-8397>

Summary. The article deals with Ivan Turgenev's attitude to English Literature. The focus of the study is on the comic play of Edward Bulwer-Lytton, which became the object of the Russian writer's reflection in 1840s, firstly, as a reader and later as a creator. The English writer's play "Money" (1841) is subjected to comparative analysis with Turgenev's one-act comedies "Lack of Money" (1846) and "Where It is Thin, There it Breaks" (1848). Turgenev and Bulwer-Lytton put forward uniform requirements for the national theatre, which were based on turning the dramatic focus to the life of an ordinary person, the vicissitudes of an individual in their daily existence. Both writers put "the suffering of an ordinary person" at the forefront of modern drama. In the initial period of his work, Turgenev turned to Bulwer-Lytton's drama "Money", focusing on the problem of depicting a modern personality on the background of interaction between social, ethical and psychological motivations, acutely posed by the English author. In the plays "Money" and "Lack of Money" the money is a vivid social symbol, which hovers over the fate of the characters starting with the title. Their role is laid down by the authors in the very technique of drama and consists in ensuring the unity and dynamics of the action. Bulwer-Lytton assigns each moment of his five-act play to the course of a monetary intrigue, the turns of which subjugate almost equal bends of human psychology and morality. Turgenev organizes his comic scenes in a more convex connection between the main motive and the character's well-being, deepening the dramatic sound (outwardly, the conflict in the finale is removed, but inner differences turn out to be insurmountable). The comedy "Where It is Thin, There it Breaks" gives a slightly different version of the perception of Bulwer-Lytton's drama, since the line of interpretation here is built in an almost tragic way. Hamlet's imagery in the depiction of Evelyn, which is part of the character of Yevgeny Gorsky, becomes the object of Turgenev's creative reflection. In Bulwer-Lytton's character, the Russian writer discerned the internal duality, indecision and irony oriented towards Shakespeare's poetics as a means of interaction with the outside world. During the period of work on "Where It is Thin, There it Breaks" he used the theme of love and marriage as a problem of life choice of a constantly reflecting character. As a result, Turgenev's creative reflection reveals another important name in the space of the writer's interaction with Western European literature. The writer, who highly appreciated and knew English literature very well, turned to Bulwer-Lytton as the author of a socio-psychological comedy during the formation of his own artistic skills. For Turgenev, it was important not only and not so much to focus on the "naturalness" and sharpness of the image of the modern personality and its environment, but to discover the action of dramatic passions in the vicissitudes of human life, which could acquire a Shakespearean scale due to their internal tension and contradiction.

Keywords: Russian writers; literary creative activity; literary genres; literary plots; literary images; literary characters; English literature; English writers; drama; dramatists; comedies; plays; socio-psychological dramas

For citation: Volkov, I. O. (2022). Ivan Turgenev's Interpretation of the Play "Money" by Edward Bulwer-Lytton. In *Philological Class*. Vol. 27. No. 4, pp. 99–111. DOI: 10.51762/1FK-2022-27-04-09.

«У нас нет еще драматической литературы и нет еще драматических писателей» [Тургенев 1978: 276], – так И. С. Тургенев в 1847 г. сформулировал текущее положение драматургии в России, пеняя на неспособность современных авторов продолжить значительные начинания А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя в этой области. В своем смелом и откровенном высказывании Тургенев шел вслед за Белинским, который считал, что «наша русская трагедия с Пушкина началась, с ним и умерла» [Белинский 1954: 57]. Объективно оценивая состояние отечественной драмы, писатель не только формировал ее теорию, но и создал в этом роде несколько образцов.

Как реформатор русского театра Тургенев неявно выступил уже в 1843 г. на страницах «Отечественных записок» со статьей о переводе Ф. Миллером «Вильгельма Телля». Говоря о «жалком состоянии» немецкой драмы [Тургенев 1978: 189] и критикуя работу переводчика, писатель выводит художественные принципы, приложимые им позже к русской драматургии. Прежде всего Тургенева волнует жизненность и самобытность лиц, выводимых на сцену, что ведет к пониманию и доверию читателя, который признает автора «достойным подражателем вечного художника» [Там же: 188]. Естественность и непосредственность изображения человека у писателя тесным

образом связаны с категорией народности. По мысли Тургенева, истинное произведение должно верно выражать «характер целого народа», об этом он будет неоднократно говорить и позднее. Здесь же у него возникает сравнение с Шекспиром. Как и Белинский, Тургенев нашел в английском авторе «идеал драматурга-трагика», обладающего мастерством «непосредственного изображения жизни человеческого духа, личности, воплощающей этот дух, и народных судеб в драматической форме» [Лотман 1982: 476].

Однако «замашки а la Шекспир» Тургенев развенчивает в разборе исторических пьес «Смерть Ляпунова» С. А. Гедеонова и «Генерал-поручик Паткуль» Н. В. Кукольника. В оценке этих сочинений он высказывает свою точку зрения на театр и его цель – исполнение «потребности созерцания собственной жизни» [Там же: 276]. И снова в качестве важного свойства для российской драмы, которая еще не обрела «необходимую ширину и полноту», называется «живая связь с народом». Хотя свои выводы Тургенев делает на материале историко-трагедийного жанра, они закономерно распространяются на драму вообще. Говоря о необходимости верного воспроизведения «развития нашего родного народа, его физиономии, его сердечного, его духовного быта, его судеб, его великих дел» [Там же: 238], писатель подразумевает репертуар, который был бы создан в подлинном духе времени. Не случайно в конце статьи о «Смерти Ляпунова» Тургенев в качестве источника трагического называет «живую связь с действительностью, с нашим настоящим и нашим будущим» [Там же: 250].

Во второй половине 1840-х гг. Тургенев создает две драмы: «Безденежье» и «Где тонко, там и рвется», в которых в том числе пытаются найти воплощение его теоретические установки. При этом отправной точкой в собственном драматическом моделировании Тургеневу послужила комедия английского писателя Э. Бульвера-Литтона¹ «Деньги», воссоздающая социальную картину английской действительности начала 1840-х гг. и воспроизводящая противоречивый портрет современной личности.

Бульвер-Литтон в ранний викторианский период выступил в качестве реформатора английского театра, он был у истоков становления и развития новой драмы, которая явила себя с приходом О. Уайльда и Б. Шоу. «Ему удалось расширить социальную тематику театра» своего времени и «коснуться насущных проблем эпохи» [Аникст, Кагарлицкий 1963: 428]. Тургенев сходится с Бульвером-Литтоном в абсолютной неудовлетворенности текущим репертуаром, где главное место отдано эффектным музыкальным пьесам. И в этом плане оба они не принимают популярности водевильных спектаклей Э. Скриба. Бульвер-Литтон уже в первых своих драмах избегал демонстрации той зрелищности, что была присуща работам Скриба [Fernández-Caparrós 2017: 5]. Тургенев же французскому либреттисту противопоставляет Аристофана, называя представления в Пале-Рояле «худосочными, бледными, робкими и мелкими» [Тургенев 1982: 380].

Русский и английский писатели выдвинули к национальному театру практически единые требования: обратить драматический фокус к жизни обыкновенного человека, перипетиям частного лица в его ежедневном существовании, которое исключительно и одновременно вписывается в более широкий план, поддается обобщению. Бульвер-Литтон назвал в качестве источников трагического «the Simple and the Magnificent» (Простое и Великолепное) [Bulwer-Lytton 1863: 145]. Именно к «Простому» тяготело эпическое творчество Тургенева, что ярко выразилось в его «Записках охотника», а в драме эта простота материала воплотилась через выдвигание на сцену обыкновенного героя со сложным характером, полным противоречий и раскрывающимся в подробностях быта, поэтических деталях и глубине чувствования. «Простое» было ключом движения Бульвера-Литтона и Тургенева к социально-психологической драме, но последний, конечно, никогда бы не принял компромиссную установку английского автора на «Великолепное», чуждаясь эффектности.

Оба писателя ставят на первый план современной драматургии «страдания рядового человека» [Лотман 1982: 482]. Бульвер-Литтон уже в начале 1830-х гг. в качестве источника

¹ О восприятии творчества Бульвера-Литтона в России см.: [Лотман 1994: 124–127, 173–174; Матвеевко 2010].

трагического изображения называет «истории бытового характера» [Bulwer-Lytton 1863: 145]. Эмоциональному миру исключительных героев, взятых из королевской среды, он противопоставляет страсти, «возбуждаемые суровыми волнениями жизни» [Ibidem: 146] и принадлежащие народной стихии. В сходном направлении размышлял и Тургенев, но дальше и решительней продвигаясь в своей теории драмы. Л. М. Лотман замечает, что в 1840-х гг. им было проявлено «пристальное внимание к миру „явлений“, к подлинному трагизму в сфере ежедневного „прозаического“ быта, к глубокому неосознанному страданию простых людей» [Лотман 1982: 482].

Наконец, сходятся Бульвер-Литтон и Тургенев в аспекте воплощения страдательной природы личности через синтез комического и трагического. Английский романист в своих романтических драмах использовал совмещение смешного и серьезного как способ обострения трагизма. Для Тургенева два этих противоположных эстетических полюса имели значение самостоятельное, его привлекала «их подчас парадоксальное совмещение, слияние и сочетание» [Лотман 1982: 482]. Самый же яркий пример синтеза, по мнению писателя, дает жизнь, «где комическое и трагическое переплетены еще более, чем в драмах Шекспира» [Тургенев 1986: 406].

Одноактной драме «Безденежье» Тургенев дал подзаголовок «Сцены из петербургской жизни молодого дворянина», ориентируя читателя, с одной стороны, на фрагментарность изображаемого, а с другой – на его типичность. Писатель, как и Бульвер-Литтон, в качестве «вещественной» проблематики пьесы избирает мотив денег, но реализует его в противоположном направлении. У английского романиста завязкой действия становится момент обретения молодым человеком состояния, и далее оно движется в трансформации социально-психологического положения Ивлина под влиянием нового статуса. Тургенев же изначально дает ситуацию потери денег – Жазилов промотался в Петербурге, и в коротких сценах показаны метания юноши в мучительном состоянии безденежья. В обеих пьесах деньги выступают ярким социальным символом, ко-

торый уже с заглавия простирается над судьбой героя. Их роль заложена авторами в саму технику драмы и заключается в обеспечении единства и динамики действия. Бульвер-Литтон каждый шаг своей пятиактной пьесы закрепляет за ходом денежной интриги, повороты которой подчиняют почти равные изгибы человеческой психологии и морали. Тургенев организует свои сцены в еще более выпуклой связанности основного мотива с самочувствием героя. Его пьеса внешне предельно лаконична и проста, поэтому зависимость состояния человека от наличия или отсутствия денег явлена непосредственно и объемно.

Тургенев, как и Бульвер-Литтон, в центр драматического действия ставит молодого человека, самостоятельно или вынужденно оторванного от привычной атмосферы, принадлежность к которой определяется рождением и годами детства, и помещенного в совершенно чуждую среду, к которой он вольно или невольно должен приобщиться. В «Деньгах» Ивлин сам задает противопоставление между Лондоном, куда ему пришлось перебраться после исключения из колледжа, и неназванным провинциальным городом, олицетворяющим родину юноши. Главным знаком лондонского существования героя является дом Джона Веси, а маркером его родных мест выступают умершая мать и доживающая свои последние дни в нищете нянюшка. Два этих полюса составлены с четкими социально-этическими акцентами: богатство и бедность, притворство и искренность, поддельное и настоящее. Но Бульвер-Литтон выстраивает не просто антитезу как противопоставление одного другому, а представляет драматическое вторжение в столичный мир алчности и расчета, объявляющий героя, фактов и лиц из его прошлого. Главным образом это касается практически лейтмотивной роли внесценического появления в пьесе бедной нянюшки:

Ивлин. Я сегодня не мог выполнить ваши поручения – я должен был навестить бедную женщину – мою нянюшку и последнего друга моей матушки. Она очень бедна, очень... больна... она умирает... и задолжала за полгода квартирную плату...¹ [Бульвер-Литтон 1960: 210].

¹ Здесь и далее цитаты из пьесы «Деньги» приводятся по указанному изданию в переводе Н. Надеждиной, очень точном и близком английскому оригиналу.

Этот персонаж и его страдания оказываются для Ивлины способом, которым он проверяет на нравственную состоятельность и правдивость светский круг Лондона. Образ нянюшки служит мерилем бескорыстия и милосердия, которых лишены почти все обитатели и гости дома Джона Веси. Ивлин, рассказывая о страшной нужде, которую испытывает его воспитательница, ждет проявления великодушного сострадания хотя бы от одного человека. И именно благодаря нянюшке к Ивлину возвращается вера в человека и его благородную природу. С одной стороны, драматическая история бедной женщины колеблет сердце Джорджины, не до конца утратившей способность к сочувствию под искаженными «нравственными» уроками своего отца: «Джорджина (*вынимая кошелек*). Пожалуй, я дам ему...» [Там же: 211]. С другой – отправленное к нянюшке письмо с денежной помощью оправдывает в глазах героя Клару и открывает истинность ее любви: «Ивлин. Что? Клара? И то, первое, письмо... та же подпись, из-за которой я связал себя на всю жизнь и пожертвовал своей любовью...» [Там же: 294].

В собственной драме Тургенев задал весьма похожую параллель. Петербургу, который своим блеском, изысканностью и изобилием словно удерживает главного героя, противопоставлена степная деревня с ее центральной фигурой – матушкой-барыней. Этических акцентов в этой антитезе Тургенев практически не задействовал, отказываясь от прямолинейности и однозначности таких смыслов. Писатель делает упор на психологию Жазикова, его внутреннюю неустроенность и сомнения. Память об оставшейся в далекой провинции матери герой заслонил реальностью и перспективой великолепного столичного существования. Если у Бульвера-Литтона герой самостоятелен в своем обращении к дому, то у Тургенева все обстоит сложнее. Рядом с Жазиковым присутствует его слуга Матвей, который фактически должен быть постоянным напоминанием о деревне, однако новая жизнь всецело захватила юношу. Прямое сопоставление между степным поместьем и петербургской квартирой выходит на поверхность только через словесное проговаривание в условиях полного безденежья. Именно слуга выводит на сцену образ благодатного края – деревни, схематически на-

поминающей будущую Обломовку И. А. Гончарова. Но даже проявляясь, этот образ не сразу добирается до сознания героя, который поначалу отмахивается от намеков Матвея: «Нет, в деревне скучно; соседи все такие необразованные... а барышни только что глаза пучат да потеют от страха, когда с ними заговоришь...» [Тургенев 1978: 63].

Мысль возвратиться домой начинает самостоятельно развиваться в сознании героя только тогда, когда он остается наедине с самим собой. И в этот момент на первый план в образе родных мест у него выходит деревня и русская природа, которые по-настоящему созвучны его человеческой натуре. Вместе с принадлежностью Жазикова к степной почве Тургенев показывает и другую сторону русского мира, уже не столь идеальную, но понимание и внимание к которой могло бы облагородить молодого дворянина: «Одно в деревне, признаться, нехорошо... Бедность там какую-нибудь видеть, притеснение... с моими идеями неприятно; действительно, неприятно» [Там же: 66]. «Бедность» и «притеснения» отзываются теми несправедливостями, что встретил на своем пути герой Бульвера-Литтона, но для пребывающего в Петербурге юноши они остаются чуждыми и не производят должного возвышающего эффекта. Упомянув о несчастливых моментах деревенского существования, он чувствует их неудобность прежде всего для своей разнеженной личности и относится к ним с брезгливостью. «Идейная» же составляющая отношений героя к неприглядным сторонам крестьянского мира, о которой он сам заявляет, – это маска просвещенного человека: за «моими идеями» нет абсолютно никаких гуманистических представлений.

Не случайно искренность первых, поэтических, мечтаний у Жазикова длится не долго из-за быстрого проникновения в них эгоистических устремлений. Мысли героя, сохраняя общее направление, постепенно меняют свой смысл, и на место предельно простых вещей становятся планы по комфортному устройению жизни в деревне: «Надобно будет, однако, себе платья заказать... галстуков закупить... надобно распорядиться. Охотничью курточку сшить» [Там же]. Красивые «степные перспективы» ведут за собой непрерывную линию необходимости денег, и здесь снова является образ матери,

связанный, как и у Бульвера-Литтона, с главной темой. Тургенев точно так же в обращении героя к воспоминаниям о матушке в качестве значимого посредника делает деньги и сознаваемую от них зависимость. Однако в пьесе русского писателя эта обусловленность выражается по-иному. Если у английского романиста Ивлин нуждается в средствах для нянюшки, то у Тургенева Жазиков хочет требовать их от матери.

Сталкивая прошлое своих героев с настоящим, Бульвер-Литтон и Тургенев помещают их в значимую ситуацию выбора. Для Ивлины альтернатива заключается преимущественно в социально-этической проекции: подчинить свою честную природу законам светского Лондона или покинуть губительную атмосферу столицы, возвратившись в родные края. При этом вторая часть этой дилеммы, по замыслу автора, имеет в драме не слишком четкие очертания, а явлена только через упоминания героем о своей прежней жизни в провинции, когда он шел по пути, уготованном ему матерью: «Кто-то сказал ей, что ученость лучше, чем дом и земли» [Бульвер-Литтон 1960: 228]. И поэтому именно существование в Лондоне становится преимущественным объектом жизнестроительства Ивлины. Утверждаемая автором компромиссность финального поступка основана на необходимости внешнего принятия действительности, чтобы со временем, действуя постепенно и изнутри, преобразовать ее к лучшему.

Тургенев же такой важной миссии на своего героя не возлагает. Выбор Жазикова сосредоточен исключительно в пределах его эгоистической личности, и каждый из двух предложенных ему вариантов ведет к практически равному удовлетворению собственных же желаний. Писатель показывает, как в глазах героя вначале четкие различия между пространством столичного города (реальным) и степной деревни (идиллическим) последовательно сглаживаются. В обоих случаях его ждет существование в разрыве между излишеством и разорением и в полной погруженности в обстоятельства быта, так ярко прорисованные в обстановке его комнаты. От изменения среды обитания его собственная человеческая сущность не изменится. Выбор юноше был предоставлен лишь для того, чтобы показать возможность иной жизни, которую можно

было бы выстроить самостоятельно. И появление в конце пьесы помещика-соседа Блинова объективно рисует перспективу помещика Жазикова. Однако Тургенев и Бульвер-Литтон точно сходятся в том, что главным двигателем всех изменений в жизни обоих героев были и останутся деньги.

Событийный стержень «Безденежья» составляет посещение разными лицами квартиры Жазикова. Вереница посетителей отсылает к стереотипным ситуациям в русском и французском водевиле. Череду разных лиц, «их последовательное поведение позволяет создать необходимый комический эффект, рождающийся из ситуационной повторяемости, а также придать характерологические черты социально-нравственной обстановке происходящего» [Потапенко 2002: 82]. Подобный прием Тургенев мог наблюдать у Мольера, В. И. Лукина, Н. В. Гоголя. Позднее к нему прибегнет Гончаров, описывая один день из жизни Обломова. Однако Тургенев, дающий фрагмент из петербургского бытования своего героя, сам прием делает структурой целого, наделяет его полнотой и самостоятельностью. И в способе изображения посетителей квартиры молодого дворянина писатель сходится с подобным же описанием у Бульвера-Литтона.

Второе действие в «Деньгах» предваряет ремарка с описанием прихожей в доме Ивлины, где собралась целая галерея лиц. Это представители самых разных профессий, которые предлагают и оказывают герою свои услуги. Каждый из них олицетворяет какую-то важную сторону его новой богатой жизни. Все они занимаются обустройством быта героя, трудятся ради того, чтобы дом соответствовал новообретенному статусу его хозяина. Сам юноша прекрасно понимает назначение этих людей и знает их цель – получить от него денег, на что и реагирует очень иронично: «Прославьте меня кабриолетами, подносами, портьерами и фраками, как я уже прославлен в живописи и скоро буду прославлен в поэзии» [Бульвер-Литтон 1960: 225].

В первой и второй сцене четвертого действия повторяется такая же расстановка действующих лиц. В доме Ивлины вновь сходятся портретист, издатель, архитектор, обойщик, серебряных дел мастер, каретник, торговец лошадьми и портной. Поводом их собрания

послужил пугающий слух о том, что молодой богач в один момент разорился, проиграв все состояние в карты. Их еще более настораживает и приводит почти в отчаяние появление картежника Смуса, который и стал как будто бы причиной исчезновения денег Ивлина. Исполняя возложенную на него главным героем роль, он шествует по дому с карандашом и записной книжкой в руках, словно проводя опись движимого и недвижимого имущества, которое должно расстаться со своим владельцем. Люди в панике и единым строем броса-

Э. Бульвер-Литтон

Шарп. Мне надо идти! Ступайте! Ступайте! Вам не удастся сегодня повидать мистера Ивлина. Тебурийт. Мой счет, сэръ! Макфинч. У меня куча ребят и маленький счетец! Франц. Настоящий тшентльмен в первый ошередь тумай о портной, сэръ. Шарп. Зайдите еще раз, зайдите еще раз на рождество

[Бульвер-Литтон 1960: 265–266].

Шарп и Матвей очень схоже обороняются, не допуская кредиторов до должника и обнадеживая их вымышленными сроками уплаты. Оба автора с юмором демонстрируют настойчивость приходящих людей, которая у Бульвера-Литтона мотивируется еще и сиюминутным страхом остаться ни с чем. Тургенев же из препирательств с ними Матвея делает очень выразительный комический прием, при этом не всегда предоставляя зрителю картину действия, а мастерски аранжируя одним лишь голосом.

Э. Бульвер-Литтон

Ивлин (*читает*). Что?! Сэр Джон, этот малый, Макфинч, узнал о моих неприятностях и требует, чтобы я заплатил ему... это письмо от стряпчего. Какая наглость! <...> Что такое? Франц, портной? Какой беспримерный наглец! Этого уж я никак не ожидал!..

[Бульвер-Литтон 1960: 276].

Реакция героев на бесцеремонные, но вполне справедливые требования одинаково эмоциональна и однонаправленна, она передает возмущение человека вследствие оскорбленного самолюбия. Отличие лишь в том, что по-

ются на поиск истины в положении своего должника, но прежде безуспешно осаждают Шарпа, торопливо предъявляя счета. При этом то, как верный Ивлину человек выпроваживает гостей, отправляет к подобной же сцене в драме Тургенева. Бульвер-Литтон показывает действия Шарпа кратко, сосредотачиваясь большей частью на уловке героя с разорением, а в «Бездежье» слова и поведение Матвея в разговорах с посетителями играют ключевую роль при изображении всей вереницы:

И. С. Тургенев

Голос Матвея. Нельзя, говорят тебе, нельзя; ступай; я сам скоро выйду.
Голос сапожника. Я буду подождать.
Голос Матвея. Да нельзя, говорят тебе.
Голос сапожника. Стидно, стыдно! благородный человек, а такое делает! стыдно...
Голос Матвея. Да ступай же, черт! Не целый же мне час с тобой разговаривать. <...>
Голос сапожника. Когда же деньги? Деньги когда?
Голос Матвея. Приходи послезавтра

[Тургенев 1979: 51].

Наконец, третье и последнее явление кредиторов в пьесе «Деньги» происходит в финале четвертого действия, но уже опосредованно – через бумажные послания и приход судебного пристава. Эта сцена с подаваемыми Ивлину письмами от Макфинча и Франца с требованием оплаты долга вновь заставляет поставить рядом «Бездежье». У Тургенева происходит похожая сцена, когда пришедший незнакомец, якобы не застав хозяина дома, «сидит за стол, ворчит и пишет». Жазиков «минуты через две выходит из-за ширм» [Тургенев 1979: 56] и читает оставленное письмо:

И. С. Тургенев

Жазиков (*с негодованием*). Подлец! Что он, застрашать меня хочет, что ли?.. Нет, брат, не на того наскочил. Ты еще меня, брат, не знаешь! (*Читает письмо.*) Подлец, подлец! неблагородный подлец! (*Рвет письмо в клочки.*) Грубый, невежественный мужик!

[Тургенев 1979: 56]

ведение Ивлина – это лишь игра в уязвленного должника, а Жазиков негодует и рвет письмо совершенно искренне, запоздало сознавая свою дворянскую честь.

Моделируя структуру своей пьесы, Тургенев, как и Бульвер-Литтон, в качестве лиц, которые осаждают героя, выбирает не только и не столько кредиторов. В комнату к юноше ломятся гости, услуги которых составляют его повседневность, они репрезентируют жизнь Жазикова, являются основой его столичного существования. Один за другим к нему приходят мебельщик, сапожник, художник, девушка от прачки, извозчик, незнакомец (единственный денежный кредитор), продавец собак, приказчик из литографии. Практически каждое лицо наделено вещественным признаком, в результате чего герой оказывается заключен в реальную и символическую рамку быта. Потворствуя своим желанием, он формирует вокруг себя объективно пустое пространство, хотя заполненное множеством предметов.

В посетителях Ивлина и Жазикова бросается в глаза сходство их амплуа. В обеих пьесах герои устраивают свой быт, ориентируясь на четыре аспекта: домашние дела (архитектор, обойщик, портной / мебельщик, прачка, сапожник), удобство передвижения (извозчик / каретник), развлечение (торговец лошадьми / продавец собак) и претензия на эстетический вкус (портретист / художник, литограф). Они выбирают для себя наиболее важные сферы, в которых молодому человеку прежде всего необходимо иметь презентабельный вид. При этом среди визитеров обязательно присутствует немец, плохо говорящий по-английски (портной) или по-русски (сапожник) и обязательно коверкающий слова во время разговора. Кроме того, и Тургенев, и Бульвер-Литтон, в дополнение к основным заимодавцам, у которых герои уже находятся в денежных или иных обязательствах, создают ситуации, когда приобретаются новые долги: на глазах у читателя (зрителя) возникают потенциальные кредиторы, которые стремятся к тому, чтобы стать реальными. В «Деньгах» своими долгами Ивлин совершенно в манере гоголевского лжереvizора обременяет Блаунта, Глоссмора и сэра Джона. Эта троица тем более податлива, что предвидит будущие выгоды от небольшой помощи молодому богачу, однако узнавание мнимого разорения юноши приводит их в ужас.

В «Безденежье» происходит тот же поиск денег, то же превращение потенциальных

кредиторов в действительных. Уже на первых страницах драмы Жазиков отправляет Матвея к лавочнику достать сахара, чтобы можно было выпить чаю. И сахар в долг получен, хотя это оказывается не увесистый кулек с белоснежными комками рафинада, а сверток, где «все-го четыре куска, и те все в пыли...» [Тургенев 1979: 52]. Жазиков, как и Хлестаков в комнате гостиницы, начинает довольствоваться малым, не забывая отпускать упреки. В поисках выхода из своего безденежного положения герой пишет два письма с просьбой об одолжении – к генералу Шенцелю и Криницыну, но получает вполне ожидаемый вежливый отказ. Наконец, к нему в комнату приходит степной помещик Блинов, у которого Жазиков абсолютно по-хлестаковски берет займы. На этом вереница кредиторов временно обрывается, герой оставляет планы по возвращению в деревню и снова с легкостью входит в кутежный мир Петербурга. Финальная реплика, принадлежащая Матвею, столь же пессимистична, сколь и поступок Жазикова. Старый слуга с горестью задумывается о судьбе молодого барина, в которой как будто отражается общее расстройство: «Матвей (со вздохом). Эх, плохо! (Глядя вслед Блинову, вздыхает.) Прошло ты, золотое времечко! перевелось ты, дворянское племечко! (Уходит в переднюю.)» [Там же: 72]. В смысловом плане слова Матвея перекликаются с заключением Ивлина: «И... побольше денег!» [Бульвер-Литтон 1960: 296]. Итог обеих драм оказывается неутешительным, деньги возобладали над человеческим достоинством, но если у Бульвера-Литтона эта победа подана как лишь внешняя, то Тургенев более чем серьезен и однозначен, не оставляя герою оправдания.

Другая одноактная пьеса Тургенева, комедия «Где тонко, там и рвется», дает еще один вариант восприятия драмы Бульвера-Литтона, однако линия интерпретации здесь выстроена уже в исключительно драматическом ключе. Главным объектом творческой рефлексии писателя становится гамлетовская образность в изображении Ивлина, которая вошла в состав характера главного героя пьесы Евгения Горского. Тургенев использовал тему любви и брака как проблему жизненного выбора постоянно рефлексизирующего героя.

У Бульвера-Литтона главный герой готов примириться с ситуацией безденежья

ради обретения скромного, но собственного личного счастья. Союз искренних взаимных чувств с Кларой мыслится им как та гармония, которая может противостоять жестокому миру и быть залогом их будущего. Более того, именно в счастливом браке Ивлин надеется на достижение благосостояния. Когда же все планы рушатся, герой оказывается в положении растерянности и неуверенности: внешне он принимает отказ Клары и делает шаг в сторону – обручается с другой, но внутренне жестоко мечется между искренностью любви и формальностью супружества. Тургенев в период чтения комедии отметил на полях размышления Ивлина о новом смысле брака, который он пытается себе навязать: «...я предпочту жениться на той, к которой я буду предъявлять меньше требований» [Там же: 230]. Новая избранная героя – это Джорджина, которая в результате каверз сэра Джона из антипода Клары вдруг превращается в воплощенную добродетель. Перед глазами Ивлина возникает явный диссонанс: реальность не соответствует его чувственным впечатлениям, поскольку возлюбленная оказывается расчетливой, а легкомысленная простушка – сострадательной. И именно это несоответствие делается причиной его душевных терзаний.

Ивлин, как и датский принц Шекспира, входит в пьесу с четкой установкой на неприятие окружающего и его однозначное осуждение, выливающееся в почти абсолютную иронию. Как и Шекспир, Бульвер-Литтон предоставляет герою право, во-первых, излить миру свое разочарование и заявить о недоверии, а во-вторых, выразить возмущение и негодование несправедливостью, которая стала реальностью. Гамлет замечает, что «век вывихнул сустав», Ивлин же эту «вывихнутость» фиксирует не как что-то моментально случившееся, а как длящийся процесс, начало которому положено давно.

Именно через иронию герой выстроил свои отношения с лондонским обществом, через двусмысленность слова он обращается к внешнему миру, не допуская своего прямого и непосредственного с ним соприкосновения. В насмешливом поведении Ивлина видят странность, которая граничит с сумасшествием. О безумии Ивлина в пьесе упоминается несколько раз, но этот факт подается не как

что-то, что определяет его человеческий облик, а как одно из как будто бы естественных свойств, которое приобретает вместе с большими деньгами. Например, Клара, сочувствуя Ивлину, перечисляет новообретенные качества юноши, которые делают его чужим и ненастоящим: «Пышность, тщеславие, роскошь, причуды, безумства» [Там же: 248]. О безрассудстве своих поступков он затем говорит и сам, признавая, что это следствие «судьбы, которая вознесла меня так высоко». Мотив необычности поведения, которое заставляет думать об умопомешательстве Ивлина, Бульвер-Литтон заимствует у шекспировского Гамлета, хотя дальше его не развивает. При этом аномальность героя в своей хронологической структуре двухчастна. Ивлин блещет острословием и дерзостью с самого начала пьесы, но до того, как было оглашено завещание, эта необычность у всех вызывала настороженность и даже опасения. Когда же стало известно, что «чудак» Мордаунт свое состояние оставил «такому же, по слухам, чудаку» [Там же: 222], Ивлин стал безумцем вдвойне, а чудачества признаются уже за норму – причуды богача. Только лишь Клара понимает, насколько не к лицу юноше это новообретенное своеобразие.

То, что Ивлин с получением наследства вдруг бросается совершать безумства, на самом деле является лишь притворством. Герой затевает игру в отместку все той же Кларе: «я хотел показать вам ту роскошь, тот мишурный блеск, то великолепие, которое, как мне казалось, вы так высоко ценили» [Там же: 249]. С одной стороны, он хочет заставить возлюбленную страдать, думая, что ей будет больно наблюдать за тем, в каком роскошном положении находится тот, кем она совсем недавно пренебрегла. С другой – ему хочется поставить девушку на собственное место, поэтому в завещании вдруг появляется приписка в пользу Клары. Позже Ивлин объясняет свой поступок: «Мне радостно было думать, что я неотступно следую за вами, хоть вы сами того и не подозревали» [Там же: 288]. Затейная им игра снова отзывается гамлетовской поэтикой, хотя действия шекспировского героя более серьезны, более аффектны и более трагичны. Манипуляции Ивлина, несмотря на свою жестокую цель, все же безобидны, они будто в частном масштабе иллюстрируют слова Мефистофеля о «силе,

что вечно хочет зла и вечно совершает благо». Но Бульвер-Литтон сознательно шел по пути шекспировского параллелизма, и поэтому в финале пьесы звучит шекспировская же метафора «весь мир – театр», обработанная в социальном ключе: «среди причуд и безумств, тщеславия, обмана и пороков, – этих актеров в великой Комедии Жизни» [Там же: 296].

Тургенев в своей комедии тоже на шекспировском материале ставит проблему истинности брака как союза двух любящих людей, но разрабатывает ее в несколько отличном от Бульвера-Литтона направлении. На первый план точно так же выдвинут молодой человек, перед которым стоит матримониальный выбор, но его нерешительность происходит не по причине сложных внешних обстоятельств, а вследствие внутренних противоречий. И такая постановка проблемы характера теснее связывает тургеневского героя с Гамлетом. Горский влюблен в Веру, но, приоткрыв ей чувства и догадываясь о взаимности, не спешит действовать далее. Если для Ивлины брак – это дело вполне закономерное, то для героя Тургенева он олицетворяет потерю самостоятельности. Как и пушкинский Онегин, Горский не хочет потерять свою свободу, пока еще не «постылую», но при этом в нем почти на равных живет и не менее сильное желание быть с Верой.

Гамлетовская сущность Горского у Тургенева явлена с той же определенностью, что и у Бульвера-Литтона. В «Где тонко, там и рвется» характер героя выполнен в образности Шекспира с переносом, как в «Деньгах», ведущих акцентов на проблематику любви и брака. По поводу самого себя Горский уже на первых страницах пьесы признается, что «слывет за человека насмешливого и холодного», чему очень рад: «с такой репутацией легко жить» [Тургенев 1979: 80]. Претендуя на ироническую сторону гамлетовского характера, герой берет на себя еще одно его свойство – склонность к постоянному анализу. Он рассказывает Мухину, что даже «в самые великолепные мгновения человеческой жизни не в состоянии перестать наблюдать» [Там же]. Формально Горский имеет в виду созерцательную способность человека, направленную на весь мир вокруг, однако его собственный взгляд обращен не столько вовне, сколько внутрь самого себя. О таком типе

личности Тургенев позднее будет рассуждать в статье-речи «Гамлет и Дон-Кихот» (1860), прямо выводя его из характера шекспировского героя: «Гамлет с наслаждением, преувеличенно бранит себя, постоянно наблюдая за собою, вечно глядя внутрь себя, он знает до тонкости все свои недостатки, презирает их, презирает самого себя» [Тургенев 1980: 333]. Рефлексия Горского имеет меньшие масштабы, но совершается в тех же категориях. Мухин, выслушивая признания героя о его чувствах к Вере и одновременно нежелании жениться, совершенно точно заявляет: «...ты либо чудак большой, либо невыносимый эгоист» [Тургенев 1979: 81]. Во все той же статье-речи Тургенев наряду с аналитическим умом называет эгоизм главной чертой Гамлета, это то, что он целиком «представляет собою». Наконец, еще один признак, определяющий облик Горского, это странность. Мухин уже назвал его чудачком и далее повторит свое определение, а Вера признается, что чувствует к нему влечение, несмотря на странности. Свою необычность герой и сам хорошо чувствует. Странность Горского закономерно передана в его поведении, но не столь эпатажном и распространенном, как у Ивлины и Гамлета, а более сосредоточенном и локальном.

Как и Бульвер-Литтон, Тургенев обязательным элементом мятущейся природы своего героя, способом проявления или выхода его рефлексии делает монолог. Под высказывание себя Горскому отдано несколько объемных реплик. Уже в первой из них, начало которой – обращение к себе по имени, заявлена стоящая перед героем проблема выбора. И сам Горский, отлично сознавая эту двухчастную вариативность, склоняется то к одному, то к совершенно противоположному, задаваясь при этом вопросами: «А, впрочем, что же? Либо я одолею – тем лучше, либо я проиграю сраженью – на такой женщине не стыдно жениться. Оно жутко, точно... да, с другой стороны, к чему беречь свободу?» [Там же: 85]. Женитьба по склонности чувства или холостая свобода, любовь и страх семейной жизни – так в судьбе героя выражается гамлетовское «*To be, or not to be*». Проблема бытия по примеру Бульвера-Литтона снижается до пределов быта. Другой монолог Горского словно призван показать выход его размышлений за пределы частного мира:

«О судьба, судьба! скажи мне на милость, смеешься ты надо мною, что ли, или помогаешь мне?» [Там же: 94]. Но масштабные обобщения в духе Гамлета герою не по плечу, его обращение к надличностной силе лишено серьезности и отвлеченности, это лишь часть проявленного малодушия в дрящейся нерешительности. Еще один значимый монолог звучит после того, как Горский узнал, что к Вере будет свататься Станицын. К его прежнему состоянию теперь пришивается ревность, это качественное изменение он сам и отмечает: «Я недоволен собой... Я начинаю скучать и злиться. Боже мой, боже мой! да что ж это во мне происходит такое? От чего поднимается во мне желчь и приступает к горлу?» [Там же: 96]. Горский болезненно реагирует на то, что у него вдруг появился соперник, который в отличие от него самого активно действует и вполне успешно, и в этом смысле Станицын оказывается двойником главного героя, реализуя параллель Гамлет – Лаэрт. Ревность заставляет Горского ужесточить свое поведение с Верой и сделаться еще более странным. Так же, как и Ивлин у Бульвера-Литтона, он затевает «тонкую психологическую игру», угнетающе действуя на «душу юной и беззащитной в своей искренности девушки» [Лотман 1982: 502]. Подобно Гамлету, он мучает свою Веру-Офелию, терзает ее любящее сердце (вернее, склонное к любви, едва открывшееся ей навстречу) издевательской иронией, глупыми выходками и притворным непониманием происходящего. Реакция же изумленной Веры столь же откровенна, сколь прямы недоуменные вопросы Офелии. У Шекспира жестокость героя к невесте не вполне сознательна и подчинена надындивидуальным обстоятельствам, но у Тургенева герой поступает так сурово в результате оскорбленного самолюбия, которым он не смог пожертвовать ради любви. Именно затронутая гордость, как и в случае с героем Бульвера-Литтона, становится причиной своеобразной мести. В момент прощального разговора с Горским Вера это очень точно определяет: «Вашему самолюбию больно...» [Тургенев 1979: 110].

Последний диалог героев, а также предшествующее ему их решительное объяснение построено Тургеневым по канве подобной же ситуации у Бульвера-Литтона. Оба писателя моделируют сцену, во время которой юноша

и девушка решаются поставить точку в сложном вихре их изменившихся взаимоотношений. Примечательно, что именно женский персонаж делает первый шаг в примирении, призывая возлюбленного к финальному откровению и согласию. В «Деньгах» Клара решает уехать из Англии, узнав о помолвке Ивлины с Джорджиной, но перед окончательным расставанием она хочет сохранить между собой и юношей дружеские чувства: «мы можем, хотя бы, остаться друзьями» и «расстанемся друзьями!» [Бульвер-Литтон 1960: 250]. В «Где тонко, там и рвется» в таком же призывном восклицании Вера обращается к Горскому: «если мы должны расстаться, расстанемся по крайней мере добрыми друзьями!» [Тургенев 1979: 99]. Красноречив в обеих ситуациях один психологически нагруженный жест – протянутая рука. Бульвер-Литтон дает его в ремарках как контрастный знак в выражении одного и того же чувства:

Клара (протягивая руку). Значит, мы друзья!

Вснова мой кузен, мой брат!

Ивлин (выпустил ее руку). Брат! Продолжайте
[Бульвер-Литтон 1960: 248].

У Тургенева он проговаривается, но совершается в том же смысловом плане – взаимная сердечная симпатия в объятиях мучительной тоски и с четко противоположными желаниями:

Вера. Да... но вы не довольно меня любили, чтобы иметь право меня оскорбить... Впрочем, это все дело прошлое... Расстанемся друзьями...
Дайте мне руку.

Горский. <...> Дать вам руку... да разве вы не чувствуете, как горько должно быть мне на душе?..
[Тургенев 1979: 110]

Клара и Вера, стремясь искусственно «перезафразировать» сердечное чувство, заместить любовь несколько иной привязанностью, превосходят своих избранников в жертвенности своего поступка. При этом простой дружбы для них оказывается не совсем достаточно, и они обе прибегают к еще одному, уже хорошо знакомому варианту выстраивания новой связи. Клара и Вера называют себя сестрами по отношению к Ивлину и Горскому соответственно, словно возвращаясь к тому периоду жизни, когда существовавшая между ними привязанность еще не была облечена в форму любви или

влюбленности. Героиня Бульвера-Литтона, прощаясь с Ивлином, отстаивает свое право на откровенность: «...мне хотелось бы сказать вам несколько слов, которые может позволить себе только друг... сестра...» [Бульвер-Литтон 1960: 248]. Эти «несколько слов» – попытка воззвать к благородной природе юноши и указать на искусственный блеск света, которому, как ей кажется, он из-за денег поддался. У Тургенева Вера призывает Горского к прежним доверию и открытости, давая таким образом последнюю возможность высказаться, выйти из маски нерешительного насмешника: «Скажите, скажите сами, не была ли я всегда откровенна с вами, как сестра?» [Тургенев 1979: 98]. Испытывая в моменты объяснения отчаяние, обе девушки, однако, в своем намерении разорвать мучительные узы столь же решительны, что и разочарованная Офелия, в смятении возвращающая Гамлету его подарки – приметы прежней любви. Ивлин в, как предполагалось, последнем свидании с Кларой подспудно получает подтверждение ее сердечного к нему неравнодушия, но, коря себя за слепоту ревности, все же вынужденно подчиняется обстоятельствам, сложившимся в результате его ошибки: «...выбор сделан, и я должен принять его последствия...» [Бульвер-Литтон 1960: 250]. Однако к финалу своей драмы он приходит счастливо и случайно освобожденным от стесненных условий, гамлетовское противоречие, действующее над ним, снимается автором. Горский же, чьи жизненные обстоятельства зависят исключительно от него самого, из тени Гамлета не выходит. Показательно, как до его итогового объяснения с Верой в пьесе возникает прямая отсылка к герою Шекспира. Станицын в ходе общего поиска какого-нибудь развлечения вдруг произносит: «Вот в чем вопрос» [Тургенев 1979: 228]. О Гамлете влюбленный юноша

вовсе и не думал, а принадлежность случайно вылетевшей фразы установил именно Горский: «Гамлет сказал это прежде тебя...» [Тургенев 1979: 102]. Этим указанием на источник он значимо соотнес себя с датским принцем, словно окончательно замыкая круг.

В результате ранее не известный диалог Тургенева с Бульвером-Литтоном, основанный как на общности теоретико-эстетических установок двух современников в отношении национального театра, так и на сходстве их собственного художественного метода, позволяет по-новому посмотреть на драматические опыты русского писателя. В начальный период своего творчества Тургенев обратился к драме Бульвера-Литтона «Деньги», ориентируясь на остро поставленную английским автором проблему изображения современной личности в широком действии социально-бытовых и этико-психологических мотивировок. Комедия «Безденежье», точно наследуя ценностную символику пьесы Бульвера-Литтона и соприкасаясь с ней в типологических чертах ее комического воплощения, движется, однако, в своем конфликтном русле к углублению драматического звучания (внешне коллизия в финале снимается, но внутренние разногласия оказываются непреодолимы). Комедия «Где тонко, там и рвется» демонстрирует выход Тургенева уже к гамлетовским акцентам в характере героя Бульвера-Литтона при его общей социально-психологической обусловленности. Таким же образом выдвигая на первый план мир душевных переживаний рефлектирующей личности, русский писатель снова отходит от заданных параметров в возможности разрешения выявленных противоречий, усугубляя и делая еще более выпуклой болезненно-эгоистическую природу человека.

Литература

- Аникст, А. А. Английский театр / А. А. Аникст, Ю. И. Кагарлицкий // История западноевропейского театра. Т. 3. – М. : Искусство, 1963. – С. 373–482.
- Белинский, В. Г. Полное собрание сочинений : в 13 т. Т. 5 / В. Г. Белинский. – М. : АН СССР, 1954. – 862 с.
- Бульвер-Литтон, Э. Пьесы / Э. Бульвер-Литтон. – М. : Искусство, 1960. – 461 с.
- Лотман, Л. М. Драматургия И. С. Тургенева и натуральная школа 1840-х годов / Л. М. Лотман // История русской драматургии XVII – первая половина XIX века. – Л. : Наука, 1982. – С. 474–513.
- Лотман, Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века) / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство-СПБ, 1994. – 399 с.
- Матвеев, И. А. Восприятие творчества Э. Бульвера-Литтона в России 1830–1850-х гг. / И. А. Матвеев. – Томск : Изд-во ТПУ, 2010. – 287 с.
- Потапенко, С. Н. Природа конфликта в драматургии И. С. Тургенева : дис. ... канд. филол. наук / Потапенко С. Н. – Вологда : [б. и.], 2002. – 208 с.

- Тургенев, И. С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Письма : в 18 т. Т. 1 / И. С. Тургенев. – М. : Наука, 1982. – 606 с.
- Тургенев, И. С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Письма : в 18 т. Т. 4 / И. С. Тургенев. – М. : Наука, 1987. – 766 с.
- Тургенев, И. С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Сочинения : в 12 т. Т. 1 / И. С. Тургенев. – М. : Наука, 1978. – 573 с.
- Тургенев, И. С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Сочинения : в 12 т. Т. 2 / И. С. Тургенев. – М. : Наука, 1979. – 703 с.
- Тургенев, И. С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Сочинения : в 12 т. Т. 5 / И. С. Тургенев. – М. : Наука, 1980. – 540 с.
- Bulwer-Lytton, E. *England and the English* : in 2 vols. Vol. 2 / E. Bulwer-Lytton. – London, 1863. – 355 p.
- Fernández-Caparrós Turina, A. *Rise of Love and the People: French Matter and Manner in the Early Victorian Drama of Edward Bulwer-Lytton* / A. Fernández-Caparrós Turina // *Cahiers victoriens et édouardiens*. – 2017. – No. 86. – P. 1–16.

References

- Anikst, A. A., Kagarlitsky, Yu. I. (1963). *Angliiskii teatr* [Theatre of England]. In *Istoriya zapadnoevropeyskogo teatra*. Vol. 3. Moscow, Iskusstvo, pp. 373–482.
- Belinsky, V. G. (1954). *Polnoe sobranie sochineniy*: v 13 t. [The Complete Set of Works, in 13 vols.]. Vol. 5. Moscow, AN SSSR. 862 p.
- Bulwer-Lytton, E. (1960). *Pesny* [The Plays]. Moscow, Iskusstvo. 461 p.
- Bulwer-Lytton, E. (1863). *England and the English*, in 2 vols. Vol. 2. London. 355 p.
- Fernández-Caparrós Turina, A. (2017). *Rise of Love and the People: French Matter and Manner in the Early Victorian Drama of Edward Bulwer-Lytton*. In *Cahiers victoriens et édouardiens*. No. 86, pp. 1–16.
- Lotman, L. M. (1982). *Dramaturgiya I. S. Turgeneva i natural'naya shkola 1840-kh godov* [The Dramaturgy of I. S. Turgenev and the Natural School of the 1840s]. In *Istoriya russkoi dramaturgii XVII – pervaya polovina XIX veka*. Leningrad, Nauka, pp. 474–513.
- Lotman, Yu. M. (1994). *Besedy o russkoi kul'ture. Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka)* [Conversations about Russian Culture. Household and Traditions of the Russian Nobility (18th – Early 19th Century)]. Saint Petersburg, Iskusstvo-SPB. 399 p.
- Matveenko, I. A. (2010). *Vospriyatie tvorchestva E. Bul'vera-Littona v Rossii 1830–1850-kh gg.* [Perception of the work of E. Bulwer-Lytton in Russia in the 1830s–1850s]. Tomsk, Izdatel'stvo TPU. 287 p.
- Potapenko, S. N. (2002). *Priroda konfliktov v dramaturgii I. S. Turgeneva* [The Nature of the Conflict in the Dramaturgy of I. S. Turgenev]. Dis. ... kand. filol. nauk. Vologda. 208 p.
- Turgenev, I. S. (1978). *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t. Sochineniya: v 18 t.* [The Complete Set of Works and Letters, in 30 vols. Works, in 12 vols.]. Vol. 1. Moscow, Nauka. 573 p.
- Turgenev, I. S. (1979). *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t. Sochineniya: v 18 t.* [The Complete Set of Works and Letters, in 30 vols. Works, in 12 vols.]. Vol. 2. Moscow, Nauka. 703 p.
- Turgenev, I. S. (1980). *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t. Sochineniya: v 18 t.* [The Complete Set of Works and Letters, in 30 vols. Works, in 12 vols.]. Vol. 5. Moscow, Nauka. 540 p.
- Turgenev, I. S. (1982). *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t. Pis'ma: v 18 t.* [The Complete Set of Works and Letters, in 30 vols. Letters, in 18 vols.]. Vol. 1. Moscow, Nauka. 606 p.
- Turgenev, I. S. (1987). *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t. Pis'ma: v 18 t.* [The Complete Set of Works and Letters, in 30 vols. Letters, in 18 vols.]. Vol. 4. Moscow, Nauka. 766 p.

Данные об авторе

Волков Иван Олегович – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия).
Адрес: 634050, Россия, Томск, пр. Ленина, 36.
E-mail: wolkoviv@gmail.com.

Author's information

Volkov Ivan Olegovich – Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Russian and Foreign Literature, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Дата поступления: 10.07.2022; дата публикации: 29.12.2022

Date of receipt: 10.07.2022; date of publication: 29.12.2022

КТО УБИЛ БЕЛИКОВА: ОБ ОХОТНИЧЬЕЙ ИНТРИГЕ МАЛЕНЬКОЙ ТРИЛОГИИ А. П. ЧЕХОВА

Иваньшина Е. А.

Воронежский государственный педагогический университет (Воронеж, Россия)
ORCID ID <https://orcid.org/0000-0001-7599-5231>

А н н о т а ц и я . Цель данной статьи – деавтоматизировать восприятие рассказа А. П. Чехова «Человек в футляре», соотнеся сюжет рассказа (и всей маленькой трилогии) с близкими по смыслу чеховскими контекстами. Контекстный, нарративный и интертекстуальный анализы позволяют оценить качество чеховской иронии, объектом которой являются персонажи-рассказчики.

В первой части статьи рассматриваются чеховские произведения, связанные с охотничьей фабулой. Отталкиваясь от жанра охотничьего рассказа, который у Чехова дискредитируется (что вписывается в антиохотничью тенденцию литературы начиная с 1880-х годов), автор статьи прослеживает многозначность семантического поля охоты в произведениях писателя (охота как театр, ссора, запой или бессмысленно загубленная жизнь). Охота актуализируется как фабульный шаблон, запускающий движение сюжета, обманывающего ожидания читателя. В частности, такой обман является умышленной нарративной стратегией изображенного автора по отношению к изображенному читателю в «Драме на охоте».

Во второй части статьи речь идет о рассказах, составляющих маленькую трилогию, которые тоже объединены ситуацией охоты. Анализируя рассказ «Человек в футляре», автор статьи переносит внимание с Беликова на Буркина и, актуализируя метод «уликовой парадигмы», заостряет те противоречия, которых может не заметить в рассказанной им истории доверчивый читатель (который подобен слушателю Буркина Чимше-Гималайскому). Подобную доверчивость демонстрируют и литературоведы, что подтверждает написанное о «Человеке в футляре» за много десятилетий. Однако есть и исключения: это те ученые, которые разоблачают Буркина как недостоверного рассказчика и тем самым «обеляют» Беликова.

В статье актуализируется «зоологический» подтекст маленькой трилогии Чехова, сатирически подсвечивающий всех задействованных в ней рассказчиков, сплоченных чувством зависти против объектов их нарративной охоты, а также литературные подтексты, одним из которых является белкинский цикл Пушкина. Именно структура «Повестей покойного Ивана Петровича Белкина» проблематизирует рассказ персонажа как источник достоверной информации о событии, в котором рассказчик следует за литературным шаблоном либо является заинтересованным лицом.

К л ю ч е в ы е с л о в а : русские писатели; литературное творчество; литературные жанры; литературные сюжеты; литературные образы; литературные герои; охотничий рассказ; ветеринарные врачи; ирония; контекст; нарративные стратегии; недостоверные рассказчики; уликовая парадигма; подтекст

Д л я ц и т и р о в а н и я : Иваньшина, Е. А. Кто убил Беликова: об охотничьей интриге маленькой трилогии А. П. Чехова / Е. А. Иваньшина. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2022. – Т. 27, № 4. – С. 112–124. – DOI: 10.51762/1FK-2022-27-04-10.

WHO KILLED BELIKOV: ABOUT THE HUNTING INTRIGUE OF A. P. CHEKHOV'S LITTLE TRILOGY

Elena A. Ivanshina

Voronezh State Pedagogical University (Voronezh, Russia)
ORCID ID <https://orcid.org/0000-0001-7599-5231>

Abstract. This article aims to deautomatize the perception of A. P. Chekhov's story "The Man in a Case", correlating the plot of the story (and the entire small trilogy) with Chekhov's contexts that are close in meaning. Contextual, narrative and intertextual analysis allow the author to assess the quality of Chekhov's irony, directed towards characters-narrators.

The first part of the article considers Chekhov's works related to the hunting plot. Starting from the genre of the hunting story, which Chekhov discredits (which fits into the anti-hunting trend of literature since the 1880s), the author of the article traces the ambiguity of the semantic field of hunting in the writer's works (hunting as

a theater, quarrel, binge or senselessly ruined life). Hunting is actualized as a typical plot scheme that triggers off the movement of a plot that deceives the reader's expectations. In particular, such deception is a deliberate narrative strategy of the depicted author in relation to the depicted reader in "Drama During a Hunt".

In the second part of the article, the author looks at the stories that make up a small trilogy, which is also united by the hunting situation. Analyzing the story "The Man in a Case", the author of the article shifts attention from Belikov to Burkin and, actualizing the method of the "evidence paradigm", hyperbolizes those contradictions that a gullible reader (who is like Burkin's listener Chimsha-Gimalayskiy) may not notice in the story. Literary critics also demonstrate similar credulity, which confirms what has been written about "The Man in a Case" for many decades. However, there are exceptions: these are the scholars who expose Burkin as an unreliable narrator and thereby "whitewash" Belikov.

The article actualizes the "zoological" subtext of Chekhov's little trilogy, satirically highlighting all the characters-narrators involved in it, united by a sense of envy against the objects of their narrative hunting as well as literary subtexts, one of which is represented by Pushkin's Belkin cycle. It is the structure of the "Stories of the Late Ivan Petrovich Belkin" that problematizes the character's story as a source of reliable information about the event in which the narrator follows a typical literary plot or is an interested person.

Key words: Russian writers; literary creative activity; literary genres; literary plots; literary images; literary characters; hunting story; veterinarians; irony; context; narrative strategies; unreliable narrators; evidence paradigm; subtext

For citation: Ivanshina, E. A. (2022). Who Killed Belikov: About the Hunting Intrigue of A. P. Chekhov's Little Trilogy. In *Philological Class*. Vol. 27. No. 4, pp. 112–124. DOI: 10.51762/IFK-2022-27-04-10.

Введение. Среди чеховских персонажей-врачей встречаются разные типы, которые мы уже пытались классифицировать ранее [Иваньшина 2013]. Однако эта эмпирическая классификация не завершена. Сложность в том, что у Чехова типология персонажей связана не столько с их профессиональной принадлежностью, сколько с типом фабул, в которые эти персонажи «встроены» в каждом конкретном случае. Врач, безусловно, является осевой фигурой, на которой держится значительная часть чеховских фабул, направление движения которых задает жанровая «колея». Фабула – колесо, обеспечивающее движение сюжета – той смысловой динамики, которая создается в процессе развертывания и не определяется только простейшей внешней «механикой». В развертывании чеховского сюжета важная функция отводится иронии как атмосферному признаку, трудно поддающемуся мгновенной фокусировке и нуждающемуся в деконструкции. Ирония – инструмент, противодействующий инерции читательского восприятия сюжета и выводящий его за горизонт восприятия персонажей. Зачастую ирония может перформативно изменить смысл сюжета (это зависит от ее качества)¹.

Между тем в литературоведении применительно к маленькой трилогии Чехова можно говорить о любопытной ситуации, свидетель-

ствующей об игнорировании основного чеховского инструмента – иронии, которая распространяется и на тех персонажей, которым доверены развернутые монологические высказывания. В результате сложилась инерционная традиция интерпретации маленькой трилогии, модальности которой заданы персонажами-рассказчиками (Буркиным в «Человеке в футляре», Чимшой-Гималайским в «Крыжовнике», Алехиным в рассказе «О любви»), а главными интерпретационными мишенями оказываются учитель Беликов, брат Чимши-Гималайского и муж Анны Луганович (см., например, [Громов 1989; Эпштейн 2015]). Параллельно существуют работы, в которых исследуется специфика коммуникации «внутри» чеховских сюжетов, и, в частности, работы, так или иначе актуализирующие проблему недостоверного рассказчика (см, например: [Степанов 2005]). На фоне инерционной интерпретации маленькой трилогии исключением является работа В. Н. Шацева [Шацев 2010] и те немногие работы, авторы которых пишут об этих рассказах в другой, неинерционной, модальности, см., например: [Тюпа 2009; Богданова 2017; Ибатуллина 2015].

В своей интерпретации маленькой трилогии мы шли от ветеринарного врача Ивана Ивановича Чимши-Гималайского. Специализация этого персонажа в контексте цикла кажется нам не случайной, так как сама ма-

¹ О чеховской иронии см.: [Полоцкая 2000; Афанасьев 1997; Афанасьев 2010; Каменская 2001].

ленькая трилогия, если посмотреть на нее прицельным взглядом ветеринара или зоолога, выглядит не совсем так, как мы привыкли ее видеть. Цель данной статьи – деавтоматизировать восприятие рассказа А. П. Чехова «Человек в футляре», соотнеся сюжет рассказа (а вместе с ним и других рассказов маленькой трилогии) с близкими по смыслу чеховскими контекстами.

Контекстный анализ позволяет объяснить, какую функцию выполняет в трилогии охотничья фабула; нарративный анализ дает возможность оценить качество чеховской иронии, объектом которой являются персонажи-рассказчики с их обличительным пафосом; интертекстуальный анализ актуализирует литературность и пародийность сюжета трилогии.

Учитывая жанрообразующую ситуацию охоты, адогматизм и парадоксальность авторского мышления и полископичность повествования у Чехова, «текстуально завуалированное расхождение точек зрения повествователя и героя-фокализатора в плане оценки и восприятия» [Паркачёва 2005: 6], мы используем метод «уликовой парадигмы», который опирается на медицинскую семиотику и который К. Гинзбург сравнивает с охотничьим методом выслеживания зверя [Гинзбург 2004]. Этот метод соотносим с методом З. Фрейда и Ш. Холмса и позволяет соотнести читателя с детективом, цель которого – не идти на поводу ложных обвинений, объектами которых оказываются в данном случае отсутствующие персонажи трилогии.

Семантическое поле охоты у Чехова. Входящие в трилогию рассказы объединены ситуацией охоты: «На самом краю села Мироносицкого, в сарае старосты Прокофия расположились на ночлег запоздавшие охотники» [Чехов 1974–1982, т. 10: 42]. Эта ситуация сама по себе является жанрообразующей и позволяет отнести трилогию к охотничьим рассказам. Типологической систематизации жанра охотничьего рассказа посвящена диссертация М. Одесской [Одесская 1993]. Относя охотничий рассказ к явлениям периферийной литературы, наряду с лубком, городским романсом и авторской песней, М. Одесская рассматривает эволюцию жанра, показывая, как охотничий рассказ из

отраслевого очерка переходит в жанр художественной литературы. Говоря о таких жанровых константах, как этнографизм, натурфилософия, социальная психология и иллюзия документальности, М. Одесская показывает, как жанр охотничьего рассказа складывался на пересечениях высокой и эпигонской культур. По словам М. Одесской, в 1880-е годы сменилась модальность охотничьего рассказа, в котором возобладала антиохотничья тенденция (охота в таком случае актуализируется как публичная казнь, расправа сильного над слабым). Дискредитации жанра, его разрушению и превращению в пародию способствовал, в частности, Н. Лейкин, большинство персонажей которого – горе-охотники, стреляющие по воробьям и курам [Одесская 1998: 20]. В ту же тенденцию вписываются и рассказы Чехова, однако его охотничьи сюжеты начинают развиваться в сторону трагизма (охота показывается как бездумное истребление себе подобных). М. Одесская приводит ссылки на составителя охотничьей библиографии Н. Анофриева, который отмечает, что во многих произведениях рассматриваемого жанра «охота притянута за уши», а также на составителя охотничьего словаря С. Романова, который, представляя читателю книгу Н. Воронцова-Вельяминова, замечает, что «в дело охоты вмешивается любовь» [Одесская 1993: 14].

Если в совокупности посмотреть на чеховские рассказы, в которых речь идет об охоте, очевидно, что она показана как странный ритуал, участники которого меньше всего имеют отношение к охоте в буквальном смысле: на деле охота у Чехова является поводом для чего-то другого и обычно чем-то замещается (склокой, перебиванием костей, хвастовством собаками и ружьями, обжорством, возлияниями).

В рассказе «На волчьей садке» (1882) показана квази-охота на волков в галереях летнего конского бега. Это театр, в котором публика наблюдает за тем, как волков одного за другим выпускают из клетки, натравливают на них собак, а затем убивают. «Публике не нравится, что волка так рано зарезали... Нужно было волка погонять по арене часа два, искусать его собачьими зубами, истоптать копытами, а потом уже резать... Мало того, что он уже был разтравлен, словлен и отсидел ни за что ни про что

несколько недель в тюрьме» [Чехов 1974–1982, т. 1: 120]. Среди зрителей есть те, кто или помнит настоящую охоту, или выдумывает свои подвиги. Действо определяется как кукольная комедия, сборы с которой не окупают тех разрушений, которые производятся этим зрелищем в сердцах юных зрителей.

В рассказе «Двадцать девятое июня» (1882) вместо охоты читатель видит сопровождающий ее антураж. Сначала вся компания едет в тесной коляске: «Кто никогда не ездил и не шлялся на охоту, тому не понять этих радостей. Мы держали наши ружья и глядели на них так любовно, как маменьки глядят на своих сыночков, подающих большие надежды» [Чехов 1974–1982, т. 1: 224]. Предвкушение радостей охоты сопровождается разговорами о предстоящем маршруте и вполне охотничьими спорами о меткости выстрелов. Хвастовство Отлетаева своим ружьем приводит к ссоре и взаимным обвинениям во вранье; ситуацию усугубляет доктор, начавший без разрешения угощаться отлетаевскими припасами, после чего обидевшийся на всех Отлетаев, изначально взявший на себя в предстоящей охоте роль «старшины», демонстративно уезжает на своей коляске, а с ним и остальные. Итогом становится ссора охотников. «Слово за слово, гримаса за гримасой, сплетня за сплетней, и дело зашло черт знает куда... Мы начали рассказывать всё, что за зиму накопилось в наших душах друг против друга. Мы перещеголяли старых девок» [Чехов 1974–1982, т. 1: 228]. И далее: «Мы готовы были слопать друг друга и не слопали только потому, что не знали, с какого конца начать лопать...» [Чехов 1974–1982, т. 1: 230]. Охота, едва начавшись (производится единственный выстрел), разваливается, превращается в «минус-прием».

В рассказе «На охоте» (1884) племянник-профан, которого дядя-профессионал практически насильно втягивает в охоту, вместо зверя убивает любимую дядюшкину собаку и за это лишается содержания и наследства. Охота здесь оборачивается непреднамеренным убийством.

В одном семантическом ряду оказываются у Чехова страсть к охоте и пьянство. Охота как запой показана в рассказе «Он понял!» (1883), герой которого, Павел Хромой, убивает скворца из кустарного ружья, охотясь до Петрова

дня. Объясняя барину, почему он это сделал, Хромой твердит, что его черт попутал. Объясняя, почему он пошел на охоту, Павел говорит: «А по моему глупому предположению, как я это дело понимаю, это не баловство, а болезнь... Все одно как запой... Один шут... Ты не хочешь, а тебя за душу тянет. Рад бы не пить, перед об разом зарок даешь, а тебя подмывает: выпей! выпей! Пил, знаю...» [Чехов 1974–1982, т. 2: 175]. В рассказе «Петров день» (1881) выпитые охотниками «дозы» спиртного подобны «выпущенным в жертву пулям» [Стенина 2013: 289].

Герой рассказа «Егерь» (1885) Егор Власыч говорит о себе Пелагее как о лучшем стрелке в уезде, которого граф из зависти спойл и женил: «<...> ежели который мужик записался в охотники или в лошадики, то прощай соха. Раз сядет в человека вольный дух, то ничем его не выковыришь. Тоже вот ежели который барин пойдет в ахтеры или по другим каким художествам, то не быть ему ни в чиновниках, ни в помещиках» [Чехов 1974–1982, т. 4: 81]. В процессе разговора выясняется, что заигрывающая с Егором Пелагея – его венчаная жена, с которой он не живет, так как не считает ее ровней. Охота как воля сравнивается здесь с художеством, актерством и противопоставляется женитьбе как неволе.

В рассказе «Свирель» (1887) разговор охотника с пастухом об отсутствии птицы подводит к апокалиптическому итогу: «Пришла пора божьему миру погибать» [Чехов 1974–1982, т. 6: 323]. Пастух, словно местный Пан (играет на самодельной свирели что-то суровое и чрезвычайно тоскливое), говорит как свидетель конца времен, выступая на правах старожилы, а охотник, приказчик Мелитон, поддается настроению старого пастуха и начинает жаловаться: «От бедности жена осатанела... сам я запоем. Человек я рассудительный, степенный, образование имею. Мне бы дома сидеть, в спокойствии, а я целый день, как собака, с ружьем, потому нет никакой моей возможности: опротивел дом!» [Чехов 1974–1982, т. 6: 327]. Охота здесь становится поводом для философских размышлений.

Н. А. Хохлова приводит выдержку из письма Чехова к брату Михаилу 1877 года («Дражайший Брат Миша! Я сейчас сделал 2 выстрела: один в забор из ружья, другой в Сашу из-под пера») и отмечает, что в этой шуточной фразе

актуализируется игровое начало мотива охоты [Хохлова 2015: 12].

Таким образом, суммируя сказанное, можно сделать следующее обобщение: охотничьи фабулы у Чехова – прием театрализации обычной жизни с целью ее самораскрытия как абсурдной; охотничьи фабулы создают «принудительные» контакты, чреватые разговорами и ссорами; сама охота оборачивается «нулевым» итогом. За охотой у Чехова всегда стоит что-то другое, и в этом смысле она сродни невротическому симптому. Другими словами, охота – фабульный шаблон, запускающий движение сюжета, обманывающего ожидания читателя.

К таким сюжетам относится и «Драма на охоте» (1884), в которой семантический потенциал охоты развернут во всей многозначности. Охотничья фабула здесь удвоена: само происшествие (драма на охоте) рассказано в повести с тем же названием. Такое удвоение охотничьего кода особенно значимо. Возможно, именно эта повесть – написанная убийцей и рассказанная для того, чтобы отвести от себя вину – и является ключом к маленькой трилогии. Охоту здесь тоже следует интерпретировать двояко: с одной стороны, это преследование женщин с целью овладения «добычей», с другой – нарративная стратегия, целью которой является обман читателя, внедрение в его сознание одних фактов и сокрытие других [Шацев 2010: 149]. О том, какими приемами пользуется автор-персонаж (Камышев) для того, чтобы пустить читателя по ложному следу и натравить его на невиновного, мы писали ранее [Иваньшина 2021]. В частности, речь шла о приманках и ловушках, расставленных в расчете на доверчивого читателя: в роли таких приманок выступают предчувствия и приметы, нагнетающие нужный эффект. Однако редактор, которому Камышев приносит свою повесть, в этот капкан не попадает и разоблачает автора, уличая его во лжи и переадресуя ему обвинение в убийстве Оленьки Урбениной (и не только).

Зоологический подтекст маленькой трилогии. Подобную переадресацию предполагают

и все три истории маленькой трилогии, соль которой в самих охотниках, которые «ловят слушателей в сети своих слов» [Шацев 2010: 178]¹. Охота в этом случае превращается в «метатроп, связывающий автора с читателем как охотника с дичью» [Иваньшина 2021: 547].

Однако интерес к поведению животных не совсем чужд охотничьему триптиху Чехова: вместо животных в натуральную величину мы встречаем здесь ряд зоологических проекций, выполняющих сатирическое задание. Отсюда и образ ветеринарного врача, который оказывается в противоречивой позиции (ветеринар лечит животных, охотник убивает). Кроме профессиональной принадлежности охотников, сразу обращается внимание на фамилию одного из них: «Их было только двое: ветеринарный врач Иван Иванович и учитель гимназии Буркин. У Ивана Ивановича была довольно странная, двойная фамилия – Чимша-Гималайский, которая совсем не шла ему, и его во всей губернии звали просто по имени и отчеству» [Чехов 1974–1982, т. 10: 42]. Семантическое поле этой экзотической фамилии имеет отношение к далекой от села Мироносицкого географии, а вдобавок образует «естественнонаучную» конфигурацию, в которую вписываются такие, например, виды, как гималайский кедр, гималайский медведь или гималайский козел.

Уже в первом рассказе встречается целый ряд зооморфных сравнений. Они появляются в разговоре о Мавре, которую Буркин «убивает первым нарративным выстрелом» [Шацев 2010: 178]². Резюме этого разговора звучит так: «Людей, одиноких по натуре, которые, как *рак-отшельник* или *улитка*, стараются уйти в свою скорлупу, на этом свете не мало. Быть может, тут явление *атавизма*, возвращение к тому времени, когда предок человека не был еще *общественным животным* и жил одиноко в своей *берлоге*, а может быть, это просто одна из разновидностей человеческого характера, – кто знает? *Я не естественник* и не мое дело касаться подобных вопросов; я только хочу сказать, что такие люди, как Мавра, явление не редкое» [Чехов 1974–1982, т. 10: 42]³. Обратим

¹ Идея рассматривать маленькую трилогию в контексте других охотничьих сюжетов А. П. Чехова принадлежит В. Шацеву [Шацев 2010: 21].

² Предваряющие основную рассказанную историю новеллы (присказки, прелюдии или микросюжеты), по словам В. Шацева, включают в себя «не сразу заметную ложь» [Шацев 2010: 120].

³ Курсив в цитатах здесь и далее – наш.

внимание на ряд зоологических сравнений, превращающих – хотя бы и виртуально – человека в животное. Этот зооморфный ряд сформирован для того, чтобы присоединить к нему Беликова, который «карикатурен как главный персонаж любой почти басни, сплетни» [Шацев 2010: 128]: «Своими вздохами, нытьем, своими темными очками на бледном, маленьком лице, – знаете, маленьком лице, как у хорька, – он давил нас всех, и мы уступали, сбавляли Петрову и Егорову балл по поведению, сажали их под арест и в конце концов исключали и Петрова, и Егорова» [Чехов 1974–1982, т. 10: 44]. Далее Буркин приводит высказывание о Беликове Коваленко: «Он даже название дал Беликову „глитай аборж наук“. И, понятно, мы избегали говорить с ним о том, что сестра его Варенька собирается за „аборж наука“. И когда однажды директорша намекнула ему, что хорошо бы пристроить его сестру за такого солидного, всеми уважаемого человека, как Беликов, то он нахмурился и проворчал: – Не мое это дело. Пускай она выходит хоть за гадюку, а я не люблю в чужие дела мешаться» [Чехов 1974–1982, т. 10: 49].

Говорящая фамилия и у собеседника Ивана Иваныча – учителя Буркина, хотя на нее повествователь как раз не обращает внимания. Между тем по отношению к фамилии героя рассказанной новеллы она является парной. Буркин и Беликов соотношением фамилий подобны Толстому и Тонкому. Тот факт, что эти персонажи составляют карнавальную пару (один именно толстый, другой тонкий), отмечает В. И. Тюпа [Тюпа 2009: 192]. Бурый и белый – зоологическая антитеза, имеющая отношение к мимикрии как адаптации к среде обитания. Средой в данном случае является гимназия, жизнь которой в рассказе Буркина вызывает аналогию с жизнью животных. Буркин создает Беликову репутацию тирана: «Наши дамы по субботам домашних спектаклей не устраивали, боялись, как бы он не узнал; и духовенство стеснялось при нем кушать скоромное и играть в карты. Под влиянием таких людей, как Беликов, за послед-

ние десять – пятнадцать лет в нашем городе стали бояться всего. Боятся громко говорить, посылать письма, знакомиться, читать книги, бояться помогать бедным, учить грамоте...» [Чехов 1974–1982, т. 10: 44]. Если верить Буркину, Беликов имел полную власть над умами не только в гимназии, но и в городе, он тот, в ком среда находит оправдание всем своим несовершенствам. Однако эта репутация не вяжется с другими фактами буркинского рассказа. Можно предположить, что в этом морализаторском пассаже к Беликову имеет отношение только первая часть, касающаяся дам и духовенства, которое, к слову, предстает в сатирически-неприглядном виде [Богданова 2017: 16]. Остальное – обобщение, вызывающее подозрение в том, что Буркин создает словесную карикатуру на своего соседа.

Можно сказать и иначе: Буркин делает Беликова козлом отпущения, и это не просто фигура речи [Шацев 2010: 93]. Обратим внимание на то, как подается в рассказе главное событие – сбрасывание Беликова с лестницы. Оно увенчано (и тем самым как бы одобрено) «заливчатым» смехом Вареньки (в оправдание которой сказано, что она полагала, «что это он упал сам нечаянно» [Чехов 1974–1982, т. 10: 52]). Лестница – уменьшенная, пародийная версия обрыва, с которого сбрасывали козлов отпущения, а футляр, презентацией которого становится история Беликова, – аналог козлиной шкуры. Эти ассоциации позволяют связать историю учителя греческого языка с античной драмой, весь инвентарь которой, описанный О. М. Фрейденберг, присутствует в рассказе.

Гимназической среде, мнение которой вроде бы выражает Буркин, отводится в этой драме роль хора. Фрейденберг пишет, что архаический «хор с его слитной общественной плюральностью, еще не выделившей сольного начала», является проекцией охотничьего сознания, имеет звериный характер и «состоит из животных в греческой драме, как и в римском цирке» [Фрейденберг 1997: 149]¹. В контекст античной драмы вписывается и знаменитый велосипед, который становится «красной

¹ В чеховской трилогии действие начинается на краю села Мироносицкого. Как отмечает О. М. Фрейденберг, античные драмы назывались либо по хору, либо по производственно-культовому признаку коллектива, либо по этническому признаку, либо по имени героя, «страсти которого составляют предмет изображения» [Фрейденберг 1997: 150]. Топоним *Мироносицкое* отсылает и к таким названиям античных драм, как «Водоносицы» или «Носительницы возлияний» (их указывает Фрейденберг), и к страстной тематике сюжета (сам сюжет построен по производственному признаку).

линией» для «жениха», и гробовой ящик в финале истории. Велосипед подобен античной колеснице¹.

Тиран или жертва? М. П. Громов отмечает, что в Беликове снижена и развенчана тема тиранической власти: «Чехов развенчал трагедийный образ, лишил его даже тени величия, ибо тиран велик лишь в глазах раба, в глазах свободного человека тиран – ничтожество» [Громов 1989: 275]. Но даже в пристрастном рассказе Буркина Беликов не тянет на тирана, и тем более сам Буркин не может быть назван свободным человеком, выдавившим из себя раба.

В рассказе Буркина есть противоречие: рассказывая о страхе, который внушает окружающим Беликов, он упоминает о том, что был дружен с ним и вхож к нему в дом: «мы часто виделись, и я знал его домашнюю жизнь» [Чехов 1974–1982, т. 10: 45]. Он знает, что ест Беликов, как он спит и о чем думает, когда засыпает [Шацев 2010: 134]. То есть Буркин знает о Беликове все, тот у него как на ладони. Если это так, то о какой закрытости Беликова идет речь? А если это фантазии самого Буркина, педалирующего футлярную тему и превращающего своего соседа в карикатуру, то вопросы возникают относительно Буркина.

История отношений этих персонажей сходна с дружбой Михаила Аверьяновича и доктора Рагина в рассказе «Палата № 6». И сама беликовская история схожа с рагинской тем, что коллеги сживают со свету того, кто по тем или иным причинам им мешает (представим себе, как бы рассказал историю Рагина Михаил Аверьянович)².

В учительской среде Беликов – белая ворона, тогда как сам педагогический коллектив изображен Буркиным на удивление единомыслящим. Гимназическая среда в буркинском рассказе напоминает стаю, в которой предводительствует директорша: «Слушали мы, слушали, и вдруг *всех нас* осенила одна и та же мысль. – А хорошо бы их поженить, – тихо сказала мне директорша» [Чехов 1974–1982, т. 10:

46]; «*Мы все почему-то вспомнили, что наш Беликов не женат, и нам теперь казалось странным, что мы до сих пор как-то не замечали, совершенно упускали из виду такую важную подробность в его жизни*» [Чехов 1974–1982, т. 10: 46]. Такое единодушие учителей можно объяснить не только инстинктами сводничества, но и желанием угодить начальству³.

Знакомство коллектива с Коваленками происходит на именинах директора, в неформальной обстановке, и неудивительно, что именно жена директора распоряжается судьбами подчиненных мужа: с одной стороны, она не директор, но с другой – фигура, облеченная властью по праву личной близости к ней. Она ведет себя как хозяйка салона. «Одним словом, заработала машина» [Чехов 1974–1982, т. 10: 47], – будет сказано в дальнейшем, и это сравнение добавляет сходства гимназическому коллективу с салоном Шерер в «Воине и мире». Директорша попросту назначила Беликова на роль жениха⁴. Возможно, она опасалась, что красота Вареньки не оставит равнодушным директора, и запустила механизм сводничества для собственной безопасности, а возможно, хотела избавиться от новеньких, натравив на них «моралиста» Беликова. Для директорши объектом травли мог быть как Беликов, так и Коваленки. Так или иначе, но директорша доводит свое пожелание до общественности через Буркина. В проект женитьбы Беликова на Вареньке включается, если верить словам Буркина, весь коллектив. Хотя Буркин может и преувеличивать фактор единомыслия: вполне возможно, что он выдает желаемое за действительное.

Позволим себе усомниться в единодушии тех, кто включился в осуществление матриониального проекта. Если бы это было так, проект не провалился бы. Однако вместо женитьбы случилась смерть. В версии, рассказанной Буркиным, Беликов – пугливый зверек, доведенный до смерти карикатурой и нашедший в гробу желаемый футляр. Но так ли уж Беликов стремился к этому окончательному футляру, или это тоже было желание коллег,

¹ О. В. Богданова видит в сцене на велосипеде отсылку к «Обломову» [Богданова 2016: 8].

² О корреляциях рассказа «Палата № 6» с другими чеховскими рассказами мы писали ранее [Иваньшина 2021: 548].

³ «Технологически» мысль о женитьбе Беликова, как ее подает в рассказе Буркин, внедряется в общественное сознание подобно тому, как в «Горе от ума» распространяется сплетня о сумасшествии Чацкого.

⁴ Подобным образом Софья «назначила» Чацкого сумасшедшим.

которые, если верить Беликову, радовались на его похоронах?

С коллегами точно что-то не так, ведь не могли же они одновременно желать Беликову семейного счастья и смерти, подталкивать к венцу и готовить его позор, рисуя карикатуру. Смерть учителя и те события, которые ей предшествуют, опровергают высказанное единодушие педколлектива в отношении Беликова и Вареньки. Возникают закономерные вопросы: кто все-таки выпал из общего хора и расстроил женитьбу?

Тайный недоброжелатель Беликова. Очевидно, что этот тайный недоброжелатель и нарисовал злобную карикатуру на Беликова. Этого рисовальщика Буркин называет уклончиво: «какой-то проказник» [Чехов 1974–1982, т. 10: 49]. Скорее всего, этим проказником был сам Буркин, потому что только тот, кто нарисовал карикатуру, мог знать, сколько было изготовлено копий с нее и почему именно столько (по количеству учителей мужской и женской гимназий и семинарии). Буркин явно хвастается сходством, которое было в рисунке. Задаваясь вопросом, какой предмет преподает в гимназии учитель Буркин, В. Шацев не исключает, что это могло быть рисование [Шацев 2010: 143]. Он же предполагает соперничество Буркина и Беликова в любви [Шацев 2010: 144]. Буркину явно симпатична Варенька, которую он описывает с едва прикрытым восторгом: «не девица, а мармелад, и такая разбитная, шумная, всё поет малороссийские романсы и хохочет» [Чехов 1974–1982, т. 10: 46]. Тогда понятно, почему Буркин хочет расстроить женитьбу и затем радуется устранению Беликова, но непонятно, что мешало ему самому начать ухаживания за Варенькой. Получается, что властной фигурой в гимназии все-таки является директорша, а не Беликов. Или же весь рассказ Буркина – ложь, история, рассказанная в собственное оправдание.

Другими словами, Буркин как рассказчик может высказывать «хоровую» точку зрения среды, которая не просто «заела», но «съела» Беликова, принеся его в жертву как козла отпущения. Но он может выражать и свое собственное мнение, прикрываясь коллективным «мы».

Из рассказа Буркина следует, что после Беликова жизнь в гимназии не изменилась. «Но прошло не больше недели, и жизнь потекла по-прежнему, такая же суровая, утомительная, бестолковая, жизнь, не запрещенная циркулярно, но и не разрешенная вполне; не стало лучше» [Чехов 1974–1982, т. 10: 53]. Но это признание приводит рассказчика не к мукам совести, а к отвлеченному морализаторству, которое в данном случае равносильно уходу от главного вопроса: как все было на самом деле? Потому что в рассказе Буркина все вроде бы и гладко, да не совсем. Получается, что в своей смерти Беликов виноват сам (умер от переживаний). Версия выглядит слишком выдуманной, «травоядной».

Вот как рассказывает Буркин об инциденте, который стал для Беликова роковым: «Коваленко схватил его сзади за воротник и пихнул, и Беликов покатился вниз по лестнице, гремя своими калошами. Лестница была высокая, крутая, но он докатился донизу благополучно; встал и потрогал себя за нос: целы ли очки? Но как раз в то время, когда он катился по лестнице, вошла Варенька и с нею две дамы; они стояли внизу и глядели – и для Беликова это было ужаснее всего. Лучше бы, кажется, сломать себе шею, обе ноги, чем стать посмешищем¹; ведь теперь узнает весь город, дойдет до директора, попечителя, – ах, как бы чего не вышло! – нарисуют новую карикатуру, и кончится все это тем, что прикажут подать в отставку...» [Чехов 1974–1982, т. 10: 52]. Буркин убеждает слушателя, что Беликов умер от того, что над ним посмеялись, однако это тоже вызывает вопросы. Смерть могла быть следствием падения с лестницы, но эту версию он не развивает, настаивая на том, что учителя убил смех (сначала злой смех карикатуриста, потом Вареньки): «И этим раскатистым, залихватным „ха-ха-ха“ завершилось все: и сватовство, и земное существование Беликова. Уже он не слышал, что говорила Варенька, и ничего не видел. Вернувшись к себе домой, он прежде всего убрал со стола портрет, а потом лег и уже больше не вставал» [Чехов 1974–1982, т. 10: 52]. В этом убиении портрета есть что-то литературное. Но откуда Буркин знает об этом жесте? Читатель не может не заподозрить здесь лукавства рассказчика, ведь

¹ Возможно, именно здесь Буркин проговаривается: стараясь убедить слушателя, что Беликов умер от насмешек, он обмолвился об истинной причине смерти (сломанная шея).

умирают не от унижения, тем более если имел место факт падения с лестницы, да еще такого громкого (гремели, по всей видимости, не калоши, а кости бедняги). Поэтому позволительно усомниться в благополучном исходе такого падения¹. Можно предположить, что здесь, как и в «Драме на охоте», истинный виновник трагедии скрыт. Неизвестно, что было между этим «лег» и похоронами, как умирал Беликов. Буркин как будто пытается внушить слушателю, что смерть его – лучший исход: «Теперь, когда он лежал в гробу, выражение у него было кроткое, приятное, даже веселое, точно он был рад, что наконец его положили в футляр, из которого он уже никогда не выйдет. Да, он достиг своего идеала!» [Чехов 1974–1982, т. 10: 52]. Однако здесь напрашивается предположение, что это лучший исход для Буркина, который не скрывает своего удовольствия по поводу смерти соседа и распространяет его на всех присутствующих: «Признаюсь, хоронить таких людей, как Беликов, это большое удовольствие. Когда мы возвращались с кладбища, то у нас были скромные постные физиономии; никому не хотелось обнаружить этого чувства удовольствия, – чувства, похожего на то, какое мы испытывали давно-давно, еще в детстве, когда старшие уезжали из дому и мы бегали по саду час-другой, наслаждаясь полною свободой. Ах, свобода, свобода! Даже намек, даже слабая надежда на ее возможность дает душе крылья, не правда ли? Вернулись мы с кладбища в добром расположении» [Чехов 1974–1982, т. 10: 53]. Очевидно, что свободу здесь чувствует Буркин, который, имея к смерти Беликова некоторое отношение, сложил свою, ему удобную, версию случившегося [Шацев 2010: 144].

Радости, которую вызывает у коллег смерть Беликова² и которая недопустима в любом нормальном сообществе, можно найти объяснение в контексте архаического. О. Фрейденберг отмечает, что в архаических коллективах «акты смерти-убийства царей или жрецов, или детей, или просто смертных не что иное как праздники» [Фрейденберг 1997: 148].

Пародийность. Сам рассказ Буркина очень напоминает пародию на «Шинель»: подобно Башмачкину, Беликов умирает вследствие того, что решился изменить свое привычное существование; пристрастие Башмачкина к буквам (которые кажутся ему живыми) транспонируется в пристрастие Беликова к мертвым языкам; беликовская попытка женитьбы соотносится с башмачкинской попыткой переодевания (новая шинель Башмачкина сравнивается с женой); обе истории объединяет мотив облачения (аналогом шинели становится многократно усиливающий ее мотив футляра). Более подробно сходство двух сюжетов прослеживает М. Эпштейн [Эпштейн 2015]. Однако не будем забывать, что Башмачкин в «Шинели» не является объектом сатиры. Его «футлярность» сакральна и образует антитезу демоническому миру Петербурга³.

Таким образом, в рассказе Буркина можно увидеть не только карикатурное, но и пародийное задание, что выдает в нем человека, причастного литературе. О. Богданова предметом, который преподает Буркин, считает словесность [Богданова 2017: 16]; не исключает литературу и В. Шацев [Шацев 2010: 142]. Однако почему-то мы так и не узнаем, чему он учит гимназистов. Буркин – образец социальной мимикрии, герой, который полностью сливается со средой: он и в сарае невидим для зрителя («Буркин лежал внутри на сене, и его не было видно в потемках» [Чехов 1974–1982, т. 10: 42]), и в своей среде так же неразличим. Способность к мимикрии – видимо, его особенность («Учитель же гимназии Буркин каждое лето гостил у графов П. и в этой местности давно уже был своим человеком» [Чехов 1974–1982, т. 10: 42]). Буркин – лицо самой среды, его персонализация. И эта среда совсем не безобидна. Рассказывает Буркин о Беликове так, как рассказывают об охотничьем трофее. И кто знает, сколько раз до этого случая с Коваленками Буркин становился доверенным лицом начальства и какие поручения исполнял. А может, и директорша тут упоминается как оправдание. В. Шацев отмечает, что и репута-

¹ Именно тему благополучного падения (не разбилась даже очки Беликова) педалирует в рассказе Буркин.

² На удовольствие, с которым рассказано о похоронах Беликова, обращают внимание В. Н. Шацев [Шацев 2010: 135] и О. В. Богданова [Богданова 2017: 16].

³ Об отличии (позитивном) Беликова от обитателей городка, о том, что его футлярность делает его более творческим, пишет Г. Ибатуллина [Ибатуллина 2015: 37].

ция Беликова как тирана, который пятнадцать лет держал в страхе гимназию, создавая там душливую атмосферу, конструируется самим рассказчиком для слушателя, который примет ее безоговорочно [Шацев 2010: 132–133]. Таким слушателем является Иван Иванович Чимша-Гималайский, не имеющий отношения к гимназии, и подобный ему закадровый читатель.

Ненадежные рассказчики-резонеры. В современном чеховедении давно и системно отмечается ненадежность чеховского рассказчика и его слова. А. Д. Степанов, анализируя особенности коммуникации в чеховских произведениях, пишет о том, что «слово героя – это „освещение предмета“, за которым может быть не виден сам предмет», оно может быть обусловлено желанием и идеологией субъекта, выдающего желаемое за действительное [Степанов 2005: 362]. Такой дискурс Степанов называет авторитарным. Еще одна особенность коммуникации заключается в том, что по-настоящему чеховский герой заинтересован только собой: он «счастлив, когда „другой“ возвращает ему его же мысли и вызывает в нем чувство собственной правоты» [Степанов 2005: 319]. Читателя, внимающего рассказу Буркина, должна насторожить его патетика. Кроме того, рассказчика дискредитирует его портрет, который читатель видит, когда герой выходит из сарая. Как верно отмечает О. В. Богданова, Буркин похож на тролля [Богданова 2017: 17]¹, а тролли, как известно, враждебные человеку существа. С Иваном Ивановичем, который в первом рассказе становится слушателем истории, тоже все не просто: и он, как выяснится из второго рассказа трилогии (где он сам рассказчик), обременен завистью к собственному брату.

Но вернемся к зоологическому фону трилогии. В финале рассказа «Человек в футляре» из сарая вместе с Буркиным выходят собаки. В рассказе «Крыжовник» фоновыми животными становятся свиньи. Рассказчику Ивану Ивановичу все кажутся похожими на свиней: и собака брата, и его кухарка, и сам брат, который «того и гляди, хрюкнет в одеяло» [Чехов 1974–

1982, т. 10: 60]. Животные здесь обеспечивают басенность, нравоучительность, сатирический пафос рассказанных историй. Трилогия перегружена разоблачительным (а параллельно и саморазоблачительным) резонерством. При этом все рассказчики трилогии – не резонеры, а псевдорезонеры. Их морализаторские высказывания сродни тем морализаторским высказываниям Беликова, которые приводит Буркин в рассказанной им истории. За этим морализаторством скрывается зависть Буркина к несостоявшемуся счастью женатого (если бы проект директорши был доведен до конца) Беликова или зависть Ивана Чимши-Гималайского к исполнившемуся желанию брата Николая. «Риторическую агитационность» высказывания ветеринара, косвенно свидетельствующую о несогласии с ним автора, отмечает О. В. Богданова [Богданова 2019: 204]. Она же отмечает, что «Чехов умеет тонко дифференцировать нарративные поля автора и героя – и, как правило, они оказываются в противоречии» [Богданова 2019: 206]². Аргументами против Ивана Ивановича О. В. Богданова называет использование общих мест, которые дискредитируют достоверность рассказа, и сценичность обличительных монологов [Богданова 2019: 207–209]. Алехин тоже завидует – Лугановичу, роман с женой которого он переживает гипотетически (и за себя, и за нее)³. Морализаторскими рассуждениями о высших смыслах жизни и любви герои-рассказчики подменяют собственные несостоявшиеся истории. Героев-рассказчиков объединяет желание выглядеть лучше за счет других, несчастье других они обращают в свою пользу.

Маленькая трилогия А. П. Чехова продолжает традицию «Повестей покойного Ивана Петровича Белкина»: в обоих случаях смысл произведения не совпадает ни с одной из эксплицированных точек зрения: в пушкинском цикле это точки зрения героев, заинтересованных в определенной подаче себя (имеются в виду Сильвио, Марья Гавриловна, Вырин и Лиза), и сочувствующих героям (и склонных к чувствительным домыслам) рассказчиков, от

¹ В нынешнем понимании тролль (интернет-тролль) – это как раз тот, кто намеренно провоцирует эмоциональные реакции и манипулирует восприятием.

² О несводимости авторской позиции в рассказе с той, которую вполне определенно занимают рассказчики, пишет и В. И. Тюпа [Тюпа 2009: 198].

³ Толстовский подтекст рассказа «О любви», о котором пишут исследователи, тоже «работает» на Алехина, который, возможно, видит себя несостоявшимся Вронским.

которых, как следует из предисловия Издателя, услышал истории Белкин. В обоих случаях задача читателя заключается в том, «чтобы восстановить выпущенные автором элементы» происшествий и «реконструировать то, что не было отобрано» [Шмид 2013: 28], то есть заполнить зазор, намеренно созданный между происшествием и рассказом о нем. При этом субъектная структура чеховского цикла кажется устроенной не так сложно, как в пушкинских «Повестях...», где каждая история рассказана в несколько приемов, за счет чего создается иллюзия объективности. Однако в обоих случаях версии происшествий, выдвинутые участниками и поддержанные рассказчиками-посредниками (у Чехова эти инстанции совпадают), элиминируются теми версиями и мотивировками, которыми располагает имплицитный автор, рассчитывающий на активного и критичного читателя. Притчеобразные персонажи микросюжетов (вводных историй, рассказанных для «затравки») подобны картинкам в комнате станционного зрителя или эпиграфам к каждой из повестей: это предварительные «настройки» для читателя, которым он вовсе не обязан следовать.

В пушкинском цикле «мы сталкиваемся с текстом, который, предлагая себя читателю, от него удирает, который, прикидываясь исполненным искренности и добродушия, на деле расставляет ему коммуникативные ловушки, вынуждает все время переступать границы написанного и заглядывать за них» [Фаустов 2000: 167]. То же применимо и к чеховской трилогии, но разница в том, что читателю белкинских повестей внушается сочувствие к персонажам, о которых рассказывается (они окружаются героическим, как Сильвио, или сентиментальным, как Вырин, ореолом), а читатель маленькой трилогии, наоборот, «принуждается» к разоблачению, пафос которого нагнетается рассказывающими. Однако никто не заставляет читателя быть таким доверчивым и верить на слово охотникам, склонным к окарикатуриванию своих соперников, которые становятся мишенями для словесной стрельбы. Рассказанные истории подобны невротическим симптомам, которые нуждаются в дешифровке с целью проработки травмы самих рассказчиков: они хоронят своих мертвецов, оправдывая собственные

поступки (или их отсутствие, как в случае с Алахиным), но скелеты выпадают из шкафов, в которых их прячут. Это инстинктивное поведение людей, пытающихся договориться со своей совестью. Инстинкты же приближают человека к животному. Поэтому наличие в трилогии ветеринарного врача – прием социальной диагностики, в пределах которого общество охотников само наделяется зооморфными чертами.

Заключение. Маленькая трилогия Чехова демонстрирует системные творческие установки писателя и приемы, актуализирующие авторскую иронию по отношению к персонажам (присутствующим на сцене, а не отсутствующим, подобно Беликову).

Рассмотрев чеховские охотничьи сюжеты, мы пришли в выводу, что охота в них всегда оказывается внешним поводом для самораскрытия участников (проявляет их инстинктивное поведение), подобна театру и является фабульным шаблоном, обманывающим ожидания читателя.

Тип фабулы (принадлежность рассказов маленькой трилогии к жанру охотничьих) и нарративная структура (серия «рассказов в рассказе») являются сигналами, дающими основания для дискредитации точек зрения персонажей-рассказчиков и сомнения в правдивости рассказанных ими историй. Используя нарративные «ловушки», рассказчики внедряют в сознание слушателей (персонажей, объединенных ситуацией охоты) и читателей выгодные для себя версии жизненных сюжетов, создавая мифы, в которых третьим лицам (Беликову, брату Чимши-Гималайского и мужу Анны Луганович) отводится роль главных мишеней, а вводные микроновеллы используются для «затравки», чтобы задать рассказу нужный обличительный пафос.

Для автора, кругозор которого не совпадает с кругозором персонажей-рассказчиков, объектами иронии являются не жертвы словесной охоты, а сами рассказчики, чье инстинктивное словесное поведение подсвечено зоологическим фоном (что объясняет присутствие в числе персонажей ветеринарного врача). Беликов на этом фоне выглядит белой вороной, принесенной в жертву, подобно персонажу античной драмы.

На маленькую трилогию следует смотреть как на метасюжет, в котором главный оптический фокус переносится на рассказчиков, для которых их рассказы подобны невротическим симптомам: из того, что (а главное – как) они рассказывают, нужно понять, что они скрывают.

Ближайшим чеховским контекстом, актуализирующим смену «настроек» нарратива, является «Драма на охоте», а более широкую рамку задает иронический белкинский цикл Пушкина.

Литература

- Афанасьев, Э. С. Творчество А. П. Чехова: Иронический модус : дис. ... д-ра филол. наук / Афанасьев Э. С. – Ярославль : [б. и.], 1997. – 301 с.
- Афанасьев, Э. С. Феномен художественности: от Пушкина до Чехова : сборник статей / Э. С. Афанасьев. – М. : МГУ, 2010. – 296 с.
- Богданова, О. В. Интертекстуальные аллюзии в рассказе А. П. Чехова «Человек в футляре» / О. В. Богданова // Научный вестник Восточноевропейского национального университета имени Леси Украинки. – 2016. – № 8 (333). – С. 4–9.
- Богданова, О. В. К вопросу о системе образов рассказа А. П. Чехова «Человек в футляре» / О. В. Богданова // Успехи современной науки. – 2017. – Т. 3, № 3. – С. 14–17.
- Богданова, О. В. Новый «футлярный человек» рассказа А. П. Чехова «Крыжовник» / О. В. Богданова // Чеховские чтения в Ялте. Вып. 23: Изучение чеховского наследия на рубеже веков: взгляд из XXI столетия : сборник научных трудов. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2019. – С. 198–215.
- Гинзбург, К. Мифы – эмблемы – приметы: Морфология и история : сборник статей / К. Гинзбург. – М. : Новое издательство, 2004. – 348 с.
- Громов, М. П. Книга о Чехове / М. П. Громов. – М. : Современник, 1989. – 384 с.
- Ибатуллина, Г. М. Человек в параллельных мирах: рефлексия в поэтике чеховской прозы / Г. М. Ибатуллина. – М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2015. – 253 с.
- Иваньшина, Е. А. На пересечении границ: врач в русской литературе / Е. А. Иваньшина // Характерологические стратегии в русской литературе / науч. ред. А. А. Фаустов. – Воронеж : ООО ИПЦ «Научная книга», 2013. – С. 105–155.
- Иваньшина, Е. А. Колесо фабулы и движение сюжета: как работает мотивный комплекс у Чехова / Е. А. Иваньшина // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. – 2021. – Т. 31, № 3. – С. 543–550.
- Каменская, Ю. В. Ирония как компонент идиостиля А. П. Чехова : дис. ... канд. филол. наук / Каменская Ю. В. – Саратов : [б. и.], 2001. – 173 с.
- Одесская, М. М. Русский охотничий рассказ второй половины XIX века (типология, традиции) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Одесская М. М. – Москва : [б. и.], 1993. – 24 с.
- Паркачёва, В. Л. Проза А. П. Чехова 1888–1904 годов: Проблема парадоксального авторского мышления : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Паркачёва В. Л. – М. : [б. и.], 2005. – 26 с.
- Полоцкая, Э. А. О поэтике Чехова / Э. А. Полоцкая. – М. : Наследие, 2000. – 238 с.
- Стенина, В. Ф. Охота в чеховском тексте: ритуал и поведенческие стратегии / В. Ф. Стенина // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 3 (40). – С. 288–290.
- Степанов, А. Д. Проблемы коммуникации у Чехова / А. Д. Степанов. – М. : Языки славянской культуры, 2005. – 400 с.
- Тюпа, В. И. Анализ художественного текста : учебное пособие для студентов филол. факультетов высших учебных заведений / В. И. Тюпа. – М. : Издательский центр «Академия», 2009. – 336 с.
- Фаустов, А. А. Авторское поведение Пушкина. Очерки / А. А. Фаустов. – Воронеж : ВГУ, 2000. – 322 с.
- Фрейденберг, О. М. Поэтика сюжета и жанра / О. М. Фрейденберг. – М. : Лабиринт, 1997. – 448 с.
- Хохлова, Н. А. Об особенностях концепта охоты в рассказах А. П. Чехова первой половины 1880-х гг. / Н. А. Хохлова // Вестник Томского государственного университета. – 2015. – № 400. – С. 11–19.
- Чехов, А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Сочинения : в 18 т. / А. П. Чехов. – М. : Наука, 1974–1982.
- Шацев, В. Н. Маленькая трилогия А. П. Чехова: литературная традиция XIX века и проблема рассказчика : дис. ... канд. филол. наук / Шацев В. Н. – СПб. : [б. и.], 2010. – 212 с.
- Шмид, В. Проза Пушкина в поэтическом прочтении: «Повести Белкина» и «Пиковая дама» / В. Шмид. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2013. – 356 с.
- Эпштейн, М. Ирония идеала: парадоксы русской литературы / М. Эпштейн. – М. : Новое литературное обозрение, 2015. – 384 с.

References

- Afanasyev, E. S. (1997). *Tvorchestvo A. P. Chekhova: Ironicheskii modus* [Creativity of A. P. Chekhov: Ironic Mode]. Dis. ... d-ra filol. nauk. Yaroslavl. 301 p.
- Afanasyev, E. S. (2010). *Fenomen khudozhestvennosti: ot Pushkina do Chekhova* [The Phenomenon of Artistry: From Pushkin to Chekhov]. Moscow, MGU. 296 p.

Bogdanova, O. V. (2016). Intertekstual'nye allyuzii v rasskaze A. P. Chekhova «Chelovek v futlyare» [Intertextual Allusions in A. P. Chekhov's Short Story "The Man in a Case"]. In *Nauchnyi vestnik Vostochnoevropeiskogo natsional'nogo universiteta imeni Lesi Ukrainki*. No. 8 (333), pp. 4–9.

Bogdanova, O. V. (2017). K voprosu o sisteme obrazov rasskaza A. P. Chekhova «Chelovek v futlyare» [On the Question of the System of Images of A. P. Chekhov's Short Story "The Man in a Case"]. In *Uspekhi sovremennoi nauki*. Vol. 3. No. 3, pp. 14–17.

Bogdanova, O. V. (2019). Novyi «futlyarnyi chelovek» rasskaza A. P. Chekhova «Kryzhovnik» [The New "Case Man" of A. P. Chekhov's Short Story "Gooseberry"]. In *Chekhovskie chteniya v Yalte. Issue 23: Izuchenie chekhovskogo naslediya na rubezhe vekov: vzglyad iz XXI stoletiya: sbornik nauchnykh trudov*. Simferopol, IT «ARIAL», pp. 198–215.

Chekhov, A. P. (1974–1982). *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t. Sochineniya: v 18 t.* [Complete Works and Letters, in 30 vols. Essays, in 18 vols]. Moscow, Nauka.

Epshteyn, M. (2015). *Ironiya ideala: paradoksy russkoi literatury* [The Irony of the Ideal: Paradoxes of Russian Literature]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 384 p.

Faustov, A. A. (2000). *Avtorskoe povedenie Pushkina. Ocherki* [The Author's Behavior of Pushkin. Essays]. Voronezh, VGU. 322 p.

Freydenberg, O. M. (1997). *Poetika syuzheta i zhanra* [Poetics of Plot and Genre]. Moscow, Labirint. 448 p.

Ginzburg, K. (2004). *Mify – emblemy – primety: Morfologiya i istoriya* [Myths – Emblems – Omens: Morphology and History]. Moscow, Novoe izdatel'stvo. 348 p.

Gromov, M. P. (1989). *Kniga o Chekhove* [Book about Chekhov]. Moscow, Sovremennik. 384 p.

Ibatullina, G. M. (2015). *Chelovek v parallelnykh mirakh: refleksiya v poetike chekhovskoi prozy* [A Man in Parallel Worlds: Reflection in the Poetics of Chekhov's Prose]. Moscow, Berlin, Direkt-Media. 253 p.

Ivanshina, E. A. (2013). Na peresechenii granits: vrach v russkoi literature [At the Border Crossing: A Doctor in Russian Literature]. In Faustov, A. A. (Ed.). *Kharakterologicheskie strategii v russkoi literature*. Voronezh, OOO IPTs «Nauchnaya kniga», pp. 105–155.

Ivanshina, E. A. (2021). Koleso fabuly i dvizhenie syuzheta: kak rabotaet motivnyi kompleks u Chekhova [The Wheel of the Plot and the Movement of the Plot: How Chekhov's Motivic Complex Works]. In *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya*. Vol. 31. No. 3, pp. 543–550.

Kamenskaya, Yu. V. (2001). *Ironiya kak komponent idiositilya A. P. Chekhova* [Irony as a Component of Chekhov's Idiosyncrasy]. Dis. ... kand. filol. nauk. Saratov. 173 p.

Khohlova, N. A. (2015). Ob osobennostyakh kontsepta okhoty v rasskazakh A. P. Chekhova pervoi poloviny 1880-kh gg. [About the Peculiarities of the Concept of Hunting in the Stories of A. P. Chekhov in the First Half of the 1880s]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 400. pp. 11–19.

Odesskaya, M. M. (1993). *Russkii okhotnichii rasskaz vtoroi poloviny XIX veka (tipologiya, traditsii)* [Russian Hunting Story of the Second Half of the 19th Century (Typology, Traditions)]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moscow. 24 p.

Parkacheva, V. L. (2005). *Proza A. P. Chekhova 1888–1904 godov: Problema paradoksal'nogo avtorskogo myshleniya* [A. P. Chekhov's Prose of 1888–1904: The Problem of Paradoxical Author's Thinking]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moscow. 26 p.

Polotskaya, E. A. (2000). *O poetike Chekhova* [About Chekhov's Poetics]. Moscow, Nasledie. 238 p.

Shatsev, V. N. (2010). *Malen'kaya trilogiya A. P. Chekhova: literaturnaya traditsiya XIX veka i problema rasskazchika* [Chekhov's Little Trilogy: The Literary Tradition of the 19th Century and the Problem of the Narrator]. Dis. ... kand. filol. nauk. Saint Petersburg. 212 p.

Shmid, V. (2013). *Proza Pushkina v poeticheskom prochtenii: «Povesti Belkina» i «Pikovaya dama»* [Pushkin's Prose in Poetic Reading: "Belkin's Stories" and "The Queen of Spades"]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo SPbGU. 356 p.

Stenina, V. F. (2013). Okhota v chekhovskom tekste: ritual i povedencheskie strategii [Hunting in the Chekhov Text: Ritual and Behavioral Strategies]. In *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. No. 3 (40), pp. 288–290.

Stepanov, A. D. (2005). *Problemy kommunikatsii u Chekhova* [Chekhov's Communication Problems]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury. 400 p.

Tyupa, V. I. (2009). *Analiz khudozhestvennogo teksta* [Analysis of a Literary Text]. Moscow, Izdatel'skii tsentr «Akademiya». 336 p.

Данные об авторе

Иваньшина Елена Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы, Воронежский государственный педагогический университет (Воронеж, Россия).

Адрес: 394024, Россия, Воронеж, ул. Ленина, 86.

E-mail: sergiencou@yandex.ru.

Author's information

Ivanshina Elena Alexandrovna – Doctor of Philology, Professor of Department of Theory, History and Methodology of Teaching Russian Language and Literature, Voronezh State Pedagogical University (Voronezh, Russia).

ТРАЕКТОРИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА XX ВЕКА



УДК 821.161.1-1(Пастернак Б.). DOI 10.51762/1FK-2022-27-04-11. ББК Ш33(2Рос=Рус)6-8,445.
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 10.01.08 (5.9.3)

ПОЭТИКА ЭНИГМАТИЧЕСКОГО ТЕКСТА В СТИХОТВОРЕНИИ Б. ПАСТЕРНАКА «ИЮЛЬ»

Игошева Т. В.

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7988-204X>

Аннотация. В статье представлен анализ стихотворения «Июль», вошедшего в состав поэтической книги Б. Л. Пастернака «Когда разгуляется» (1956–1959), с целью выявления приемов и принципов поэтики энигматического текста, реализованных в нем. В сюжетно-композиционном смысле оно организовано с использованием морфологических элементов загадки, как иносказательный текст, где июль одновременно является объектом и сокрытия, и отгадки. Сюжет лирического произведения построен таким образом, что первая его часть, обращенная к описанию июля, скрывает его, не называя прямо; финальная же часть дает разгадку и прямую номинацию предмета лирического описания. Для анализа поэтического текста используются структурно-семиотический, типологический и функциональный подходы. В процессе анализа выявлены основные принципы энигматической поэтики, на которые опирался автор при создании стихотворения «Июль». Принцип репрезентации выражен в пастернаковском произведении замещением определяемого явления (июль) другими объектами (привиденье, домовая, призрак и др.). Принцип персонификации отвлеченного понятия способствует приданию образам-субститутам чувственно воспринимаемых черт и свойств («привидение бродит», «домовая крадется к кровати, срывает скатерть со стола» и т. п.). Заместительная номинация как прием также принимает участие в организации стихотворения Пастернака и в рамках поэтики энигматического текста призвана увести читателя по ложному пути, не способному привести к правильной разгадке. Кроме того, в статье установлено, что типологически архитекtonика стихотворения «Июль» является своеобразной проекцией ряда сюжетно-композиционных элементов античной трагедии, которые, в свою очередь, нередко содержали энигму, на что указывала в своих работах О. М. Фрейденберг. Поэтика энигматического текста неслучайна в творчестве Пастернака и обладает системным характером, являясь внешним, эстетическим выражением его глубинного мировоззрения, в центре которого находится идея бытия как загадки, как энигматического текста.

Ключевые слова: русская поэзия; русские поэты; поэтическое творчество; лирические жанры; стихотворения; архитекtonика; энигматические тексты

Для цитирования: Игошева, Т. В. Поэтика энигматического текста в стихотворении Б. Пастернака «Июль» / Т. В. Игошева. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2022. – Т. 27, № 4. – С. 125–132. – DOI: 10.51762/1FK-2022-27-04-11.

ENIGMATIC TEXT POETICS IN THE POEM “JULY” BY BORIS PASTERNAK

Tatyana V. Igosheva

Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg, Russia)ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7988-204X>

Summary. The article presents an analysis of the poem «July», included in the poetic book of Boris Pasternak “When It Clears Up” (1956–1959). The main purpose of this study is to identify the techniques and principles of the poetics of the enigmatic text, vividly implemented in it. The enigmatic text is a certain kind of language game undertaken in a fiction text, which is based on the technique of “estrangement”. Its task is to organize a special perception of an object or phenomenon, to create its “vision”, and not “recognition” (B. Shklovsky) and to present it in a fiction text as something strange, as if seen for the first time. The article establishes that, in terms of plot and composition, Pasternak’s poem has two parts and is organized with the help of morphological elements of such an enigmatic genre as riddle. The lyrical work is constructed as an allegorical text, in which July, the central object of artistic description, is simultaneously an object of initial concealment and subsequent discovery. The publication demonstrates that the plot of the lyrical work is constructed in such a way that in its first part Pasternak, describing July, actually hides the object of the description; the poet implements a creative strategy of evading its direct nomination, and, as a result, creates an artistic image that is far from simple recognition. The second part of the poem under analysis contains a clue, and the object of the lyrical description is directly named. Structural-semiotic, typological and functional approaches are used to analyze the poetic text. In the process of analysis, the main principles of enigmatic poetics are revealed, on which the author relied when creating the poem “July”. The principle of representation is expressed in Pasternak’s work by replacing the phenomenon being defined (July) with other objects (ghost, brownie, specter, etc.). The principle of personification of an abstract concept contributes to giving the images-substitutes sensually perceived traits and properties (“*a ghost wanders*”, “*a brownie sneaks to the bed, tears the tablecloth off the table*”, etc.). Substitutive nomination as a technique also takes part in the organization of Pasternak’s poem and, within the framework of the poetics of an enigmatic text, is designed to lead the reader along a false path that cannot lead to the solution. In addition, the article establishes that typologically the architectonics of the poem “July” is a kind of projection of a number of plot and compositional elements of the ancient tragedy, which, in turn, often contained enigma, as O. M. Freudenberg noted in her works. The poetics of the enigmatic text is not accidental in Pasternak’s work and has a systemic character, being an external, aesthetic expression of his deep worldview, in the center of which is the idea of existence in the form of a riddle, or an enigmatic text.

Key words: Russian poetry; Russian poets; poetic creative activity; lyrical genres; poems; architectonics; enigmatic texts

For citation: Igosheva, T. V. (2022). Enigmatic Text Poetics in the Poem “July” by Boris Pasternak. In *Philological Class*. Vol. 27. No. 4, pp. 125–132. DOI: 10.51762/IFK-2022-27-04-11.

Поэтика энигматического текста в последнее время привлекает к себе достаточно активное внимание филологов: со стороны как лингвистов [Денисова 2008; Новикова 2020; Новикова 2021; Селиванова 2014 и др.], так и литературоведов [Струкова 2014; Струкова 2019; Третьяков 2015 и др.]. Энигматический текст – текст с особой организацией, предполагающей вопросно-ответную структуру, активную метафоризацию образов, а также двойную стратегию: шифровки, призванной увести от разгадки, и подсказки, подталкивающей к ней. Классическим образцом энигматического текста является загадка.

Создание стихотворного текста по принципу загадки – один из древнейших элементов поэтики, известный еще античной и римской литературе [Струкова 2014]. Известен он был

и русской народной поэзии. Литературная поэзия в России начала осваивать его в XVIII в., прежде всего в тот период, когда формировалась и разрабатывалась лирическая жанровая система. Жанр стихотворной загадки, исполнявшей дидактическую функцию в эпоху Просвещения, как указывают исследователи, был достаточно распространенным [Струкова 2019: 132]. Весьма популярным он оставался и в ходе своего дальнейшего развития в XIX–XX вв., хотя по сравнению с XVIII в. у него изменилась как целевая аудитория (главным адресатом стихотворной загадки стали дети), так и функция (в большей степени она стала носить развлекательный характер) [Струкова 2019: 134].

Совершенно иную картину можно наблюдать при обращении к высокой лирике (а не

собственно к жанру стихотворной загадки), которая подчиняет морфологию и поэтику загадки уже собственно эстетическим, а не развлекательно-дидактическим задачам. Серьезная лирика начала проявлять массовый интерес к различным способам построения энигматического текста на рубеже XIX–XX вв., хотя отдельные опыты по сращиванию лирического сюжета с энигматическими образами и мотивами можно обнаружить и у поэтов XIX в., например у М. Ю. Лермонтова или А. А. Фета.

М. Л. Гаспаров в своей работе «Поэтика серебряного века» обратил внимание на то, что поэты новой формации – и символисты, и футуристы, и акмеисты (безусловно, каждый по-своему) – гораздо более активно начали прибегать к энигме с целью достижения новой, еще небывалой художественной выразительности [Гаспаров 1998: 20–25]. В качестве образцов текстов с «затемненным» смыслом Гаспаров назвал такие стихотворения, как «Творчество» (1895) В. Брюсова, «Идеал» (1904) Ин. Анненского, «Театры» (1913) В. Маяковского, «Домби и сын» (1913 (1914?)) О. Мандельштама и др. Лирические произведения Пастернака в этом ряду остались названными. Поэтому цель настоящей статьи – на примере одного стихотворения продемонстрировать, что автор «Сестры моей – жизни» не был чужд тенденции создавать смысловые затемнения¹, а также выявить некоторые особенности его энигматической поэтики.

Среди стихотворений подобного рода находится и хрестоматийно известное – «Июль» (1956), входившее в состав сборника «Когда разгуляется»:

По дому бродит привиденье.
Весь день шаги над головой.
На чердаке мелькают тени.
По дому бродит домовой.

Везде болтается некстати,
Мешается во все дела,
В халате крадется к кровати,
Срывает скатерть со стола.

Ног у порога не обтерши,
Вбегаёт в вихре сквозняка
И с занавеской, как с танцоршей,
Взвивается до потолка.

Кто этот баловник-невежа
И этот призрак и двойник?
Да это наш жилец приезжий,
Наш летний дачник-отпускник.

На весь его недолгий роздых
Мы целый дом ему сдаем.
Июль с грозой, июльский воздух
Снял комнаты у нас внаем.

Июль, таскающий в одежде
Пух одуванчиков, лопух,
Июль, домой сквозь окна вхожий,
Всё громко говорящий вслух.

Степной нечесаный растреп,а,
Пропахший липой и травой,
Ботвой и запахом укропа,
Июльский воздух луговой.

Июль – энигматический образ пастернаковского стихотворения (предмет сокрытия и предмет разгадки – одновременно) – создан при помощи приема остранения, который, по мнению Л. Флейшмана, проманифестирован поэтом в «Охранной грамоте» в качестве основополагающего в его творчестве [Флейшман 2003: 147]. Однако необходимо отметить, что эффект остранения, добиться которого можно весьма различными путями, в стихотворении «Июль» достигается тем, что автор организует его по модели энигматического текста. Перед нами, собственно говоря, стихотворение-загадка, сюжет которого развивается поэтапно: его первая часть представляет собой этап загадывания, вторая – стадию разгадки. Несмотря на то, что раскрытием энигмы, строго говоря, является уже заглавие лирического произведения, читатель, только приступающий к чтению разбираемого стихотворения, еще не догадывается об этом. Между тем первоначально название было иным – «Лето» [Пастернак 1956: 76] – что не только не помогало, но даже затрудняло, запутывало процесс разгадывания, и это, по-видимому, стало одной из причин замены заглавия в окончательном тексте стихотворения, произведенной автором.

¹ Достаточно, к примеру, назвать всего несколько текстов, в которых энигматика присутствует на разных уровнях его организации; это такие хорошо известные стихотворения, как «Февраль. Достать чернил и плакать...» (1912), «Определение поэзии» (1917), «Давай ронять слова...» (1917) и мн. другие.

Программа кодирования первой части стихотворения, представляющей собой иносказательное описание, основана на нескольких принципах, характерных именно для энигматического текста. Во-первых, – *принципе репрезентации*, характерном для морфологии загадки: замещения определяемого явления (июль) другими объектами-субститутами. В первых трех строках стихотворения образы *привидения*, *домового* и *неназванного*, а лишь угадываемого *танцора*, являясь такими образами-субститутами, выполняют репрезентирующую функцию, отсылая к другому объекту, непосредственно не связанному с ними, и который еще только предстоит угадать. Функцией же репрезентируемого наделяется *неназванный* прямо в первой части текста *июль*, намеренно скрываемый, утаиваемый автором в начале стихотворения. Таким образом, репрезентация в тексте пастернаковского стихотворения организует особый процесс опосредованного познания отсутствующего, прямо не названного объекта описания как познания энигматического, причем описание энигматических персонажей столь самодостаточно, что в процессе чтения первых трех строк стихотворения читатель может вовсе не подозревать, что это образы-субституты, а вовсе не главный объект лирического описания; они призваны быть лишь заместителями объекта загадывания, как это и происходит в структуре классической загадки. Однако если в архаической загадке объект загадывания описывался через другие предметы и явления по причине табуирования, распространявшегося в том числе на сезонную смену времени и природную цикличность, у Пастернака инкорпорирование модели загадки в собственный поэтический текст, шифрующий один из летних месяцев, носит иной – эстетический и игровой – характер.

Во-вторых, не менее важен в стихотворении *принцип персонификации отвлеченного понятия*. А. В. Юдин в своей работе, посвященной ономастикону загадок, сделал важное наблюдение: «Одним из основных способов создания „заместительных концептов“ в восточнославянских загадках является персонификация (и антропоморфизация как ее разновидность)». [Юдин 2007: 11]. Отвлеченное понятие *июль* в стихотворении Пастернака замещается, но не другими отвлеченными понятиями, а опреде-

ленно обрисованными персонажными образами. Автор придает им чувственно воспринимаемые черты и свойства: «привидение бродит», «домовой крадется к кровати, срывает скатерть со стола», танцор «ног у порога не обтерши, / Вбегает в вихре сквозняка / И с занавеской, как с танцоршей, / Взвивается до потолка».

В-третьих, значимую роль в стихотворении играет и *заместительная номинация*. Не только описание, но и само *называние* образов-субститутов выполняет функцию замещения. Наименование *июля* «чужими» именами, выступающими в структуре загадки именами-эквивалентами, – *привидения* и *домового* (в этом ряду отсутствует не названный, хотя и образно воплощенный *танцор*), – последовательно сменяющимися друг друга, формирует событийный ряд лирического сюжета стихотворения. Кроме того, заместительные наименования, с одной стороны, здесь призваны в гораздо большей степени увести в сторону, усложняя процесс угадывания в репрезентирующем – репрезентируемом, чем действительно намекнуть на разгадку. В четвертой же строфе, выполняющей переходную функцию от первой ко второй части поэтического текста, появляется еще один, новый ряд номинаций, также относящихся к загаданному персонажу: «баловник-невежа», «призрак», «двойник», «жилец приезжий», «дачник-отпускник». В этом ряду понятие «призрак» перекликается с «привидением» и отчасти с невидимым «домовым», представленными в первой части стихотворения, понятие же двойник стоит особняком и не имеет смысловых сближений с номинациями первой части, а «баловник-невежа», «жилец приезжий» и «дачник-отпускник» лишаются всяких мистических свойств и становятся откровенно бытовыми и приземленными. Между тем в первых двух стихах четвертой строфы, содержащих вопросительную конструкцию («Кто этот баловник-невежа / И этот призрак и двойник?»), *призрак* и *двойник*, собственно говоря, продолжают развивать номинативный сюжет первой части стихотворения, по-прежнему уводящий в сторону от разгадки. А третий и четвертый стихи, содержащие ответ (а на самом деле, – квазиответ, поскольку подлинный ответ будет дан ниже, в пятой–седьмой строках стихотворения), в какой-то степени приближают читателя к разгадке за счет «летней»,

«дачной», «отпускной» семантики номинативных определений.

С. Сендерович, исследовавший в своей монографии морфологию загадки, выдвинул весьма продуктивное для филологического анализа понятие «фигура сокрытия» [Сендерович 2008: 106], имея в виду такую фигуру речи, главной задачей которой становится не выявление объекта описания, а его сокрытие. По Сендеровичу, загадка и организуется при помощи фигуры сокрытия; она описывает загаданный предмет или явление, но делает это таким образом, что они остаются сокрытыми этим описанием-репрезентацией, главной функцией которого оказывается замещение. Если воспользоваться понятием Сендеровича, то можно сказать, что фигура сокрытия реализована и в иносказательном описании первых трех строф пастернаковского стихотворения; она объединяет в лирическом сюжете трех различных персонажей, последовательно сменяющих друг друга. Вместе с тем при всем их несхождении друг с другом (привидение, домовый, танцор), они обладают и чертами, сближающими их. Смысловое стягивание этих различных образов к одному семантическому центру происходит на основе их подчеркнутого автором стихотворения раскованного, летнего (не городского) поведения, которое возможно определить как игру, баловство, хулиганство, нарушение заведенного порядка и пр.

Итак, образно-номинативный ряд первой части стихотворения «Июль», организующий самой последовательностью наименований как бы самостоятельный сюжет (привиденье – домовый – танцор – баловник-невежа – призрак – двойник – жилец приезжий – летний дачник-отпускник), движется, начиная от далековатых номинативных эквивалентов, к тем, которые призваны намекнуть и подвести к подлинной разгадке, данной автором в пятой–седьмой строфах стихотворения. При этом слово-разгадка *июль* (в отличие от традиционной загадки, где предполагается однократное произнесение разгадки) в финальной части лирического текста присутствует многократно: оно трижды повторено анафорой и, кроме того, намеренно усилено еще и лексическим повтором словосочетания «июльский воздух».

Между тем энигматический текст стихотворения Пастернака «Июль» интересен не только

тем, что он морфологически уподоблен загадке, но еще и тем, что в нем довольно своеобразно отражены некоторые элементы античной трагедии, строившейся, как известно, по довольно строгим сюжетно-композиционным правилам [Гаспаров 1997: 449–450]. М. Л. Гаспаров подчеркивал, что отдельные элементы трагедии были чрезвычайно устойчивы в своем оформлении: «это те звенья, блоки общей конструкции, которыми автор может оперировать как готовыми или почти готовыми, не задумываясь каждый раз над изобретением их заново» [Гаспаров 1997: 449]. Известно, что Пастернак, вошедший в историю литературы не только своим оригинальным творчеством, но и переводами драматургических произведений, также уделял внимание и исследованиям античной трагедии, проводившимся его двоюродной сестрой О. М. Фрейденберг. В частности, этот интерес нашел отражение в их переписке. Так, О. М. Фрейденберг в письме Пастернаку от 27 мая 1953 г. писала: «Я работаю последние годы над эстетикой античного художественного образа. Мой матерьял – трагедия. Между прочим, проблема хора особенно в ней трудна, даже чисто внешне: диалектальность, архаика мысли, образов, оборотов» [Пожизненная привязанность 2000: 345]. В письме от 12 июля 1953 г. Пастернак вполне профессионально включался в обсуждение вопроса устройства античной трагедии: «В твоём письме очень важно то, что ты говоришь о трагедии и хорах. Как я что-то из мира этих представлений преследовал в триметрах и хорах третьего акта второй части! И затем, загробные обрядности пятого акта. Ах, какое счастье было биться над выражением этого всего, чтобы оно пело, дышало, существовало. У Гете и у меня лучше всего получилось самое трудное, немислимое и неисполнимое: загробный греческий мир третьего акта...» [Пожизненная привязанность 2000: 346].

При учете подобного интереса представляется неслучайным обнаружение в стихотворении Пастернака определенного типологического сходства с античной драмой. Организация первой части пастернаковского стихотворения представляет собой *рассказ* о нарушении привычного порядка, о том странном и необычном, что происходит в доме при участии привиденья, домового и танцора. В сюжет-

но-композиционном смысле эту часть поэтического текста можно соотнести, как представляется, с одним из древнейших элементов трагедии – монологическим *рассказом вестника* (безымянного персонажа античной трагедии), обращенным к хору, который носит эпический характер, поскольку в этом рассказе передаются только события, а не его собственное отношение к ним [Зелинский 1915: XXXVI]. Функция рассказа вестника – посвящение в событие, которое будет различным образом комментироваться и переживаться в ходе трагедии, – в определенном смысле аналогична функции первой части пастернаковского стихотворения – сделать читателя причастным, посвятить его в странные события, происходящие в дачном доме без участия людей.

Четвертая строфа стихотворения «Июль», занимающая центральное положение в его сюжетно-композиционной организации и имеющая вопросно-ответную форму высказывания субъекта речи, типологически может быть соотнесена с другим элементом, который в древнегреческой трагедии следовал сразу после рассказа вестника, – *стихомифией*. «Второй основной частью диалога, – пояснял Ф. Зелинский, одним из первых в русской филологии изучавший строение античной трагедии, – была издревле стихомифия. Рассказ вестника давал корифею повод ставить ему вопросы, на которые тот отвечал; при любви старинной драмы к симметрии ответ своими размерами соответствовал вопросу, заполняя подобно ему один стих. Так стих следовал за стихом при чередовании собеседников на протяжении двадцати, тридцати стихов и более <...>» [Зелинский 1915: LXII]. При обращении к пастернаковскому тексту действительно видно, что вопросно-ответная конструкция четвертой строфы имеет признаки стихомифии, а если точнее – дистихомифии, поскольку и вопрос, и ответ в этой строфе занимают не по одному, а по два стиха¹:

Кто этот баловник-невежа
И этот призрак и двойник?
Да это наш жилец приезжий,
Наш летний дачник отпускник.

Для нашей темы также важным является наблюдение, сделанное О. М. Фрейденберг, о том, что своей вопросно-ответной структурой «стихомифия близка по структуре загадке» [Фрейденберг 1997: 164]. Данное утверждение позволяет сделать заключение, что организация четвертой строфы пастернаковского стихотворения (соответствующей формам и загадки, и стихомифии) своими корнями уходит одновременно к двум архаическим видам художественной речи – загадке и стихомифии античной трагедии, сюжетное развитие которых происходило от неявного к явному, от энигмы к алетейе.

В архитектонике античной трагедии после стихомифии следовал лирический *стасим* (*песнь хора*), в котором зачастую толковался смысл событий или ожидаемых последствий, выражалось сочувствие хора к главному лицу пьесы [Энциклопедический словарь 1901: 465]. Стасимом начинались и заканчивались отдельные акты трагедии. Зелинский, подчеркивая внутреннюю связь между тремя частями трагедии, отмечал: «...поставленная между *речью* и *стасимом* стихомифия с ее естественно возбужденным характером была подобающим переходом от эпического спокойствия первой к лиризму второй» [Зелинский 1915: LXVI].

Заключительные три строфы пастернаковского стихотворения по своей выявляющей функции в определенном смысле напоминают не только разгадку заданной энигмы, но и стасим античной трагедии, поскольку в них разъясняется, кто такой на самом деле этот некто, определяемый в первой части «Июля» приведением, домовым, танцором, во второй части (соотносимой с переходной дистихомифией) – с жильцом приезжим и дачником-отпускником. Известно, что стасим – песнь хора, исполнявшаяся в унисон. Довольно любопытно, что субъектом речи заключительной части стихотворения Пастернака также выступает коллективно-хоровое «мы», от имени которого ведется это лирическое объяснение («Мы целый дом ему сдаем»; «Снял комнаты у нас внаем»). Таким образом, финальная часть стихотворения «Июль» функционально подобна стасиму античной трагедии не только своим

¹ См. определение О. М. Фрейденберг: «Стихомифия – форма драматического диалога, в котором диалогисты проносят по одной метрической строке (иногда по две, см. дистихомифия)» (Электронный архив О. М. Фрейденберг. URL: <http://freidenberg.ru/Tags/Terminy/RST/Stixomifija> (дата обращения 23.07.2022)).

срединным расположением, но также и своей объясняющей функцией, и хорovým статусом.

Каким же образом энигматическая поэтика стихотворения «Июль» и своеобразно усвоенные и переработанные в его составе сюжетно-композиционные элементы античной трагедии соотносятся с мировоззрением Пастернака? Думается, что прихотливая поэтика его лирического произведения является непосредственной эстетической проекцией его творческого сознания, в центре которого всегда располагалась коллизия «человек и вселенная». Природа у Пастернака живет самостоятельной, во многом тайной и не зависимой от человека жизнью, которую можно лишь созерцать, не вмешиваясь в ее течение. Мировое бытие для Пастернака – великая тайна, энигматическая книга, предлагающая разгадать загадку бытия: «Если творцы классического реализма стремились, как правило, внести максимальную ясность в представляемую ими картину жизни, то у Пастернака энигматичность бытия сохраняется принципиально нераскрываемой, ее сокровенность – утверждается» [Поэтика «Доктора Живаго» 2014: 40]. Неслучайно у Пастернака язык природы – это язык самого бытия: «Речь половодья – бред бытия» (из стихотворения «Опять весна», 1941 г.). Можно сказать, что для Пастернака эмпирический мир

при всей своей явленности, зрелищности, театральности – это тоже фигура сокрытия, образное воплощение, репрезентация неявленного напрямую творца этого мира. Мысль об извечном соотношении скрытого и явного Пастернак и передал в энигматически организованном тексте своего стихотворения, где человек соглядатаем подсматривает за «игрой» природной жизни. Своеобразная ориентация «Июля» на античную трагедию эстетически как раз и отражает излюбленную идею Пастернака о том, что природа является «образцом артистизма существования» [Мусатов 2016: 690], а развертывание бытия оказывается сродни театральному представлению, поскольку у мироздания также имеются режиссер, замысел пьесы, а также актеры, которые должны угадать и сыграть свою роль в жизненной драме. Однако в отличие от античной трагедии (в частности, «Эдип» Софокла), которую Голосовкер определил как «трагедию слепоты и прозрения» [Голосовкер 1987: 54], у Пастернака в стихотворении «Июль» доминирует чувство не бессилия перед роком, а благоговение перед творческой силой природы, торжество и радость, возникающие при переходе от слепоты к прозрению, от загадки к отгадке, от тайны бытия – к пониманию ее сокровенных законов и чувства сопричастности к ней.

Литература

- Гаспаров, М. Л. Поэтика серебряного века / М. Л. Гаспаров // Гаспаров М. Л. Русская поэзия «серебряного века», 1890–1917: Антология. – М.: Наука, 1998. – С. 5–44.
- Гаспаров, М. Л. Сюжетосложение древнегреческой трагедии / М. Л. Гаспаров // Гаспаров М. Л. Избранные труды. Т. I. О поэтах. – М.: Языки русской культуры, 1997. – С. 449–482.
- Голосовкер, Я. Э. Логика мифа / Я. Э. Голосовкер. – М.: Наука, 1987. – 218 с.
- Денисова, Е. А. Структура и функции энигматического текста: на материале русских загадок и кроссвордов : автореф. ... канд. филол. наук / Денисова Е. А. – М., 2008. – 27 с.
- Зелинский, Ф. Ф. Софокл и героическая трагедия / Ф. Ф. Зелинский // Софокл. Драмы. Т. 2. – М., 1915. – С. VII–LXXVI.
- Мусатов, В. В. Пушкинская традиция в русской поэзии первой половины XX века / В. В. Мусатов. – М.: Азбуковник, 2016. – 720 с.
- Новикова, К. А. К вопросу о трактовке понятия «энигматический текст» в лингвистических исследованиях / К. А. Новикова // Германистика в современном научном пространстве : материалы VI Международной научно-практической конференции. – Краснодар, 2020. – С. 155–159.
- Новикова, К. А. Явление синонимии в корпусе энигматических текстов / К. А. Новикова // Германистика в современном научном пространстве : материалы VII международной научно-практической конференции. – Краснодар, 2021. – С. 182–188.
- Пастернак, Б. Стихотворения / Б. Пастернак // Знамя. 1956. – № 9. – С. 76.
- Пожизненная привязанность. Переписка с О. М. Фрейденом / [Б. Пастернак]. – М.: Арт-Флекс, 2000. – 416 с.
- Поэтика «Доктора Живаго» в нарратологическом прочтении : коллективная монография / под ред. В. И. Тюпы. – М.: Intrada, 2014. – 512 с.
- Селиванова, Е. А. Категориальная система кроссворда как дискурсивного жанра энигматики / Е. А. Селиванова // Язык. Текст. Дискурс. Вып. 12 (ч. 2). – Ставрополь : Изд-во СКФУ, 2014. – С. 7–23.
- Сендерович, С. Я. Морфология загадки / С. Я. Сендерович. – М.: Языки славянской культуры, 2008. – 208 с.
- Струкова, Т. В. Жанр загадки в античной и поздней латинской поэзии на материале загадок Клебула и Симфония / Т. В. Струкова // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2014. – № 1 (57). – С. 282–286.

Струкова, Т. В. Этапы становления энigmatических жанров в русской поэзии / Т. В. Струкова // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2019. – № 1 (82). – С. 131–135.

Третьяков, Е. О. Образ Чичикова как онтологическая загадка: феномен энigmatического характера танатологии «Мертвых душ» Н. В. Гоголя / Е. О. Третьяков // Имагология и компаративистика. – 2015. – № 1 (3). – С. 127–142.

Флейшман, Л. Борис Пастернак в двадцатые годы / Л. Флейшман. – СПб. : Академический проект, 2003. – 464 с.

Фрейденберг, О. М. Поэтика сюжета и жанра / О. М. Фрейденберг. – М. : Лабиринт, 1997. – 448 с.

Энциклопедический словарь. Т. XXXI / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб., 1900. – 499 с.

Юдин, А. В. Ономастикон восточнославянских загадок / А. В. Юдин. – М. : ОГИ, 2007. – 120 с.

References

Denisova, E. A. (2008). *Struktura i funktsii enigmaticheskogo teksta: na materiale russkikh zagadok i krossvordov* [The Structure and Functions of an Enigmatic Text: Based on Russian Riddles and Crosswords]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moscow. 27 p.

Entsiklopedicheskii slovar' [Encyclopedic Dictionary]. (1900). Vol. XXXI / publ. by F. A. Brokgauz, I. A. Efron. Saint Petersburg. 499 p.

Fleyshman, L. (2003). *Boris Pasternak v dvadtsatye gody* [Boris Pasternak in the Twenties]. Saint Petersburg, Akademicheskii projekt. 464 p.

Freydenberg, O. M. (1997). *Poetika syuzheta i zhanra* [Poetics of Plot and Genre]. Moscow, Labirint. 448 p.

Gasparov, M. L. (1997). Syuzhetoslozhenie drevnegrecheskoi tragedii [Creating the Plot of an Ancient Greek Tragedy]. In Gasparov, M. L. *Izbrannye trudy*. Vol. I. O poetakh. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury, pp. 449–482.

Gasparov, M. L. (1998). Poetika serebryanogo veka [Poetics of the Silver Age]. In Gasparov, M. L. *Russkaya poeziya «serebryanogo veka», 1890–1917: Antologiya*. Moscow, Nauka, pp. 5–44.

Golosovker, Ya. E. (1987). *Logika mifa* [Myth Logic]. Moscow, Nauka. 218 p.

Musatov, V. V. (2016) *Pushkinskaya traditsiya v russkoi poezii pervoi poloviny XX veka* [Pushkin's Tradition in Russian Poetry of the First Half of the 20th Century]. Moscow, Azbukovnik. 720 p.

Novikova, K. A. (2020). K voprosu o traktovke ponyatiya «enigmaticheskii tekst» v lingvisticheskikh issledovaniyakh [On the Question of the Interpretation of the Concept of “Enigmatic Text” in Linguistic Research]. In *Germanistika v sovremenom nauchnom prostranstve: materialy VI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Krasnodar, pp. 155–159.

Novikova, K. A. (2021). Yavlenie sinonimii v korpuse enigmaticheskikh tekstov [The Phenomenon of Synonymy in the Corpus of Enigmatic Texts]. In *Germanistika v sovremenom nauchnom prostranstve: materialy VII mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Krasnodar, pp. 182–188.

Pasternak, B. (1956). Stihotvoreniya [Poems]. In *Znaniya*. No. 9, p. 76.

Pozhiznennaya privyazannost'. Perepiska s O. M. Freidenberg [Lifetime Commitment. Correspondence with O. M. Freydenberg]. (2000). Moscow, Art-Fleks, p. 416.

Selivanova, E. A. (2014). Kategorial'naya sistema krossvorda kak diskursivnogo zhanra enigmatiki [Categorical System of the Crossword Puzzle as a Discursive Genre of Enigmatics]. In *Yazyk. Tekst. Diskurs*. Issue 12 (part 2). Stavropol, Izdatel'stvo SKFU, pp. 7–23.

Senderovich, S. Ya. (2008) *Morfologiya zagadki* [Morphology of the Riddle]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury. 208 p.

Strukova, T. V. (2014). Zaanr zagadki v antichnoi i pozdnei latinskoj poezii na materiale zagadok Kleobula i Simfosiya [The Riddle Genre in Ancient and Late Latin Poetry Based on the Riddles of Cleobulus and Symphosius]. In *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 1 (57), pp. 282–286.

Strukova, T. V. (2019). Etapy stanovleniya enigmaticheskikh zhanrov v russkoi poezii [Stages of Formation of Enigmatic Genres in Russian Poetry]. In *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 1 (82), pp. 131–135.

Tret'yakov, E. O. (2015). Obraz Chichikova kak ontologicheskaya zagadka: fenomen enigmaticheskogo kharaktera tanatologii «Mertvykh dush» N. V. Gogolya [The Image of Chichikov as an Ontological Riddle: The Phenomenon of the Enigmatic Nature of the Thanatology of “Dead Souls” by N. V. Gogol]. In *Imagologiya i komparativistika*. No. 1 (3), pp. 127–142.

Туца, В. И. (Ed.). (2014). *Poetika «Doktora Zhivago» v narratologicheskome prochtenii* [Poetics of “Doctor Zhivago” in Narratological Reading]. Moscow, Intrada. 512 p.

Yudin, A. V. (2007). *Onomastikon vostochnoslavianskikh zagadok* [Onomasticon of East Slavic riddles]. Moscow, OGI. 120 p.

Zelinsky, F. F. (1915). Sofokl i geroicheskaya tragediya [Sophocles and the Heroic Tragedy]. In *Sofokl. Dramy*. Vol. 2. Moscow, pp. VII–LXXVI.

Данные об авторе

Игошева Татьяна Васильевна – доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Отдела новейшей русской литературы, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург, Россия).

Адрес: 199034, Россия, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4.

E-mail: tigosheva@mail.ru.

Author's information

Igosheva Tatyana Vasilievna – Doctor of Philology, Leading Researcher of Department of Recent Russian Literature, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russia).

«ЕВАНГЕЛИЕ ХРИСТА» В ПОЭЗИИ В. Т. ШАЛАМОВА: БИБЛЕЙСКИЙ ТЕКСТ И КОНТЕКСТ

Урюпин И. С.

Московский педагогический государственный университет (Москва, Россия).

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9080-9505>

А н н о т а ц и я . В статье в культурно-философском и религиозно-онтологическом контексте представлена «христологическая» тема в поэзии В. Т. Шаламова, которая, развиваясь на протяжении всего творческого пути художника, претерпевала своеобразную эволюцию – от атеистически-секуляризованного осмысления Иисуса Назарянина как исторической личности, явившей миру абсолютную ценность нравственно-этического учения Нового Завета, до проникновения в духовно-метафизическую глубину Евангелий, благовествующих о победе жизни над смертью, бытия над небытием, свободы над необходимостью. Целью настоящей работы явилось изучение трансформации евангельских мотивов и образов, составляющих библейский архаический пласт мировой культуры, в лирике В. Т. Шаламова в тесной связи с этико-эстетическими исканиями поэта, оказавшимися созвучными с устремленностью русских мыслителей рубежа XIX–XX веков к нравственному Абсолюту. Поиск аксиологических констант человеческого существования, обогащенный трагическим опытом лагерной Голгофы, вывел В. Т. Шаламова из замкнутого социокультурного пространства советской реальности в духовно безграничный универсум. Аллюзии и реминисценции, восходящие к Священному Писанию, образуют в поэтическом наследии В. Т. Шаламова вполне очевидный библейский метатекст, обладающий мотивно-образной целостностью, внутренней лирической сюжетностью, мифо-суггестивной окрашенностью конкретных биографических фактов и артефактов, конституирующих авторскую картину мира. Шаламовская апофатика богопознания в условиях советской реальности определила способы художественного воплощения образа Сына Человеческого во всей его экзистенциальной сложности и многомерности. Предметом исследования стал мотивно-образный пласт поэзии В. Т. Шаламова, содержащий эксплицитные и имплицитные отсылки к библейскому тексту, переосмысленному автором. Посредством историко-генетического, герменевтического, структурно-семантического и системно-типологического методов изучения литературного произведения была выявлена библейская партитура поэзии В. Т. Шаламова, в которой центральное место занимает образ Иисуса Христа – Сына Человеческого, осмысляемый в контексте внеконфессионального христианства. В статье представлен анализ поэмы «Трактат о вере», в которой воплощен «христостремительный» вектор русской поэзии XX века, получивший художественное развитие в творчестве В. Т. Шаламова.

К л ю ч е в ы е с л о в а : В. Т. Шаламов; Евангелие; Иисус Христос; библейский текст в русской литературе; поэтическая картина мира

Д л я ц и т и р о в а н и я : Урюпин, И. С. «Евангелие Христа» в поэзии В. Т. Шаламова: библейский текст и контекст / И. С. Урюпин. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2022. – Т. 27, № 4. – С. 133–140. – DOI: 10.51762/1FK-2022-27-04-12.

THE GOSPEL OF JESUS CHRIST IN THE POETRY BY V. T. SHALAMOV: THE BIBLICAL TEXT AND CONTEXT

Igor S. Uryupin

Moscow State Pedagogical University (Moscow, Russia).

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9080-9505>

A b s t r a c t . The article in the cultural, philosophical and religious-ontological context presents the Christological theme in the poetry of V. T. Shalamov, which, developing throughout the poet's career, underwent a peculiar evolution – from the atheistic-secularized understanding of Jesus Nazarene as a historical person, who revealed to the world the absolute value of the moral and ethical teachings of the New Testament, before penetrating the spiritual and metaphysical depth of the Gospels, evangelizing the victory of life over death, being over nothing-

ness, freedom over necessity. The purpose of this work is to study the transformation of the gospel motifs and images, that make up the biblical realm of the world culture, in the lyrics of Shalamov in close connection with the ethical and aesthetic searches of the poet, which turned out to coincide with the aspiration of the Russian thinkers to the moral Absolute at the turn of the 19th – 20th centuries. The search for axiological constants of human existence, enriched by the tragic experience of the gulag Golgotha, brought Shalamov from the closed sociocultural space of Soviet reality to a spiritually boundless universe. The allusions and reminiscences related to the Holy Scriptures form in Shalamov's poetic heritage quite obvious biblical metatext, which has a motivational-shaped integrity, internal lyrical plot, and mytho-suggestive coloring of specific biographical facts and artifacts that constitute the author's worldview. Shalamov's apophatics of search for God under the conditions of Soviet reality determined the ways of artistic embodiment of the image of the Son of Man in all its existential complexity and multidimensionality. The object of this study covers the motivational layer of Shalamov's poetry, containing explicit and implicit references to the biblical text rethought by the author. The biblical motifs of the poetry by Shalamov are identified through historical-genetic, hermeneutic, structural-semantic and systemic-typological methods of studying a literary text. The image of Jesus Christ, the Son of Man, comprehended in the context of non-denominational Christianity, is central in Shalamov's poetry. The article presents an analysis of the poem "Treatise on Faith" that embodies the Christological vector of Russian poetry of the 20th century, which received creative development in Shalamov's works.

Key words: V. T. Shalamov; Gospel; Jesus Christ; the biblical text in Russian literature; poetic worldview

For citation: Uryupin, I. S. (2022). The Gospel of Jesus Christ in the Poetry by V. T. Shalamov: The Biblical Text and Context. In *Philological Class*. Vol. 27. No. 4, pp. 133–140. DOI: 10.51762/1FK-2022-27-04-12.

В конце 1950-х годов в авторитетных литературно-художественных журналах страны «Знамя» (1957. № 5) и «Москва» (1958. № 3) были опубликованы стихотворения В. Т. Шаламова, проторившие литературный путь для первых сборников поэта «Огниво» (1961) и «Шелест листьев» (1964), вызвавших значительный интерес у читателей и критиков. Мало кто «мог тогда предположить, что в эпоху перестройки писательское амплу Шаламова кардинально изменится» [Пащенко 2017: 51], и поэтическое наследие автора «Колымских рассказов», оказавшихся поистине откровением в литературе о трагических судьбах XX века, надолго останется в тени «лагерной прозы». И даже когда шаламовская поэзия во всей ее полноте и тематическом многообразии вновь была открыта исследователями, она рассматривалась как исключительно «феномен социального характера» [Кириченко 2008: 157], представляющий «„документальную“ картину лагерной жизни» [Кириченко 2008: 158]. А между тем для поэзии В. Т. Шаламова, представляющей собой неповторимое художественное явление, неразрывно связанное с продолжением эстетических традиций Серебряного века, был характерен поиск «моральных ориентиров, стремление ответить на сложнейшие этические вопросы» [Кротова 2016: 57], опираясь на тысячелетний духовный опыт человечества. С. А. Смирнов одним из первых обратил внимание на христи-

анский культурный код поэзии В. Т. Шаламова, в которой отчетливо проступают «Христовы темы и сюжеты» [Смирнов 2008: 201]. Цель настоящей работы – представить системно-целостную картину трансформации евангельских мотивов и образов в лирике В. Т. Шаламова в контексте нравственно-философских исканий поэта, созвучных отечественным мыслителям рубежа XIX–XX веков.

В автобиографическом эссе «Несколько моих жизней» (1964) В. Т. Шаламов, размышляя о своей судьбе и судьбах своего поколения, вступившего в мир в самом начале XX века, в период религиозного Возрождения в России, ознаменовавшегося напряженным поиском «философской истины и интеллигентской правды» (Н. А. Бердяев), презирая отвлеченно-идеалистическую веру «отцов» в «потустороннюю» сферу духа и уповая сугубо на материальную, «посюстороннюю» реальность, вспоминал церковные и антицерковные диспуты революционной эпохи, в которых «сам был участником» [Шаламов 1988: 5]. Но если отец поэта, Т. Н. Шаламов, священник Вологодского кафедрального Софийского собора, в свое время ревностно служивший в Русско-Американской компании миссионером, «ходил сражаться за бога», то его сын, по собственному же признанию, был «лишен религиозного чувства» [Шаламов 1988: 5]. Однако христианская духовно-культурная традиция, под влиянием

которой сформировалось мировосприятие В. Т. Шаламова, даже в период оголтелого богоборчества и возведенного в культ советского безбожия оставалась его жизненным ориентиром, укрепляла нравственно-этические основы его бытия, заложенные в детстве на прочном евангельском фундаменте.

Все это, по верному замечанию В. В. Есипова, пробудило у В. Т. Шаламова, прошедшего «поистине голгофский путь» страданий и жизненных испытаний, «своего рода „воскрешение“ семейных „генов“» [Есипов 2019: 45] – возвращение интереса ко Христу и Его учению как единственному спасительному опыту возрождения / воскресения жизни после лагерной смерти и отчуждения от мира. Интерес «к личности Христа», проявившийся у В. Т. Шаламова в Вологде в пору его увлечения «позитивными» началами жизни, еще более укрепился после чтения христологических трудов Э. Ренана и Д. Штрауса, чрезвычайно популярных у русской революционной интеллигенции. Результатом таких штудий явилось убеждение в «исторической, а не апокрифической» [Есипов 2019: 48] природе евангельских сказаний и самой фигуры Иисуса Назарянина. В письме Б. Л. Пастернаку от 20 декабря 1953 года В. Т. Шаламов признавался, что вся современная человеческая культура «в корнях своих» «имела Евангелие, росла из него, на него опиралась», и «без выяснения своего отношения к Христу» [Шаламов 2005: 36] невозможно осмысленное существование «любого грамотного человека» [Шаламов 2005: 36]. И хотя лагерная жизнь, с ее беспросветностью и тотальным духовным разочарованием в самой идее человечности отучила писателя «поверять происходящее высокими новозаветными заповедями и притчами» [Есипов 2012: 192], мысль о Христе в творческом сознании В. Т. Шаламова стала нравственной константой, определявшей его художественное видение мира.

Поиск духовных смыслов бытия:

«Трактат о вере» В. Т. Шаламова

Впервые евангельская тема в лирике В. Т. Шаламова со всей очевидностью проявилась в поэме «Трактат о вере» (1949–1950), которую, по утверждению В. В. Есипова, можно «считать квинтэссенцией лагерного опыта» [Есипов 2019: 559] автора «Колымских тетра-

дей». Лирический герой поэмы, «незлюбивый человек», переживший ужас экзистенциального одиночества и состояние богооставленности, в полной мере познавший боль и страдания, которые посылает Отец Небесный каждому своему сыну – поистине сыну человеческому, оказавшись перед лицом вечности, «в белой ледяной пустыне», своим «последним, может быть, дыханьем» вызывает «пламя из угля» и, находясь «наедине с Огнем», шепчет «слова простые» древней молитвы [Шаламов 2019, II: 292]. «В Священном Писании огонь нередко соединяется с явлениями Божества, как например при Синае» [Библейская 1990: 525], выступая символом возмездия и воздаяния, «ибо Господь, Бог твой, есть огонь поедающий, Бог ревнитель» (Втор. 4: 12).

Автор поэмы уподобляет себя «воину Гедеона», пятого судьи израильского, одержавшего «победу над несметным полчищем мадианитян» [Щедровицкий 2014: 752] горсткой избранников Божиих, которые ни при каких обстоятельствах не падали на колени, даже чтобы напиться из реки. Непокоренный, нравственно несломленный шаламовский герой всецело полагается на волю и милость Творца и «на горе древней Синая» узнает «меру новую», «которой мерит Егова» [Шаламов 2019, II: 293] и которая для каждого, познавшего «Добро и зло, тепло и холод, / Поток огня и косность льда» [Шаламов 2019, II: 293], открывается в момент священного бесстрастия [греч. ἀπάθεια] – «состояния человека, идущего по пути совершенства» [Литвинова 2002: 11]. И в христианстве, и в восточных духовных практиках это состояние признавалось проявлением подлинной мудрости. «Буддийский подвижник, – замечает Л. В. Литвинова, – достигая состояния бесстрастия, становится свободным от всякого мучения и радости, от чувства удовольствия и неудовольствия», «он достигает „истинного действия“, т. е. „истинной“ свободы» [Литвинова 2002: 13]. Именно это открывается лирическому герою «Трактата о вере»:

«И то, что будет ли, не будет

Назавтра солнце – все равно –

Тогда услышать голос Будды

Тебе впервые суждено» [Шаламов 2019, II: 293].

В. В. Есипов полагает, что для В. Т. Шаламова «Будда является своего рода эвфемизмом

образа Христа как высшего нравственного идеала» [Есипов 2019: 485], однако понимание / переживание «другой» веры для поэта было принципиально важно в его нравственно-философских исканиях. Не случайно в финале поэмы герой признается, что для него суровая тайга, оказавшаяся местом духовного пустыничества / подвижничества, дала возможность приобщиться к «законам всех религий», но «одной лишь не раскрыла книги: / Евангелия Христа» [Шаламов 2019, II: 293]. Весь парадокс шаламовского «символа веры», развернутый в его «Трактате» о недоступности в лагерной тьме христианского (евангельского) света, заключается в апофатическом опыте человека, в его попытке «познать Бога не в том, что Он есть, а в том, что не есть и не может быть Им» [Жаравина 2010: 80] (курсив Л. В. Жаравиной. – И. У.).

**«Религиозный изоморфизм»
и «христороимительный» вектор поэзии
В. Т. Шаламова**

«Религиозный изоморфизм» [Стуканов 2011: 193], представляющий собой по сути «феномен негативной религиозности», лежит в основе художественной концепции мира В. Т. Шаламова, которую можно определить не как «христороимительную», а как «христороимительную», ибо не человек устремляется ко Христу в самом акте богоуподобления, а Христос проявляет себя через муки человека в пространстве всей природы.

«Он сам – Христос, он сам – Распятый.

И язвы гнойные цинги –

Как воспаленные стигматы

Прикосновения тайги» [Шаламов 2019, I: 140].

В стихотворении «Перед небом» (1952) лирический герой, «сведя в свой стон мольбы и пени / и жалобный оставив тон», как будто бы бросает вызов Творцу: «пальцем, съеденным морозом», «тычет прямо в небеса» [Шаламов 2019, I: 140]. Но это не проявление богоборчества, а пламенная вера в божественное предопределение, выходящая за грань земного естества («боль осталась, как фантом», как «химера»): «Здесь человек в привычной позе / Зовет на помощь чудеса» [Шаламов 2019, I: 140].

Упование на чудо для В. Т. Шаламова было одновременно и оправданием своей челове-

ческой слабости, и ее преодолением, дерзанием и дерзновением, объединяющим в себе требование истины и смирение перед ней. В стихотворении «Поэты придут, но придут не оттуда...» (1956) автор передает извечную тоску по Абсолюту: люди «всю жизнь дожидаются чуда, / И чудо на блюде несут» [Шаламов 2019, I: 343]. Таким чудом выступает «голова Иоанна Предтечи, / Безмолвная голова», которая для дочери Иродианы Саломеи и для всех людей, «для этих детей, для толпы незнакомой», становится «последним упреком» [Шаламов 2019, I: 343] в их неразумной, бездумной жизни, но еще не окончательно потерянной для духовного обновления и преображения. Искривленные «смертной истомой» губы «мертвого пророка» символизируют «немоту человеческой речи», «залитые кровью слова» [Шаламов 2019, I: 343] остаются не воспринятыми и не услышанными теми, к кому они обращены. Отсюда в шаламовской лирике особое значение приобретает императив-лейтмотив – «всякий, имеющий уши, / Да слышит отчаянья крик» («Концерт», 1956) [Шаламов 2019, I: 185], – восходящий к Евангелию: «кто имеет уши слышать, да слышит!» (Лк. 8: 8).

Крик отчаяния, вырывающийся из истерзанной груди поэта, – не только проявление нестерпимой муки, но и попытка достучаться до сердца и разума собеседника, чтобы раскрыть ему ту страшную правду, которую не хочется знать. В лагере к В. Т. Шаламову пришло понимание подлинного смысла искусства, способного преобразить микро- и макрокосм, наполнить внешнее и внутреннее пространство сокровенного бытия человека светом любви и веры. Обращаясь в лирической декларации «Стихи – это стигматы...» (1959) к поэту, единственному посреднику между Богом и миром, В. Т. Шаламов так формулирует свой художнический Завет: «Ты должен вечно видеть / Чужих страданий свет, / Любить и ненавидеть / За всех людей, поэт» [Шаламов 2019, II: 94]. Взяв на себя бремя «чужих страданий», поэт, по замечанию Е. М. Болдыревой, Е. В. Асафьевой, уподобляется «Христу, мученику, приносящему в жертву собственную жизнь» [Болдырева, Асафьева 2019: 24].

Однако духовно-душевная глухота окружающих людей вызывала у В. Т. Шаламова чувство растерянности и недоумения. В сти-

хотворении «Обнимай, обнимай злодея...» (1950) лирический герой, которого обстоятельства вынуждают «с убийцами в лад» хохотать и ежечасно демонстрировать «мастерство лицедея», восстает против искушений сатаны и «при мерцанье грошовой свечи» «наощупь» ищет свой путь к Богу, не обращая внимания на насмешки и богохульство черни: «Пусть соседи хрипят и лопочут / Про родных Иисуса Христа» [Шаламов 2019, II: 357]. Поэт остается верен своему высокому призванию. В этом, по мнению С. А. Павловой, заключалось «поэтическое кредо Варлама Шаламова», для которого литература была «защитой от боли» [Павлова 2010: 221], а само творчество наполняло энергией жизни, давало силы претерпевать страдания и даже идти на верную смерть, не вызывавшую, впрочем, чувства ужаса, но воспринимавшуюся как неизбежный венец бытия. Такое понимание мира, созвучное евангельской премудрости, воспринятой отечественной национальной культурой еще со времен Древней Руси, нашло отражение в поэме «Аввакум в Пустозерске» (1955), в которой лирический герой, человек XX века, переживает тот же опыт духовного стояния в Истине, что и великий подвижник старообрядчества. Для него «нет участи слаще, / Желанней конца, / Чем пепел, стучащий / В людские сердца» [Шаламов 2019, I: 256].

В шаламовской интерпретации аввакумовского подвига на первое место выходит не церковная сторона спора о вере, а философско-онтологическое понимание смысла человеческого существования: все думы опального / оппозиционного протопопа – «о свободе, / О праве дышать, / О воле Господней / Вязать и решать» [Шаламов 2019, I: 253]. «Слова протопопа Аввакума „о праве дышать“» [8, с. 33] оказались манифестацией нравственного протеста узников всех эпох исторического бытия России, как писал в письме В. Т. Шаламову А. С. Яроцкий, автор книги «Золотая Колыма», представляющей, по замечанию Н. М. Малыгиной, повествование «о пути человека, насильственно исключенного из мира свободных людей» [Малыгина 2021: 69]. Бывший главный бухгалтер больницы для заключенных в поселке Левый берег, где В. Т. Шаламов работал фельдшером с декабря 1946 года, утверждал, что сама поэма об Аввакуме была «самым главным» [Малыгина

2021: 33] свидетельством духовного бытия «самостоятельного», «самодетельного» человека в условиях тотальной несвободы.

Однако экзистенциальная проблематика поэмы, являющейся в значительной степени апологией секуляризации, не лишена религиозного начала: напротив, весь сюжет произведения представляет собой реализацию архетипа пути в его христианском воплощении: «к Богу дорогу» [Шаламов 2019, I: 255] ищет и находит не только протопоп Аввакум, но и сам автор, пытающийся «вытерпеть Бога / Пронзительный взор» [Шаламов 2019, I: 255], устремленный в душу, в сокровенную глубину человеческой личности. Явленный миру еще «с Иисусовых пор» [Шаламов 2019, I: 255] нравственно-этический Завет Христа, убеждавшего учеников – «иго Мое благо, и бремя Мое легко» (Мф. 11: 30), для лирического героя поэмы становится источником жизненной силы, «душевной крепости и воли»: «Закованным шагом / Ведут далеко, / Но иго мне – благо / И бремя легко» [Шаламов 2019, I: 256].

Осознание своего высокого предназначения, верности гуманистическим идеалам, нисколько не девальвированным и не дискредитированным в лагере, несмотря на полное попрание человеческого достоинства, вызывало у В. Т. Шаламова уверенность в божественной предопределенности его «дорог и путей», с которых он ни за что не сойдет, уподобляясь самому Христу, принявшему неотвратимость гефсиманской чаши страданий. В стихотворении «Ты сердись, как ветер, как метель...» (1949–1950) поэт провозглашает: «Эту чашу – вовсе неспроста / Пью во имя Господа Христа» [Шаламов 2019, II: 256]. Вообще в лирике ГУЛАГа «мотивный комплекс моления о чаше», по наблюдению М. О. Граматчиковой и Т. А. Снигиревой, встречается весьма часто, поскольку передает поразительно «острое чувство близости Христа» [Грамматчикова, Снигирева 2021: 124], возникающее у человека в момент наивысшего духовного напряжения, связанного с несением креста, предзнаменующего смерть, и последующее за ней воскресение / воскрешение.

«Завуалированная тема „судьбы – креста“» [Макевнина 2017: 113] является центральной в поэзии В. Т. Шаламова, в которой страдания невинно осужденных на муки неизменно ассоциируются с крестным путем Спасителя, вдох-

новляющего на подвиг и дающего нравственные силы. «Встреча с Христом для человеческого „Я“, – замечает М. В. Яковлев, – возможна лишь тогда, когда ты сам на Кресте» [Яковлев 2021: 97], к такому пониманию сущности исторической сотериологии пришел А. А. Блок в своей революционно-апокалиптической лирике. В. Т. Шаламов, проникая в мистериальный замысел автора поэмы «Двенадцать», в стихотворении «Своими, своими руками...» (1974) предположил, что «Он сам – тот Христос с красным флагом» [Шаламов 2019, II: 253], который ведет за собой всех страждущих, «униженных и оскорбленных», несет «это красное знамя» [Шаламов 2019, II: 253] как крест.

Образ Христа-путеводителя, сопровождающего человека в его жизненном странствии и спасающего от бед и напастей, возникал в художественном сознании В. Т. Шаламова неоднократно. В стихотворении «Над трупцами Витима...» (1953–1954) лирический герой, пребывающий «во чреве самолета, как Иона у кита», мысленно обращается к шеф-пилоту со словами, лишь на первый взгляд, кажущимися религиозным штампом, но на самом деле выражающими искреннюю надежду на Божию помощь: «Ради Господа Христа, // Донеси меня до юга, / Невредимым донеси» [Шаламов 2019, I: 183]. Вообще, как утверждал В. Т. Шаламов в стихотворении «Если „видевшие свет вечерний“...» (1950), «я все старше, все суеверней, / Все церковнее становлюсь» [Шаламов 2019, II: 370]. «Погибающая душа» [Шаламов 2019, II: 371] поэта жаждала подлинной веры, способной разрешить все философские проблемы, развеять все сомнения, наполнить жизнь духовным смыслом.

В христианстве как мировоззренческой системе В. Т. Шаламов усматривал немало противоречий, но в самой противоречивости и даже некоторой абсурдности христианская вера была насущно необходима человеку. Знаменитая апологетическая антиномия Тертуллиана («Сын Божий распят – это не стыдно, ибо достойно стыда; и умер Сын Божий – это совершенно достоверно, ибо нелепо; и, погребенный, воскрес – это несомненно, ибо невозможно» [Тертуллиан 1994: 166]) в поэзии В. Т. Шаламова оказалась не просто актуализирована, но парадоксально заострена. В свете такой парадоксальности открывается глубокий

смысл в двустии поэта, кажущемся выражением безверия и отчаяния:

«И жизнь во имя меньших братьев
Христом прожитая нестати» (1953)

[Шаламов 2019, II: 385].

Подвиг Спасителя «во имя меньших братьев», о которых апостол Матфей говорит в Евангелии о грядущем суде Сына Человеческого (если «вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне», Мф. 25: 40), отнюдь не отвергается В. Т. Шаламовым, но, по убеждению поэта, еще до конца не понят и не принят человечеством, не достигшем состояния духовной зрелости. Отсюда наполненная сожалением и грустью констатация сомнений, одолеваящих лирического героя, в стихотворении «Христос не вносит примиренья...» (1954). Однако учение Христа – само по себе не «рецепт» счастья и не «руководство» к действию по достижению земных благ («нам не это вовсе надо» [Шаламов 2019, I: 391]), а пример бескорыстного служения ближнему. В стихотворении «Моя мать была дикарка...» (1970) поэт представил пример такого служения, исполненного духом евангельской любви: «Как Христос, я вымыл ноги / Маме – пыльные, с дороги» [Шаламов 2019, II: 197]. Конкретно-биографическая основа произведения, в котором нашел отражение реальный случай 1931 года, когда В. Т. Шаламов после первого вишерского срока приезжал домой к больной матери, получила художественное обобщение вневременного характера. Сквозь библейскую призму осмысливается поэтом судьба матери, ее путь в вечность: «И в наряде похоронном / Мама в гроб легла Самсоном» [Шаламов 2019, II: 198].

Вообще в конце 1970-х годов В. Т. Шаламов все чаще задумывался о вере, вспоминал свое «церковное» прошлое. В стихотворении «Наверх выносят плащаницу...» (1980) в сознании лирического героя, устремившегося в бездонное небо, по которому «гусей осенних вереница / Плывет над тем Христовым телом» [Шаламов 2019, II: 285], возникают картины далекого детства: «Я занят службою пасхальной, / Стихи читаю в стихаре» [Шаламов 2019, II: 285]. И это тот «порядок мира идеальный» [Шаламов 2019, II: 285], который не способен изменить никакие, даже самые тяжелые и ка-

жущиеся беспросветными жизненные обстоятельства.

Свет Евангелия озарял душу В. Т. Шаламова на протяжении всего его земного пути, на котором было немало и духовных взлетов, и падений, догматической убежденности в непогрешимости коммунистической морали, кристаллизовавшейся из учения первых христиан, и едких сомнений в самой возможности осу-

ществления социалистического идеала в мире, забывшем Бога. Нравственным ориентиром для поэта, познавшего цену людских страданий, погрузившегося при жизни в пучину ада и преодолевшего его смертное жало, стал образ Иисуса Христа, пусть и не всегда в божественном ореоле, но с исключительной человеческой теплотой и сердечностью воплощенный в его творчестве.

Литература

- Библейская энциклопедия / сост. архим. Никифор. – Репринтное изд. – М.: ТЕРРА, 1990. – 902 с.
- Болдырева, Е. М. «Я верю давно в страшную силу искусства»: концепция поэзии в «Колымских тетрадах» В. Шаламова / Е. М. Болдырева, Е. В. Асафьева // Человек в информационном пространстве: сборник научных статей XVI Всероссийской с международным участием междисциплинарной научно-практической конференции. – Ярославль: ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2019. – С. 21–27.
- Грамматчикова, М. О. Мотив моления о чаше в поэзии узников ГУЛАГа / М. О. Грамматчикова, Т. А. Снегирева // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2021. – Т. 27, № 1. – С. 116–125.
- Есипов, В. В. Стихи после Колымы (Поэтический дневник Варлама Шаламова); примечания / В. В. Есипов // Шаламов В. Т. Стихотворения и поэмы: в 2 т. Т. 1 / вступ. статья, сост., подг. текста и примеч. В. В. Есипова. – СПб.: Издательство Пушкинского Дома; Вита Нова, 2019. – С. 5–70; с. 449–587.
- Есипов, В. В. Шаламов / В. В. Есипов. – М.: Молодая гвардия, 2012. – 346 с.
- Жаравина, Л. В. Художественные формы выражения религиозной догматики в русском искусстве / Л. В. Жаравина // Горизонты цивилизации. – 2010. – № 1. – С. 74–85.
- Кириченко, Л. Н. «Колымские тетради» Варлама Шаламова в контексте «лагерной поэзии» / Л. Н. Кириченко // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2008. – Т. 14, № 3. – С. 157–160.
- Кротова, Д. В. Назначение искусства: концепция В. Т. Шаламова / Д. В. Кротова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. – 2016. – № 1. – С. 55–62.
- Литвинова, Л. В. Бесстрастие / Л. В. Литвинова // Православная энциклопедия. Т. V. Бессонов – Бонвеч. – М., 2002. – С. 11–13.
- Макевнина, И. А. Поэзия Варлама Шаламова: эстетика и поэтика: монография / И. А. Макевнина. – Волгоград, 2017. – 160 с.
- Малыгина, Н. М. Воспоминания А. С. Яроцкого о Колыме в литературном контексте / Н. М. Малыгина // Яроцкий А. С. Золотая Колыма. Воспоминания А. С. Яроцкого о Колыме в литературном контексте. – СПб.: Нестор-История, 2021. – С. 7–94.
- Павлова, С. А. «Стихи – это боль и защита от боли»: поэтическое кредо Варлама Шаламова / С. А. Павлова // Изменяющаяся Россия – изменяющаяся литература: художественный опыт XX – начала XXI веков: сборник научных трудов. Вып. II. – Саратов: Наука, 2010. – С. 218–223.
- Пашенко, Д. О. Критическая рецепция поэзии В. Т. Шаламова в советской прессе конца 1950-х – начала 1960-х гг. / Д. О. Пашенко // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. – 2017. – № 7 (28). – С. 51–55.
- Смирнов, С. А. Автопоэзис человека: Варлам Шаламов / С. А. Смирнов // Человек.ru. – 2008. – № 4. – С. 200–244.
- Стуканов, Т. Н. Феномен негативной религиозности (на материале творчества Варлама Шаламова) / Т. Н. Стуканов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология, искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2011. – № 5–1 (11). – С. 189–193.
- Тертуллиан. Избранные сочинения. – М.: Изд. группа «Прогресс»; Культура, 1994. – 448 с.
- Шаламов, В. Т. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6: Переписка / В. Т. Шаламов. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2005. – 608 с.
- Шаламов, В. Т. Стихотворения / В. Т. Шаламов. – М.: Советский писатель, 1988. – 256 с.
- Шаламов, В. Т. Стихотворения и поэмы: в 2 т. / В. Т. Шаламов; вступ. статья, сост., подг. текста и примеч. В. В. Есипова. – СПб.: Издательство Пушкинского Дома; Вита Нова, 2019. – Т. 1. – 591 с.; Т. 2. – 640 с.
- Щедровицкий, Д. В. Введение в Ветхий Завет. Пятикнижие Моисеево: Книга Бытия: начало всемирной истории; Книга Исход: от угнетения к свободе; Книги Левит, Чисел и Второзакония: библейское законодательство / Д. В. Щедровицкий. – М.: Теревинф, 2014. – 1088 с.
- Яковлев, М. В. Апокалиптическое направление в русской поэзии первой половины XX века: монография / М. В. Яковлев. – Орехово-Зуево: ГГТУ, 2021. – 300 с.

References

arkhim. Nikifor (Ed.). (1990). *Bibleiskaya entsiklopediya* [Bible Encyclopedia]. Moscow, TERRA. 902 p.

- Boldyreva, E. M., Asafyeva, E. V. (2019). «Ya veryu davno v strashnuyu silu iskusstva»: kontseptsiya poezii v «Kolymskikh tetradyakh» V. Shalamova [“I Have Long Believed in the Terrible Power of Art”: The Concept of Poetry in V. Shalamov’s Kolym Notebooks]. In *Chelovek v informatsionnom prostranstve: sbornik nauchnykh statei XVI Vserossiiskoi s mezhduнародnym uchastiem mezhdisciplinarnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Yaroslavl, pp. 21–27.
- Esipov, V. V. (2012). *Shalamov* [Shalamov]. Moscow, Molodaya gvardiya, 346 p.
- Esipov, V. V. (2012). *Shalamov*. Moscow, Molodaya gvardiya, 346 p.
- Esipov, V. V. (2019). Stikhi posle Kolymy (Poeticheskii dnevnik Varlama Shalamova); primechaniya [Poems after Kolyma (Poetic Diary of Varlam Shalamov); Notes]. In Shalamov, V. T. *Stikhotvoreniya i poemy: v 2 t. Vol. 1*. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Pushkinskogo Doma, Vita Nova, pp. 5–70; pp. 449–587.
- Gramatchikova, M. O., Snigireva, T. A. (2021). Motiv moleniya o chashe v poezii uznikov GULAGA [The Motive of Praying for a Bowl in the Poetry of Gulag Prisoners]. In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. Vol. 27. No. 1. pp. 116–125.
- Kirichenko, L. N. (2008). «Kolymskie tetradi» Varlama Shalamova v kontekste «lagernoi poezii» [“Kolyma Notebooks” by Varlam Shalamov in the Context of “Camp Poetry”]. In *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova*. Vol. 14. No. 3, pp. 157–160.
- Krotova, D. V. (2016). Naznachenie iskusstva: kontseptsiya V. T. Shalamova [Purpose of Art: Concept of V. T. Shalamov]. In *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika*. No. 1, pp. 55–62.
- Litvinova, L. V. (2002). Besstrastie [Impassivity]. In *Pravoslavnyaya entsiklopediya*. T. V. Bessonov – Bonvech. Moscow, pp. 11–13.
- Makevnina, I. A. (2017). *Poeziya Varlama Shalamova: estetika i poetika* [Poetry by Varlam Shalamov: Aesthetics and Poetics]. Volgograd. 160 p.
- Malygina, N. M. (2021). Vospominaniya A. S. Yarotskogo o Kolyme v literaturnom kontekste [Memoirs of A. S. Yarotsky about Kolyma in a Literary Context]. In Yarotsky, A. S. *Zolotaya Kolyma. Vospominaniya A. S. Yarotskogo o Kolyme v literaturnom kontekste*. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya, pp. 7–94.
- Pashchenko, D. O. (2017). Kriticheskaya retseptsiya poezii V. T. Shalamova v sovetskoj presse kontsa 1950-kh – nachala 1960-kh gg. [Critical Reception of Poetry by V.T. Shalamov in the Soviet Press of the Late 1950s – Early 1960s]. In *Vestnik RGGU. Seriya: Istorija. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie*. No. 7 (28), pp. 51–55.
- Pavlova, S. A. (2010). «Stikhi – eto bol' i zashchita ot boli»: poeticheskoe kredo Varlama Shalamova [“Poems Are Pain and Protection from Pain”: The Poetic Credo of Varlam Shalamov]. In *Izmenyayushchayasya Rossiya – izmenyayushchayasya literatura: khudozhestvennyi opyt XX – nachala XXI vekov: sbornik nauchnykh trudov*. Issue II. Saratov, Nauka, pp. 218–223.
- Shalamov, V. T. (2005). *Sobranie sochinenii: v 6 t.* [Collected Works, in 6 vols.]. Vol. 6: Perepiska. Moscow, TERRA – Knizhnyi klub. 608 p.
- Shalamov, V. T. (2019). *Stikhotvoreniya i poemy: v 2 t.* [Poems and Poems, in 2 vols.]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Pushkinskogo Doma, Vita Nova. Vol. 1. 591 p.; Vol. 2. 640 p.
- Shalamov, V. T. (1988). *Stikhotvoreniya* [Poems]. Moscow, Sovetskii pisatel'. 256 p.
- Shchedrovitsky, D. V. (2014). *Vvedenie v Vetkhii Zavet. Pyatiknizhie Moiseevo: Kniga Bytiya: nachalo vsemirnoi istorii; Kniga Iskhod: ot ugneteniya k svobode; Knigi Levit, Chisel i Vtorozakoniya: bibleiskoe zakonodatel'stvo* [Introduction to the Old Testament. The Pentateuch of Moses: The Book of Genesis: The Beginning of World History; Book of Exodus: From Oppression to Freedom; Books of Leviticus, Numbers, and Deuteronomy: Bible Law]. Moscow, Terevinf. 1088 p.
- Smirnov, S. A. (2008). Avtopoezis cheloveka: Varlam Shalamov [Autoeosis of Man: Varlam Shalamov]. In *Chelovek.ru*. No. 4, pp. 200–244.
- Stukanov, T. N. (2011). Fenomen negativnoi religioznosti (na materiale tvorchestva Varlama Shalamova) [The Phenomenon of Negative Religiosity (Based on the Material of the Work of Varlam Shalamov)]. In *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya, iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov, Gramota. No. 5–1 (11), pp. 189–193.
- Tertullian. (1994). *Izbrannye sochineniya* [Selected Writings]. Moscow, Izdatel'skaya gruppa «Progress», Kul'tura. 448 p.
- Yakovlev, M. V. (2021). *Apokalipticheskoe napravlenie v russkoi poezii pervoi poloviny XX veka* [Apocalyptic Direction in Russian Poetry of the First Half of the 20th Century]. Orehovo-Zuevo, GGTU. 300 p.
- Zharavina, L. V. (2010). Khudozhestvennye formy vyrazheniya religioznoi dogmatiki v russkom iskusstve [Artistic Forms of Expression of Religious Dogma in Russian Art]. In *Horizonty tsivilizatsii*. No. 1, pp. 74–85.

Данные об авторе

Урюпин Игорь Сергеевич – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской литературы XX–XXI веков Института филологии, Московский педагогический государственный университет (Москва, Россия).

Адрес: 119435, Россия, Москва, ул. Малая Пироговская, 1/1.

E-mail: isuryupin78@mail.ru.

Author's information

Uryupin Igor Sergeevich – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Russian Literature of the 20th–21st Centuries Department, Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia).

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗОВ БАБУШКИ И ДЕДУШКИ В СОВРЕМЕННОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Гапонова Ж. К.

Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского
(Ярославль, Россия). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9248-226X>

Никкарева Е. В.

Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского
(Ярославль, Россия). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0014-1404>

А н н о т а ц и я . В универсальных социокультурных представлениях о семье роли старших родственников детерминированы традиционными представлениями русского человека о передаче ценностей последующим поколениям. В статье предпринята попытка на отдельных произведениях современной литературы для детей и подростков, система образов в которых актуализирует сложный комплекс взаимоотношений трех поколений: бабушки/дедушки – родителей – внука / внучки, проанализировать, какие характеристики персонажей актуализируются, противопоставляются авторами при создании образов старших родственников и какие стереотипные мужские и женские качества репрезентуются в образах старика/старухи. Рассмотрение текста с позиций рецептивной эстетики, поставившей во главу угла читателя, позволило анализ концептуально значимых образов бабушки и дедушки провести на основе сопоставления «бытовых» и «художественных» представлений. Реакции на слова-стимулы бабушка, дедушка, образующие у носителей русского языка обширное ассоциативное поле, были распределены по смысловым зонам (портрет; роль в семье), в соответствии с которыми проведен анализ способов репрезентации образов бабушки и дедушки в современной детской и подростковой литературе. В результате анализа было выявлено, что гендерные противопоставления часто нивелируются, поскольку на первый план выходит указание на особую роль бабушек и дедушек в семье, связанную с архетипическим началом (мудрый старец/старуха): дети благодаря им знакомятся с культурой и историей, в том числе семьи и своего рода, у бабушки (у дедушки в меньшей степени) ищут ответы на сложные жизненные вопросы. Существенной трансформации образа бабушки/дедушки по сравнению с традиционными представлениями русского человека в детской и подростковой литературе не выявлено, но, безусловно, в литературе отчетливо постулируется главная миссия старших родственников – быть хранителями семейных ценностей и трансляторами «культурной памяти». Кроме того, образ дедушки связан с репрезентацией стереотипных представлений о мужском героизме, смелости, готовности защищать свою семью.

К л ю ч е в ы е с л о в а : архетипы; ассоциативные поля; бабушки; дедушки; мудрые старцы; мудрые старухи

Д л я ц и т и р о в а н и я : Гапонова, Ж. К. Репрезентация образов бабушки и дедушки в современной детской литературе / Ж. К. Гапонова, Е. В. Никкарева. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2022. – Т. 27, № 4. – С. 141–153. – DOI: 10.51762/1FK-2022-27-04-13.

REPRESENTATION OF IMAGES OF GRANDMOTHER AND GRANDFATHER IN MODERN RUSSIAN LITERATURE FOR CHILDREN

Zhanna K. Gaponova

Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky (Yaroslavl, Russia).
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9248-226X>

Elena V. Nikkareva

Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky (Yaroslavl, Russia).
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0014-1404>

Abstract. In accordance with universal socio-cultural ideas about the family, the roles of older relatives are determined by the traditional ideas of the Russian person about the transfer of values to future generations. The article analyzes some works of modern literature for children and adolescents, the system of images of which actualizes the most intricate complex of relationships between three generations: grandmother/grandfather – parents – grandson/granddaughter. The study considers what features of the characters are actualized and contrasted by the authors when creating images of older relatives and what stereotypical male and female qualities are represented in the images of an old man/old woman. The investigation of the text from the standpoint of receptive aesthetics, which put the reader at the forefront, allowed the analysis of conceptually significant images of grandparents to be carried out on the basis of a comparison of “everyday” and “literary” representations. Reactions to the words-stimuli *grandmother, grandfather*, forming an extensive associative field in native speakers of the Russian language, were distributed by semantic zones (portrait; role in the family), according to which the analysis of ways of representing images of grandparents in modern children's and adolescents' literature was carried out. As a result of the analysis, it was revealed that gender oppositions are often neutralized, since the indication of the special role of grandparents in the family associated with the archetypal role (wise old man/old woman) comes to the fore: thanks to them, children get acquainted with culture and history, including families and their kind, and they ask their grandmother (less often grandfather) for answers to difficult life questions. No significant transformation of the image of grandmother/grandfather in comparison with the traditional representations of a Russian person has been revealed in children's and adolescents' literature, but, of course, the literature clearly postulates the main mission of older relatives – to be keepers of family values and translators of “cultural memory”. In addition, the image of the grandfather is associated with the representation of stereotypical ideas about male heroism, courage, and readiness to protect his family.

Keywords: archetypes; grandmothers; grandfathers; the Wise Old Man archetype; the Wise Old Woman archetype

For citation: Gaponova, Zh. K., Nikkareva, E. V. (2022). Representation of Images of Grandmother and Grandfather in Modern Russian Literature for Children. In *Philological Class*. Vol. 27. No. 4, pp. 141–153. DOI: 10.51762/IFK-2022-27-04-13.

Введение. Проблема воспитания остается довольно дискуссионной для педагогов, учителей, воспитателей, родителей. Литература, являясь средством воздействия на ребенка, обладает мощным потенциалом в становлении личности школьника, следовательно, конструирование женских и мужских образов влияет на формирование юного читателя. В универсальных социокультурных представлениях о семье роли старших родственников детерминированы традиционными представлениями о передаче ценностей последующим поколениям, образы бабушки и дедушки выступают как универсальная гендерная оппозиция. В статье мы предприняли попытку на отдельных произведениях современной литературы для детей и подростков посмотреть, отличается ли репрезентация образов бабушки и дедушки в литературе и при анализе обыденных представлений о бабушке/дедушке, характерных для носителей русского языка; какие характеристики персонажей актуализируются, противопоставляются авторами при создании образов старших родственников.

В фундаментальной статье, раскрывающей тенденции репрезентации образа бабушки

в литературе XX–XXI вв., И. Л. Савкина, констатируя, что «образ пожилой женщины в русской культурной традиции существует в двух основных ипостасях – *бабушка, старуха*», сопоставляет эти два образа и приходит к выводу: «В образе бабушки есть многое, что есть и в старухе: асексуальность, магическое знание, родовая память, авторитет возраста. Однако бабушка определяется через семью» [Савкина 2011: 110–112]. Ипостась старухи в отечественной традиции представлена и типизированным собирательным образом «бабка на лавочке», трансляция типических признаков которого в детской литературе также довольно частотна (например, «*На лавке сидела баба Шура и, как механический робот, грызла семечки <...> я думаю, что робот Шура просто не выносит детей*» (Здесь и далее выделение **полужирным курсивом** сделаны авторами статьи – Ж. Г., Е. Н.) [Зенькова 2020: 8]). Е. И. Шевчугова отмечает еще одно существенное отличие: «Бабушка, как правило, застается рассказчиком в моменты наибольшего проявления силы, старуха – в моменты физической немощи» [Шевчугова 2018: 35].

При этом как в социологии [Семенова 1996; Краснова 2000], так и в литературоведческой

практике при исследовании персонажно-сюжетного уровня [Макрушина 2016] особо акцентируется «роль бабушек как проводников семейной и культурной памяти, хранительниц и передатчиц символического „семейного капитала“» [Савкина 2011: 110–112], который передается «не только в нарративе, но через „телесный“ контекст, через кормление, еду» [Савкина 2011: 118–119].

В новейшей литературе идущая от А. Т. Аксакова, М. Горького и продолженная В. П. Астафьевым традиция репрезентации образа бабушки как воплощения «идеальной (жертвенной) женственности и, прежде всего, потому, что в нем чрезвычайно акцентирован аспект материнства: бабушка – мать „второй“ – суррогатная мать внука-сироты (мать-матерей), мать-природа, мать-Родина» [Савкина 2011: 118–119], – оказывается вытеснена. Образ бабушки «социализируется и маргинализируется» [Савкина 2011: 120]. Так, А. Левинсон отмечает, что редуцирование семьи, когда «на смену большой трехпоколенной семье приходит нуклеарная», либо неполная семья, а также развитие медиа как основного канала трансляции базовых ценностей упраздняют роль стариков в социализации подрастающего поколения как «носителей предания и родовой мудрости» [Левинсон 2005]. Однако исследований, посвященных репрезентации архетипического образа бабушки (старухи), насчитывается больше, чем работ, связанных с анализом образа дедушки. Это напрямую коррелирует с обыденными представлениями носителей русского языка: чаще в воспитании внуков участвуют бабушки.

На этом фоне современная литература для детей и подростков, продолжая оставаться одним из наиболее влиятельных каналов социализации личности [см. об этом: Асонова 2013; Кутейникова 2017], но в отличие от других медиаресурсов не требуя верификации изложенной в ней информации и более того – предлагая контекст для осмысления информационного потока, позволяет говорить о закономерном интересе современных писателей и издателей к проблеме исторической памяти, трансляции знания о прошлом. В этой связи исследование образов бабушки и дедушки в современной детско-подростковой литературе представляется особенно актуальным.

Обращение к художественным произведениям, система образов в которых актуализирует сложный комплекс взаимоотношений трех поколений: бабушки/дедушки – родителей – внука / внучки, – позволяет обозначить основные тенденции в репрезентации этих образов, а также связанные с ними ситуации трансфера семейной и шире – исторической памяти в современной литературе для детей и подростков. Среди таких произведений – романы «Бабушкин внук и его братья» В. П. Крапивина (1996) и «Где нет зимы» Д. Р. Сабитовой (2011), повести «Легкие горы» (2009) и «Две дороги – один путь» (2009) Т. В. Михеевой, «Крокодил» А. Д. Петровой и «Баба Яга пишет» И. Краевой (2014), «Тысяча лиц тишины» Д. Вильке (2017), «Дом четырех ладоней» Л. Романовской (2020), рассказы «Соловьиный сад» И. Краевой (2014) и «Желтый куб» В. Дегтевой (2021). Этот список, несомненно, может быть продолжен и не исчерпывает ярких и талантливо созданных образов «старших родителей» даже для читателей 10–14 лет.

Результаты исследования. В нашем исследовании мы предприняли попытку сопоставить обыденное представление носителей русского языка о бабушке/дедушке, отраженное в ассоциативных словарях русского языка (определить наличие в значении слов психологического компонента, подчас неосознаваемого носителем языка), с тем представлением, которое авторы литературы для детей 10–14 лет вкладывают в эти концептуально значимые понятия. Такой подход обусловлен тем, что по данным психолингвистики ассоциации отражают различные аспекты родной культуры человека [Белянин 2011: 210] и позволяют обозначить и описать культурно маркированные константы, в том числе стереотипные представления о мужском и женском. Выбор указанной возрастной категории не случаен, ибо к этому возрасту формируется осознанное/устойчивое представление о семейных ценностях, однако в силу перехода с одного возрастного этапа на другой (подростковый возраст) может наблюдаться переосмысление социально значимых и нравственных категорий, чему в психологии посвящено немало исследований. Для нас особый интерес представляет также факт, что одним из слов-реакций на слово-стимул *бабушка*

является *детство*, явно указывающее на роль бабушки в формировании личности ребенка.

В российской детской литературе образ бабушки оказывается не просто популярным, но архетипичным, концептуальным, поскольку занимает существенное место в системе традиционных семейных ценностей, передаче знаний и опыта между поколениями (см. подробнее [Гапонова, Никкарева 2020]). При этом реакция на слово-стимул дедушка, во-первых, в несколько раз меньше (на причину этого мы уже обращали внимание выше); во-вторых, они прежде всего отражают указание на возраст, внешний вид, отдельные качества пожилого человека. Для нас важным оказывается и тот факт, что многие респонденты образ бабушки тесно связывают с образом дедушки, давая перекрестные ассоциации. В этом случае можно говорить скорее об актуализации социальной значимости стариков/старух в семье, в воспитании детей безотносительно принадлежности к определенному полу. Этот факт пробуждает интерес к тому, чтобы проследить, какие качества и нормы поведения и с помощью каких приемов транслируются при создании персонажей разного пола.

Рассмотрение текста с позиций рецептивной эстетики, поставившей во главу угла читателя, позволило нам анализ концептуально значимых образов бабушки и дедушки провести на основе сопоставления «бытовых» и «художественных» представлений. Для сопоставления мы взяли данные интернет-сервиса «Русский ассоциативный тезаурус», представляющего базу данных крупнейшего ассоциативного эксперимента на русском языке, проведенного в 1988–1997 гг., и Русского сопоставительного ассоциативного словаря (под ред. Г. А. Черкасовой, 2008 г.) При этом мы не учитывали в исследовании ассоциации, которые представлены именами собственными, поскольку они отражают явно субъективные представления испытуемых, связанные только с их личным опытом.

Реакции на слово-стимул *бабушка*, образующие у носителей русского языка обширное ассоциативное поле, можно распределить по смысловым зонам (*портрет; роль в семье*), в соответствии с которыми мы будем анализировать способы репрезентации образов бабушки и дедушки в детской и подростковой литера-

туре. Выстраивание логики анализа материала на основе представлений о бабушке обусловлено количеством ассоциаций, в разы превышающих представления о дедушке (ср. количество слов-реакций на слово-стимул *бабушка* – 506; на слово-стимул *дедушка* – 104; на слово-стимул *дед* – 107 [Русский ассоциативный тезаурус]).

Портрет. Представления о бабушке, нашедшие отражение в ассоциативных словарях, оказались связаны прежде всего с возрастом (*старушка, старая, старенькая, старость, старая женщина, дряхлая, старуха, (за)болела, умерла, больная, глухая и др.*). Подобные характеристики актуализируются и при упоминании дедушки (*старый, старость, старенький, старина, болеет, больной, умер, пожилой, 100 лет*). Темы старости, болезни и смерти, не являясь более табу и в современной литературе для детей («Мой дедушка был вишней» А. Нанетти, «Все бабушки умеют летать» И. Зартайская), представляются как естественное течение жизни: «*„Что за привычка все время говорить о помирании!“ „А что здесь такого? Это вполне естественно“*» [Крапивин], – поэтому в анализируемых произведениях для подростков («Баба Яга пишет» И. Краевой, «Где нет зимы» Д. Сабитовой и др.) рефлексия героя-ребенка направлена на сохранение памяти о близком человеке, на трансляцию его положительного образа, а также отчасти на замещение умершего (ср.: М. Д. Яснов «Без дедушки»: «*И за дедушку сделаю ход. / И за дедушку гляну в окошко, / Посмотрю, что творится внизу. / И за дедушку утром картошку, / Встав пораньше, домой принесу*»), что может быть реализовано как сюжетная ситуация завершения внуком дел (и/или разгадывания тайны) бабушки/дедушки.

В сознании носителей языка актуализируются определенные портретные детали (*беззубая, седая, седовласая, морщины*) и атрибуты бабушки (*платок, очки, палка, фартук*). Стереотипное представление о мужском реализуется в ассоциациях на слово-стимул дедушка: ассоциации, связанные с внешностью (*борода, седой, бородатый, красивый, лысина, хромой*) и с атрибутикой (*клюка, очки*). Как видим, гендерные отличия в восприятии мужского/женского реализуются прежде всего в портретных деталях, тогда как атрибуты связаны с возрастными параметрами, при упоминании которых

гендерная принадлежность человека уходит на второй план.

Показательно, что целый ряд ассоциаций, характерных для обыденного сознания носителей языка и создающих типизированный образ бабушки в художественном тексте, может становиться предметом рефлексии героя. Так, в рассказе В. Дёгтевой «Желтый куб» ощущение близости приходит к герою после смерти прабабушки через эффект «узнавания»: «С тех пор, как прабабушка умерла, Петрушин каждый день встречал её на улице. <...> Просто так получалось, что **каждая старуха** теперь немного напоминала прабабушку. У одной был точно такой же **узел из седых волос**. У другой – похожий жёлтый плащ. Третья **горбила спину**. У четвёртой **густые брови** – почти такие же, ну совсем такие же... Буквально на пару секунд, пока она не приподнимала их как-то иначе. Как будто прабабушка взяла и вдруг **рассыпалась на сотню разных старушек**» [Дёгтева].

В произведениях для подростков, в сознании которых уже сложился и зафиксирован словообраз «бабушка», появляющиеся по ходу повествования портретные детали не создают полноценного визуального образа, они направлены на его индивидуализацию и в том числе на противопоставление типическому образу, что соответствует сформулированному М. Д. Ясновым в предисловии к «Путешествию в Чудетство» принципу обращения к теме семейной памяти в детской литературе: «Больше всего в факте рождения меня интересуют **предки**, предшественники. Именно рождение **потомка** вызывает их из небытия <...> Для меня – это люди, которые существовали не сами по себе, а **в своих подробностях**. Сами по себе они мне чужие и чуждые. <...> Не столь важно, когда они жили. Важно другое: как дедушка выпивал перед каждой едой стопку водки и как ставил её, пустую, на столе перед собой – всегда на одно и то же место» [Яснов 2014]. Так, в романе В. П. Крапивина «Бабушкин внук и его братья» портрет бабушки – Ольги Георгиевны Ясницкой – представлен глазами внука. Герой видит, как бабушка расчесывает волосы – «**совсем не старушечьи: хотя и с сединой, но густые, длинные**», и даже такая традиционная «примета» бабушек, как очки, не просто включается в повествование как внешняя характеристика, но сопровождает характерный жест: «Бабуш-

ка смотрела на меня, **подперев глазами подбородок**» [Крапивин]. Наиболее развернутое портретное описание, представляющее бабушку в «момент наибольшего проявления силы», который в данном романе связан с утратой родового дома, позволяет в полной мере представить характер героини, включая черты психологического портрета: «...бабушку **несчастье не сломило**. Она **стала еще более маленькой и сухой**, но **походка ее осталась твердой**. И **рот был сжат упрямо**. Я понимал: бабушка чувствует себя как **полководец**, который держался в осажденной крепости до конца. Да, крепость сожгли, но не в бою, а предательством. Честь знамени осталась незапятнанной. И моя **замечательная бабушка**, Ольга Георгиевна Ясницкая, смотрела **на всех с печалью, но гордо**» [Крапивин].

В образе бабушки Таси из повести «Легкие горы» о внутренней силе героини говорит такая деталь ее портрета, как «негнущаяся спина». Даже узнав о смерти своего соседа Николая Витальевича Телятьева, с кем прожила всю жизнь «забор в забор», она «надела чистый белый платок, сидела **прямо, несгибаемо**» [Михеева 2017: 157].

Внешняя **суровость** (именно этот эпитет чаще всего встречается в повести) сочетается с приметливостью («Бабушка Тася **все видит и все знает**» [Михеева 2017: 92]), особой совестью («**Стыдно так**, – говорит бабушка Тася о растащенной на дрова школе, – **идешь, бывало, мимо и глаза отводишь, чтобы в пустые ее окна не смотреть**» [Михеева 2017: 161]), стремлением жить «по правде».

Собственный дедушка в представлении юных героев, как правило, отличается от других, например: «Все пенсионеры носили на даче **застиранные тренировочные костюмы, выцветшие панамы, растянутые футболки, а дед Толик и тут выглядел джентльменом – в отглаженных рубашках с коротким рукавом, светлых брюках и парусиновых туфлях**» [Вильке]. Кроме того, визуальный образ деда может создаваться с помощью актуализации какой-то одной портретной детали, например: «**Как-то в четверг дед постукал ногтем по искусственной челюсти <...> Новыми зубами он сиял перед зеркалом раз по пять в день**» [Краева 2018б: 280].

Частотные в качестве ассоциаций у носителей языка слова связаны с оценочными характеристиками бабушки (*добрая, милая, хорошая,*

ласковая, тепло, бабулька, ворчливая, золото, лапушка, умная, уютная, хорошо), что, безусловно, объясняется психологическими факторами: привязанностью к бабушке, осознанием социальной функции ее как члена семьи, как транслятора опыта и морально-этических ценностей, как духовного наставника. Это находит отражение и в художественных текстах: «*моя замечательная бабушка*» [Крапивин]. В письмах десятилетний американский школьник Аджей обращается к своей русской бабушке «бабуля», вспоминает про ее «разогретое сердце» [Краева 2018: 189].

Ассоциации, связанные с оценочными характеристиками дедушки, представлены немногочисленным полем: *добрый, дедуля, любимый, милый, родной, уважение, хороший, хрыч*. В литературе для детей и подростков часто происходит героизация дедушки, что обусловлено стереотипным представлением о мужском начале: «*Ее прадед – личность легендарная. В Первую мировую войну его взяли в плен, он оказался в Африке, сбежал и девять лет добирался до дома. Пешкой. Добрался*» [Михеева]; «*Родной Ринкин дедушка, если судить по маминим рассказам, был настоящий герой. Он мог отстать от поезда и бестрашно догонял его на перекладных, умел варить наваристую уху из одной малюсенькой рыбешки и ничего не боялся <...> дедушка ведь прошел две войны*» [Вильке].

Устойчивыми в сознании носителей языка являются ассоциации, указывающие на связь бабушки с природным миром (*животные, кошка*). В литературе для детей и подростков эта связь также сохраняется: собака Юла, две кошки и куры есть у бабушки Таси в «Легких горах»; собака Буря у бабушки Марии из повести «Баба Яга пишет»; кот жил в семье Альки Иволгина в романе В. П. Крапивина. Следует отметить, что ассоциации, указывающие на связь с природой, не встретились нам по отношению к дедушке, однако в литературе для детей и подростков эта связь актуализируется и при создании образа дедушки: «*Вот дед Толик – совсем другое дело. Он, казалось, вставал вместе с птицами и уже разводил в большом ведре какое-то очередное удобрение*» [Вильке]; «*Ездить с ним в сад и то было счастьем*» [Краева 2018б: 275]; «*дед Телятьев сильно зверей любил, и у него дома всегда кто-нибудь жил, „квартировал“, говорил он. То стриж с поломанным крылом, то ежик, кото-*

рого он в реке в наводнение выловил, то кошки-собаки... Его даже прозвали в деревне Дедом Мазаем» [Михеева 2017: 52–54]. Актуализация в образе дедушки типа литературно-сказочного чудака, бессеребренника, чья мудрость в первую очередь в доброте, каким предстает Мазай у Некрасова (по В. В. Головину), а в образе деда Телятьева, прозванного дедом Мазаем, наблюдается также и в обыденном сознании носителей языка.

Вместе с тем не игнорируется современной литературой для детей и подростков отмеченная И. Савкиной тенденция к «маргинализации» старости, когда в целом ряде современных литературных текстов «бабушки – уходящая натура, динозавры, существа из другой жизни» [Савкина 2011: 120] – оказываются «чуждыми» миру внуков, а «ценность и необходимость бабушкиного предания, опыта часто ставятся под сомнение» [Савкина 2011: 120]. Необходимо отметить, что в подростковой литературе возникающая между мирами ребенка и взрослого граница объясняется не столько «устареванием» бабушки, сколько психологическими особенностями подросткового возраста, и не приводит к конфликту. Так, Л. Романовская в повести «Дом четырех ладошек», с одной стороны, проблематизируя ситуацию осознания тринадцатилетней Таткой различий с бабушкой на уровне языка (например, хомут / шнуд) и привычек («*Мне жалко, что она меня бесит – своей помадой со спичкой, словом „курочка“, тем, что она меня называет „Татуля“*». *Раньше меня это не трогало, а теперь бесит. И я не знаю, как это исправить*» [Романовская 2021: 42]). Показательно с этой точки зрения, что в повести Д. Вильке «Тысяча лиц тишины», где героиня еще не вступила в подростковый возраст, акцентированы противоположные представления в восприятии ребенком языка, языковых особенностей бабушки, например: «*У Бабтони чудесный голос, который Ринка слышит замечательно – даже если та говорит шепотом. Слова Бабтона произносит так мягко, что они превращаются во вкусный, мягкий пирог. Булочная у нее становилась „булошной“, коричневый – „коришневым“, а сердечный – „сердешным“*». *Сказанное ею хочется повторить, попробовать на вкус*» [Вильке].

При создании образа бабушки в детской и подростковой литературе «маргинализа-

ция» нередко трансформируется в «необычность» / инаковость, как, например, в повести А. Петровой «Крокодил» [см. о ней подробнее: Барковская 2019], романе Д. Сабитовой «Где нет зимы» и повести Т. Михеевой «Две дороги – один путь».

В образах Корделии и Шуры «ненормальность», заданная уже формой имени, подчеркивается необычностью внешнего вида, старомодностью или несоответствием типическому представлению ребенка о том, как должна выглядеть бабушка: «Тая сразу обратила внимание на то, как **странно бабушка одета** <...> Она нарядилась в красное платье с черными цветами и надела восхитительные черные резиновые сапоги на плоской подошве. Выглядело странно, но здорово» [Петрова 2013: 158–202] или «Девчонки, увидев бабушку, слегка **остолбенели** <...> На этот раз платье было с **огромными маками по темно-зеленому фону**»; «Тебя принимают за **старую сумасшедшую цыганку**» [Сабитова 2018: 11].

Маргинализация образа может быть связана с уходом от традиционных представлений о занятиях бабушек (ср. ассоциации: вязать, клубок, мелодия, телевизор и др.), появлением у них «необычных» увлечений. Например, в повести Б. Космовской «Чудесные травы» бабушка является мотогонщицей, а в повести Ю. Кузнецовой «Дом П», в которой иронически обыгрывается несоответствие реального образа типическому, занимается боксом: «Чтобы их не расстраивать, она не говорила им, что вообще-то не смотрит сериалы (да и как их можно смотреть, такие страшные?), а занимается боксом» [Кузнецова 2014: 3]. В ряде произведений внимание акцентируется на «экзотической» профессии бабушки. Так, Арина Аркадьевна Метельская в повести Т. В. Михеевой «Две дороги – один путь» раньше «жила в большом южном городе и работала в театре ведущей актрисой, а потом преподавала в театральном училище» [Михеева].

Интересно, что символом внутренней свободы, выхода за пределы «нормы» при создании образов становится курение – сигары курит Корделия, мундштук становится характерным атрибутом Шуры: «Вышла к нам бабушка в маковом платье с дымящимся мундштуком в руках...» [Сабитова 2018: 12], «в комнате было ужасно накурено и бабушка пела девчонкам романсы» [Сабитова 2018: 15], трубка – Капитанши Арины

(«...бабушка, попыхивая трубкой, с достоинством отвечала на вопросы...») [Михеева].

Ассоциативное поле носителей русского языка к слову *бабушка* включает такие противоположные реакции, как *верующая*, *Яга*, *колдунья*. Если в обыденном сознании такие реакции единичны, то в литературе для детей и подростков обладание сакральным знанием становится устойчивым мотивом, обеспечивающим цельность образа, взаимосвязь между всеми его составляющими. При этом дедушка чаще всего не наделяется такими способностями. «Магические» способности определяют образ бабушки независимо от типа портретной характеристики, при этом такие ассоциации, как *Яга* и *колдунья*, могут получать в литературе для детей и подростков положительные коннотации. Так, например, внук называет О. Г. Ясницкую «суеверной», Шура гадает на картах («...в черный день буду зарабатывать на улице – **гадать прохожим**. Чем плохо?» [Сабитова 2018: 11]), Корделия умеет «чистить сны» тех людей, чье подсознание чем-то травмировано, а в повести Д. Вильке «Тысяча лиц тишины» «умеет вызывать разную погоду» [Вильке], что связывает эти образы с образом Бабы-Яги, которая, согласно исследованиям В. Проппа, будучи хозяйкой природных стихий, находится на границе между миром живых и другим светом. Наиболее развернутое представление данный комплекс ассоциаций получает в повести И. Краевой «Баба Яга пишет». Бабушка связывает события из жизни семьи с православным календарем («Ты появился на свет 26 ноября, это день почитаемого в России святого Иоанна Златоуста» [Краева 2018а: 191]), но при этом не обижается на данное зятем прозвище «Баба Яга» и, превращая эту потенциально конфликтную ситуацию в игру, виртуозно использует ее для приобщения внука к культурному коду и вместе с тем актуализируя архетипические основания этого образа: «Это правда: я – баба Яга. То, что твой папа догадался об этом, говорит о его большом уме. И делает мне честь. По некоторым сведениям, **первая баба Яга** появилась в Индии и звали ее Дхумавати <...> добрым и отважным она давала силы, и они называли ее Божественной **Матерью**» [Краева 2018а: 194].

С нашей точки зрения, в образе Бабы Яги, актуализирующем в том числе и глубинную связь с природной стихией, находит отра-

жение процесс «национализации» архетипа (А. Ю. Большакова), предполагающий возникновение у той или иной этнической общности в процессе ее самоидентификации и культурной рефлексии уникальных смыслов и коннотаций. Архетип старухи при этом становится воплощением самой природно-космической стихии Земли – живой памяти, хранителя и свидетеля прошлого.

Архетипическому представлению о мудром старце соответствует в детской литературе передаваемая дедушке функция хранителя культурной памяти. Так, в повести Т. Михеевой дед Телятьев, не имея своей семьи («У дедушки Телятьева не было семьи. Но он так не считал. „Все Легкие горы – моя семья,“ – говорил он»), обеспечивает своими «сказками», бывальщинами и легендами связь между поколениями: «Никто не знал столько сказок, сколько знал их дед Телятьев <...> У деда Телятьева про все можно спросить: как раньше в Легких горах люди жили <...> И почему Легкие горы назвали Легкими горами, Ших Шихом, а Кошкары Кошкаррами» [Михеева 2017: 52–54].

Роль в семье. Представления о бабушке, нашедшие отражения в ассоциативных словарях и связанные с ее ролью в семье, указывают на социальный статус (*на пенсии, пенсионерка*), на родственные связи (*моя, родная, внук / внучка, родня, мама моей мамы*), а также на виды ее деятельности (*труженица, кормилица, готовит есть, ужин, пирог, плюшки, блины, пироги, варенье, болтушка, ворчит, рассказывает, друг и др.*). Все эти функции оказываются актуальны при определении роли бабушки в художественном тексте: «Сочетающие в себе избыточную телесность и плодовитость (реальную и / или символическую) с чистотой и святостью, бабушки изображаются как своего рода матриархи; на них держится дом, они в вечных трудах и хлопотах, они всех окормляют, они носительницы предания и нормы» [Савкина 2011: 116]. Такой мы видим бабушку Тасю в повести «Легкие горы». Она, представляя тип человека-труженика, всегда изображается в движении, в работе: «У нее дел – не переделать. Во-первых, кухня. Во-вторых, огород» [Михеева 2017: 10]; «Динка опять пьет чай с земляничным вареньем и с преснушками – особыми круглыми печенками, печь которые умеет только бабушка Тася, больше никто» [Михеева 2017: 120].

Представленная в повести ситуация, которую можно условно обозначить как «лето в деревне» (ср. ассоциации: *лето, каникулы*), не только актуализирует связь с бабушкой в определенный период времени, но и указывает на то, что бабушка (так же и дедушка) часто проживает отдельно от семьи (*в деревне, приехала, приехал*), фиксируя распад традиционной многопоколенной семьи.

Можно отметить, что в современной литературе для подростков архетипическая основа образа бабушки-труженицы упрощается, сводится к бабушке как носителю определенной социальной функции и при этом актуализируется гендерный стереотип: «А бабушка Женя сидела дома и, как положено любой бабушке, готовила борщи и котлеты, вытирала пыль с подоконника, встречала девочек после школы» [Кузнецова 2014: 3]. «Потребительское» отношение к бабушке в семье, которое мы видим в повести Ю. Кузнецовой, нередко проблематизируется, иронически обыгрывается. Например, в повести «Баба Яга пишет» перед появлением четвертого ребенка семья на «Большом совете фамилии» обсуждает «рационально ли звать бабулю или обойдемся тратить деньги на бэбиситтера» [Краева 2018а: 224]. Следующие за этим рассуждения внука Аджее одновременно отражают две противоположные точки зрения – отца и его самого: «Я сказал так как должно было понравиться папе. У меня самый высокий рейтинг по математике поэтому рационально экономить деньги на мой университет. Поэтому нам нужна бабуля» [Краева 2018а: 224], высвечивая еще один вектор развития темы бабушки в детской и подростковой литературе – изображение сложного комплекса межпоколенческих отношений, в котором «связывающая роль ребенка» восстанавливает дефицит душевной теплоты, близости между членами одной семьи.

Бабушка становится своего рода медиатором, высвечивающим проблему «отцов и детей», отсутствия эмоциональной связи между соседними поколениями; постоянно или на время заменяет героям отсутствующую мать. Так, например, в романе В. П. Крапивина позиционирование героя как «бабушкиного внука» актуализирует ситуацию непонимания между мальчиком и его отцом. Однако характерно, что в домашнем имени героя Алик (Алька) соединяются две интенции: родители называют

героя Александром, хотя бабушка хотела дать ему имя Алексей. Бабушка дает внуку имя, отличное от данного родителями и в романе Д. Сабитовой «Где нет зимы». Хотя мотив наречения имени, характерный для обряда инициации, в данных текстах не сопровождает переход героя на новый уровень, но воспринимается как наличие особого «кода», который маркирует причастность бабушки и внука/внучки к единому культурному полю.

С этим связана и специфика репрезентации образа бабушки в современной литературе для детей и подростков. Бабушка воплощает мифопоэтический взгляд на мироустройство, чаще всего противопоставленный «рационалистическому» взгляду родителей. В романе «Бабушкин внук и его братья» это проявляется как оппозиция «старого» и «старинного»: то, что является рухлядью для отца, внук и бабушка определяют как ценность. Старинные вещи, сохраняя память об истории семьи, выступают своего рода скрепами семейной памяти. И центральным образом здесь выступает образ дома, являясь пространственным и сюжетным центром повествования и объединяя вокруг себя поколения одной семьи. Сюжет утраты и обретения дома (как реальной, так и символической) становится центральным в большинстве анализируемых произведений, а бабушка, реализуя свою архетипическую функцию, выступает в роли хранителя. Интересно, что благодаря своим «магическим» способностям в минуту особой опасности бабушка может привлекать или создавать волшебных помощников (домовой, кукла Лялька, Квасилий). Так, сделанная Шурой кукла Лялька выступает не только оберегом домашнего очага, но и самостоятельным повествователем. Этим «в некотором смысле» обеспечивается терапевтическая функция детской литературы по отношению к теме смерти бабушки. Так, завершающее повесть И. Краевой «Баба Яга пишет» письмо написано внуком уже после смерти бабушки: «Ты всегда будешь моей бабушкой. Баба Яга не может умереть совсем» [Краева 2018а: 228].

Роль бабушки также в том, чтобы хранить и передавать внукам семейное предание, выстраивать историческую ретроспективу. Бабушка Тася в повести Т. Михеевой – не только объект изображения, но и субъект речи, получивший право рассказать свою историю. Так,

в главе «Вечерние сказки» бабушка Тася начинает «спокойно, будто даже равнодушно», хотя и постоянно прерывая речь долгим молчанием, рассказывать о своей жизни в тыловой деревне во время и после войны, той жизни, которую Ф. А. Абрамов назвал «великим подвигом» русской бабы. Но и потом, когда Динка засыпает «от усталости, будто пережила с бабушкой Тасей нелегкие ее годы» [Михеева 2017: 49], продолжает вспоминать: «**Разве расскажешь об этом ребенку?** <...> как **закрыли их типографию, как пустела деревня и зарастали бурьяном брошенные дома...**» [Михеева 2017: 50]. Ее внутренний монолог, который вполне мог бы быть развернут в самостоятельную «деревенскую повесть», демонстрирует стратегию «умалчивания» (А. Ассман), которая в мире художественного произведения проявляется в том, что читатель (в том числе читатель-ребенок) знает больше героя-ребенка. Пережитый опыт для представителей старшего поколения в первую очередь связан с вынужденным или осознанным молчанием: «**Никогда никому из своих родных детей и внуков не рассказывала она про то, что рассказывала сейчас чужой, незнакомой почти девочке**» [Михеева 2017: 47]. Мотив «молчания» – ключевой для образа бабушки Таси – воспринимается, таким образом, не только как отражение бережного отношения к слову, характерное для «архетипа мудрой старухи» («**Бабушка много молчит, и Динка научилась понимать ее без слов**» [Михеева 2017: 7]), но и как часть онтологического опыта «военного» поколения: «**Рот у бабушки всегда поджат, даже когда разговаривает, – поджат, и смеяться она не умеет, и улыбается будто через силу. Мама говорит, это называется “трудная жизнь”**» [Михеева 2017: 10–11].

Историю своей жизни в контексте истории страны рассказывает пережившая блокаду бабушка из повести И. Краевой «Баба Яга пишет». А Шурин друг – домовой Аристарх Модестович – появляется, чтобы рассказать Паше о его прадеде – репрессированном профессоре Тирсове, историю жизни которого Паше еще предстоит восстановить: «**Мира дарит Паше папку, в которой она начала собирать тирсовский архив**» [Сабитова 2018: 226]. Дедушка как внесюжетный персонаж, о судьбе которого ребенку рассказывают родители или бабушка или его история становится объектом исследования/расследования, появляется и в ряде дру-

гих произведений («Сад имени Т. С.» М. Ботева; «Давай поедим в Уналашку» А. Красильщик).

Ребенок в таком случае приобретает функцию не просто реципиента, а «наследника» (очень важная категория в поэтике В. П. Крапивина). Возникает ситуация «наследования» семейных традиций и шире – культурной памяти. Таким «наследником» становится Павел в романе Д. Сабитовой «Где нет зимы». Его приемная мать Мира, принявшая единственно верное решение переехать в родной для детей дом, говорит ему: «Человеку нужны корни. Ты станешь старше – поймешь. Это в детстве кажется, что ты сам по себе и в центре вселенной. А потом видишь: ты связан с другими людьми тысячами ниточек, тут связан, там... И каждая такая нитка, если она оборвана, взрослым человеком воспринимается как очень горькая потеря» [Сабитова 2018: 192].

В образе дедушки, как правило, актуализируется созидательное начало, умение что-то мастерить, создавать, улучшать: «Без деда наш дом расстроился. Напрочь заглохла стиральная машина...» [Краева 2018б: 281]. Дедушка, сближаясь и взаимодействуя с героем-ребенком, учит его прежде всего конкретным умениям, передает определенные знания: «Мы таскали пещерей из озера, разлитого возле нашего сада <...> Через тоннель ... ходили к роднику за „живой“ водой <...> Собирали в корзинки, тершиеся по груди на веревочках, черную смородину <...> Подвешивали на крючки блестящие тушки, а потом доставали из черного нутра золотые рыбины» [Краева 2018б: 281]. Дедушка также может выполнять функцию защитника героя-ребенка, в чем так-

же проявляется стереотипное представление о маскулинности: «Рядом плыл дед Толик. Он просто плыл, готовый, если Ринка пойдет ко дну, довести ее на своих плечах до берега – будто спасательный круг, надежный и верный» [Вильке].

Выводы. Репрезентация образов бабушки и дедушки в литературе для детей и подростков связана прежде всего с актуализацией значимых для носителей языка категорий, определяющих как портретные характеристики, так и выполняемые функции. Часто гендерные противопоставления нивелируются, поскольку на первый план выходит указание на особую роль бабушек и дедушек в семье, связанную с архетипическим началом (мудрый старец/старуха): дети благодаря им знакомятся с культурой и историей, в том числе семьи и своего рода, у бабушки (у дедушки в меньшей степени) ищут ответы на сложные жизненные вопросы. Как правило, юные герои становятся причастными к сакральному знанию благодаря бабушке. Существенной трансформации образа бабушки/дедушки по сравнению с традиционными представлениями русского человека в детской и подростковой литературе не наблюдается, но, безусловно, в литературе отчетливо постулируется главная миссия старших родственников – быть хранителями семейных ценностей и трансляторами «культурной памяти». Кроме того, образ дедушки, как правило, связан с репрезентацией стереотипных представлений о мужском героизме, смелости, готовности защищать свою семью и любого, кто нуждается в защите.

Литература

- Асонова, Е. А. Как чтение влияет на процесс социализации / Е. А. Асонова // Народное образование. – 2013. – № 2. – С. 252–257.
- Барковская, Н. В. Преодоление страха: идея внутренней свободы в повести Аси Петровой «Крокодил» / Н. В. Барковская // Педагогическое образование в России. – 2019. – № 9. – С. 71–77.
- Белянин, В. П. Психолингвистика: учебник / В. П. Белянин. – М.: Флинта, 2011. – 420 с.
- Божкова, Г. Н. Образ дедушек и бабушек в детской литературе XX–XXI веков / Г. Н. Божкова // Development of the creative potential of a person and society: Materials of the VI international scientific conference, Prague, 17–18 января 2018 года / Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», Mordovia State University named after N. P. Ogarev, Tashkent State Pedagogical University named after Nizami, New Bulgarian University. – Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2018. – С. 56–60.
- Вильке, Д. Тысяча лиц тишины / Д. Вильке. – URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%Do%92/viljke-darjya-viktorovna/gribnoj-dozhdj-dlya-geroju/9> (дата обращения: 20.07.2021). – Текст: электронный.
- Галицких, Е. О. Тема бабушки как воспитательный потенциал литературной педагогики: от идеи к методике воплощения / Е. О. Галицких // Воспитательный потенциал семейного чтения в эпоху цифровизации и глобализации: материалы Международной научно-практической конференции (19–20 сентября 2019 г.). – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2019. – С. 89–97.

- Гапонова, Ж. К. «Прививка от беспамятства»: репрезентация образа бабушки в литературе для детей и подростков / Ж. К. Гапонова, Е. В. Никкарева // «Нежданный, как цветок над бездной, очаг семейный и уют...»: Семейный дискурс русской и мировой литературы. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2020. – С. 58–69.
- Дёгтева, В. Желтый куб / В. Дёгтева. – URL: <http://korafest.ru/wp-content/uploads/2021/02/Валентина-Дегтева-Жёлтый-куб.pdf> (дата обращения: 20.07.2021). – Текст : электронный.
- Зенькова, А. С горячим приветом от Феклы / А. Зенькова. – М. : КомпасГид, 2020.
- Краева, И. И. Баба Яга пишет / И. И. Краева // Дети неба : сборник повестей и рассказов. – М. : БерИнГА, 2018а. – С. 186–229.
- Краева, И. И. Соловьиный сад / И. И. Краева // Дети неба : сборник повестей и рассказов. – М. : БерИнГА, 2018б. – С. 186–229.
- Крапивин, В. П. Бабушкин внук и его братья / В. П. Крапивин. – Текст : электронный // Русская фантастика: Владислав Крапивин : официальная страница писателя. – URL: http://www.rusf.ru/vk/book/babushkin_vnuk_i_ego_bratja/main.htm (дата обращения: 20.09.2020).
- Краснова, О. В. Бабушки в семье / О. В. Краснова // Социологические исследования. – 2000. – № 11. – С. 108–116.
- Кузнецова, Ю. Дом П / Ю. Кузнецова. – М. : КомпасГид, 2014. – 192 с.
- Кутейникова, Н. Е. Социализация подростков и юношества с помощью современной литературы: о критериях отбора книг / Н. Е. Кутейникова, В. П. Чудинова, И. С. Давыдова, Е. С. Шибанова // Образовательное пространство в информационную эпоху (ЕЕИА-2017) : сборник научных трудов международной научно-практической конференции. – М. : [б. и.], 2017. – С. 364–373.
- Левинсон, А. Г. Старость как институт / А. Г. Левинсон. – Текст : электронный // Отечественные записки. – 2005. – № 3. – URL: http://magazines.russ.ru/oz/2005/3/2005_3_1.html (дата обращения: 11.09.2020).
- Макрушина, Ю. А. Архетипический образ бабушки в повествовании в рассказах «Последний поклон» В. П. Астафьева / Ю. А. Макрушина // Мировая литература глазами современной молодежи : сборник материалов международной студенческой научно-практической конференции. – Магнитогорск : Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, 2016. – С. 44–47.
- Мелетинский, Е. М. О литературных архетипах. – М. : РГГУ, 1994. – 136 с. – (Чтения по истории и теории культуры. Вып. 4).
- Михеева, Т. В. Две дороги – один путь / Т. В. Михеева. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=266622> (дата обращения: 20.07.2021). – Текст : электронный.
- Михеева, Т. В. Лёгкие горы / Т. В. Михеева. – 2-е изд., испр. – М. : КомпасГид, 2017. – 176 с.
- Петрова, А. Д. Крокодил / А. Д. Петрова // Петрова А. Д. Чувства, у которых болят зубы. – М. : Премудрый Сверчок, 2013.
- Романовская, Л. Дом четырех ладоней : повесть / Л. Романовская. – М. : Самокат, 2021. – 240 с.
- Русский ассоциативный тезаурус. – URL: <http://thesaurus.ru/dict/> (дата обращения: 11.09.2020). – Текст : электронный.
- Русский сопоставительный ассоциативный словарь / под ред. Г. А. Черкасовой. – М. : ИЯз РАН, 2008. – URL: <https://it-claim.ru/Projects/ASIS/RSPAS/zapusk.htm> (дата обращения: 11.09.2020). – Текст : электронный.
- Сабитова, Д. Где нет зимы / Д. Сабитова. – 3-е изд. – М. : Самокат, 2018. – 240 с. – (Встречное движение).
- Савкина, И. Л. «У нас никогда уже не будет этих бабушек»? / И. Л. Савкина // Вопросы литературы. – 2011. – № 2. – С. 110–112.
- Семенова, В. В. Бабушки: семейные и социальные функции прародительского поколения / В. В. Семенова // Судьбы людей: Россия XX век. Биографии семей как объект социологического исследования / под ред. Б. Б. Семенова и Г. Б. Фотеева. – М. : Институт социологии РАН, 1996. – С. 326–354.
- Шевчугова, Е. И. Архетип бабушки в произведениях И. А. Гончарова, М. Горького и В. П. Астафьева: традиции и авторская интерпретация / Е. И. Шевчугова. – Текст : электронный // Сибирский филологический форум. – 2018. – № 4 (4). – С. 31–35. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/arhetip-babushek-i-v-proizvedeniyah-i-a-goncharova-m-gorkogo-i-v-p-astafieva-traditsii-i-avtorskaya-interpretatsiya> (дата обращения: 11.09.2020).
- Юнг, К. Г. Психологические аспекты архетипа матери / К. Г. Юнг // Аналитическая психология и психотерапия : хрестоматия. – СПб. : Питер, 2001. – С. 326–364.
- Яснов, М. Д. Путешествие в чудество: книга о детях, детской поэзии и детских поэтах / М. Д. Яснов. – СПб. : Санкт-Петербургская общественная орг. «Союз писателей Санкт-Петербурга» ; Фонд содействия развитию детской лит. и культуры чтения «Дом детской книги», 2014. – 358 с. – URL: <https://bookshake.net/r/puteshestvie-v-chudestvo-mihail-davidovich-yasnov?page=1> (дата обращения: 11.09.2020). – Текст : электронный.

References

- Asonova, E. A. (2013). *Kak chtenie vliyaet na protsess sotsializatsii* [How Reading Affects the Process of Socialization]. In *Narodnoe obrazovanie*. No. 2, pp. 252–257.
- Barkovskaya, N. V. (2019). *Preodolenie strakha: ideya vnutrennei svobody v povesi Asi Petrovoi «Krokodil»* [Overcoming Fear: The Idea of Inner Freedom in Asya Petrova's Story "Crocodile"]. In *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*. No. 9, pp. 71–77.
- Belyanin, V. P. (2011). *Psikholingvistika* [Psycholinguistics]. Moscow, Flinta. 420 p.
- Bozhkova, G. N. (2018). *Obraz dedushek i babushek v detskoj literature XX–XXI vekov* [The Image of Grandparents in Children's Literature of the 20th–21st Centuries]. In *Development of the creative potential of a person and society: Materials of the VI international scientific conference, Prague, 17–18 yanvary 2018 goda*. Prague, Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», pp. 56–60.

- Cherkasova, G. A. (Ed.). (2008). *Russkii sopostavitel'nyi assotsiativnyi slovar'* [Russian Comparative Associative Dictionary]. Moscow, IYaz RAN. URL: <https://it-claim.ru/Projects/ASIS/RSPAS/zapusk.htm> (mode of access: 11.09.2020).
- Degteva, V. *Zheltyi kub* [Yellow Cube]. URL: <http://korafest.ru/wp-content/uploads/2021/02/Valentina-Degteva-Zheltyi-kub.pdf> (mode of access: 20.07.2021).
- Galitskikh, E. O. (2019). Tema babushki kak vospitatel'nyi potentsial literaturnoi pedagogiki: ot idei k metodike voploshheniya [The theme of the Grandmother as the Educational Potential of Literary Pedagogy: From the Idea to the Method of Implementation]. In *Vospitatel'nyi potentsial semeinogo chteniya v epokhu tsifrovizatsii i globalizatsii: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (19–20 sentyabrya 2019 g.)*. Kazan, Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, pp. 89–97.
- Gaponova, Zh. K., Nikkareva, E. V. (2020). «Privivka ot bespamyatstva»: reprezentatsiya obraza babushki v literature dlya detei i podrostkov [“Vaccination Against Unconsciousness”: The Representation of the Image of a Grandmother in Literature for Children and Adolescents]. In «*Nezhdannyyi, kak tsvetok nad bezdnoi, ochag semeinyi i uyut...: Semeinyi diskurs russkoi i mirovoi literatury*. Yaroslavl, RIO YaGPU, pp. 108–116.
- Kraeva, I. I. (2018a). Baba Yaga pishet [Baba Yaga Writes]. In *Deti neba: sbornik povestei i rasskazov*. Moscow, BerInGA, pp. 186–229.
- Kraeva, I. I. (2018b). Solov'inyi sad [Nightingale's Garden]. In *Deti neba: sbornik povestei i rasskazov*. Moscow, BerInGA, pp. 186–229.
- Krapivin, V. P. Babushkin vnuk i ego brat'ya [Grandma's Grandson and His Brother]. In *Russkaya fantastika: Vladislav Krapivin: ofitsial'naya stranitsa pisatelya*. URL: http://www.rusf.ru/vk/book/babushkin_vnuk_i_ego_bratja/main.htm (mode of access: 20.09.2020).
- Krasnova, O. V. (2000). Babushki v sem'e [Grandmothers in the Family]. In *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 11, pp. 108–116.
- Kuteinikova, N. E., Chudinova, V. P., Davydova, I. S., Shibanova, E. S. (2017). Sotsializatsiya podrostkov i yunoshstva s pomoshch'yu sovremennoi literatury: o kriteriyakh otbora knig [Socialization of Adolescents and Youth with the Help of Modern Literature: On the Criteria for Selecting Books]. In *Obrazovatel'noe prostranstvo v informatsionnuyu epokhu (EEIA-2017): sbornik nauchnykh trudov mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Moscow, pp. 364–373.
- Kuznetsova, Yu. (2014). *Dom P* [House P]. Moscow, KompasGid. 192 p.
- Levinson, A. G. (2005). Starost' kak institute [Old Age as an Institution]. In *Otechestvennye zapiski*. No. 3. URL: http://magazines.russ.ru/oz/2005/3/2005_3_1.html (mode of access: 11.09.2020).
- Makrushina, Yu. A. (2016). Arkhetipicheskii obraz babushki v povestvovanii v rasskazakh «Poslednii poklon» V. P. Astaf'eva [The Archetypal Image of a Grandmother in the Narrative in the Stories “The Last Bow” by V.P. Astafiev]. In *Mirovaya literatura glazami sovremennoi molodezhi: sbornik materialov mezhdunarodnoi studencheskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Magnitogorsk, Magnitogorskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet im. G. I. Nosova, pp. 44–47.
- Meletinsky, E. M. (1994). *O literaturnykh arhetipakh* [About Literary Archetypes]. Moscow, RGGU. 136 p.
- Mikheeva, T. V. (2017). *Legkie gory* [Light Mountains]. 2nd edition. Moscow, KompasGid. 176 p.
- Mikheeva, T. V. *Dve dorogi – odin put'* [Two Roads – One Way]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=266622> (mode of access: 20.07.2021).
- Petrova, A. D. (2013). Krokodil [Crocodile]. In Petrova, A. D. *Chuvstva, u kotorykh bolyat zuby*. Moscow, Premudryi Sverchok.
- Romanovskaya, L. (2021). *Dom chetyrekh ladonei* [House of Four Palms]. Moscow, Samokat. 240 p.
- Russkii assotsiativnyi tezaurus* [Russian Associative Thesaurus]. URL: <http://thesaurus.ru/dict/> (mode of access: 11.09.2020).
- Sabitova, D. (2018). *Gde net zimy* [Where There Is No Winter]. 3rd edition. Moscow, Samokat. 240 p.
- Savkina, I. L. (2011) «U nas nikogda uzhe ne budet etikh babushek»? [“We Will Never Have These Grandmothers Again?”]. In *Voprosy literatury*. No. 2, pp. 110–112.
- Semenova, V. V. (1996). Babushki: semeinye i sotsialnye funktsii praroditel'skogo pokoleniya [Grandmothers: Family and Social Functions of the Grandparental Generation]. In Semenova, B. B. & Foteeva, G. B. (Eds.). *Sud'by lyudei: Rossiya XX vek. Biografii semei kak ob'ekt sotsiologicheskogo issledovaniya*. Moscow, Institut sotsiologii RAN, pp. 326–354.
- Shevchugova, E. I. (2018). Arkhetip babushki v proizvedeniyakh I. A. Goncharova, M. Gor'kogo i V. P. Astaf'eva: traditsii i avtorskaya interpretatsiya [The Grandmother Archetype in the Works of I. A. Goncharov, M. Gorky and V. P. Astafiev: Traditions and Author's Interpretation]. In *Sibirskii filologicheskii forum*. No. 4 (4), pp. 31–35. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/arhetip-babushki-v-proizvedeniyah-i-a-goncharova-m-gorkogo-i-v-p-astafieva-traditsii-i-avtorskaya-interpretatsiya> (mode of access: 11.09.2020).
- Vilke, D. *Tsyacha lits tishiny* [A Thousand Faces of Silence]. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%Do%92/vilke-darjya-viktorovna/gribnoj-dozhdj-dlya-geroaya/9> (mode of access: 20.07.2021).
- Yasnov, M. D. (2014). *Puteshestvie v chudetstvo: kniga o detyakh, detskoj poezii i detskikh poetakh* [Journey Into Miracles: A Book About Children, Children's Poetry, and Children's Poets]. Saint Petersburg, Sankt-Peterburgskaya obshchestvennaya organizatsiya «Soyuz pisatelei Sankt-Peterburga», Fond sodeistviya razvitiyu detskoj literatury i kul'tury chteniya «Dom detskoj knigi». 358 p. URL: <https://bookshake.net/r/puteshestvie-v-chudetstvo-mihail-davidovich-yasnov?page=1> (mode of access: 11.09.2020).
- Yung, K. G. (2001). Psikhologicheskie aspekty arhetipa materi [Psychological Aspects of the Mother Archetype]. In *Analiticheskaya psikhologiya i psikhoterapiya: khrestomatiya*. Saint Petersburg, Piter, pp. 326–364.
- Zenkova, A. (2020). *S goryachim privetom ot Fekly* [With Warm Regards from Thekla]. Moscow, KompasGid.

Данные об авторах

Гапонова Жанна Константиновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, декан факультета русской филологии и культуры, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского (Ярославль, Россия).

Адрес: 150000, Россия, Ярославль, ул. Республиканская, 108/1.

E-mail: jangap1@mail.ru.

Никкарева Елена Викторовна – старший преподаватель кафедры культурологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского (Ярославль, Россия).

Адрес: 150000, Россия, Ярославль, ул. Республиканская, 108/1.

E-mail: enikkareva@mail.ru.

Authors' information

Gaponova Zhanna Konstantinovna – Candidate of Philology, Associate Professor of Russian Language Department, Dean of Faculty of Russian Philology and Culture, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky (Yaroslavl, Russia)

Nikkareva Elena Viktorovna – Senior Lecturer of Department of Cultural Studies, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky (Yaroslavl, Russia)

Дата поступления: 09.08.2022; дата публикации: 29.12.2022

Date of receipt: 09.08.2022; date of publication: 29.12.2022

ПРОБЛЕМЫ ПОЭТИКИ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ



УДК 821.411-1(Пагис Д.). DOI 10.51762/1FK-2022-27-04-14. ББК Ш33(5Изр)63-8,445.
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 10.01.03 (5.9.2)

«ЛИЦО, СПОКОЙНО СМОТРЯЩЕЕ В ТЕМНОТУ»: ПОНИМАНИЕ СУЩНОСТИ ПОЭЗИИ В ПОЗДНИХ СТИХОТВОРЕНИЯХ ДАНА ПАГИСА

Быстров Н. Л.

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2929-5821>

А н н о т а ц и я. В ряде поздних стихотворений израильского поэта Дана Пагиса (1930–1986) настойчиво воспроизводится один и тот же сюжет: достигаемая художником полнота выражения внезапно оборачивается пустотой, а, казалось бы, ничем не стесненная возможность свободной поэтической речи – молчанием. Как представляется, этот парадокс обусловлен отрицанием принципа мимезиса (когда искусство трактуется как практика непрерывно возобновляющейся, но заведомо недостижимой репрезентации) и сознательным тяготением поэта к такому высказыванию, которое в идеале могло бы стать формой молчания. Так, в прозаической миниатюре «К литературному опросу» говорится, что стихи пишутся «симпатическими чернилами», а стихотворение «Малая поэтика» изображает процесс создания поэтического текста как пассивное вслушивание в «голос пустого листа».

Цель настоящей статьи – реконструкция понимания сущности поэзии, лежащего в основании этих и некоторых других (достаточно многочисленных) текстов Пагиса, которые условно можно назвать «стихами об искусстве». Проведенный анализ учитывает, кроме прочего, обстоятельства биографического плана – главным образом воспоминания о событиях, пережитых поэтом в период еврейской Катастрофы. Внутренне незавершенный опыт пребывания в собственном прошлом, осознаваемый как непрерывно длящееся, но неизменно безуспешное возвращение из мира умерших в мир живых, побуждает лирического героя Пагиса (поэта) воспринимать писание стихов как мучительную попытку преодоления ужаса окружающей его пустоты. При этом поэтический текст оказывается не более чем системой «строительных лесов» (определение израильского литературоведа Веред Карти Шем Тов), которые предназначены не для возведения нового здания («дома» как образа миропорядка), а лишь для того, чтобы в этой пустоте он мог обрести хотя бы какую-то – путь и весьма непрочную – опору.

К л ю ч е в ы е с л о в а: израильская поэзия; израильские поэты; еврейская поэзия; поэтическое творчество; поэтические жанры; художественная репрезентация; поэтологическая утопия; пустой лист; европейское еврейство; стихотворения

Для цитирования: Быстров, Н. Л. «Лицо, спокойно смотрящее в темноту»: понимание сущности поэзии в поздних стихотворениях Дана Пагиса / Н. Л. Быстров. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2022. – Т. 27, № 4. – С. 154–170. – DOI: 10.51762/1FK-2022-27-04-14.

“A FACE CALMLY LOOKING INTO THE DARKNESS”: AN UNDERSTANDING OF THE ESSENCE OF POETRY IN THE LATER POEMS OF DAN PAGIS

Nikita L. Bystrov

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2929-5821>

Abstract. In a number of later poems, the Israeli poet Dan Pagis (1930–1986) persistently reproduced one and the same plot: the fullness of expression achieved by the artist suddenly turns into emptiness, and the seemingly unrestricted possibility of free poetic speech turns into silence. It seems, this paradox is due to the denial of the principle of mimesis (when art is interpreted as the practice of a continuously renewed, but obviously unattainable representation) and the poet's attraction to such a statement, which ideally could become a form of silence. For example, in the prose miniature “Towards a literary survey” it is said that poems are written with “sympathetic ink”, and the poem “Small Poetics” depicts the process of creating a poetic text as passive listening to the “voice of a blank sheet”.

The purpose of this article is to reconstruct the understanding of the essence of poetry, underlying these and some other (rather numerous) texts of Pagis, which can be conditionally called “poems about art”. The analysis carried out takes into account, among other things, the circumstances of the biographical plan – mainly, memories of the events experienced by the poet during the period of the Jewish Holocaust. The internally incomplete experience of being in his own past, perceived as a continuous but invariably unsuccessful return from the world of the dead to the world of the living, prompts the lyrical protagonist of Pagis (the poet) to perceive the writing of poetry as a painful attempt to overcome the horror of the emptiness surrounding him. At the same time, the poetic text turns out to be nothing more than a system of “scaffolding” (definition by the Israeli literary critic Vered Karti Shem Tov), which is not intended to erect a new building (“house” as an image of the world order), but only so that in this emptiness it might find at least some – albeit very fragile – support.

Key words: Israeli poetry; Israeli poets; Jewish poetry; poetic creative activity; poetic genres; artistic representation; poetological utopia; blank sheet; European Jewish community; poems

For citation: Bystrov, N. L. (2022). “A Face Calmly Looking into the Darkness”: An Understanding of the Essence of Poetry in the Later Poems of Dan Pagis. In *Philological Class*. Vol. 27. No. 4, pp. 154–170. DOI: 10.51762/1FK-2022-27-04-14.

Дан Пагис¹ принадлежит к числу поэтов, которых израильские литературные критики обычно называют *га-нецолим*, ‘спасшимися’, выжившими в еврейской Катастрофе. Все шесть его поэтических книг, как пишет о них Аарон Аппельфельд, представляют собой «свидетельство борьбы за овладение ужасом»² [Аппельфельд 1988: 12]. Однако тому, чем вызван этот «ужас», посвящена, по сути, лишь небольшая часть

книги «Метаморфоза» [Гилгуль] (1970) – семь стихотворений цикла «Опечатанный вагон» [Карон *га-хатум*] и примыкающая к ним поэма «Следы» [Акевот]. В остальных случаях память о пережитом во время Катастрофы (по словам самого поэта, «опыт, у которого нет ни завершения, ни итога» [Дан Пагис: левате... 1991: 23]), как правило, облекается в иносказательные формы или скрывается под маской нарочи-

¹ Дан Пагис (1930–1986), классик израильской поэзии, родился в г. Радауц (Южная Буковина, Румыния) в еврейской семье. После отъезда отца в Палестину и смерти матери в 1934 г. остался на попечении деда и бабушки по материнской линии. Вместе с ними осенью 1941 г. был депортирован в нацистский концлагерь на территории Транснистрии (часть Украины, находившаяся во время войны под румынским управлением), где пробыл до 1944-го. В 1946-м по инициативе отца переехал в Палестину. Жил в кибуцах Мерхавия и Гат. Окончил Иерусалимский университет, там же преподавал с 1964 г., после получения докторской степени по еврейской литературе. Опубликовал четыре монографии об ивритской поэзии Средневековья и Ренессанса. Стихи на иврите, освоенном только после эмиграции (родным языком Пагиса был немецкий), начал писать уже в конце 1940-х (первая публикация – в 1949-м). С 1959 по 1982 гг. выпустил пять поэтических книг. Шестая, «*Ширим ахароним*» («Последние стихи»), издана посмертно, в 1987-м.

² Здесь и далее, за исключением особо оговоренных случаев, перевод с иврита наш.

то «нейтральных» сюжетов. К текстам такого рода относятся и те стихотворения, о которых пойдет речь в настоящей статье. Это, условно говоря, «стихи об искусстве», объединенные общим пониманием возможности и целей художественного (прежде всего, поэтического) творчества. Они написаны примерно в одно время – с конца 1970-х до середины 80-х – и опубликованы в книгах «Синонимы» [Милим

нирдафот] (1982) и «Последние стихи» [Ширим ахароним] (1987).

1

Начнем с краткого комментария к трем стихотворениям, открывающим цикл «Искусство ограничения» [Оманут *éa-цимцум*]. Первое из них – стихотворение в прозе с тем же названием:

בהתחלה הוא מאמין שהאחו הזה השופע נתן לו כלו, אלפי הפתעות ירקות. אחר כך הוא רואה שאיננו יכול לחיות באי-סדר כזה. אמנם עלי העשב אינם גבוהים, הם מגיעים רק עד ברקיו, אפילו רק עד קרסליו. אבל זהו מבודד מפתל: אין כאן שביל, יש כאן שבילים לאין-ספור: הוא תפשי לפנות אל כל רוח, הוא הולך לאבוד.

ובכן, הוא בוחר בצמצום! לא אחו, אלא חלקת דשא קטנה; לא חלקה, אלא שלשה עלי עשב; לא שלשה, לא אחד (וכאן נדמה לו שהוא מגיע לעקר), אף לא עלה אחד, אלא ציור של עלה. הנה המצוי.

רק בסוף, לאחר שתלה אותו על הקיר, הוא רואה: ציור העלה הכולל את האחו כלו, גם שולל את האחו כלו.

Сначала он думает, что этот избыточный луг дает ему все, тысячи неожиданных возможностей. Затем понимает, что не может жить в таком беспорядке. Конечно, стебли травы невысоки, они доходят ему лишь до коленей и даже до щиколоток. Но все это – запутанный лабиринт: здесь нет пути, здесь – бессчетные тропы: он открыт всем ветрам, он потерян.

И он выбирает ограничение! Не луг, а маленький участок травы; не участок, а три стебля травы; не три, не один (здесь кажется ему, что он подходит к сути), даже не один-единственный стебель, а изображение стебля. Вот в чем суть.

Только в конце, когда он повесил это изображение на стену, то увидел, что оно заключает в себе весь луг целиком и целиком же его отрицает [Пагис 2009: 306]¹.

«Ограничение», к которому прибегает художник, представлено здесь как необходимый элемент изобразительного (миметического) метода, почти его синоним. «Запутанный лабиринт» луга сводится сначала к минимуму стеблей, а затем к репрезентирующему целое изображению одного стебля. Обособляясь от реального луга с его естественным «беспорядком», это изображение становится как бы самостоятельной сущностью, которая одновременно «заклучает в себе весь луг целиком и целиком же его отрицает» (парадокс, вполне

типичный для художественной и, в принципе, любой репрезентации²).

Второе стихотворение – «Классик» [Класикон]:

על ראש היער הנה משתרע
רק הוא, הרוגע, הקר: הקריע.
בלב היער הנה מסתתר
רק היער הריק.

ביצד בחוץ, בעולם, קורה
שמרב עצים אין רואים את היער.
לא כאן. ביער הנה אין עצים.
הוא עקר, הוא יער טהור כל-כלו.

¹ В дальнейшем все ссылки на это издание даются в тексте статьи с указанием только номера страницы в скобках.

² На этот парадокс указывает, в частности, Карло Гинзбург: «С одной стороны, „репрезентация“ замещает репрезентированную реальность и, следовательно, напоминает об отсутствии; с другой, делает эту реальность видимой и, соответственно, указывает на присутствие» [Гинзбург 2021: 143].

מה סוּעַר בו, אם כן,
 בְּבִקְרָה צַח שֶׁל אוֹקטוֹבֵר?
 הוּא נִכְסֵף לְהִיּוֹת
 בְּר־חִלּוּף.
 הוּ, לְהִיּוֹת מִפְּצָל לְעֵצִים,
 חֲשׂוּף לְסוּפָה,
 כָּל עֵץ לְעֵצָמוֹ,
 כָּל עֵנָף, כָּל פֶּתַע־פֶּתָאִם לְעֵצָמוֹ
 וּפְטָרִיָה בַת־יוֹם,
 וְדוֹכִיפֶת בַּת־רַגְעָה –
 אֵךְ מִיָּד הוּא חוֹרֵר בו, נִכְלָם שֶׁחֵלֵם,
 וּכְקֹדֶם הוּא קָלְסִי, שְׁלֵם וּמְשֻׁלָּם:
 לֹא יָמוּשׁ, לֹא יָמוּת, לֹא יִחְיֶה לְעוֹלָם.

Над вершинами этого леса простирается только он – спокойный, холодный: небосвод. В глубине этого леса прячется лишь пустой лес.

Как это? Вовне, в мире, случается, что из-за деревьев не видно леса. Здесь – по-другому. В этом лесу нет деревьев. Он бесплоден, он – лес в чистом виде.

Но если так, то что же бушует в нем ясным октябрьским утром?
 Он жаждет быть тленным.
 О, быть разделенным на деревья, открытым буре:
 каждое дерево – само по себе
 и каждая ветка – сама по себе, и все мимолетное –
 гриб-однодневка,
 мгновенный угод.

Но он остается собой, тяготеет мечтаньем своим, и, как прежде, классичен и целен, и неуязвим, он не сдвинется с места, не умрет и не будет живым [304].

אַרְבָּעָה שׁוֹחֲחוּ עַל הָאָרֶץ. אֶחָד הִגְדִיר אוֹתוֹ לְפִי הַסּוּג, הַמִּיּוֹן וְהַנּוֹן. אֶחָד עָמַד עַל מְגַרְעוֹתָיו בְּתַעֲשִׂית הַקְּרָשִׁים. אֶחָד צִטֵּט שִׁירִים עַל אֲרָנִים בְּכָל מִיָּנִי שְׁפוֹת. אֶחָד הִכָּה שֶׁרֶשׁ, הוֹשִׁיט עֲנָפִים וְרִשְׁרֵשׁ.

Четверо разговаривали о сосне. Один давал ей определения в соответствии с классом, родом и видом. Другой утверждал, что она не очень хороша для производства досок. Третий цитировал стихи о соснах на разных языках. Четвертый пустил корни, расправил ветви и зашуршал [307].

Первые три собеседника обмениваются разными сведениями о сосне в режиме обычного разговора. Четвертый же превращается в сосну. Можно предположить, что это загадочное

Здесь – та же ситуация, что и в предыдущем стихотворении, но берется она в ином аспекте (меняется характер синекдохи): там – стебель на месте луга, часть вместо целого, здесь – лес на месте деревьев, целое вместо части. Во втором тексте появляются слова «классик» и «классический» (*класси*), как будто позволяющие связать оба сюжета с конкретной традицией. Впрочем, и в том и в другом случае подразумевается разве что близкая к «классической» (скорее же модернистская) точка зрения, согласно которой произведение искусства – это «изображение», радикально очищенное от множественных характеристик своего прототипа (луг без травы, лес без деревьев) и словно бы замкнутое в пределах собственного мира, за гранью времени и смерти. По мнению Шимона Зандбанка, эти стихи отсылают к теории «чистой поэзии» Поля Валери: «бегство от „беспорядка“ жизни посредством переноса ее в искусство» переключается в них с «таким отрицанием земного мира, которое именно для символистов было высшей целью и высшей красотой: как пишет Валери, „нет ничего прекраснее несуществующего“». И далее: «поэтически, но не психологически – ибо психологии здесь нет места – то, что вытекает из <...> как бы аутической обособленности искусства, противостоящего всему изменчивому, это нечто весьма напоминающее символистскую поэтику» [Зандбанк 2001: 108, 109–110]¹.

Третий текст из того же цикла – стихотворение в прозе «Беседа» [Суха]:

превращение на каждом своем этапе – укоренения, прорастания, шуршания – осуществляется исключительно в пространстве языка (что вполне допустимо, поскольку активность

¹ В свете этого наблюдения кажется совсем не случайным сходство завершающих слов пагисовского «Классика» («...не умрет и не будет живым») с репликой танцовщицы Атиктеи в финале диалога Валери «Душа и танец»: «Я ничего не чувствую. Я не умерла. И однако я не жива!» [Валери 1993: 204] (перев. В. Козового).

всех персонажей, в том числе и четвертого, типологически однородна: все они *soxaxu аль ёа-орен*, «разговаривали о сосне»). Но тогда и сам язык окажется уже совсем не тем, чем он был в предшествующей части «беседы» – не средством «подражания» внешним вещам, а скорее некоей демиургической силой, создающей новые вещи. В этом случае концовка миниатюры будет выглядеть как иллюстрация к еще одной модернистской поэтологической утопии – назовем ее утопией «вещественной» поэзии, – свидетельство которой тот же Шимон Зандбанк находит у американского поэта Джека Спайсера: «Я хотел бы сочинять стихи из реальных предметов. Лимон должен быть лимоном, читатель мог бы разрезать его, выжать или попробовать – настоящий лимон, подобно тому, как газета в коллаже – настоящая газета. <...> Стихотворение суть коллаж реального» (цит. по: [Зандбанк 1988: 105]).

Таким образом, все три текста дают неодинаковые, но как будто равно приемлемые для автора трактовки художественного/поэтического творчества. Однако их можно прочитать и по-другому – как «антимиметические» (и даже нигилистические по отношению к искусству в целом) декларации, в которых гармонизирующее «ограничение» неупорядоченной жизни отождествляется с ее отрицанием (смертью, пустотой), а произведение, созданное художником, объявляется либо чем-то несуществующим (не в условном значении, как у Валери, а буквально), либо тем, что никогда не достигает подлинного (осязаемого вещественного) существования. Изображение луга становится здесь уничтожением изображаемого (полнота оборачивается пустотой); «бесплодный» лес, жаждущий «быть тленным» и разделенным на части, «остается собой», далекий и от смерти, и от жизни; наконец, понятия и образы, описывающие сосну, обнаруживают неспособность к сколь угодно достоверному воссозданию реальности.

Именно эти мотивы – обособленность от мира, несуществование, пустота/опустошение и, кроме того, невозможность высказывания или, как вариант, высказывание, не подлежащее фиксации и прочтению, – обычно занимают центральное место в стихотворениях Пагиса, касающихся темы искусства (чаще – поэзии,

и прежде всего поэзии собственной). Одна из формул, выражающих как бы идеальное состояние художника, дается в стихотворении «Маленький цикл о лихорадке» [*Махзор катан шель кадахат*] из книги «Последние стихи»:

Он решает быть
 столь же холодным,
 белым, остро ограненным, мертвым,
 как большой кристалл соли.
 <...>
 Он маскирует лицо,
 укрывая его руками,
 создает себе другое лицо:
 две щели, чтобы глядеть,
 щель, чтоб дышать,
 дыра, чтобы лгать.
 Если ложь должна быть услышана,
 а слушателя нет,
 он сам послушает, будет неплохо [302].

יבכּוּ הוּא מְחַלֵּט לַהַיּוֹת
 כָּל־כָּף כָּר,
 כָּל כּוֹף לְכוֹן, חֵד, מֵת, כְּמוֹ
 גְבִישׁ גְּדוֹל שֶׁל מֶלֶח.
 <...>
 הוּא פּוֹרֵשׁ עַל פְּנָיו
 מַסְכָּה שֶׁל יָדַיִם
 עוֹשֶׂה לּוֹ פְּנִיִּים אַחֲרוֹת:
 שְׁנֵי חֲרִיצִים לְהַצִּיץ
 חֲרִיץ לְנֶשֶׁם
 חוֹר לְשִׁקָּר.
 אִם הַשִּׁקָּר זָקוּק לְשׁוֹמֵעַ
 זָאֵן לּוֹ שׁוֹמֵעַ
 יִקְשִׁיב לְעֵצְמוֹ, יִהְיֶה טוֹב

Упомянутому здесь «кристаллу» и его герметичности, аннулирующей всякую возможность обнаружения «внутреннего» во «внешнем» (например, замысла в материале, сообщения в сознании воспринимающего и т. п.), посвящено другое, более раннее стихотворение, где, в частности, говорится:

Вы намерены отыскать свой образ
 в моем.
 Напрасно. Я не оставлю о себе памяти,
 вы не были во мне никогда.
 Зеркало напротив зеркала напротив
 заколдованного зеркала,
 я отражаюсь в себе¹.

(«Двенадцать лиц изумруда»

[*Шнейм-асар паним шель измараэд*]) [151]

¹ Отметим попутно, что критики и исследователи, пишущие о Пагисе, нередко уподобляют такому кристаллу (и, в частности, изумруду из этого стихотворения, по-настоящему «программного») всю его поэзию. Ср., например: «Ког-

אתם מדמים למצא את דמותכם
בדמותי.
לשוא. לא אשאיר לכם זכר,
לא הייתם בי מעולם.
ראי מול ראי מול ראי מכשף
אני משתקף באני.

... אני שוכב
כרגיל, פני אל הקיר, ורושם
בגיר על הקיר הלבן
את שמותיהם כלם, לבל אשכח
את שמי.

В некотором смысле «кристалличен», по Пагису, и сам творческий процесс, чаще всего понимаемый как создание ускользящей, скрывающейся, «замаскированной» реальности – *tabula rasa*, на которой, по существу, не отображается ни одна запись:

...я лежу,
как обычно, лицом к стене, и записываю
мелом на этой белой стене
имена их всех, чтобы не забыть
свое имя.

(«Родословная» [Юхасин]) [167]

Безрезультатность «записывания» (невидимость текста, неотличимость его от «белой стены») с почти иконической наглядностью подчеркивается здесь тавтологией *kir-gir-kir* 'стена – мел – стена' (отмечено Тамар Якоби, см.: [Якоби 2011: 218]): инструмент письма и поверхность, на которую наносятся «имена», одинаковы по составу и цвету, и поэтому написанное никогда не может быть ни прочитано, ни завершено. Позднее этот сюжет, освобождаясь от прямой связи с темой «родословия» (в данном случае памяти погибших во время Холокоста), воспроизводится в прозаической миниатюре «Для литературной анкеты» [Леминшеаль сифрути]:

אתם שואלים כיצד אני כותב. אכל שישאר בינינו! אני נוטל בצל בשל, סוחט אותו, טובל את העט במיץ וכותב. זוהי דיו סתרים מציינת: מיץ הבצל חסר צבע (בדומה לדמעות שמעלה הבצל), ואחרי שהוא מתנבש אינו מותר שום סימן. הדף שוב נראה טהור כשהיה. רק אם יקרבו אותו אל האש וילהטו אותו, יתגלה הקתוב, תחלה בהסוס, אות פה אות שם, ולבסוף כדיו, כל משפט ומשפט. אלא מה? את סוד האש אין איש יודע, ומי יחשד בו, בדף הטהור, שכתוב בו משהו?

Вы спрашиваете, как я пишу. Пусть это останется между нами! Я беру спелую луковицу, выжимаю ее, окунаю перо в сок и пишу. Это отличные симпатические чернила: луковый сок бесцветен (подобно *slizam*, что вызваны луком), и после того, как он высыхает, никаких следов не остается. Лист бумаги снова выглядит чистым, каким и был. Только если вы приблизите его к огню и хорошенько нагреете, написанное проявится, сначала неуверенно, буква здесь, буква там, и, наконец, так, как нужно: предложение за предложением. Что-то еще? Мы не знаем тайны огня, да и кто вообще заподозрит, что на чистом листе есть какая-то запись? [308]

Легко заметить сходство между невидимой записью на белой стене или чистом листе с изображением стебля в «Искусстве ограничения» и «пустым лесом» в «Классике»: в каждом из этих случаев речь идет либо

о чем-то тщательно зашифрованном, утаенном (возможно, даже и от самого автора) и в конечном счете утраченном, либо о том, что вовсе не существует, т. е. представляет собой некую фигуру отсутствия, заключен-

да я пытаюсь размышлять о Пагисе-поэте, первая мысль, которая у меня возникает, это мысль о кристалле. Его жизнь, творчество, его мир всегда казались мне некими кристаллами. Под их поверхностью, подобно лаве, текли потоки боли. За гранью времени, застывшего и превращенного в классический стих, кипели огненные моря страшных воспоминаний, исторических и биографических, и только умение сдерживать их силу позволило ему как-то ужиться с ними» [Шакед 1991: 22]. О том же – у Сидры Дековен Эзрахи: «...Пагисовская поэзия отполирована и огранена, как кристалл, но когда мы пытаемся отыскать характерную для нее идею „комплементарности, различий, из которых создаются части, сводимые к единству целого“, – то, что Поль де Ман называет метафорической имажинацией, мы находим – как в поэзии, так и в мировоззрении – лишь изумруд, который не отражает ничего из находящегося за его пределами („я отражаю в себе“) и ничего из того, что скрыто за составляющими его химическими элементами» [Ezrahi 1990: 351].

ную в «раму» произведения. К ряду объектов такого типа добавим музыку без музыки («пустую» музыку) из стихотворения в прозе «Дирижирование» [Ницуах]:

עוד מעט עלי לעלות לבמה ולנצח. בינתיים אני מאזין, כך נדמה לי, לערבוביה כובשת לב: כל נגן מכונן את הכלי שלו, מטפס על רמז סלם, על בדל מנגינה. איזה יפי. אני מבין ללב של אותו הוטנטוט שבקר בפעם הראשונה בקונצרט: הקטע הכי יפה, מסמר הערב, היה לפני שעלה האיש המצחיק עם השרביט.

הגיע זמני לעלות לבמה. הנני. אני נושף את שפתי, גובר על פח המשיכה של כדור הארץ ומרים את השרביט. דממת צפיה. לפני משתרעת במה מרוקנת מכל עד קצה מעמקיה. אין כאן איש. איזה יפי. אני רומז לרוח הפרצים והיא נשמעת לי מייד: נשיפת פתיחה, פרק ראשון, פרסטו!

Еще немного, и я взойду на сцену – дирижировать. А пока, как мне кажется, я слышу хаотические звуки, покоряющие сердце: каждый музыкант настраивает свой инструмент, карабкается по пунктиру гаммы, по краю мелодии. Какая красота. Я понимаю, что мог бы почувствовать готтентот, впервые пришедший на концерт: самая яркая часть, гвоздь программы, бывает до того, как появится забавный человек с дирижерской палочкой.

Время подниматься на сцену. Вот и я. Закусываю губу, преодолевая силу земного притяжения, и поднимаю палочку. Безмолвие ожидания. Передо мной простирается сцена, совершенно пустая, до самого края. Здесь никого нет. Какая красота. Я даю знак потокам ветра, и они тотчас же подчиняются мне: вступление духовых, первая часть, престо! [309]

Глагол *нишмаат* в последнем предложении этого текста (в нашем переводе: «подчиняются») означает ‘слышаться’ и ‘слушаться, быть послушным’. Соответственно, выражение *нишмаат ли мияд* может быть прочитано двояко: <ветер> «тотчас же слушается меня» и <ветер> «тотчас же слышится мне». Объединение этих двух аспектов, их как бы «просвечивание» друг в друге, усиливает впечатление парадоксальности описываемой ситуации: и слышится, и слушается/подчиняется то, чего, по существу, нет – пустота в оболочке «потоков ветра»¹, или,

ближе к оригиналу, «выдох» пустоты² (здесь как бы само собой актуализируется исходное значение слова *нешифа* ‘выдох’ в сочетании *нешифат птиха* ‘вступление духовых’).

Среди стихотворений в прозе, вошедших в книгу «Синонимы», особенно выделяется миниатюра «Самоотверженность» [*Месурут нефеш*], в которой место типичного для Пагиса изображения вымышленных художественных и квазихудожественных объектов занимает описание произведения с реальной историей (экфрасис в классическом смысле):

כפפות של גומי: למטבח, גסות קלגסית; לשלחן הנתות, גמישות חלקלקת, חטוט בפרטים האינטימיים, חטוי. בין כל הכפפות של גומי רק אחת אצילה, זו הנצחית שאיננה קימת, הכפפה בציר של דה־קיריקו 'שיר אהבה'. היא מצמדת בנעץ אל קיר פשוט, מטית, לרגליה חולם לו כדור בלא פשר, ולידה ראש גבס של גבר, אולי של אפולו, בוהה בחלל. הוא איננו יודע שהרחק מאחור, בחלל הנגדי, חומק לו קטר שחר ומפריח ענן, וכבר ערב. אבל הכפפה תלויה כאן, לפנינו, במסירות נפש, ובכל אצבעותיה השמוטות היא מצביעה כלפי מטה ומראה לנו לאן, לאן.

¹ Характерный пример единства мотивов ветра и пустоты, инвариантного у Пагиса, – реплика ветра в одном из стихотворений сборника «Мозг» [Моах]: «Все мои направления понятны: / от ужаса пустоты / я устремляюсь / в пустоту» [183].

² См. об этом: [Зандбанк 1988: 105].

Резиновые перчатки: для кухни – брутальная жесткость; для операционного стола – скользящая эластичность, проникновение в интимные детали, дезинфекция. Среди всех резиновых перчаток благородна только одна: вечная, поскольку несуществующая, перчатка с картины Де Кирико «Песнь любви». Она прикреплена кнопкой к простой оштукатуренной стене, под ней – шар, который грезит непонятно о чем, и рядом с нею – гипсовая мужская голова, может быть, Аполлона, уставившаяся невидящим взглядом в пространство и не знающая о том, что далеко позади, с обратной стороны, движется черный паровоз и выпускает в воздух облако, и уже вечер. Но перчатка, висящая здесь, перед нами, всеми своими опущенными пальцами самоотверженно указывает вниз и дает нам понять – куда, куда [260].

Перчатка с картины Де Кирико *эйнена каемет*, «не существует», и именно в этом – причина ее «вечности» (ср. с «вечностью» леса в «Классике») и ее «благородства» – непричастности ни к практической жизни, ни к жизни вообще. В равной мере «не существуют» и другие соседствующие с ней предметы, среди которых, как представляется, особое место занимает голова Аполлона с ее «невидящим взглядом» (как бы метафорой того же «несуществования»), устремленным в сторону, противоположную фону картины – обобщенно говоря, миру и его динамике (движению паровоза и дыма, наступлению вечера). Если предположить, что образ Аполлона выступает здесь в традиционной роли символа искусства (так, возможно, у Пагиса, но совсем не обязательно

но – у Де Кирико), то будет уместен следующий парафраз этого стихотворения: изображенный предмет, в отличие от своего оригинала, «не существует» и поэтому обладает высшим «благородством»; искусство, которому он принадлежит, оставляет жизнь «далеко позади» и смотрит «невидящим взглядом» в пустоту; порой, благодаря «самоотверженности» художника, оно само «дает нам понять», что этот взгляд всегда обращен в одну и ту же сторону – «вниз», к смерти.

Для сравнения приведем еще одно стихотворение в прозе, в котором ситуация «самоотверженности» – сознательного отказа от «ложного» искусства в пользу искусства «подлинного» – приобретает более выятный и однозначный характер:

מִכָּה רֵאשׁוּנָה שֶׁל תָּף – וְהוּא פִקְעַת אוֹיֵר, גִּפְיוֹ לְכָל עֵבֶר, הוּא מִתְעַרְבֵּל, יוֹרֵד
בְּקִשְׁתֵּי גְדוּלָה, נוֹחַת עַל קֶצֶה אֲצַבְעוֹ. יָפֵה מְאֹד, אֲבָל כְּבָר רְאִינוּ.

מִכָּה שֵׁנִיָּה שֶׁל תָּף – וְהוּא כְּדוֹר מְרַחֵף בֵּין שְׂבָעָה כְּדוֹרִים, בּוֹעֵט וְנֹכְעֵט, יוֹרֵד
בְּקִשְׁתֵּי גְדוּלָה, תּוֹפֵס אֶת כָּלָם עַל אָפוֹ. יָפֵה מְאֹד, אֲבָל כְּבָר רְאִינוּ.

פְּתָאִים לֹא כָּל הַכְּנָה, לְפִתְעַ פְּתָאִים, רִגְלָיו עוֹמְדוֹת עַל קֶרְשֵׁי הַכְּמָה, וּמַעַל לְרִגְלָיו
– אֲגָנוֹ, בְּטָנוֹ, חֻהוֹ, כְּתַפְּיוֹ, צִנְאוֹ, וְלִמְעָלָה פְּנָיו הַפּוֹנוֹת בְּשִׁלְוָה אֶל הַחֹשֶׁךְ. זֹאת
אֲמָנוֹת שֶׁאֵין לִמְעָלָה מִמֶּנָּה.

Первый удар барабана, и он – клубок воздуха, руки и ноги его – во все стороны, он закручивается, падает по длинной дуге, приземляется на кончик пальца. Очень красиво, но это мы уже видели.

Второй удар барабана, и он – мяч, парящий между семью мячами, он бьет по ним и бьется об них, падает по длинной дуге, ловит все мячи собственным носом. Очень красиво, но это мы уже видели.

Вдруг, без всякого предварения, совершенно неожиданно, ноги его встают на доски сцены, и над ногами – бедра, живот, грудь, плечи, шея, а выше – лицо, спокойно глядящее в темноту. Это – искусство, выше которого нет.

(«Акробатика») [264]

2

В посвященном Дану Пагису эссе «Зариэль» Амос Оз вспоминает, как в разговоре, состоявшемся в начале 1980-х, «Дан говорил о стихах двух типов: о тех, которые благополучно, уютно, по-домашнему живут внутри языка, и о тех, для которых язык неудобен и они в нем – словно в тюрьме. Вот как он об этом сказал: есть стихи, хорошо совместимые с языком, и есть стихи, которые настроены на противодействие ему. Или на обособление от него. Иначе говоря, стихи, которые стремятся выйти за его пределы. И тут вдруг – сарказм, как бы стирающий сказанное: если и есть что-то общее у этих двух типов, так это то, что оба они ничего не меняют. Стихи, которые могут что-то изменить, это песни для хождения строем. Марши. Может, начнем писать марши?» [Оз 1987: 207].

Это высказывание побуждает задуматься о том, что имеет в виду поэт, говоря о стихах, выходящих за пределы языка (явлении, в общем и целом, не новом в его эпоху), и какой смысл он усматривает в писании стихов, если они, по его словам, «ничего не меняют».

В поэзии самого Пагиса конфликтное отношение, которое можно назвать «обособлением» поэтического текста от языка, разворачивается по трем основным линиям. Первая линия – уже упоминавшаяся настроенность поэта на «затемненное», зашифрованное, герметичное высказывание. Как пишет Матти Мегед, «многие его (Пагиса. – Н. Б.) стихи свидетельствуют о таком способе созерцания, который оставляет слова, видимые глазу, окруженными неразрешимой тайной, и таинственность как таковая – главное в этих стихах» [Мегед 1988: 70] (ср. сказанное выше о «кристалличности» пагисовской поэзии).

Вторая линия – прямой отказ от слов, точнее, внезапный обрыв речи с эффектом зияния или пробела в конце текста. Этот прием, у Пагиса довольно редкий, прочно ассоциируется с одним из самых известных и часто обсуждаемых его стихотворений – «Написано карандашом в опечатанном вагоне» [*Катув беипарон бакарон га-хатум*]:

здесь в этом транспорте
я Ева
с сыном Авелем
если увидите моего старшего
Каина сына Адама
передайте ему что мама [135]¹
(Пер. Гали-Даны Зингер)

כָּאן בַּמְשֻׁלּוֹחַ הַהוּא
אֲנִי חַוָּה
עִם הַבֵּן בְּנִי
אִם תִּרְאוּ אֶת בְּנֵי הַגְּדוֹל
קוּוּ כּוּ אֶדָם
תְּגִידוּ לוֹ שְׂאֵנִי

Наконец, третья линия (для нас особенно интересная) – метапоэтическая рефлексия, в рамках которой поэзия выступает пространством «молчащего» (немого, пустого) слова. Эта рефлексия осуществляется в нескольких поздних стихотворениях, тематически примыкающих к текстам, рассмотренным выше. Одно из них – «Малая поэтика» [*Поэтика ктана*]:

Тебе позволено писать все,
например, то и то.
Тебе позволены все буквы, какие найдутся,
все знаки, какие для них взрастишь.

Конечно, следует проверить:
этот голос – твой ли голос,
эти руки – твои ли руки.

Если да, замкни свой голос,
удержи свои руки и слушай
голос
пустого листа [228].

מִתֵּר לָךְ לְכַתֵּב הַכֹּל,
לְמַשֵּׁל שׁ, וְשׁ.
מִתֵּר לָךְ בְּכָל הָאוֹתִיּוֹת שֶׁתִּמְצָא,
בְּכָל הַתְּגִים שֶׁתִּצְמִיחַ לָהֶן.

כְּדַאי שֶׁתִּבְדֵּק, כְּמוֹכֵן,
אִם הַקּוֹל קוֹלְךָ
וְהַיָּדַים יְדִידֶיךָ.

אִם כֵּן, כִּלְאֵי אֶת קוֹלְךָ,
אִסֵּף יְדִידֶיךָ וְשִׁמְעוּ
בְּקוֹל
הַדָּף הָרֵיק.

¹ Шимон Зандбанк считает это стихотворение своего рода «порождающей моделью» для многих других пагисовских текстов: «Пустота, обрывающая слова, которые Ева записывает на стене опечатанного вагона – у нее немало вариантов в окончаниях других стихотворений Пагиса»; среди этих «вариантов», в частности – «перчатка, что „указывает вниз“ в конце стихотворения в прозе „Самоотверженность“ <...>; „изобильный луг“, который сокращается до одного стебля, „отрицающего его целиком“, в стихотворении „Искусство ограничения“» [Зандбанк 2016 а: 45].

Требование «замкнуть свой голос» и дать слово «пустому листу» придает этому стихотворению сходство с некоторыми модернистскими декларациями, в которых совершенство поэтического высказывания по тем или иным основаниям ставится в зависимость от готовности поэта «самоустраниться» из процесса письма («умолкнуть», давая возможность сказать тому, что высвобождается его «молчанием»). Указывая на это сходство, Зандбанк приводит цитату из статьи Малларме «Кризис поэзии»: «Чистое творение предполагает, что говорящий исчезает поэт, словам <...> уступая инициативу <...> Все здесь словно висит в воздухе, дробящиеся фрагменты чередуются, располагаются один против другого, создают, и они тоже, всеохватный ритм – поэму молчания в пробелах строк» [Зандбанк 2001: 110] (пер. И. Стаф). Мы можем вспомнить и другие суждения на ту же тему, в том числе более близкие к пагисовскому времени – например, Мориса Бланшо: «...Этот язык говорит как отсутствие. Он говорит уже там, где ничего не говорит: умолкая, он продолжает звучать. Он не молчалив, ибо в нем именно молчание говорит само с собой» [Бланшо 2002: 45], или Паула Целана: «Стихотворение – стихотворение современное – вне сомнения, все больше стремится к немоте» [Целан 2013: 429], или Натана Заха (поэта, оказавшего значительное влияние на Пагиса и на других представителей «второй волны» ивритского модернизма):

Художник рисует, писатель пишет,
скульптор ваяет,

но поэт не поет,
он – гора у края дороги
или дерево, или запах,
что-то ускользящее
или уже исчезнувшее, то, что было
и не вернется, как времена года,
тепло, холод, лед и смех
сердца, когда оно любит,
или вода, что-то большое, неясное,
как ветер, или корабль, или песня,
что-то, что оставляет
что-то.

(«Художник рисует» [Гя-цяяр мецаер]) [Зах 1984: 66]

הצייר מצייר, הסופר מספר, הפסל מפסל
אך המשורר אינו שר,
הוא הר בצדי הדרך,
או עץ, או ריח,
משהו בורח,
או כּכּר לא, מה שְהיה
ולא יחזור, כמו עונות השנה,
החם, הקר, הקרח והצחוק
של הלב, כאשר הוא אוהב,
או מים, משהו רחב, בלתי-מוכן
כמו רוח, או אִנְיָה, או שיר,
משהו שמשאיר
משהו.

Каждый из упомянутых авторов по-своему трактует «молчание» (или «ускользание», как у Заха) поэта и поэтического слова, однако все они согласны в том, что посредством этого «молчания» некто или нечто (слово как такое, «Другой» с его собственным временем, импрессионистическое «что-то» и т. п.) *говорит*, свидетельствует о себе. Что же касается Пагиса, то, кажется, в его «Малой поэтике» речь идет об ином, «неговорящем» молчании.

Следует отметить, что в начале этого стихотворения – «Тебе позволено писать все, / например, то и то» – попытка конкретизации абстрактного «все» не ослабляет, а скорее поддерживает и даже упрочивает его неопределенность («то и то» в оригинале передается двумя буквами *шин, ше веше*; видимо, они должны подчеркнуть одинаковость того, что формально представлено как различное). «Писать все» в данном случае означает «ничего не писать», и равенство между этими понятиями, поначалу только подразумеваемое, постепенно эксплицируется в описанном далее «нисходящем» движении письма: от слов к буквам, от них – к «знакам», которые «вращиваются» для букв¹, и затем – через запрет на самостоятельное действие – к «пустому листу». «Автор, – говорит об этом Рина Дудай, – начинает писать в той ситуации, когда все возможности письма кажутся ему доступными. Но, как ясно из дальнейшего, поле действия сокращается: разрешение писать все и всеми буквами оказывается ложным, его замещает требование подлинности (*отентиют*), предписывающее „замкнуть“ голос,

¹ Под *га-тагим* – «знаками» (точнее, «значками», «ярлычками») здесь, возможно, подразумеваются украшения верхней части ивритских букв, принятые в традиционной культуре, или знаки огласовки, *некудот*.

„удержать“ руки и, наконец, „слушать голос пустого листа“» [Дудай 2009: 118].

Строки «Конечно, следует проверить: / эти руки – твои ли руки, / этот голос – твой ли голос» содержат аллюзию на Книгу Бытия: «Иаков подошел к Исааку, отцу своему, и он ощупал его и сказал: голос, голос Иакова, а руки, руки Исаавовы» (Быт. 27, 22). Трудно сказать определенно, какая роль отводится этой цитате. Может быть, как предполагает Ариэль Гиршфельд, «раздвоенность („двуличие“ Иакова, притворившегося своим братом. – Н. Б.) проецируется на пишущего: разделен ли ты, как Иаков, на „голос“ и „руки“? (Невинность vs. животная страсть? Истина vs. ложь?) Если в тебе еще нет разделения, и этот голос – твой, и эти руки – твои, то ты можешь перейти к следующему уровню письма» [Гиршфельд 1995: 195, 196]. Возможно также, что отсылка к библейскому тексту нужна для того, чтобы ввести в стихотворение тему *обмана*, кроющегося не столько в действиях пишущего, сколько в субъективной природе самого письма (и в целом любого «самовыражения»): если голос и руки – твои и пишешь именно ты – остановись, потому что все, что будет написано, неизбежно окажется ложью (такой же, как получение Иаковом благословения от Исаака, пусть оно и было оправдано в высшем, «провиденциальном» смысле). Впрочем, как бы мы ни толковали эту аллюзию, главное в том, что, удостоверив принадлежность голоса и рук себе самому, пишущий должен отказаться от речи и слушать «голос пустого листа».

В стихотворении нет прямых указаний на то, что этот голос не отсылает к словесно невыразимым – трансцендентным или внерациональным – аспектам сущего. Но, как мы уже отметили, «пустой лист» может восприниматься как образ исходного равенства между «писать все» и «не писать ничего» (тождества «все» и «ничто»), или, по выражению Шимона Зандбанка, «отклик финальной пустоты на пустоту в начале» [Зандбанк 2016б: 17]. В этом случае «голосом пустого листа» будет именно голос пустоты, которая скрывается в подтексте письма, а нейтрализация голоса и рук пишущего окажется чем-то вроде перехода от привычного порядка творче-

ства («позволено писать все» и т. п.) к состоянию уже известной нам «самоотверженности». Показательно, что наиболее точная параллель слушанию «голоса пустого листа» обнаруживается в стихотворении «Акробатика», герой которого отказывается от своего искусства («вдруг, без всякого предварения» – как если бы тоже получил приказ «удержать свои руки» и «замкнуть свой голос») и спокойно смотрит «в темноту». Пустота «пустого листа», аналогичная этой «темноте», при ее посредстве сближается с другим своим подобием – загадочным пространством, на которое указывает перчатка с картины Де Кирико.

«Пустой лист» появляется еще в одном стихотворении из той же книги – «Рассказ» [Гл-сипур]:

Как-то раз я читал
рассказ про маленького кузнечика,
ярко-зеленого любителя приключений,
который однажды вечером
сгинул в пасти летучей мыши.

Сразу после этого мудрая сова произнесла
краткую поминальную речь и сказала:
летучей мыши тоже нужно питаться,
а на лугу еще много кузнечиков.

Сразу после этого идет
последний лист – пустой.

Сорок лет с того самого момента
я склонен над этим листом.
И нет у меня сил
закрывать книгу [243].

פעם קראתי
ספור על חגול בן-יומו,
הרפתקן ירק מאד, שבֵּעֶרְב
נָטַרְף בְּפִי עֵטְלָף.

מִדָּ אַחֲרַי זֶה נִשָּׂא הַנְּשׁוּף הַחֶכֶם
נֵאֻם תְּנַחֲמִים קֶצֶר וְאָמַר:
גַּם עֵטְלָף רוֹצֵה לְהַתְּפַרְנֵס,
וַיֵּשׁ עוֹד חֲרָגוּלִים רַבִּים בְּאָחוּ.

¹ Вопросы, отсылающие к традиционной интерпретации «голоса» и «рук» в этом эпизоде. Ср.: «Вот голос как голос человека мудрого; а руки как у обдирающего мертвых. „Голос, голос Иакова...“ – Яков властвует лишь голосом своим; „...а руки, руки Эсава“ – а Эсав властвует лишь руками своими <...> Сказал рабби Берехья: – Когда Яаков гневит <Все-вышнего> своим голосом, руки Эсава властвуют <над ним>; когда же его голос разливается, руки Эсава не властвуют <над ним>» [Берешит раба 2014: 214].

מיד אחרי זה בא
דף אחרון ריק.

אך בעים שנה מאז אותו רגע
אני רכון על הדף ההוא.
אין לי כח
לקר את הספר.

Обращает на себя внимание анафора *מיד* *אחרי זה*, «сразу после этого». Вероятно, она нужна для того, чтобы пустой лист и ситуация многолетней «склоненности» над ним лирического «я» – рассказчика и читателя – вписались в контекст как будто бы уже прочитанного рассказа. Благодаря повтору этого словосочетания события, происходящие в самом рассказе и за его пределами, воспринимаются как однородные, грань между ними опрозрачивается, и «я» оказывается как бы втянутым в пересказанную им историю, точнее, эта история сама подчиняет его себе, заставляя всю жизнь «склоняться» над своей последней страницей. Почему эта страница пуста? Возможно, потому, что если оправдание убийства является «нормой» мирового порядка и в то же время противоречит идеалу всеобщей гармонии, то нельзя ни отрицать правоту «мудрой совы», ни согласиться с нею (в этом случае пустой лист – символ неразрешимости моральной дилеммы). Но возможно также, что герой оценивает когда-то прочитанный рассказ как рассказ о себе, о собственной гибели: он жив и поэтому еще «склонен» над книгой; но его уже нет, и поэтому отведенная для него страница пуста (его история давно завершилась, рассказ окончен). Это – парадокс, лежащий в основе многих (в пределе – всех) поэтических сюжетов Пагиса: «мертвый заживо, мертвый, вспоминающий свою жизнь» [Шакед 1983: 16]¹.

Оба предположения – первое косвенно, второе напрямую – связывают это стихотворение с памятью о Катастрофе. В беседе с Рашель Бергаш (1984) на вопрос о том, несет ли оно на себе отпечаток пережитого в детстве,

Пагис отвечает: «Вероятно <...> Мне было пять или шесть лет, я читал детскую книгу на немецком. Не могу найти эту книгу, не знаю, кто автор, но помню два предложения, в которых мудрая сова оправдывает гибель кузнечика: „Летучей мыши тоже нужно питаться. А на лугу еще много кузнечиков“. Это, конечно, верно, что летучая мышь должна питаться, но во втором предложении – „А на лугу еще много кузнечиков“ – есть что-то необыкновенно жестокое. Этот обезличивающий подход к смерти поразил меня. Но я не запомнил бы эту фразу столь отчетливо, если бы не то, что случилось потом, во время войны (курсив наш. – Н. Б.)» (цит. по: [Goodblatt 2020]).

Несомненно, что и в «Малой поэтике» «пустой лист» (как, повторим, и все остальные образы пагисовской поэзии) апеллирует к опыту Катастрофы. Так, по мнению Рины Дудай, его пустота/чистота – типичный показатель нейтрализованности душевной травмы, когда «импульс к выражению сильного переживания сталкивается с обратным импульсом, который замещает прямую репрезентацию воспоминания о прошедшем событии речью „молчащего“ предмета, пустого листа» [Дудай 2009: 117–118]. Шимон Занбанк, напротив, усматривает в этом образе форму предельно откровенной манифестации травматического переживания, его «метонимию»: «Эта метонимия (типа „следствие вместо причины“) – единственный способ выражения того, что простые слова бессильны высказать. Это уникальный случай метонимии, выходящей за границы языка, отказывающейся от него, чтобы сказать то, что он не может сказать. Ужас, который невыразим словами, обретает выражение в уходе от слов: „...замкни свой голос, / удержи свои руки и слушай / голос / пустого листа“» [Зандбанк 2016б: 20].

В отличие от названных авторов, Ариэль Гиршфельд оставляет в подтексте (впрочем, достаточно хорошо различимом) параллель между «пустым листом» и пагисовским прошлым. Он пишет, что субъект «Малой поэтики» «расщеплен» на некое условное «я» (собственно говорящего) и его адресата – «ты» (поэта), и что

¹ Вот как это состояние описывается в стихотворении «Рот Сатане» [*Пэ леСатан*] из книги «Последние стихи»: «Стоя перед гильотиной, / Дантон сказал: „Глагол *гильотинировать* / (это новомодное слово) / ограничен изменением времени и лица, / ибо в прошедшем времени я не успею сказать: / я гильотинирован“. // Суждение пусть и остроумное, но наивное. / Вот я (не будучи кем-то особенным) / обезглавлен, / повешен, / сожжен, / расстрелян, / забыт» [269]. Подробнее о «мертвом заживо» герое пагисовской поэзии см. в нашей работе: [Быстров 2020].

первое постепенно захватывает власть над вторым. «Сначала „я“ разрешает поэту писать все, точнее, все или ничего <...> Но во второй строфе оно прорывается к тому, что предшествует письму, к „голосу“ и „руке“, к „ты“ как таковому». Это «я», «стоящее в сердце пустоты, ничто, репрезентируемых пустым листом, лишает „ты“, пишущего стихотворение, его голоса и готовится поставить точку в его конце. „Я“ подавляет „ты“. „Я“ подобно смерти» [Гиршфельд 1995: 159]. В той же статье, анализируя фрагмент незавершенного стихотворения «Алефавит» [Алефбетин]

Не грусти, алеф,
не напрасно ты – в начале.
Тав – твой предел, и ты стремишься
к волшебному слову: ты¹ [327],

אל תעצבי, אלה,
את לא התחלת לשוא.
הת'י היא תכליתך ואת שואפת
לקראת מלת הקסם: את.

Гиршфельд отмечает, что в поздних текстах Пагиса «соприкосновение со смертью (буквой *тав*)» приводит <...> к ощущению достигнутого финала. „Я“, прошедшее весь алфавит, встречается, в конечном итоге, слово „ты“. В нем оно <...> заново себя обретает, уже изменившись, именно как „ты“, но не „я“. „Ты“ – это „я“ в его полном объеме» [Гиршфельд 1995: 168].

По Гиршфельду, *алеф* и *тав*, так же, как «я» и «ты» в «Малой поэтике», – два полюса одного «я», исчерпавшего «весь алфавит», закончившего свой путь, но при этом все-таки живущего (ср. поразительное признание Пагиса в интервью Яире Гиноссар: «я жив внутри смерти» [Дан Пагис: ликро... 1983: 33]). Сближение этих полюсов, как он полагает, должно создавать эффект своеобразной «аннигиляции» субъекта – уничтожения живого «я» и замещения его «я» «мертвым заживо», – эффект, наиболее точным выражением которого является метафора «пустого листа»². Если пишущий, «ты»,

подтверждает, что его голос и руки принадлежат ему, т. е. осознает себя целостным «я», а, по существу, позволяет этому новому качеству, антагонисту своей незавершенной жизни, раскрыться в себе и стать «„я“ в его полном объеме», то и он сам, и его мир, и все, что он пишет, превращается в «пустой лист».

Итак, мы видим, что ключевой образ «Малой поэтики» может быть интерпретирован не только в ракурсе представления о молчании как «онтологически подлинной» речи, но и буквально – как свидетельство того, что в ситуации длящегося опыта Катастрофы у поэта не остается никакой другой реальности, кроме пустоты в разных ее обликах. Это пустота чистого листа и белой стены, пустота образа в искусстве и в нем же – пустота как «темнота», наконец, это пустота слов (речи, прежде всего поэтической), с которой сталкивается, например, герой поэмы «Следы» [Акевот], пытаясь рассказать о своем возвращении из мира погибших, где он «был забыт в опечатанном вагоне»:

Откуда начать?

Я даже не знаю, как задать вопрос.

Слишком много языков смешалось у меня во рту.

Но на перекрестье этих ветров,
прилежный весьма, я погружаюсь
в законы небесной грамматики и учу
склонения, глаголы, имена
молчания [144].

איפה להתחיל?
אפלו אינני יודע לשאל.
כפי נבללו לשונות רבות מדי. אבל
על פרשת הרוחות האלה,
שקדן מאד, אני שוקע כלי
בחקי הבלשנות השמימית ולומד
נטיות, פעלים, שמות
של שתיקה.

Из сказанного ясно, что поэтический труд начинается и заканчивается «пустым листом».

¹ Алеф – первая буква еврейского алфавита, тав – последняя; местоимение «я» [ани] начинается с алеф, а «ты» ж. р. [ат] представляет собой сочетание алеф и тав, метафорически – слияние начала и конца, рождения и смерти.

² Ср. откровенно макабрическое описание этой ситуации в стихотворении «Изготовление» [Га-фаткана], входящем в тот же цикл, что и «Малая поэтика»: «Маску смерти изготавливают / из негатива лица. / С исходом души ты обертываешь / лицо мягкой тканью / и медленно ее снимаешь: / получаешь глубокую впадину, а в ней / вместо носа – дыру, / вместо глазниц – бугорки. / Наливаешь внутрь гипсовый раствор, / ждешь, когда он схватится, / удаляешь ненужное. В позитиве возвращаются / выпуклый нос, вогнутые глазницы. / Теперь ты берешь это гипсовое лицо, / покрываешь им плоть своего лица / и живешь» [232].

Но если так, то в чем его смысл? Что дает писание стихов (и вообще занятия искусством) герою «Малой поэтики» и других рассмотренных текстов?

3

Сразу за «Малой поэтикой» в книге «Синонимы» следует стихотворение «Домá» [Батим]:

На краю листа подрагивает шариковая ручка, сейсмограф, и пытается зарисовать тонкими остроугольными линиями дрожание пола.

Дрожание усиливается. Углы все острее. Но этот прибор устарел, он не в силах правдоподобно изобразить, как стол разбивается вдребезги, как рушится дом, как разверзается под ним земля.

Потом, в тишине, среди руин, ручка освобождается от своих обязанностей. Она выводит каракули по собственному произволу, небрежно связывая угол с углом, сводя все нити паутины к центру. Генеральный план паучьего дома [229].

בְּדִמְקָה הַבָּאָה אַחַר כֶּה, בֵּין חֲרָבוֹת,
פְּטוּר הָעֵט מִכָּל חוֹבוֹתָיו.
הוּא מְשַׁרְבֵט עַל הַדָּף כְּרָצוֹנוֹ,
קוֹשֵׁר כֵּלֵאֲחֵר יָד זְוִית לְזוִית,
מִפְּגִישׁ אֶת כָּל הַקּוֹרִים בְּמַרְכָּו,
תְּכַנִּית אֶב
לְבֵית עֶכְבִּישׁ.

בְּקֶצֶה הַדָּף מְרַטֵט
הָעֵט, סֵיסְמוֹגְרָף, וּמְנַסֵּה
לְצִיר בְּקוּיִם דְּקִים וְחֲדֵי זְוִיֹּת
אֶת רְעִידַת הָרֶצֶף.

הָרְעִידָה גּוֹבֵרֶת. הַזְוִיֹּת חֲדוֹת יוֹתֵר.
אֲבָל הַמְכַשִּׁיר הַזֶּה הַתִּישוֹן,
הוּא אֵינוֹ מְצִיר אֶפְלוּ אֶת קֶצֶה הָאֲמֵת,
שֶׁהַשְּׁלֶחָן נִתְּץ לְרִסְסִים,
הַבֵּית קוֹרֵס,
הָאֲדָמָה נִפְעָרֶת תַּחְתָּיו.

בְּדִמְקָה הַבָּאָה אַחַר כֶּה, בֵּין חֲרָבוֹת,
פְּטוּר הָעֵט מִכָּל חוֹבוֹתָיו.
הוּא מְשַׁרְבֵט עַל הַדָּף כְּרָצוֹנוֹ,
קוֹשֵׁר כֵּלֵאֲחֵר יָד זְוִית לְזוִית,
מִפְּגִישׁ אֶת כָּל הַקּוֹרִים בְּמַרְכָּו,
תְּכַנִּית אֶב
לְבֵית עֶכְבִּישׁ.

В названии обыгрывается омонимия слов «дом» и «строфа» – и то и другое *байт/бейт*¹. Разрушение дома (вероятно, здесь, как и в большинстве подобных случаев, имеется в виду Катастрофа, *Шоа*) не может быть описано в рамках прежних поэтических конвенций, с точки зрения которых «ручка» (поэзия) – это «сейсмограф», точно фиксирующий все, что происходит в мире, в том числе и самые экстремальные события. Поэтому классическая строфа разрушается вместе с домом, а на их обломках, «среди руин», ручка «по собственному произволу», как бы без участия автора (вспомним: «удержи свои руки»), вычерчивает новую, теперь уже квазистрофическую конструкцию, похожую на паутину – «план» нового дома. Получается так, что традиционная *бейт-строфа*, способная быть верной «сейсмической сводкой» реальности, существует до тех пор, пока стоит *бейт-дом*, в котором поэт может жить. Когда же дом исчезает, появляется новая («паутинная») строфа – как свидетельство бездомности поэта, а точнее, как единственно доступное ему *подобие* дома.

Веред Карти Шемтов уподобляет эту конструкцию «строительным лесам» (*пигуим*), возведенным вокруг руин [Карти Шемтов 2016: 241]. Строительные леса обычно используются для постройки новых домов, но внутри *таких* лесов никакой дом, скорее всего, не будет построен. Их (строк, строф, в конечном счете поэзии как таковой) назначение – в том, чтобы дать поэту, обращенному к грозящей ему пустоте, сколько-нибудь устойчивую опору²:

¹ См. об этом: [Карти Шемтов 2016: 244–245].

² «Модернистская/постмодернистская поэзия Пагиса представляет искусство по большей части как совокупность шатких опорных точек – как строительные леса – но не как убежище или дом для потерянного, кочующего „я“. В поэтическом мире Пагиса нет конкретного места, определяемого как „дом“, и, соответственно, возвращение домой оказывается сложным и, вообще говоря, невозможным» [Карти-Шемтов 2016: 240].

שורות של שיר, ארכות, קצרות: כל אחת קשורה בקץ שנגזר עליה. מחוץ
לשורה אנחנו עפים בחלל, חוזרים, נצתים בקצה האויר, נשרפים, שופעים חשכה
מסביבנו.

Строки стихотворения, длинные, короткие: каждая связана с предназначением ей финалом. За гранью строки мы летим в космическую даль, возвращаемся, загораемся на краю воздуха, сгораем и наполняем тьму, окружающую нас.

(«За гранью строки» [Михуц лешура] [256])

Стихотворение всегда остается листом бумаги с неразличимой записью (формой выражения того, что в принципе невыразимо), но его строки – какими бы они ни были и как бы они ни прочитывались – позволяют удержаться

на поверхности существования и не исчезнуть в окружающей нас космической тьме. Именно в этом, насколько мы можем судить, и заключается ценность поэтического творчества для Дана Пагиса.

Литература

- Аппельфельд, А. Га-беирут га-ахарона [Последняя ясность] / А. Аппельфельд // Мехкарей ирушалаим бесифрут иврит. Керех 10, хелек га-ришон : Асупат маамарим лезэхер Дан Пагис [Иерусалимские исследования по ивритской литературе. Т. 10, ч. 1 : сборник статей памяти Дана Пагиса]. – Иерусалим : Га-махон лемадаэй га-яадут аль шем Мандель, 1988. – С. 11–15. (Ивр.)
- Берешит раба // Мидраш раба [Великий мидраш] : в 8 т. Т. 2 / пер. с иврита Яакова Синичкина и Анны Членовой ; ред. Реувен Кипервассер. – М. : Книжники, 2014. – 880 с.
- Бланшо, М. Пространство литературы / М. Бланшо ; пер. Б. В. Дубин, С. Н. Зенкин, Д. Кротова, Ст. Офертас, Б. М. Скуратов. – М. : Логос, 2002. – 288 с.
- Быстров, Н. Л. Голос из опечатанного вагона (к интерпретации поэмы Дана Пагиса «Следы») / Н. Л. Быстров // Уральский исторический вестник. – 2020. – № 3 (68). – С. 61–73.
- Валери, П. Об искусстве / П. Валери. – М. : Искусство, 1993. – 507 с.
- Гинзбург, К. Репрезентация. Слово, идея, вещь / К. Гинзбург ; пер. Г. Галкиной // Гинзбург К. Деревянные глаза: Десять статей о дистанции. – М. : Новое издательство, 2021. – С. 143–174.
- Гиришфельд, А. Аль ширато шель Дан Пагис [О поэзии Дана Пагиса] / А. Гиришфельд // Пагис А. Лев питъоми [Внезапное сердце]. – Тель-Авив : Ам овед, 1995. – С. 150–168. (Ивр.)
- Дан Пагис: ликро бешем – линкот эмда. Сиах им Яира Гиноссар [Дан Пагис: назвать по имени – занять позицию. Беседа с Яирой Гиноссар] // Итон-77. – 1983. – № 38. – С. 32–33. (Ивр.)
- Дан Пагис: левате эт га-эйма вегам леишаэр эйхшефу бахаим. Рэайон леИлана Цукерман, 1983 [Дан Пагис: выразить ощущение ужаса и как-то остаться в живых. Интервью Илане Цукерман, 1983] // Итон-77. – 1991. – № 14 (138/139). – С. 22–23. (Ивр.)
- Дудай, Р. Шахуах, захур, шахуах: шихеха везикарон беитмодедут поэтит им га-траума шель га-Шоа [Забыто, припомнено, забыто: забвение и память в поэтическом противоборстве с травмой Катастрофы] / Р. Дудай // Дапим лехекеер га-Шоа. – 2009. – № 23. – С. 109–132. (Ивр.)
- Зандбанк, Ш. Аль ширав ахароним шель Дан Пагис [О последних стихах Дана Пагиса] / Ш. Зандбанк // Мехкарей ирушалаим бесифрут иврит. Керех 10, хелек га-ришон : Асупат маамарим лезэхер Дан Пагис [Иерусалимские исследования по ивритской литературе. Т. 10, ч. 1 : сборник статей памяти Дана Пагиса]. – Иерусалим : Га-махон лемадаэй га-яадут аль шем Мандель, 1988. – С. 101–111. (Ивр.)
- Зандбанк, Ш. Айн вемоах: Пагис, Рильке, Валери [Глаз и мозг: Пагис, Рильке, Валери] / Ш. Зандбанк // Зандбанк Ш. Га-коль фу га-ахер: Од масот аль кешарим вемакбилот бейн га-шира га-иврит вега-эропеит [Голос – это другой: Очерки о связях и параллелях между ивритской и европейской поэзией]. – Иерусалим : Махон га-исраэли лепозтика весемиотика аль шем Портер, 2001. – С. 99–113. (Ивр.)
- Зандбанк, Ш. Дан Пагис: га-сод га-хатум [Дан Пагис: запечатленный секрет] / Ш. Зандбанк // Мознаим. – 2016. – № 4. – С. 45–47. (Ивр.) – в *ссылках с литературой «а»*.
- Зандбанк, Ш. Мипней эймат га-рик: аль крисат га-мимесис беширей Пагис [От ужаса пустоты: о разрушении мимесиса в стихах Пагиса] / Ш. Зандбанк // Дан Пагис: мехкарим ветеудот / беарихат Ханан Хевер [Дан Пагис: исследования и материалы / под редакцией Ханана Хевера]. – Иерусалим : Мосад Бялик, 2016. – С. 11–21. (Ивр.) – в *ссылках с литературой «б»*.
- Зах, Н. Ширим шоним [Разные стихи] / Н. Зах. – Иерусалим : Гоцаат Га-кибуц га-мейухад, 1984. – 122 с. (Ивр.)
- Карти Шемтов, В. Шира судра бли байт: мерхав вепрозодия бешират Дан Пагис [Поэзия без строф: пространство жизни и просодия в поэзии Дана Пагиса] / В. Карти Шемтов // Дан Пагис: мехкарим ветеудот / беарихат Ханан Хевер [Дан Пагис: исследования и материалы / под редакцией Ханана Хевера]. – Иерусалим : Мосад Бялик, 2016. – С. 240–249. (Ивр.)
- Мегед, М. Га-мишорер веихад га-шира: Дан Пагис – мишорер векокер [Поэт и загадка поэзии: Дан Пагис – поэт и исследователь] / М. Мегед // Мехкарей ирушалаим бесифрут иврит. Керех 10, хелек га-ришон : Асупат ма-

амарим лезэхер Дан Пагис [Иерусалимские исследования по ивритской литературе. Т. 10, ч. 1 : сборник статей памяти Дана Пагиса]. – Иерусалим : Га-махон лемадаэй га-яадут аль шем Мандель, 1988. – С. 58–73. (Ивр.)

Оз, А. Заризель / А. Оз // Оз А. Меморатот га-Лебанон. Маамарим верешимот [Со склонов Ливана. Статьи и заметки]. – Тель-Авив : Ам овед, 1987. – С. 204–209. (Ивр.)

Пагис, Д. Коль га-ширим. «Аба» (пиркей проза) [Все стихотворения. «Отец» (прозаические фрагменты)] / Д. Пагис. – Иерусалим : Гоцаат Га-кибуц га-мейухад веМосад Бялик, 2009. – 392 с. (Ивр.)

Целан, П. Меридиан / П. Целан ; пер. М. Белорусца // Целан П. Стихотворения. Проза. Письма. – М. : ООО «Ад Маргинем пресс», 2013. – С. 422–446.

Шакед, Г. Машаль шегайя: аль «Милим нирдафот» леДан Пагис [Притча о том, что было: о «Синонимах» Дана Пагиса] / Г. Шакед // Итон-77. – 1983. – № 39. – С. 16–19. (Ивр.)

Шакед, Г. Легалот пцаим бело шейераэ га-дам [Обнажить раны так, чтобы кровь не была видна] / Г. Шакед // Итон-77. – 1991. – № 14 (138/139). – С. 22. (Ивр.)

Якоби, Т. Га-хидатитот бепоэтика га-меухерет шель Дан Пагис [Энигматичность в поздней поэтике Дана Пагиса] / Т. Якоби // Мехкарей ирушалаим бесифрут иврит. Керех 24 [Иерусалимские исследования по ивритской литературе. Т. 24]. – Иерусалим : Га-махон лемадаэй га-яадут аль шем Мандель, 2011. – С. 181–222. (Ивр.)

Ezrahi, S. D. Dan Pagis – Out of Line: A Poetics of Decomposition / S. Ezrahi // Prooftexts. – 1990. – Vol. 10, No. 2. – P. 335–363.

Goodblatt, Ch. Life is a Story: Narrative and Identity in the War Poetry of Dan Pagis and Charles Simic / Ch. Goodblatt. – Text : electronic // CLC Web: Comparative Literature and Culture. – 2020. – No. 22 (1). – URL: <https://docs.lib.purdue.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=3695&context=clcweb> (mode of access: 10.07.2022).

References

Appelfeld, A. (1988). Ha-beirut ha-akharona [The Last Clarity]. In *Mekhhkarei irushalaim besifrut ivrit. Vol. 10, part 1, Asupat maamarim lezekher Dan Pagis*. Jerusalem, Ha-makhon lemadaei ha-yaadut al' shem Mandel', pp. 11–15.

Bereshit raba [Bereshit Rabah]. (2014). In *Midrash raba*, in 8 vol. Vol. 2 / trans. from Hebrew Yaakova Sinichkina i Anny Chlenovoi, ed. by R. Kipervasser. Moscow, Knizhnik. 880 p.

Blanchot, M. (2002). *Prostranstvo literaturey* [The Space of Literature] / trans. B. V. Dubin, S. N. Zenkin, D. Krotova, St. Offertas, B. M. Skuratov. Moscow, Logos. 288 p.

Bystrov, N. L. (2020). Golos iz opechatannogo vagona (k interpretatsii poemy Dana Pagisa «Sledy») [A Voice from the “Sealed Carriage” (on Interpretation of Dan Pagis’s Poem “Footprints”)]. In *Ural'skii istoricheskii vestnik*. No. 3 (68), pp. 61–73.

Celan, P. (2013). Meridian [Meridian] / trans. M. Beloruset. In Celan, P. *Stikhotvoreniya. Proza. Pis'ma*. Moscow, ООО «Ad Marginem press», pp. 422–446.

Dan Pagis: levate et ha-eima vegam leishaer eikhshehu bakhaim. Reaion lellana Tsukerman, 1983 [Dan Pagis: to Express a Sense of Horror and Somehow Stay Alive. Interview with Ilana Zuckerman, 1983]. (1991). In *Iton-77*. No. 14 (138/139), pp. 22–23.

Dan Pagis: likro beshem – linkot emda. Siakh im Yaira Ginossar [Dan Pagis: Call by Name – Take a Position. Conversation with Yaira Ginossar]. (1983). In *Iton-77*. No. 38, pp. 32–33.

Dudai, R. (2009). Shakhuakh, zakhur, shakhuakh: shikhekha vezikaron beitmodedut poetit im ha-trauma shel' ha-Shoa [Forgotten, Remembered, Forgotten: Oblivion and Memory in the Poetic Confrontation with the Trauma of the Catastrophe]. In *Dapim lekheker ha-Shoa*. No. 23, pp. 109–132.

Ezrahi, S. (1990). D. Dan Pagis – Out of Line: A Poetics of Decomposition. In *Prooftexts*. Vol. 10. No. 2, pp. 335–363.

Ginzburg, K. (2021). Reprezentatsiya. Slovo, ideya, veshch' [Representation. Word, Idea, Thing] / trans. G. Galkina. In Ginzburg, K. *Derevyannye glaza: Desyat' statei o distantsii*. Moscow, Novoe izdatel'stvo, pp. 143–174.

Goodblatt, Ch. (2020). Life is a Story: Narrative and Identity in the War Poetry of Dan Pagis and Charles Simic. In *CLC Web: Comparative Literature and Culture*. No. 22 (1). URL: <https://docs.lib.purdue.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=3695&context=clcweb> (mode of access: 10.07.2022).

Hirschfeld, A. (1995). Al' shirato shel' Dan Pagis [About Poetry of Dan Pagis]. In Pagis, A. *Lev pit"omi*. Tel Aviv, Am oved, pp. 150–168.

Karti Shemtov, V. (2016). Shira sdura bli bait: merkhav veprozodiya beshirat Dan Pagis [Poetry without Stanzas: The Space of Life and Prosody in the Poetry of Dan Pagis]. In Hanan Hever (Ed.). *Dan Pagis: mekhhkarim vetuudot*. Jerusalem, Mosad Byalik, pp. 240–249.

Meged, M. (1988). Ha-mishorer vekhidat ha-shira: Dan Pagis – mishorer vekhoker [The Poet and the Mystery of Poetry: Dan Pagis – Poet and Researcher]. In *Mekhhkarei irushalaim besifrut ivrit. Vol. 10, part 1, Asupat maamarim lezekher Dan Pagis*. Jerusalem, Ha-makhon lemadaei ha-yaadut al' shem Mandel', pp. 58–73.

Oz, A. (1987). Zariel' [Zariel]. In Oz, A. *Memoradot ha-Lebanon. Maamarim vereshimot*. Tel Aviv, Am oved, pp. 204–209.

Pagis, D. (2009). *Kol' ha-shirim. «Aba» (pirkei proza)* [All Poems. “Father” (Prose Fragments)]. Jerusalem, Hotsaat Ha-kibuts ha-meiukhad veMosad Byalik. 392 p.

Sandbank, Sh. (1988). Al' shirav akharonim shel' Dan Pagis [On the Last Poems of Dan Pagis]. In *Mekhhkarei irushalaim besifrut ivrit. Vol. 10, part 1, Asupat maamarim lezekher Dan Pagis*. Jerusalem, Ha-makhon lemadaei ha-yaadut al' shem Mandel', pp. 101–111.

Sandbank, Sh. (2001). Ain vemoakh: Pagis, Ril'ke, Valeri [The Voice is the Other: Hebrew Poetry and European Tradition]. In Sandbank, Sh. *Ha-kol' hu ha-akher: Od masot al' kesharim vemakbilot bein ha-shira ha-ivrit veha-eropeit*. Jerusalem, Makhon ha-israeli lepoetika vesemiotika al' shem Porter, pp. 99–113.

Sandbank, Sh. (2016). Dan Pagis: ha-sod ha-khatum [Dan Pagis: Sealed Secret]. In *Moznaim*. No. 4, pp. 45–47 – in links with “a”.

Sandbank, Sh. (2016). Mipnei eimat ha-rik: al' krisat ha-mimezis beshirei Pagis [By Reason of the Horror of Emptiness: on the Destruction of Mimesis in the Poems of Pagis]. In Hanan Hever (Ed.). *Dan Pagis: mekhkarim veteudot*. Jerusalem, Mosad Byalik, pp. 11–21 – in links with "b".

Shaked, G. (1983). Masha' shehaiya: al' «Milim nirdafot» leDan Pagis [The Parable about What Really Was: On "Synonyms" by Dan Pagis]. In *Iton-77*. No. 39, pp. 16–19.

Shaked, G. (1991). Legalot ptsaim belo sheierae ha-dam [Expose the Wounds so that the Blood is not Visible]. In *Iton-77*. No 14 (138/139), p. 22.

Valerie, P. (1993). *Ob iskusstve* [On Art]. Moscow, Iskusstvo. 507 p.

Yakobi, T. (2011). Ha-khidatiyut bepoetika ha-meukheret shel' Dan Pagis [Enigmatism in the Late Poetics of Dan Pagis]. In *Mekhkarei irushalaim besifrut ivrit*. Vol. 24. Jerusalem, Ha-makhon lemadaei ha-yaadut al' shem Mandel', pp. 181–222.

Zach, N. (1984). *Shirim shonim* [Different Poems]. Jerusalem, Hotsaat Ha-kibuts ha-meiukhad. 122 p.

Данные об авторе

Быстров Никита Львович – кандидат философских наук, доцент кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620000, Россия, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

E-mail: nikita-byistrov@yandex.ru.

Author's information

Bystrov Nikita Lvovich – Candidate of Philosophy, Associate Professor of Department of History of Philosophy, Philosophical Anthropology, Aesthetics and Theory of Culture, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia).

Дата поступления: 18.10.2022; дата публикации: 29.12.2022

Date of receipt: 18.10.2022; date of publication: 29.12.2022

JAPAN AND JAPANESE REMINISCENCES IN THE COLLECTION BY RICHARD G. BRAUTIGAN "JUNE 30TH, JUNE 30TH"

Liala Yu. Khronopulo

Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3734-3109>

Abstract. Richard Gary Brautigan (1935–1984) was an American postmodern writer and poet popular in Japan, whose creative activity was greatly influenced by Japanese literature and culture. His prose works, inspired by travels to Japan, are: "Sombbrero Fallout: A Japanese Novel", and a collection of 131 very short stories, "The Tokyo–Montana Express". In May and June of 1976, during his first trip to Japan, Brautigan created a cycle of seventy-seven poems in prose dedicated to this journey – "June 30th, June 30th", in the introduction to which he explained the emergence of interest in Japanese culture by how he had felt as a child about a relative who had participated in World War II. This paper examines the images of Japan that push the poet towards introspection and reflection and can be metaphorically understood as a travel inside one's own self, as a way to self-awareness. Themes, ideas, artistic devices and literary techniques, allusions to Japanese poetry, as well as the influence of Zen Buddhism and *haibun* literary form on Brautigan's poetic experiments are analyzed. The writer's poems of the Japanese cycle are discussed with regard to the references in his work to Japanese medieval literature, the aesthetics of which he combines with postmodern tendencies. The postmodern image of the lyrical character, who acutely feels his loneliness, comes to the forefront; for him, Japan for the first time shifts from the realm of fantasy to the realm of actual experience, which pushes the poet towards introspection. Postmodernism in this collection of poetry is manifested in the fact that the personality of the protagonist is a reflective project, and the images of Japan are depicted as catalysts for this reflection. The collection is characterized by such techniques as intertextuality; fragmentation; removal of boundaries between reality and illusion; irony, allegory, symbolism of images, and use of hybrid genres. At the same time, allusions to Japanese literature are in the diary structure (a travel journal) of the poetry collection, partly reminiscent of *haibun*, partly – of *zuihitsu*; as well as in references to a number of traditional images from *haiku* by poets Bashō Matsuo and Kobayashi Issa (a frog, a crow, a dew-drop world), which sometimes acquire new interpretations from Brautigan.

Key words: American literature; American writers; literary creative activity; literary genres; literary plots; literary images; allusions; Japanese literature; Zen aesthetics; postmodernism; poems in prose

For citation: Khronopulo, L. Yu. (2022). Japan and Japanese Reminiscences in the Collection by Richard G. Brautigan "June 30th, June 30th". In *Philological Class*. Vol. 27. No. 4, pp. 171–180. DOI: 10.51762/1FK-2022-27-04-15.

ЯПОНИЯ И ЯПОНСКИЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ В СБОРНИКЕ РИЧАРДА Г. БРОТИГАНА «30 ИЮНЯ, 30 ИЮНЯ»

Хронопуло Л. Ю.

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3734-3109>

Аннотация. Ричард Гэри Бротиган (1935–1984) – американский писатель и поэт-постмодернист, популярный в Японии, значительное влияние на творчество которого оказало знакомство с японской литературой и культурой. Известны его прозаические произведения, вдохновленные путешествиями по Японии: это «Следствие сомбреро. Японский роман», а также сборник, состоящий из 131 короткого рассказа, – «Экспресс Токио–Монтана». В мае и июне 1976 года, во время первой поездки в Японию, Бротиган создает цикл из семидесяти семи стихотворений в прозе, посвященный своему путешествию, – «30 июня, 30 июня», в предисловии к которому объясняет зарождение интереса к японской культуре детскими переживаниями о родственнике, принимавшем участие во Второй мировой войне. В статье рассматриваются образы Японии и подход писателя, который воспринимает путешествие по стране как средство для самопознания и рефлексии. Анализируются темы, идеи, художественные приемы, аллюзии на японскую поэзию, а также влияние дзэн-буддизма и литературной формы *хайбун* на поэтические эксперимен-

ты Бротигана. Японский цикл стихотворений писателя исследуется с учетом отсылок в его творчестве к японской средневековой литературе, эстетику которой он сочетает с постмодернистскими тенденциями. На первый план выходит постмодернистский образ лирического героя, остро ощущающего свое одиночество; Япония для него впервые перемещается из сферы фантазий в сферу реального опыта, что подталкивает поэта к самоанализу. Постмодернизм в данном поэтическом сборнике проявляется в таких приемах, как интертекстуальность; фрагментарность; разрушение границ между реальностью и иллюзией; ирония, аллегория, символичность образов, смешение жанров; образы Японии побуждают лирического героя-автора к рефлексии, осмыслению и осознанию себя. При этом аллюзии на японскую литературу состоят в дневниковой структуре поэтического сборника (дневник путешествия), отчасти напоминая *хайбун*, отчасти – *дзуйхицу*; а также в отсылках к ряду традиционных образов из хайку поэтов Басё Мацуо и Кобаяси Исса (ворон, лягушка, жизнь-росинка), иногда обретающих у Бротигана новые интерпретации.

Ключевые слова: американская литература; американские писатели; литературное творчество; литературные жанры; литературные сюжеты; литературные образы; аллюзии; японская литература; японская культура; образ Японии; эстетика дзэн; постмодернизм; стихотворения в прозе

Для цитирования: Хронопуло, Л. Ю. Япония и японские реминисценции в сборнике Ричарда Г. Бротигана «30 июня, 30 июня» / Л. Ю. Хронопуло. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2022. – Т. 27, № 4. – С. 170–180. – DOI: 10.51762/1FK-2022-27-04-15.

Introduction

An American poet and writer Richard Gary Brautigan (1935–1984) published eleven novels, ten poetry collections, and two short story collections, as well as five volumes of collected works, several nonfiction essays, and a record album of spoken voice recordings. His creative activity has not been previously investigated in Russian science.

Barber notes that although Brautigan knew the Beats – a literary movement “The Beat Generation” started by a group of authors whose work explored and influenced American culture and politics in the post-war era – and they knew him, the writer always insisted he was not a part of this literary movement. Contemporary literary opinion supports this contention, seeing Brautigan, when his writing catapulted him to international fame in the late 1960s and early 1970s, as the writer best representative of the emerging counterculture [Barber 1999: 1]. Throughout Brautigan’s entire work one notes his characteristic idiosyncratic yet easy-to-read prose style: an eccentric combination of imagination, strange and detailed observation, whimsy, humor (often the black one), and satire. Brautigan has been called one of the major innovative writers of “New Fiction” and was considered to be the literary representative of the 1960s era known variously as “the hippie generation” and “the counterculture movement”. Brautigan’s early novels were offbeat autobiographical pastorals, and were widely acclaimed. His later works experimented with different genres like gothic, science fiction, mystery, and detective, resisted classification, and were generally considered to be less

successful by critics who began accusing him of relying too heavily on whimsy and being disconnected from reality [Charters 2000; Hjortsberg 2012: 61].

Barber presumes that “because Brautigan was disappointed over the lack of positive critical acclaim he received in the United States, he divided his time between California, Montana, and Japan. California was “home”, Montana was a solace, a retreat, and Japan was a source of acceptance and acclaim not afforded in America. He had a substantial following in Japan and traveled there often” [Barber 1990: 15]. His works of the Japanese cycle influenced by his passion for Japanese culture consist of a poetry collection “June 30th, June 30th” (1978), “Sombrero Fallout. A Japanese Novel” (1976), and a collection of very short stories “The Tokyo–Montana Express” (1980).

In May and June of 1976, during his first travel to Japan, Brautigan created a collection of poetry that records this visit – “June 30th, June 30th”; the title is based on the date of departure for the United States after his seven-week sojourn, the date repeated because the day is recaptured as the airplane crosses the international date line. In the preface called “Introduction” the author explained the emergence of interest in Japanese culture by how he had felt as a child about his uncle Edward who had participated in World War II. Brautigan as a little boy was angry with the Japanese because his uncle died in 1942 after being wounded in 1941 when the Japanese attacked Midway Island just prior to America’s entry into World War II. Uncle Edward’s death wasn’t directly caused by his wounds, but little Brautigan hated the Japanese

all during the war and “killed” thousands of Japanese soldiers playing war, which is shown in his short story “The Ghost Children of Tacoma” [Brautigan 1971]. Brautigan wrote: “I was no longer the child of World War II, hating the Japanese, wanting my uncle to be revenged. I moved to San Francisco and started running around with people who were deeply influenced by and had studied Zen Buddhism. I slowly picked up Buddhism through osmosis by watching the way my friends lived. I am not a dialectic religious thinker. I have studied very little philosophy. I watched the way my friends ordered their lives, their houses and handled themselves. I picked up Buddhism like an Indian child learned things before the white man came to America. They learned by watching. I learned Buddhism by watching. I learned to love Japanese food and Japanese music. I have seen over five hundred Japanese movies... I had Japanese friends. I was no longer the hateful boy of my wartime childhood... I read Japanese novels, Tanizaki, etc. Then I knew that someday I had to go to Japan. That part of my life was ahead of me in Japan. My books had been translated into Japanese and the response was very intelligent. It inspired and gave me the courage to continue on in my own lonely direction of writing...” [Brautigan 1978: 9–10].

The metaphoric nature of Brautigan’s prose and poetry composition and the poetic expression of his works were largely influenced by Zen Buddhism which basically had a considerable effect on the so-called Beat Generation of the American writers. For example, the integration of Buddhist thought in Brautigan’s very short stories collection “*The Tokyo–Montana Express*” is discussed by Petino [Petino 2020] whose thesis is that the “Logic of Soku-Hi,” a concept that rejects thinking in terms of either/or, mirrors the existence of traditional opposites in Brautigan’s work as it not only reinforces but enhances western postmodern aesthetics. The illusion of permanence in Brautigan’s poems in prose is based on an aesthetic concern for the spontaneous and immediate – a technique that Brautigan borrowed from the poetry of Matsuo Bashō (1644–1694). To consider fleeting feelings before they flee necessitates a slow movement of the life and a meditative approach; instants become the building blocks of life in Bashō’s *haiku*. Being attracted to Japanese aesthetics Brautigan has organized his collection of

poems in prose as a *haibun* – combining both *haiku* and *zuihitsu* tradition: he included in “June 30th, June 30th” elements of a diary, an autobiography, a very short story and a travel journal. Brautigan wrote his poems in prose echoing Bashō’s attachment to finding and unravelling the hidden emotions in small, quotidian things; his engagement with Japanese aesthetics is not something simply and fashionably acquired through the Californian popular acceptance of Zen, – the connection is in any case more fundamental. According to Chenetier, it derives from Brautigan’s desire “to rediscover eternal things through the representation of small concrete objects, existing somewhere between gesture and nothingness” [Chenetier 1983: 88–89].

Brautigan expresses in his poems in prose what the disciple of Zen knows: that the world is continually changing and that the change is without logical purpose. Foster notes that Brautigan accepts and intuitively expresses the Zen principle of eternal change knowing that he has “nowhere to go” [Foster 1983: 24]. This can be seen as a presumable reason why the writer has organized his collection of poems in prose in a form of a travel diary: his voyage to Japan can be considered as a metaphor for travel inside one’s own self, with some stops made to feel the instant turning into eternity.

Zen aesthetics and allusions to Japanese literature in Brautigan’s poems in prose

“June 30th, June 30th” was published in 1978; the collection consists of seventy-seven short poems in prose, and it turned out to be Brautigan’s last poetry book published before his suicide in 1984. Its Japanese translation appeared in 1992; in 1999 the 1992 translation of “June 30th, June 30th” was reissued as “Tokyo Diary” (*Tōkyō nikki*), the choice of title picking up the reference to the “diary” in Brautigan’s “Introduction”: “The poems are dated and form a kind of diary... They are different from other poems that I have written. Anyway, I think they are but I am probably the last person in the world to know. The quality of them is uneven but I have printed them all anyway because they are a diary expressing my feelings and emotions in Japan” [Brautigan 1978: 11]. Precise details abound in Brautigan’s collection of poems in prose: dates, time, room numbers, locations all give a sense of the ephemeral and yet the real. Every poem is

followed by the date when it was written, like in travel journal (i. e. “Tokyo June 12, 1976”, sometimes with even time indicated, i. e. “10 PM”); the circumstances in which the poem was created may be briefly provided, and short explanations in italics may be given before or after the poem. Some notes present a dedication to Brautigan’s Japanese or American friends.

Let us see two examples of poems preceded by comments. 1) “Lazarus on the Bullet Train”: “For Tagawa Tadasu. The Bullet Train is the famous Japanese express train that travels 120 miles an hour. Lazarus is an old stand-by” [Brautigan 1978: 56]; 2) “Meiji Comedians”: “Meiji Shrine is Japan’s most famous shrine. Emperor Meiji and his consort Empress Shōken are enshrined there. The grounds occupy 175 acres of gardens, museums and stadiums” [Brautigan 1978: 68]. Let us see three examples of notes following some of Brautigan’s poems in prose. 1) “Fragment # 4”: “Never finished outside of Tokyo // June 23, 1976 // except for the word // other added at // Pine Creek, Montana, // on July 23, 1976” [Brautigan 1978: 91]; 2) “Stone (real)”: “Tokyo // June 29, 1976 // Very drunk // with Shiina // Takako watching //me” [Brautigan 1978: 96]; 3) “Land of the Rising Sun sayonara”: “June 30th again // above the Pacific // across the international date line // heading home to America // with part of my heart // in Japan” [Brautigan 1978: 97].

Such notes and comments follow the tradition of *haibun* – a literary form combining prose and *haiku*, often in a genre of a travel journal [Keene 1999: 233]. For example, Bashō’s *haibun* contain *haiku* with a short description of a place or the circumstances; the poet often wrote *haibun* during his various journeys, the most famous of which is “Narrow Road to the Interior” (*Oku no Hosomichi*, 1689). Bashō’s shorter *haibun* include compositions devoted to travel and others focusing on character sketches, landscape scenes, anecdotal vignettes and occasional writings written to honor a specific patron or event [Shirane 1998: 212]. In Brautigan’s collection, we can also see some remarks, often ironic, regarding the process of writing (“Never finished outside of Tokyo except for one word...”), as well as the details explaining Japanese realities and toponyms in the poem (The Bullet Train, Meiji Shrine), or sketches of people or things around the poet (“Takako watching me”), or

the poet’s self-awareness (“very drunk”, “with part of my heart in Japan”).

Although Brautigan came to Zen Buddhism by accident, his choice of a form – a short poem in prose – for his Japanese collection “June 30th, June 30th” was not accidental. Short prosaic and poetic forms are traditional in Japanese literary culture; therefore, in the context of Japanese literature one can distinguish several original minor genre forms known both in Japan and all over the world. The most popular poetic forms are *tanka* (literally “short song”) and *haiku*, the medieval short prosaic form is *zuihitsu*. They determined the specific features of poetics: the succinctness of expression, the strict canons governing the use of metaphors and allusions; a hint, the subtext based on image associations and word-play; a fleeting mood full of understatement [Boronina 1978: 233–237]. These features became traditional both for poetic forms and the entire Japanese culture. In some of the minor prosaic and poetic forms that became traditional for Japanese literature one can trace a profound influence of Zen Buddhism that served as the basis for certain artistic devices; they became integral components of the Japanese artistic tradition in general. As Suzuki Daisetsu, a Japanese theoretician of Zen, said, “You do not need to write a huge poem of a hundred lines to let out the feeling that emerges when you look into the abyss. But when the feelings reach the pinnacle, we fall silent... And seventeen syllables may be too many. A Zen artist can express his feelings with two-three words or two-three strokes of the brush. If he expresses them too fully, there will be no place for a hint left while the hint contains all the mystery of Japanese art” [Grigorieva 1979: 208]. This is how Brautigan works with the language of his short poems in prose: his method of composition makes his works sound as if they were easily written. Indeed, although Brautigan’s poems in prose are startlingly unique, they never seem complex; they are plain, direct. As pointed out by Foster, “with the simplest verbal gestures, he devises a world that is intensely felt but instantly perishable. This aesthetic realization would presumably be the result of considerable work, the result of careful working and reworking of language, yet the impression that the finished work gives is much the opposite... Brautigan’s language sounds as if it were easily put together; it is not” [Foster 1983: 18].

Being a postmodernist (a magic realist mainly), Brautigan portrays a typically lonely postmodern protagonist, who is devastated and feels helplessness, solitude and internal emptiness, feeling himself stranger in the surrounding world; and in the same time the writer draws on Zen aesthetics in his poems in prose when borrows devices and images from Japanese literature, involving some allusions to the famous Japanese *haiku*, and uses the intertextuality technique shaping his poems' meanings by the extractions from texts by Bashō. Literary scholars express different points of view regarding Brautigan's approach to Zen in this collection of poems in prose: for example, Turner remarks that there are some commentators who present Brautigan as an "aesthete and conscious artist who used Zen principles; he thus invites an unusual sort of reader response modeled upon Zen observation", while "in his "Introduction", Brautigan does reveal his fascination... with the "form of dew-like steel" in the works by Bashō and Issa, but his remarks are about aesthetics rather than spirituality" [Turner 1999: 247]. The Japanese *haiku*, especially as practiced by such masters as Bashō and Issa, was an important poetic discovery Brautigan made in high school: "I like the way they used language concentrating emotion, detail and image..." [Brautigan 1978: 8]. But in his poetic diary, Brautigan never actually follows the strict syllabic form of the classic *haiku*, though aiming at the same effect in his short poems.

Evidence that Brautigan uses mostly Zen aesthetics, but not spirituality, can be seen in the fact that many of his poems in prose contain skepticism which Zen Buddhism doesn't recognize, or at least, even finding some place for humor in its conception, it never encourages black humor which Brautigan's works often have. As Turner quotes other scholars who approach Brautigan through Zen, Zen implies "dispassionate observation" along with "detachment and passivity" [Turner 1999: 248], but by no means sarcasm and black humor, like in Brautigan's poem "Taking No Chances" beginning with philosophical introspection and then ending with a sarcastic line: "I am a part of it. No, // I am the total but there // is also a possibility // that I am only a fraction // of it. // I am that which begins // but has no beginning. // I am also full of shit // right up to my ears." [Brautigan 1978: 83]. The black humor regarding human's life as fleeting as a dewdrop (as it is un-

derstood by Zen) can be seen in the poem "Taxi Driver": "I like this taxi driver, // racing through the dark streets // of Tokyo // as if life had no meaning. // I feel the same way." [Brautigan 1978: 82]. One more example is the poem "Japan Minus Frogs" [Brautigan 1978: 45] where Brautigan describes the situation when he cannot find the word for frog in his Japanese-English dictionary; the author gives an allusion to the famous Bashō's *haiku*: "The old pond // A frog jumps in // Sound of water" (*Furu ike ya // kawazu tobikomu // mizu no oto*). Brautigan's poem ends up with the humorous line, "Does that mean that Japan has no frogs?" – which may be seen as a reference both to contemporary Japan that is aesthetically distant from Bashō's meditative mood and self-deepening, and to the image of a lyrical hero who is doing his best to get to the point of the country he is traveling around, but still is unable to understand Japan, staying estranged there, as well as being alienated in his home country.

Another image borrowed by Brautigan from famous Bashō's *haiku* is that of a crow – as a symbol of loneliness: "Upon a withered branch // A crow has stopped this // Autumn evening". (*Kareeda ni // karasu no tomarikeri // aki no kure*). The allusion to this Bashō's *haiku* is Brautigan's poem "Worms" creating an atmosphere of loneliness: "The distances of loneliness // make the fourth dimension // seem like three hungry crows // looking at a worm in a famine" [Brautigan 1978: 51].

One of the techniques borrowed by Brautigan from Bashō's poetry is extrapolation from microcosm to macrocosm, when an instant caught by the consciousness in the *satori* state of an enlightened mind expands from a subtle individual experience; a moment of personal life of a traveler expands to something more widescale that's ready to become eternity. Usually, the first one-three lines of a poem represent the poet's individual experience in Japan; the last lines make a move towards eternity, from the inner world to the outside, capture a moment to make it infinite, and may either contain images of Japan or not. Here are some examples. 1) "A Mystery Story or Dashiell Hammett a la mode": "Every time I leave my hotel room // here in Tokyo // I do the same four things... The rest of life is a total mystery" [Brautigan 1978: 28]; 2) "The 12,000,000": "I'm depressed, // haunted by melancholy... Others must feel the way // I do" [Brautigan 1978: 30]; 3) "A Small Boat

on the Voyage of Archaeology”: “A warm thunder and lightning storm // tonight in Tokyo with lots of rain and umbrellas // around 10 P.M. // This is a small detail right now // but it could be very important // a million years from now when archaeologists // sift through our ruins, trying to figure us // out” [Brautigan 1978: 48]; 4) “Travelling toward Osaka on the Freeway from Tokyo”: “I look out the car window // ... and see a man peddling // ... he’s gone in a few seconds. // I have only his memory now” [Brautigan 1978: 53]. The shift of dimensions can also be carried out in a more complicated way, in a reverse order: microcosm-macrocosm-microcosm, i. e. from a moment in present to the future and back. “Future”: “Ah, June 1, 1976 // 12:01 A.M. // All those who live // after we are dead // We knew this moment // we were here” [Brautigan 1978: 38].

Some of Brautigan’s poems represent moments of the poet’s daily life and impressions in Japan, express inner thoughts and feelings; they are largely descriptive, atmospheric and remind of “The Pillow Book” (*Makura no Sōshi*, 1002) by Sei Shōnagon (966–1017?) both by title and by episodic textual structure, for example – “Shoes, bicycle”: “Listening to the Japanese night, // the window is closed and the curtain pulled, // I think it is raining outside. // It’s comforting. I love the rain. // I am in a city that I have never been before: // Tokyo. // I think it is raining. Then I hear a storm begin. // I’m slightly drunk: // people walking by in the street, // a bicycle.” [Brautigan 1978: 31]. The kaleidoscopic descriptions, both reflective and spontaneous, catch the reader’s attention often due to the technique of fragmentation used in poems like the above one: to allow place for the open and inconclusive, the poet is breaking up the text into short fragments or sections, separated by space; in this case there is a space after the line “I’m slightly drunk”, and after the space the poet slides from his personal feelings into the outside world, the sounds of which he is listening to. In such poems Brautigan, like Sei Shōnagon, focuses on his personal experiences, the likes and dislikes of the surrounding world, what he is interested in personally, and the delightedness of the world that he viewed in Japan and lived in for the first time during this travel.

The idea of a dewdrop world, of life as fleeting as a dewdrop, was borrowed by Brautigan

from one of the most famous Kobayashi Issa’s (1763–1828) *haiku*: “This dewdrop world // Is but a dewdrop world, // And yet, and yet...” (*Tsuyu no yo wa // tsuyu no yo nagara // sari nagara*). The allusions to this *haiku* can be found in two poems – with life represented as a dust of a Big Bang in the forming Universe or as a grain of a sand: 1) “Japan”: “Japan begins and ends // with Japan. // Nobody else knows the // story. // . . . Japanese dust // in the Milky Way.” [Brautigan 1978: 24]; 2) “Floating Chandeliers”: “Sand is crystal // like the soul. // The wind blows // it away.” [Brautigan 1978: 33]. Yet, the tribute to Issa in an extra-short poem entitled “Homage to the Japanese Haiku Poet Issa” is humorous: “Drunk in a Japanese // bar. // I’m // OK” [Brautigan 1978: 25].

Only one of the poems in the collection is defined by the author as *haiku* – that is “Strawberry Haiku”: “***** // ***** // The twelve red berries” [Brautigan 1978: 27]. As can be seen, along with traditional *haiku* structure (5–7–5) and aesthetics implied, this poem contains a postmodern fragmentation used as means of allowing place for the open and inconclusive by breaking up the text with the symbols (asterisks). It can have three possible interpretations. One is that the first two lines are a hint based on image associations, characteristic of Japanese culture; therefore, the first twelve syllables can be interpreted as a blank space left for the reader’s imagination, so that one could make guesses and complete *haiku*. The second interpretation is that it is just a draft for the *haiku*, and the poet was perhaps just awaiting the inspiration that would provide the missing syllables. The third interpretation is suggested by Turner who sees in this *haiku* a parody of the later-day *japonisme* among Brautigan’s generation, and interprets twelve asterisks as something symbolizing the twelve berries. According to Turner, “The problems of translation are entertainingly highlighted in “Strawberry Haiku”... it is that which does not in itself require translation – the dots which represent the berries (five for the first line, seven for the second) – which prove the most problematic... “Strawberry Haiku”, then, permits the reader to reflect on shared and singular aspects of cultural contact, and unsettles what is perhaps thought basic (punctuation) so that the iterated (the twelve dots) can be read as part of a unique vision; as the berries represented themselves can-

not be identical, so neither can the individual's encounter with the new experience or culture" [Turner 1999: 262–263].

The sense of disconnection from reality is a prevalent theme in Brautigan's writing, especially in "June 30th, June 30th", where Zen aesthetics is a technique supporting this attitude of the poet. Barber notes that Brautigan's "Zen Narrator" wanders through the world as an observer, who seems "of" the world but not "in" it, a narrator who observes and reports everything in an unemotional, matter-of-fact voice. None of the events that Brautigan's narrator witnesses seems to have strong effect on him, and the narrator always moves on to the next observation unchanged and disconnected [Barber 1990: 9]; but his observations aim to express something profound in a few words and images.

Travel to Japan as a metaphorical image and the Japanese language as an intensifier of postmodern loneliness in Brautigan's poems in prose

Like many literary journeys, Brautigan's visit to Japan became a point of departure for an exploration of the self in relation to the world of the nonself; the poet also explores his poetical talents, experimenting and dedicating some of the fragments not only to his journey, but also to reflections on poetry and to attempts of writing one, as does Ki no Tsurayuki (872–945) in his Tosa diary (*Tosa nikki*, 935). There is a haunting feeling of loneliness in Brautigan's poetry collection – a sense of a stranger in a strange land – that ultimately makes Japan seem like a metaphor for alienation. Travel to Japan pushes the poet towards introspection and reflection and can be metaphorically understood as a travel inside one's own self, as a way to self-awareness. This travel can be performed both in time and space. On June 18 Brautigan wrote a poem "Tokyo / June 24, 1976", where his lyrical hero makes a loop from his present to the past and the future: "As these poems progress // can you guess June 24, 1976? // I was born January 30, 1935 // in Tacoma, Washington. // What will happen next? // If only I could see June 24, // 1976." [Brautigan 1978: 84]. The cyclic structure of this kind is used in Brautigan's poems in prose to depict a search for oneself and a return to oneself, with an image of a hotel or a Japanese street allegorically representing an inner space

(the soul) where the poet wanders looking for the meaning of life. For example, one of the first lines of the poem "Things to Do on a Boring Tokyo Night in a Hotel" is: "Wander aimlessly around the hotel", while the last lines are: "... Should I leave // a message at the desk saying that when I return // I should call myself?" [Brautigan 1978: 52]. In this new for the poet reality, in the process of a journey, the image of a hotel is metaphorically representing self in a number of Brautigan's poems; thus, an earthquake felt in the hotel room can be considered as something that shackled the poet's soul in the poem "It's Time to Wake Up", – that could be a shocking reality, because the earthquake "...woke me up... // From the middle of a dream" [Brautigan 1978: 79].

The image of Japan in Brautigan's collection of very short stories "The Tokyo–Montana Express" is discussed by Okumura who points out the influence of the aesthetic principle of *aware* on Brautigan's prose [Okumura 2016: 51] – the concept that implies that each object or phenomenon has its own special, unique charm, aesthetic value, which is not explicit; since the Middle Ages *aware*, or *mono-no aware*, has been associated with a haze of fragility, the ephemerality of everything that exists, which Zen Buddhism teaches: both female beauty, and human life, and the life of a flower are finite. This aesthetic principle implies that one needs to have time to catch all this and reflect around oneself, entering the state of the "enlightened mind"; so, the poet or a writer transcends the boundaries of a real world to comprehend and feel the *aware*. Therefore, the boundaries between reality and dreams or illusions are vague both in Brautigan's poetry collection and in his short-stories collections; fantasies were an escape from the specter of meaninglessness that the poet felt in and around his life. This attitude reflected in a number of his poems that can be divided into three groups: "life as a dream"; "the American poet in Japan as something unreal"; "Japan as an illusion". The first group of poems represents life as a fantasy, because the poet seems disconnected from reality. Examples. 1) "Looking at My Bed / 3 A.M.": "Sleep without sleep, // then to sleep again // without // sleeping." [Brautigan 1978: 81]; 2) "Dreams Are Like the [the]": "Dreams are like the [the] // wind. They blow by. The // small ones are breezes, // but they go by, too." [Brautigan 1978: 26]; 3) "A Short Study in Gone": "When

dreams wake // life ends. // Then dreams are gone.
// Life is gone." [Brautigan 1978: 29].

The second group of poems represents a figure of the poet who is doubting in his being real during his travel in Japan, and who looks like someone unreal and alien in the eyes of the Japanese, with broken clock and other images symbolizing his being out of this reality. Examples. 1) "The American in Tokyo with a Broken Clock": "People stare at me – // There are millions of them. // ... Is he for real or is he just an illusion? // People stare at me and the broken clock // that I carry like a dream // in my hands." [Brautigan 1978: 61]; 2) "Passing to Where?": "Sometimes I take out my passport, // look at the photograph of myself // (not very good, etc.) // just to see if I exist" [Brautigan 1978: 72]. The image of a living creature who prefers illusions and is happy with his illusions rather than with a reality is metaphorically portrayed in the poem "Cat in Shinjuku": "...The cat is happy // in front of plastic Chinese // food with real food // waiting just inside the door." [Brautigan 1978: 18].

The third group of poems represents Japan as an illusion, and a travel as an illusionary and sometimes even mystic experience. Examples. 1) "Day for Night": "The cab takes me home // through the Tokyo dawn. // ... The cab is a pillow, // the streets are blankets, // the dawn is my bed. // The cab rests my head. // I'm on my way to dreams." [Brautigan 1978: 41]; 2) "Tokyo / June 13, 1976": "I have sixteen more days left in Japan. // I leave on the 29th back across the Pacific. // Five days after that I will be in Montana, // sitting in the stands of the Park County // Fairgrounds, // watching the Livingston Roundup // on the Fourth of July, // cheering the cowboys on, // Japan gone." [Brautigan 1978: 73]. In the last poem the details of the American reality abound – to strengthen the effect of the illusory Japan that in sixteen days will seem a distant memory, an unbelievable journey.

In four poems new experiences in Japan make the poet feel as an enthusiastic child, or as a helpless child in the world of adults, – but the positive images prevail. 1) "The Red Chair": "I saw a decadent gothic Japanese movie... // I was transformed into a child learning // for the first time // that shadows are not always friendly..." [Brautigan 1978: 76]; 2) "Pachinko Samurai": "I feel wonderful, exhilarated, child-like, // perfect. // I just

won two cabs of crab-meat (*real) // and a locomotive (*toy)..." [Brautigan 1978: 23]; 3) "The Hillary Express": "I just ordered my first meal // curry and rice // all by myself in a Japanese restaurant. // What a triumph! // I feel like an infant taking its // first faltering step..." [Brautigan 1978: 19]; 4) "Japanese Children": "I just spent the last half-an-hour // watching a Japanese children's program // on television. // There are millions of us here in Tokyo. // We know what we like." [Brautigan 1978: 17]. There is also a poem "Meiji Comedians" where the narrator represents himself both as a spontaneous child and as a drunk western savage in Japan, trying to enter Meiji Shrine criminally in the evening when it was already closed [Brautigan 1978: 68]. The encounter with Japan helps the poet realize he has always been childish. "Age: 41": "Playing games, // playing games, I // guess I never really stopped // being a child // playing games // playing games" [Brautigan 1978: 93].

The Japanese language that the poet doesn't speak is used in the poems as an image intensifying postmodern loneliness, detachment from reality and the atmosphere of alienation in which he exists; the lonely narrator is depicted in the country of strangers who are both attractive to him and are unable to provide him with understanding he is longing for. 1) "Kitty Hawk Kimonos": "Watching Japanese television... // ... I wish I knew Japanese..." [Brautigan 1978: 15]; 2) "A Study in Roads": "...all led here: // Having a drink by myself // in a bar in Tokyo before // lunch, // wishing there was somebody to talk // to" [Brautigan 1978: 32]; 3) "The Silence of Language": "I'm // sitting here awkwardly alone in a bar // with a very intelligent Japanese movie director // who can't speak English and I no Japanese..." [Brautigan 1978: 78]; 4) "Talking": "I am the only American in this bar. // Everybody else is Japanese. // (reasonable / Tokyo) // I speak English. // They speak Japanese. // (of course) // They try to speak English. It's hard. // I can't speak any Japanese. I can't help. // We talk for a while, trying. // Then they switch totally to Japanese // for ten minutes. // They laugh. They are serious. // They pause between words. // I am alone again. I've been there before // in Japan, America, everywhere when you // don't understand what somebody is // talking about." [Brautigan 1978: 39].

There are poems where Japan is represented as an unfriendly space with no one to talk to and to fall in love with; in such poems Japan is depicted

rejecting the poet, or at least making him acutely feel how lonely and different he is. 1) "Taxi Drivers Look Different from Their Photographs": "There is no difference // between Tokyo and New York. // ... Complete strangers drive // these cabs" [Brautigan 1978: 35]; 2) "Writing Poetry in Public Places, Cafes, Bars, Etc.": "Alone in a place full of strangers... // – my tongue a cloud of honey – Sometimes I think I'm weird." [Brautigan 1978: 65]; 3) "On the Elevator Going Down": "...He is old, fat and expensively // dressed. // ...He doesn't want to talk to me // any more..." [Brautigan 1978: 46]; 4) "Ego Orgy on a Rainy Night in Tokyo with Nobody to Make Love to": "My books have been translated // into // Norwegian, French, Danish, Romanian, // Spanish, Japanese... // but // I will sleep alone tonight in Tokyo // raining." [Brautigan 1978: 50].

Conclusion

Sweatt points out that the literary context for most of Brautigan's works is that of postmodernism [Sweatt 1985: 3]; like postmodernism itself, the writer's texts propose no explicit commentaries, but instead announce his individual world-vision. European and Japanese aesthetics meet in Brautigan's collection of poems in prose "June 30th, June 30th", representing an amalgam of postmodern tendencies and Zen reminiscences. The poetry is about the loneliness of the voyage into a strange land which is both Japan and the true self of the poet; the travel is a metaphor for Brautigan's physical and mental wanderings. The postmodern image of the lyrical character, who acutely feels his loneliness, comes to the forefront; his actual experiences in Japan open a breach to connect the fantasy with a given reality, which pushes the poet

towards introspection. Postmodernism in this poetry collection is manifested in the fact that the personality of the protagonist is a reflective project, and the images of Japan are depicted as catalysts for this reflection and self-awareness. The collection is characterized by such techniques as:

1) intertextuality as shaping of poems in prose's meanings by the texts of Japanese literature, which is manifested: a) in allusions to some traditional images from *haiku* by Bashō and Issa; b) in a reference to Bashō's device of extrapolation from microcosm to macrocosm, from instant to eternity, from individual experience in Japan to the Universe and humans in it; c) in the diary or a travel journal structure of the poetry collection, partly reminiscent of *haibun*, partly – of *zuihitsu*, with its essayistic structure and fragmented ideas responding to the traveling author's surroundings;

2) fragmentation, when instead of the whole picture of Brautigan's life in Japan the poet is giving only scattered pieces of it, representing his Japanese experience and reality not through events happening, but through his emotions, as some comically inaccurate instants, each of them being incomplete and inconclusive. Thus, a number of Brautigan's poems in prose are broken up into short fragments separated by space or symbols; unexpectedly for a reader, ironical comments may be introduced;

3) vague boundaries between reality and fantasies, the images of Japan and the narrator as allusions;

4) irony, allegory, symbolism of Japanese images, hybrid genres (prose notes, poems, *haibun*, *zuihitsu*, travel journal).

Литература

- Боронина, И. А. Поэтика классического японского стиха / И. А. Боронина. – М. : Наука, 1978. – 373 с.
 Григорьева, Т. П. Японская художественная традиция / Т. П. Григорьева. – М. : Наука, 1979. – 367 с.
 Barber, J. F. Preface / J. F. Barber // Richard Brautigan. Essays on the Writings and Life. – Jefferson, North Carolina, and London : McFarland & Company, 1999. – P. 1–2.
 Barber, J. F. Richard Brautigan: An Annotated Bibliography / J. F. Barber. – Jefferson, North Carolina, and London : McFarland & Company, 1990. – 236 p.
 Bashō, M. Narrow Road to the Interior and Other Writings / M. Bashō :trans. Sam Hamill. – 2nd ed. – Boston : Shambhala (Shambhala Classics), 2000. – 211 p.
 Brautigan, R. G. June 30th, June 30th / R. G. Brautigan. – Seymour Lawrence : Delacorte Press, 1978. – 99 p.
 Brautigan, R. G. Sombrero Fallout. A Japanese Novel / R. G. Brautigan. – New York : Simon and Schuster, 1976. – 187 p.
 Brautigan, R. G. The Ghost Children of Tacoma / R. G. Brautigan // Revenge of the Lawn. Stories 1962–1970. – New York : Simon and Schuster, 1971. – P. 73–75.
 Brautigan, R. G. The Tokyo–Montana Express / R. G. Brautigan. – Seymour Lawrence : Delacorte Press, 1980. – 187 p.
 Charters, A. Richard Brautigan / A. Charters // The American Short Story and Its Writer: An Anthology. Boston, New York : Bedford/St. Martins, 2000. – P. 1084.
 Chenetier, M. Richard Brautigan / M. Chenetier. – London and New York : Methuen, 1983. – 197 p.
 Foster, E. H. Richard Brautigan / E. H. Foster. – Boston : Twayne Publishers, 1983. – 146 p.

- Hjortsberg, W. *Jubilee Hitchhiker: The Life and Times of Richard Brautigan* / W. Hjortsberg. – Berkeley : Counterpoint, 2012. – 852 p.
- Keene, D. *Dawn to the West: A History of Japanese Literature, Volume 4 (Japanese Literature of the Modern Era – Poetry, Drama, Criticism)* / D. Keene. – New York : Columbia University Press, 1999. – 685 p.
- Okumura, N. *Toothbrush Ghost Story-o Yomu. Richādo Burōchigan-no Nihon* / N. Okumura // *Yamanashi Daigaku Kyōiku Ningenka Gakubu Kiyō*. – 2016. – No. 15, March 4. – P. 45–51.
- Petino, C. *Approaching Richard Brautigan's The Tokyo–Montana Express Through Buddhist Non-Duality* / C. Petino // *Studies in the American Short Story*. – 2020. – Vol. 1, Issue 2. – P. 170–179.
- Shirane, H. *Traces of Dreams: Landscape, Cultural Memory, and the Poetry of Bashō* / H. Shirane. – Redwood City : Stanford University Press, 1998. – 381 p.
- Sweatt, S. M. *Postmodernism in the Fiction of Richard Brautigan* / S. M. Sweatt. – Facsim. reprint of the author's thesis (D.A.). – Murfreesboro : Middle Tennessee State University Press, 1985. – 212 p.
- Turner, B. (1999). *Richard Brautigan, Flânerie, and Japan: Some International Perspectives on His Work* / B. Turner // *Richard Brautigan. Essays on the Writings and Life*. – Jefferson, North Carolina, and London : McFarland & Company, 1999. – P. 231–272.

References

- Barber, J. F. (1990). *Richard Brautigan: An Annotated Bibliography*. Jefferson, North Carolina, and London: McFarland & Company. 236 p.
- Barber, J. F. (1999). Preface. In *Richard Brautigan. Essays on the Writings and Life*. Jefferson, North Carolina, and London, McFarland & Company, pp. 1–2.
- Bashō, M. (2000). *Narrow Road to the Interior and Other Writings* / trans. Sam Hamill. 2nd ed. Boston, Shambhala (Shambhala Classics). 211 p.
- Boronina, I. A. (1978). *Poetika klassicheskogo yaponskogo stikha* [Poetics of Classical Japanese Poetry]. Moscow, Nauka. 373 p.
- Brautigan, R. G. (1971). *The Ghost Children of Tacoma*. In *Revenge of the Lawn. Stories 1962–1970*. New York, Simon and Schuster, pp. 73–75.
- Brautigan, R. G. (1976). *Sombrero Fallout. A Japanese Novel*. New York, Simon and Schuster. 187 p.
- Brautigan, R. G. (1978). *June 30th, June 30th*. Seymour Lawrence, Delacorte Press. 99 p.
- Brautigan, R. G. (1980). *The Tokyo–Montana Express*. Seymour Lawrence, Delacorte Press. 187 p.
- Charters, A. (2000). Richard Brautigan. In *The American Short Story and Its Writer: An Anthology*. Boston, New York, Bedford/St. Martins, p. 1084.
- Chenetier, M. (1983). *Richard Brautigan*. London and New York, Methuen. 197 p.
- Foster, E. H. (1983). *Richard Brautigan*. Boston, Twayne Publishers. 146 p.
- Grigorieva, T. P. (1979). *Yaponskaya khudozhestvennaya traditsiya* [Japanese Artistic Tradition]. Moscow, Nauka. 367 p.
- Hjortsberg, W. (2012). *Jubilee Hitchhiker: The Life and Times of Richard Brautigan*. Berkeley, Counterpoint. 852 p.
- Keene, D. (1999). *Dawn to the West: A History of Japanese Literature, Volume 4 (Japanese Literature of the Modern Era - Poetry, Drama, Criticism)*. New York, Columbia University Press. 685 p.
- Okumura, N. (2016). *Toothbrush Ghost Story-o Yomu. Richādo Burōchigan-no Nihon* [A Reading of “Toothbrush Ghost Story”. Richard Brautigan's Japan]. In *Yamanashi Daigaku Kyōiku Ningenka Gakubu Kiyō*. No. 15, March 4, pp. 45–51.
- Petino, C. (2020). *Approaching Richard Brautigan's The Tokyo–Montana Express Through Buddhist Non-Duality*. In *Studies in the American Short Story*. Vol. 1. Issue 2, pp. 170–179.
- Shirane, H. (1998). *Traces of Dreams: Landscape, Cultural Memory, and the Poetry of Bashō*. Redwood City, Stanford University Press. 381 p.
- Sweatt, S. M. (1985). *Postmodernism in the Fiction of Richard Brautigan*. Facsim. reprint of the author's thesis (D.A.). Murfreesboro, Middle Tennessee State University Press. 212 p.
- Turner, B. (1999). *Richard Brautigan, Flânerie, and Japan: Some International Perspectives on His Work*. In *Richard Brautigan. Essays on the Writings and Life*. Jefferson, North Carolina, and London, McFarland & Company, pp. 231–272.

Данные об авторе

Хронопуло Лиала Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры японоведения, Восточный факультет, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия).

Адрес: 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9.

E-mail: khronopoulo@mail.ru.

Author's information

Khronopulo Liala Yuryevna – Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Japanese Studies, Faculty of Asian and African Studies, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia).

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН В ШКОЛЕ И ВУЗЕ



УДК 372.881.161.1:371.671.11. DOI 10.51762/1FK-2022-27-04-16.
ББК Ч426.819=411.2-99+Ч426.819=411.2-268.2. ГРНТИ 14.25.07. Код ВАК 5.8.2

ФОНЕТИЧЕСКАЯ ТРАНСКРИПЦИЯ В УЧЕБНИКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ ЧЕШСКИХ ОСНОВНЫХ ШКОЛ (УРОВЕНЬ А1)

Соколова А.

Университет им. Масарика (Брно, Чешская Республика)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9068-4677>

А н н о т а ц и я . Настоящая статья содержит результаты контент-анализа шести выбранных учебников русского языка для чешских основных школ. Анализируется фонетическая транскрипция как средство передачи фонетического минимума русского языка для чехов. Внимание обращается на стиль фонетической транскрипции (латиница, кириллица, комбинация латиницы и кириллицы), а также на способ объяснения фонетических правил: в рамках одного блока либо на протяжении нескольких уроков. Во введении представлены теоретические работы, посвященные фонетическому аспекту РКИ, отдельно представлены работы чешских исследователей, занимающихся проблемами фонетики русского языка для чехов. Во введении также представлен фонетический минимум русского языка для чехов. Первый раздел статьи посвящен сравнению системы вокализма и консонантизма русского и чешского языков. Для чешского языка типична корреляция гласных по долготе/краткости, сохраняющаяся во всех позициях, тогда как для вокализма русского языка типична редукция гласных в безударной позиции. Для чешского языка типична корреляция согласных по глухости/звонкости, тогда как в русском языке наблюдается также корреляция по твердости/мягкости, которая в чешском языке прослеживается только в трех парах /d/ – /d̥/, /t/ – /t̥/, /p/ – /p̥/. Во втором разделе статьи представлен подробный анализ отдельных фонетических явлений, отраженных в учебниках при помощи транскрипции: а) обозначение мягких согласных, б) ассимиляция согласных, в) изменения в рамках группы согласных, г) редукция гласных, д) звуки, передаваемые на письме буквами е, ё, ю, я. В заключении статьи делаются выводы по отдельным учебникам. Наиболее последовательным и комплексным в отражении фонетических явлений русского языка является учебник «Поехали 1–2». В остальных учебниках транскрипция неточно и непоследовательно отражает редукцию безударных гласных, корреляцию согласных по твердости/мягкости, ассимиляционные процессы. Недостатком данного учебника является стиль фонетической транскрипции – комбинация чешской латиницы и русской кириллицы.

К л ю ч е в ы е с л о в а : русский язык как иностранный; РКИ; методика преподавания русского языка; фонетика русского языка; фонетический минимум; славянская аудитория; чехи; фонетическая транскрипция; школьные учебники; учебники русского языка; анализ учебников

Б л а г о д а р н о с т и : автор благодарит Анну Коничкову (Университет им. Масарика) за помощь в подготовке статьи.

Для цитирования: Соколова, А. Фонетическая транскрипция в учебниках русского языка для чешских основных школ (уровень А1) / А. Соколова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2022. – Т. 27, № 4. – С. 181–194. – DOI: 10.51762/1FK-2022-27-04-16.

PHONETIC TRANSCRIPTION IN RUSSIAN LANGUAGE TEXTBOOKS FOR CZECH PRIMARY SCHOOLS (A1 LEVEL)

Anastasija Sokolova

Masaryk University (Brno, Czech Republic)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9068-4677>

Abstract. This article presents the results of a content analysis of six chosen textbooks of the Russian language for Czech primary schools. Phonetic transcription is analyzed as a mean of transfer of phonetic minimum in the Russian language textbooks for the Czechs. The research is mainly focused on the style of phonetic transcription (Latin alphabet, Cyrillic, a combination of Latin alphabet and Cyrillic) and on the way phonetic principles are explained: whether they are put into one unit or whether they are explained in more units. In the introduction to the article, the author mentions some theoretical works focused on the phonetic aspect of the Russian language for foreign learners, in addition to which some works of Czech researchers who are interested in the problems of the Russian phonetics for the Czechs are also referred to. Furthermore, in the introduction of the article a phonetic minimum of the Russian language for the Czechs is presented. The initial part of the article is focused on a comparison of Russian and Czech vocal and consonant systems. One of the typical features of the Czech language is correlation of long and short vowels occurring in all positions, whereas for the vocal system of the Russian language reduction of vowels in unstressed positions is characteristic. Another typical feature of the Czech language is correlation of voiced and voiceless consonants, which occurs in the Russian language as well and is accompanied by the correlation of hard and soft consonants. However, in contrast to the Russian language, in the Czech language this correlation occurs only in three pairs /d/ – /dʲ/, /t/ – /tʲ/, /n/ – /nʲ/. In the second part of the article there is a detailed analysis of individual phonetic phenomena for which phonetic transcription is used in the textbooks: a) markers of soft consonants, b) assimilation of consonants, c) changes in consonant clusters, d) reduction of vowels, e) sounds represented in script by letters е, ё, ю, я. In the final part of the article there is a summary of individual textbooks. The most thorough and complex one in regard to phonological phenomena is the “Poekhali 1–2” textbook. In the remaining textbooks, phonetic transcription depicts reduction of unstressed vowels, correlation of hard and soft consonants and processes of assimilation in an inaccurate and illogically organised way. One of the imperfections of the “Poekhali 1–2” textbook is the style of phonetic transcription – a combination of Latin alphabet and Russian Cyrillic.

Key words: Russian as a foreign language; methods of teaching Russian; Russian phonetics; phonetic minimum; Slavic audience; the Czechs; phonetic transcription; school textbooks; textbooks of the Russian language; analysis of textbooks

Acknowledgements: The author would like to thank Anna Koničková (Masaryk University) for her help in the manuscript preparation process.

For citation: Sokolova, A. (2022). Phonetic Transcription in Russian Language Textbooks for Czech Primary Schools (A1 Level). In *Philological Class*. Vol. 27. No. 4, pp. 181–194. DOI: 10.51762/1FK-2022-27-04-16.

ВВЕДЕНИЕ

В последнее время фонетический аспект в РКИ обретает все большую значимость. В работах, посвященных фонетике в рамках РКИ, отмечается, что формирование фонетических навыков (иными словами – фонетической грамотности) является необходимым условием

для освоения русского языка иностранными студентами, см. [Прохорова 2014; Свешникова 2015; Бархударова 2017; Битехтина, Климова 2017; Логинова 2017; Хромов 2017; Шутова, Орехова 2018]¹. Я. Конечны определяет фонетическую грамотность как умение ученика идентифицировать на слух все звуки иностранного

¹ В работах по методике преподавания фонетики в рамках РКИ появляется также термин *фонетизация*, подр. см. [Дерябина, Любимова 2021].

языка и при помощи языковых средств осваиваемого иностранного языка реализовать в речи все сегментные и необходимые супrasegmentные элементы данного иностранного языка¹ [Konečnů 2015: 155]. Однако в чешских школах, как отмечают Л. Розбодова и Я. Конечны, фонетике русского языка не уделяется должного внимания, что может быть обусловлено: а) родственностью русского и чешского языков, в результате чего возникает обманчивое предположение о том, что носители языка (русского) будут понимать русские слова, произнесенные с чешской интонацией либо чешским ударением, б) недостаточной подготовленностью чешских учителей, обучающих русскому языку² [Rozboudová, Konečnů 2018: 68–69]. Авторы также отмечают, что в рамках описания языковых уровней А1–В2 внимание обращается только на правильное произношение и использование сегментных и супrasegmentных элементов (= артикуляционные навыки), однако требования к умениям на уровне перцептивном (= слуховые навыки) отсутствуют, несмотря на то что без слуховых навыков невозможно достичь фонетической грамотности [Rozboudová, Konečnů 2016: 133–134].

С фонетической грамотностью тесно связан *фонетический минимум для иностранцев*, о котором писал еще в 1970 г. В. А. Виноградов, отмечая, что вопрос минимума и максимума в фонетике является искусственным, а само понятие фонетический минимум двусмысленно, т. к. неясно, каким образом связаны фонетический и произносительный минимум [Виноградов 1970].

Что касается фонетического минимума русского языка для чехов, то его четко определили С. Елинек, Р. Пурм, Й. Веселы [Jelínek, Purm, Veselý 2003]:

- динамическое ударение и связанная с ним редукция безударных гласных³;
- произношение гласного [ы];
- произношение парных согласных [б'], [п'], [м'], [в'], [ф'], [с'], [з'], [л'], [р'], [г'], [к'], [х'],

отсутствующих в чешской фонетической системе;

- произношение твердого согласного [л];
- произношение непарных согласных [ж], [ш], [ц];
- произношение мягкого непарного [ч'] и фонемы, обозначаемой на письме графемой *ш*;
- произношение окончаний *-ого*, *-его*;
- произношение концовок возвратных глаголов *-ться*, *-тся*;
- произношение предлогов в рамках фонетического слова, например *в окне*, *в Праге*, *с Иваном*;
- правильное использование интонационных конструкций ИК1–ИК5.

Цель исследования

В нашем исследовании мы обратим внимание на фонетическую транскрипцию как средство отражения фонетического минимума в учебниках русского языка для чешских основных школ (уровень А1). Конкретно мы будем исследовать:

1. Стиль фонетической транскрипции – объяснение фонетических явлений русского языка (например, редукция безударных гласных, смягчение согласных) в одном блоке либо на протяжении нескольких уроков/лекций.

2. Способ фонетической транскрипции – система знаков, используемых для транскрибирования русских слов (чешская латиница, русская кириллица, МФА, другая система).

Методы и материалы

В рамках исследования был проведен контент-анализ учебников русского языка для чешских основных школ⁴, выбранных по следующим критериям: а) учебники предназначены для обучения в основной школе (*učebnice pro základní školy*), б) учебники были одобрены Министерством образования, молодежи и физической культуры Чехии⁵, в) учебники соответствуют уровню А1 (т. е. в исследование

¹ Здесь и далее перевод с чешского языка на русский наш.

² Подр. о системе подготовки преподавателей русского языка в Чехии см. [Бранднер 2016; Корычанкова 2016].

³ Здесь важно учитывать негативное влияние родного языка студентов (чешского), где гласные делятся на длинные и краткие (см. раздел 1.1), поэтому часто чешские студенты заменяют ударность гласного долготой, оставляя при этом остальные гласные (безударные) без редукции, т. е. молоко произносят как [молокооо]. Немалую роль играет при этом графическая система: в чешском языке долгие гласные записываются при помощи такого же знака, который в русском языке обозначает ударение, ср. *léto*, *pít*, *já*, *dám*, *trojúhelník*, *gól* – *léto*, *nít*, *ý*, *dám*, *треугольни́к*, *го́л*.

⁴ Обзор учебников русского языка для чешских основных школ см. [Розбодова, Конечны, Маркова 2019].

⁵ Полный список учебников для основных школ доступен здесь: <https://www.msmt.cz/vzdelavani/skolstvi-v-cr/schvalovaci-dolozky-ucebnic> (дата обращения: 15.07.2021).

не были включены учебники, в которых указывается уровень А1+ либо А1–А2). Всего были проанализированы 6 учебников:

– «Поехали 1–2» [Žofková, Eibenová, Liptáková, Šaroch 2009; Žofková, Eibenová, Liptáková, Šaroch 2004];

– «Радуга по-новому 1–2» [Jelínek 2008a; Jelínek 2008b];

– «Времена 1» [Chamrajeva, Ivanova, Broniarz 2009];

– «Классные друзья 1» [Orlova, Körschnerová, Stejskalová 2014].

Все проанализированные учебники являются национально ориентированными, поэтому в разделе 1 мы представим сравнение фонетической системы чешского и русского языков, далее в разделе 2 будут представлены результаты контент-анализа указанных выше учебников.

ОБСУЖДЕНИЕ

Фонетика чешского и русского языка

в сопоставительном аспекте

1.1. Гласные чешского языка

Как отмечает З. Палкова, в чешском языке имеются 10 гласных фонем и 3 дифтонга, причем отдельные гласные во всех слогах произносятся полно и не подвергаются редукции¹, влияние соседнего согласного либо позиции в слове незначительно. В литературном чешском языке используются пять качественных вариантов гласных (ряд и подъем) и два количественных варианта (долгие и краткие гласные²), долгие гласные могут быть простыми (односложными) либо дифтонгическими [Palková 1997: 170]. Для записи 10 гласных фонем используются 14 букв. Схематически систему гласных чешского языка можно изобразить так:

Таблица 1. Система вокализма чешского языка [Palková 1997: 171].

Table 1. Czech vowels [Palková 1997: 171].

позиция языка	ПЕРЕДНИЕ	СРЕДНИЕ	ЗАДНИЕ
высокие	í i		ú u
срединные	é e		(ó)³ o
низкие		á a	
позиция губ	нелабиализованные		лабиализованные
дифтонги	(eu), (au), ou⁴		

1.2. Гласные русского языка

Согласно С. В. Князеву и С. К. Пожарицкой – представителям МФШ, в русском литературном языке имеются пять гласных фонем: /a/, /o/, /y/, /i/, /e/ [Князев, Пожарицкая 2012: 229]. Представители П(Л)ФШ выделяют также фонему /ы/, подр. см. [Касаткин 2014: 164–165]. Реализация гласных фонем зависит от их позиции в слове, где различаются: а) ударный слог, б) первый предударный слог, в) другие безударные слоги (кроме конечного открытого перед паузой), г) конечный открытый безударный слог перед паузой, подр. включая примеры реализации гласных с обозначением при помощи фонетической транскрипции см. [Князев, Пожарицкая 2012: 243–244]. В слабых позициях (безударных) русские гласные подвергаются редукции, подр. о редукции гласных в русском языке см. [Iosad 2012].

1.3. Согласные чешского языка

Как отмечает З. Палкова, инвентарь чешских согласных состоит из 31 звука и 24 фонем, 7 пар являются вариантом одной фонемы [Palková 1997: 208]. Ниже приведем функцио-

¹ Однако в разговорном чешском языке можно встретиться с качественной редукцией гласных, например в конце именных либо глагольных форм происходит сокращение долгого вокала: *našim, klukům, boji se strašidel* [Machač, Zíková 2013: 48].

² В чешском языке различие между долгими и краткими гласными заключается в продолжительности звучания, которая сохраняется во всех слогах слова, качественные характеристики долгих и кратких гласных при этом являются одинаковыми. Количественное противопоставление гласных является типичной чертой чешской фонетической системы, при помощи долготы гласных различаются значения слов, например, *láska* 'любовь' – *laská* 'гладит (3 л. ед. ч. наст. вр.)', *řeče* 'печет (3 л. ед. ч. наст. вр.)' – *řeče* 'забота', *psi* 'собаки, псы' – *psi* 'собачий', *ustup* 'уступи, отойди' – *ústup* 'отступление'. Подр. о противопоставлении гласных по долготе см. [Krčmová 2012: 29].

³ Гласные в скобках используются в чешском языке довольно регулярно, однако встречаются в заимствованных словах и воспринимаются как признак иноязычного слова [Palková 1997: 170–171].

⁴ Существует и другая возможность описания чешской системы гласных, в которой найдем только 10 вокалических фонем, а сочетания *eu, ai, oi* будут обозначены как сочетания гласного с глайдом /eу, ау, оу/, см. [Krčmová 2012: 32]. О дифтонгах в чешском языке см. также [Vičan 2010: 31–34].

нальные ряды чешских согласных фонем по¹ [Palková 1997: 238]:

<i>pije–bije–myje</i>	/p/, /b/, /m/
<i>vata–vada–vana</i>	/t/, /d/, /n/
<i>rotí (se)–rodí (se)–roní</i>	/tʰ/, /dʰ/, /ŋ/
<i>rotý–roky</i>	/k/
<i>bije–vije</i>	/v/
<i>kosa–koza</i>	/s/, /z/
<i>šít–žít, sílí–šlí, zrát–žrát</i>	/š/, /ž/
<i>chodít–hodít, chov–kov, hry–kry</i>	/x/, /h/
<i>sedí–cedí, šípek–čipek, cáry–čáry</i>	/c/, /č/
<i>řádný–žádný, řada–rada</i>	/ř/
<i>rak–lak, radít–ladít</i>	/r/, /l/
<i>jit–žit–dít (se)</i>	/j/

М. Крчмова говорит о том, что все согласные фонемы чешского языка делятся на три группы: шумные согласные (*pravé souhlásky*) – всего 21 фонема, сонорные согласные (*sonory*) – всего 5 фонем /m, n, ŋ, l, r/, скользящие согласные/глайды (*klouzavé souhlásky*) – всего 2 фонемы /j, ɰ/. Для записи шумных согласных используются 18 букв. Шумные согласные различаются по месту и способу образования, а также по глухости/звонкости, всего в чешском языке 10 пар согласных по глухости/звонкости: /b – p/, /d – t/, /dʰ – tʰ/, /g – k/, /v – f/, /z – s/, /ž – š/, /ʒ – c/, /ž – č/, /h – ch/ (первый согласный в паре – звонкий, второй – глухой), вне оппозиции находится /ř/. Чешские сонорные согласные являются всегда звонкими и не оглушаются, могут

быть слогообразующими, например *vlak, srst*, и не вызывают ассимиляции по глухости/звонкости [Křtsová 2012: 33–40]. Обзор чешских согласных см. также в [Vičan 2010].

1.4. Согласные русского языка

В современном русском литературном языке имеются 32 согласные фонемы, а также выделяются 5–6 дополнительных фонем, о которых ведутся споры (эти фонемы мы обозначим знаком *), подр. см. [Князев, Пожарицкая 2012: 229–231; Касаткин 2014: 165–171]: /п/ – /пʰ/, /б/ – /бʰ/, /ф/ – /фʰ/, /в/ – /вʰ/, /м/ – /мʰ/, /т/ – /тʰ/, /д/ – /дʰ/, /с/ – /сʰ/, /з/ – /зʰ/, /н/ – /нʰ/, /л/ – /лʰ/, /р/ – /рʰ/, /к/ – */кʰ/, /г/ – */гʰ/, /х/ – */хʰ/, /ц/, /ш/, /ж/, /чʰ/, /j/, */шʰ:/, */жʰ:/, */ɣ/.

Сильные и слабые позиции согласных фонем в русском литературном языке можно разделить по глухости/звонкости, твердости/мягкости, месту и способу артикуляции, см. с примерами [Князев, Пожарицкая 2012: 236–242]. Л. Л. Касаткин отмечает, что согласные русского языка образуют две основные корреляции фонем: по глухости/звонкости и по твердости/мягкости. Таким образом, в русском языке имеются 12 пар по глухости/звонкости, остальные фонемы – внепарные по этому признаку; далее в русском языке имеются 16 пар по твердости/мягкости, 4 фонемы внепарные по этому признаку, 1 фонема внепарная по обоим признакам [Касаткин 2014: 173]:

/п/ – /б/	/ф/ – /в/	/т/ – /д/	/с/ – /з/	/к/ – /г/	/х/ – /ɣ/
/пʰ/ – /бʰ/	/фʰ/ – /вʰ/	/тʰ/ – /дʰ/	/сʰ/ – /зʰ/	/кʰ/ – /гʰ/	/хʰ/
/м/	/л/	/н/	/р/	/ц/	/ш/ – /ж/
/мʰ/	/лʰ/	/нʰ/	/рʰ/	/чʰ/	/j/

1.5. Основные различия между системой вокализма и консонантизма чешского и русского языков

Для системы вокализма чешского языка типична корреляция гласных по долготе/краткости, причем долгота и краткость сохраняются во всех позициях. Для системы вокализма русского языка типична редукция гласных в безударной позиции. В русском языке ударение подвижное, тогда как в чешском языке ударение постоянное, на первом слоге слова.

Для системы консонантизма чешского и русского языков типична корреляция по глухости/звонкости, однако в русском языке наблюдается также корреляция по твердости/мягкости, которая в чешском языке представлена только тремя парами фонем: /d/ – /dʰ/, /t/ – /tʰ/, /n/ – /nʰ/.

¹ Всего в списке 23 фонемы, 24-я фонема – /f/ – согласно З. Палковой, не является исконно чешской: используется в заимствованных словах (*film, profit, frak, houf*), а также в некоторых чешских звукоподражательных словах (*fičet, foukat*). В отдельных случаях можно говорить о развитии группы *pʰv в /f/, например **upʰvati* > *ufati*, в современном чешском языке *doufat* 'надеяться'. Подр. см. [Palková 1997: 238–239].

Фонетическая транскрипция в учебниках русского языка для чехов как средство передачи фонетического минимума

В зависимости от целей обучения и целевой аудитории фонетическая транскрипция русского языка может быть упрощена либо модифицирована¹, однако, на наш взгляд, в фонетической транскрипции должны быть отражены основные принципы русского литературного произношения, причем фонетическая транскрипция для иностранцев должна содержать также сравнение фонетических явлений изучаемого языка с родным². Опираясь на фонетический минимум русского языка для чехов (см. Введение), а также на основные отличия фонетических систем русского и чешского языков (см. Раздел 1), мы провели контент-анализ выбранных учебников русского языка (уровень А1) для чешских основных школ.

2.1. Способ включения фонетики в учебники русского языка для чешских основных школ (уровень А1) и стиль фонетической транскрипции

На первом этапе исследования мы выяснили, каким образом фонетика включена в учебники русского языка (способ включения фонетики), результаты см. ниже (табл. 2).

Таблица 2. Способ включения фонетики в учебники для уровня А1

Table 2. The manner of phonetics placement in textbooks for A1 level

Название учебника	Способ включения фонетики в учебники для уровня А1	
	В одном блоке	В нескольких уроках
Поехали 1–2	+	-
Радуга по-новому 1–2	-	+
Времена 1	-	+
Классные друзья 1	-	+

Что касается стиля фонетической транскрипции в анализируемых учебниках для уровня А1, то во всех учебниках для записи

русских слов в транскрипции была использована чешская латиница либо чешская латиница в сочетании с русской кириллицей (табл. 3).

Таблица 3. Стиль фонетической транскрипции в учебниках для уровня А1

Table 3. The manner of phonetic transcription in textbooks for A1 level

Учебник	Стиль фонетической транскрипции в учебниках для уровня А1		
	Только знаки русской кириллицы	Только знаки чешской латиницы	Смешанный стиль (комбинация русской кириллицы и чешской латиницы)
Поехали 1–2	-	-	+
Радуга по-новому 1–2	-	+	-
Времена 1	-	-	+
Классные друзья 1	-	+	-

На наш взгляд, использование знаков чешской латиницы для транскрипции русских слов является методически неверным: ученики так получают импульс для фонетической интерференции – произношения русских слов с чешскими звуками, что особенно ярко проявляется на уровне гласных: чешские ученики не редуцируют безударные гласные, а ударным придают дополнительную долготу (см. раздел 1.1 о корреляции чешских гласных по долготе/краткости; см. раздел 2.5. Обозначение редукции гласных). На уровне согласных негативное влияние чешской фонетики проявляется, во-первых, в отсутствии мягких согласных (например, в чешском языке нет /л'/, поэтому в учебниках появляется ошибочная транскрипция [učítě]), где обозначена только мягкость /т'/, имеющегося и в чешском языке, во-вторых, в сочетаниях бе, пе, ме, ве, фе, например бегать [běgát], векá [věká]³, однако чешские сочетания bě, pě, mě, vě, fě произносятся как [bje, pje, mně, vje, fje], что вызывает неправильное произношение русских слов с сочетаниями бе,

¹ См. например, работы [Ткач 2010; Шутова, Орехова 2018; Shutova, Khromov, Nesterova, Fathudinova 2019]. Сравнение различных систем фонетической транскрипции русского языка см. [Соколова 2021; блок 11.1 Транскрипция].

² Здесь мы опираемся на идеи Е. Л. Бархударовой: «Практика изучения причин возникновения иностранного акцента в русской речи позволяет выделить три направления сопоставительного анализа „контактирующих“ фонетических систем: 1) исследование состава фонем и характеризующих их признаков в сопоставляемых языках; 2) описание артикуляционной базы и артикуляционного образования звуков изучаемого и родного языков; 3) анализ позиционных закономерностей звукового строя изучаемого и родного языков» [Бархударова 2015: 142].

³ Оба примера взяты из учебника «Классные друзья 1».

пе, ме, ве, фе, т. е. в приведенных выше примерах [bjəgatʲ], [vjəkáʲ]¹.

Комбинация русской кириллицы и чешской латиницы, на наш взгляд, тоже не является методически правильной и не позволяет точно отразить правильное произношение русских слов. Приведем примеры из учебника «Поехали 1–2»: *говори́ть* [gəvarʲitʲ], *се́мья* [sʲimʲjá], *нра́вится* [nrávitɕə], *се́мьдесят* [sémʲdʲɛʲsʲɛt].

Таблица 4. Фонетическая транскрипция мягких согласных

Table 4. Phonetic transcription of soft consonants

Учебник	ФОНЕТИЧЕСКАЯ ТРАНСКРИПЦИЯ МЯГКИХ СОГЛАСНЫХ					ОБЪЯСНЕНИЕ МЯГКИХ СОГЛАСНЫХ
	СПОСОБ ОБОЗНАЧЕНИЯ МЯГКИХ СОГЛАСНЫХ				СОГЛАСНЫЙ, ОБОЗНАЧАЕМЫЙ БУКВОЙ <i>щ</i>	
	Апостроф	При помощи знака <i>j</i>	Гачек (U+030C)	Мягкость не обозначена		
Поехали 1–2	+	-	-	+	[šč], [ш]	+
Радуга по-новому 1–2	+	-	-	-	[šč]	-
Времена 1	-	-	-	+	[šč]	-
Классные друзья 1	-	+	+	+	-	-

Как видим, в проанализированных нами учебниках нет одинакового подхода к обозначению мягких согласных русского языка, к тому же мягкость обозначается нерегулярно («Поехали 1–2», «Времена 1», «Классные друзья 1»), в учебнике «Классные друзья 1» мягкость обозначается двумя способами либо не обозначается вообще: *в реке́* [v rikjé], *все́* [vsjɔ], *меня́* [mɨná], *ролики* [rɔlíky].

Во всех проанализированных учебниках согласный, обозначаемый буквой *щ*, транскрибируется как [šč]: *ещё́* [jɨščo], *щи* [šči].

2.3. Ассимиляция согласных

Неотражение ассимиляции в учебниках может вести к тому, что ученики осvoят неправильное произношение и, таким образом, будут допускать ошибки. Особое внимание необходимо обратить на три слабые позиции по глухости/звонкости, в которых русские глухие и звонкие согласные нейтрализуются: 1) абсолютный конец слова *год* [гот], *лук* и *луг* [лук], 2) позиции перед глухими согласными, в которых звонкий меняется на глухой: *лодка* [лѳт-

2.2. Обозначение мягких согласных

Как было сказано выше, уже на уровне А1 важно работать с коррелятами по твердости/мягкости, которых в русском языке по сравнению с чешским больше². Также в русском языке есть фонема, отсутствующая в чешском языке – /шʲ:/, передаваемая на письме при помощи *щ*, *сч*, *зч*³.

кь], *сказка* [skáskʲ], 3) позиции перед звонкими шумными согласными, в которых глухой меняется на звонкий (исключение – позиция перед [в]–[вʲ]: *сбор* [збор]⁴), полный анализ противопоставления русских согласных по глухости/звонкости см. [Бархударова 2016].

Во всех проанализированных учебниках ассимиляция указывается непоследовательно (за исключением учебника «Радуга по-новому 1–2»), приведем примеры:

– *Давид* [davít], *Санкт-Петербург* [Sankt-Pʲɛtirburg], *ёж* [jož], *от всей души* [at fsʲej dušy], *всегда* [vsʲigda] («Поехали 1–2»).

– *Волгоград* [vɔlgagrát], *завтра* [záftrɛ], *Петербург* [pʲɛʲtʲirbúrk], *пять часов* [pʲát čisɔf] («Радуга по-новому 1–2»).

– *друг* г > [k], *парад* д > [t], *автобус* в > [f], *завтра* в > [ф], *зуб* б > [п], *нож* ж > [ш] («Времена 1»).

– *завтра* [záftra], *футбол* [futból], *скейт-борд* [skejtɔrd], *пинг-понг* [ping-pong], *все́* [vsjɔ], *в куклы* [v kúkly] («Классные друзья 1»).

¹ Обратим также внимание на то, что ни в одном слове не обозначена редукция безударных гласных, все гласные переданы/обозначены как гласные полного образования.

² В чешском языке имеются только три пары: /d/ – /dʲ/, /t/ – /tʲ/, /n/ – /nʲ/.

³ Сочетаниям сч, зч и другим изменениям групп согласных посвящен раздел 2.4.

⁴ Классификация и примеры взяты из [Бархударова 2016: 19].

2.4. Обозначение изменений в рамках группы согласных

В данном разделе мы представим результаты, касающиеся фонетических изменений в рамках групп согласных. Больше всего групп согласных, подвергающихся фонетическим изменениям, представлено в учебнике «Поехали 1–2», где в фонетической транскрипции отражаются изменения следующих групп со-

гласных: тс, сч, стн, стл, вств, дц, чт, а также концовок возвратных глаголов *-тся, -ться*. В учебнике «Радуга по-новому 1–2» представлены группы *вств, чт, чн, дц* и концовки возвратных глаголов *-ться, -тся*. Меньше всего групп согласных представлено в учебнике «Времена 1»: *чт, рдц*. В учебнике «Классные друзья 1» об изменениях групп согласных не говорится.

Таблица 5. Изменения групп согласных

Table 5. Changes in consonant clusters

ГРУППА СОГЛАСНЫХ	ПОЕХАЛИ 1–2	РАДУГА ПО-НОВОМУ 1–2	ВРЕМЕНА 1	КЛАССНЫЕ ДРУЗЬЯ 1
ТС	[c] <i>дѣтский</i> [d'ɛckij']	–	–	–
СЧ	[šč], [шч] <i>счастье</i> [ščást'jə] <i>счастливы́й</i> [щисл'ивый], [ščisl'ivyj]	–	–	–
СТН	[sn] <i>грустный</i> [grúsnyj]	–	–	–
СТЛ	<i>счастливы́й</i> [щисл'ивый], [ščisl'ivyj]	–	–	–
ВСТВ	[stv] <i>здравствуй</i> [zdrástvuj]	[stv] <i>здравствуйте</i> [zdrástvujtə]	–	–
ДЦ	[c], [ц] <i>два́дцать</i> [dvácət'] <i>три́дцать</i> [tr'icət']	[c] ¹ <i>два́дцать</i> [dvácət']	–	–
ЧТ	[шт] <i>что</i> [што]	[št] <i>что</i> [štó]	[št] <i>что</i> [što]	–
-ться, -тся	[c], [ц] <i>улыба́ться</i> [ulybácsə] <i>нра́вится</i> [nráviцə]	[цə] ²	–	–
ЧН	–	[šn] <i>конéчно</i> [kan'éšnə]	–	–
РДЦ	–	–	[rc] <i>сѣрдце</i>	–

Как видно из таблицы, в учебнике «Поехали 1–2» используется комбинация русской кириллицы и чешской латиницы, в некоторых случаях одно и то же слово транскрибируется обоими способами (например, *счастливы́й*).

2.5. Обозначение редукции гласных

Во всех учебниках редукция гласных объясняется два раза: вначале на примере гласных, передаваемых на письме буквами *a, o*, далее на примере гласных, передаваемых на письме буквами *y, e*. Результаты анализа учебников представлены ниже (табл. 6, 7).

¹ Однако правило сформулировано так: дц čteme [ц] [Радуга по-новому 1: 45]. В этом же учебнике при помощи транскрипции объясняется произношение сложных числительных *пятьсот, шестьсот*, однако изменения групп согласных в данном случае не указываются: *пятьсѳт* [p'it'sót], *шестьсѳт* [šyst'sót] [Радуга по-новому 1: 61].

² В учебнике объясняется спряжение глагола *кататься*, у форм *кататься, ката́ется, ката́ются* приводится комментарий: *-тся, -ться vyslovujeme* [–цə] [Радуга по-новому 1: 122].

Таблица 6. Редукция гласных, передаваемых на письме буквами *a, o*

Table 6. Reduction of vowels represented in script by letters *a, o*

Учебник	РЕДУКЦИЯ ГЛАСНЫХ, ПЕРЕДАВАЕМЫХ НА ПИСЬМЕ БУКВАМИ <i>a, o</i>			
	Предударная позиция		Заударная позиция	
	<i>a</i>	<i>o</i>	<i>a</i>	<i>o</i>
Поехали 1–2	[a]		[ə]	
Радуга по-новому 1–2	[a]		[ə]	
Времена 1	[a]	[a]	[a]	[a]
Классные друзья 1	[a]	[a], [o]	[a]	[a], [o]

В учебниках «Поехали 1–2» и «Радуга по-новому 1–2» различаются редукция в предударной и заударной позициях, приведем примеры транскрипций:

– *Ёва* [jévə], *это nána* [étə rápə], *моя подруга* [majá padrúgə], *откúда* [atkúdə] («Поехали 1–2»).

– *Вóва* [vónə], *моя* [majá], *это* [étə] («Радуга по-новому 1–2»).

В учебниках «Времена 1» и «Классные друзья 1» не различаются редукция в предударной и заударной позициях, приведем примеры транскрипций:

– *рабо́та* [rabóta], *хорошо́* [charašó] («Времена 1»).

– *пока́* [paká], *до за́втра* [da záftra], *помога́ть* [pamagát] («Классные друзья 1»).

Таблица 7. Редукция гласных, передаваемых на письме буквами *я, e* (после согласных)

Table 7. Reduction of vowels represented in script by letters *я, e* (when following consonants)

Учебник	РЕДУКЦИЯ ГЛАСНЫХ, ПЕРЕДАВАЕМЫХ НА ПИСЬМЕ БУКВАМИ <i>я, e</i> (ПОСЛЕ СОГЛАСНЫХ)			
	Предударная позиция		Заударная позиция	
	<i>я</i>	<i>e</i>	<i>я</i>	<i>e</i>
Поехали 1–2	[i]		[ɛ]	
Радуга по-новому 1–2	[i]		[ɛ]	
Времена 1	–			
Классные друзья 1	[i], [ɛ]		[i], [a]	

В учебниках «Поехали 1–2» и «Радуга по-новому 1–2» различаются знаки транскрипции для обозначения звука в предударной и заударной позиции, в учебнике «Классные друзья 1» используются три разных знака транскрипции без какого-либо уточнения, в учебнике «Времена 1» данная тема не объясняется и не вводятся никакие транскрипционные знаки. Приведем примеры транскрипций:

– *Ва́ня* [váp'əj], *Ка́те* [kátəj], *ме́ня* [mińá], *пятна́дцать* [p'itnácət] («Поехали 1–2»).

– *теб́я* [tib'á], *ме́ня* [min'á], *Ка́те* [kátə], *перезво́н* [p'ə'əzvan'í] («Радуга по-новому 1–2»).

– *ме́ня* [mińá], *оче́нь* [óčij], *не оче́нь* [ně óčij], *Ка́тя* [káta], *на века́* [na vĕká] («Классные друзья 1»).

2.6. Обозначение звуков, передаваемых на письме буквами *e, ё, ю, я*

В учебнике «Поехали 1–2» объясняются особенности чтения букв *e, ё, ю, я* под ударением в начале слова либо после гласного, после согласного, а также в сочетании с *ь* либо *ъ*, приведем примеры: *мо́я* [majá], *семь́я* [s'im'jáj], *пя́ть* [p'at'], *е́ж* [jož], *Ю́ра* [júra], *мою́* [majú], *еха́ть* [jéchət], *обвѣ́зд* [abjĕst]. В учебнике «Поехали 1–2» объясняется также произношение *e, я* в начале слова в безударной позиции, например *Евро́па* [jivrópə], *Еле́на* [jil'énə], *язы́к* [jizýk].

В учебнике «Радуга по-новому 1–2» особенности чтения букв *e, ё, ю, я* под ударением в начале слова либо после гласного, после согласного, а также в сочетании с *ь* либо *ъ* объясняются при помощи текста¹ либо схемы, например *Юю > ju, 'u*, однако примеры транскрипции слов не приводятся. Примеры транскрибированных слов можно найти в упражнениях (во всем учебнике) либо в словарной части к урокам. Произношение *e, я* в безударной позиции в начале слова не объясняется, однако в упражнениях и словарных частях к урокам содержатся, например, следующие слова с транскрипцией: *ему́* [jímú], *язы́к* [jizýk].

В учебнике «Времена 1» транскрипция букв *e, ё, ю, я* приводится только один раз, дальнейшие уточнения и примеры транскрипции слов отсутствуют.

В учебнике «Классные друзья 1» транскрипция букв *e, ё, ю, я* не приводится, однако в пер-

¹ Например: «Písmena **ě, ю** se čtou na začátku slov a po samohláskách [jo], [ju]. Po souhláskách označují měkkost předcházející souhlásky a čtete [ʰo], [ʰu]» [Радуга по-новому 1: 35].

вой половине учебника можно найти примеры транскрипции слов, содержащих данные буквы в различных позициях. Правила чтения/произношения в учебнике отсутствуют. При-

ведем примеры транскрипции отдельных слов: *тебя* [tibjá], *Катя* [Káťa], *привет* [privět], *друзья* [druzjá], *не люблю* [ně ljubljú], *в реке* [v riké], *все* [vsjo].

Таблица 8. Транскрипция звуков, передаваемых на письме буквами *e, ě, ю, я* (под ударением)

Table 8. Phonetic transcription of sounds represented in script by letters *e, ě, ю, я* (when stressed)

Учебник	Буквы	Транскрипция звуков, передаваемых на письме буквами <i>e, ě, ю, я</i> (под ударением)			
		Позиция в слове		В сочетании с Ъ и Ь	
		Начало слова либо позиция после гласного	Позиция после согласного	Ъ	Ь
Поехали 1–2	я	[ja]	[ʼa]	[ʼja]	[ja]
	e	[je]	[ʼe]	–	[je]
	ě	[jo]	[ʼo]	–	[jo]
	ю	[ju]	–	[ju]	
Радуга по-новому 1–2	я	[ja]	[ʼa]	[ja], [ʼa]	[ja]
	e	[je]	[ʼe]	–	[je]
	ě	[jo]	[ʼo]	–	–
	ю	[ju]	[ʼu]	–	[ju]
Времена 1	я	[ja]			
	e	[je]			
	ě	[jo]			
	ю	[ju]			
Классные друзья 1	я	[ja], [ʼa]			
	e	[je], [ě]			
	ě	[jo]			
	ю	[ju]			

РЕЗУЛЬТАТЫ

1. Во всех проанализированных учебниках на уровне А1 представлены следующие фонетические явления русского языка: а) корреляция согласных по твердости/мягкости, б) корреляция согласных по глухости/звонкости (ассимиляция согласных), в) изменения в рамках группы согласных, г) редукция безударных гласных, д) звуки, передаваемые на письме буквами *e, ě, ю, я*. Каждое явление и способы его передачи при помощи фонетической транскрипции в отдельных учебниках представлены в разделе 2.

2. В учебнике «Поехали 1–2» для транскрипции русских слов используется как чешская латиница, так и знаки русского алфавита. Для обозначения редукции авторы используют символ МФА [ə] (U+0259), а также символ [ə̣] для обозначения заударных *я, e*, для обозначения мягкости согласных используется знак [ʼ], однако мягкие согласные обозна-

чаются непоследовательно. В транскрипции русских слов редукция отображается неточно, непоследовательно указывается ассимиляция, а также неточно обозначается звук, передаваемый на письме буквой *щ*: *окно* [aknó], *говорить* [gəvarʼitʼ], *все* [vsʼo], *еще* [jož], *щенок* [ščinók], *счастливый* [ščislívyj], *нравится* [nrávicə], *маме* [mámʼəʲ], *двадцать* [dvácətʼ] / [двácэтʼ], *и от всей души желаю* [i at fsʼej dušy žyláju], *третьего* [трéтйэʲвэ], *у нее* [у нийó]. Фонетические правила находятся в одном блоке в начале учебника, данный блок называется Вводный курс русского произношения. Фонетическая транскрипция появляется во всех уроках.

3. В учебнике «Радуга по-новому 1–2» для транскрипции русских слов используется только чешская латиница, для обозначения редукции авторы используют символ МФА [ə] (U+0259), для обозначения мягкости согласных используется знак [ʼ]. Мягкость согласных обозначена непоследовательно, а также

неточно обозначается звук, передаваемый на письме буквой *щ*. Примеры транскрипции: *мы встретимся* [my fstr'ét'ims'ə], *меня* [min'a], *язык* [jizýk], *друзья* [druzjá], *ещё* [jĩščó], *конечно* [kan'ěšnə]. Фонетические правила появляются на протяжении нескольких уроков.

4. В учебнике «Времена 1» транскрибируются только отдельные звуки в словах, причем используется как чешская латиница, так и буквы русского алфавита, например: *б* [b], [bэ], *п* [p], [пэ], *м* [m], [эм], *я* [ja], [йа], *работа* (о = [o]), *хорошо* (о = [a]), *наше* [še]. В учебнике объясняется только редукция гласных /а, о/, редукции гласного /э/ внимание не уделяется. Звук, передаваемый на письме буквой *щ*, транскрибируется как [šč]. Фонетическая транскрипция появляется на протяжении нескольких уроков в первой половине учебника.

5. В учебнике «Классные друзья 1» транскрипция русских слов записывается при помощи чешской латиницы, редукция гласных обозначена, но неточно, например: [Privět! Mĩňá zavút Stas.], [charašó], [sa Světoj]. При транскрипции звуков, обозначенных на письме буквами *е, ё, ю, я*, не соблюдается единый подход, а также непоследовательно обозначается мягкость согласных: *векá* [věká], *тебá* [tibjá], *баскетбóл* [basketból], *на гутáре* [na gutáre], *на компьóтере* [na kampjútěre], *я люблю* [ja ljubljú], *всё* [vsjo], *Кáтя* [Káťa], *бéгать* [běgat]. Как видно из приведенных примеров, в транскрипции, представленной в данном учебнике, не отобра-

жается ассимиляция согласных по глухости/звонкости (см. *баскетбол, всё*). Фонетические правила появляются на протяжении нескольких уроков.

Выводы

С точки зрения точности и регулярности отражения фонетических явлений русского языка при помощи транскрипции наиболее последовательным и комплексным является учебник «Поехали 1–2». В остальных учебниках транскрипция неточно и непоследовательно отражает (либо не отражает вообще) редукцию безударных гласных, корреляцию согласных по твердости/мягкости, а также ассимиляционные процессы (подр. см. раздел 2), несмотря на то что все эти явления входят в фонетический минимум. Недостатком учебника «Поехали 1–2» является неточное отражение в транскрипции согласного, обозначаемого на письме буквой *щ* либо сочетаниями *сч, зч*, при помощи [šč]. Также недостатком данного учебника является стиль фонетической транскрипции – комбинация чешской латиницы и русской кириллицы.

Наибольшее количество недостатков было выявлено в учебнике «Классные друзья 1», где отсутствуют правила чтения букв *е, ё, ю, я*, не отражаются корреляции согласных по глухости/звонкости и твердости/мягкости, что приводит к транскрипциям типа *Йли всё лето отдычáл?* [lji vsjo lěto atdyčál?].

Литература

- Бархударова, Е. Л. Основы сопоставления фонетических систем изучаемого и родного языков в контексте обучения произношению / Е. Л. Бархударова // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2015. – № 3. – С. 139–154.
- Бархударова, Е. Л. Анализ противопоставления русских согласных по глухости/звонкости в лингводидактическом контексте / Е. Л. Бархударова // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2016. – № 5. – С. 9–24.
- Бархударова, Е. Л. Фонетический акцент как показатель характеристик звукового строя родного и изучаемого языков / Е. Л. Бархударова // Русский язык за рубежом. – 2017. – № 3. – С. 10–15.
- Битехтина, Н. Б. Формирование фонетической компетенции в условиях применения электронного обучения РКИ / Н. Б. Климова, В. Н. Битехтина // Русский язык за рубежом. – 2017. – № 3. – С. 46–50.
- Бранднер, А. К изучению русского языка в современной чешской среде / А. Бранднер // Новая русистика. – 2016. – № 2. – С. 57–66.
- Виноградов, В. А. Фонетический минимум в процессе обучения иностранцев русскому языку / В. А. Виноградов // Русский язык за рубежом. – 1970. – № 3. – С. 57–60.
- Дерябина, С. А. Фонетизация обучения русскому языку как иностранному в цифровом гуманитарном знании: теоретический аспект / С. А. Дерябина, Н. А. Любимова // Русистика. – 2021. – Т. 19 (3). – С. 298–312. – DOI: 10.22363/2618-8163-2021-19-3-298-312.
- Касаткин, Л. Л. Современный русский язык. Фонетика / Л. Л. Касаткин. – М.: Академия, 2014. – 272 с.
- Князев, С. В. Современный русский литературный язык. Фонетика, орфоэпия, графика, орфография / С. В. Князев, С. К. Пожарицкая. – М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2012. – 430 с.
- Корычанкова, С. Система подготовки учителей русского языка в Чешской Республике – современное состояние, задачи и перспективы направления / С. Корычанкова // Новая русистика. – 2016. – № 2. – С. 89–98.

- Логинова, И. М. Современная интерпретация русской фонетики при обучении произношению / И. М. Логинова // Русский язык за рубежом. – 2017. – № 3. – С. 39–45.
- Прохорова, И. О. Обучение произношению: экспериментальные данные и методические практики / И. О. Прохорова // Вестник РУДН. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». – 2014. – № 2. – С. 107–113.
- Розбодова, Л. Школьные учебники русского языка в Чехии сегодня: плюсы и минусы / Л. Розбодова, Я. Коныч, Е. М. Маркова // Русистика. – 2019. – Т. 17, № 1. – С. 90–102. – DOI: 10.22363/2618-8163-2019-17-1-90-102.
- Свешникова, О. А. Использование фонологической теории Е. А. Брызгуновой при обучении РКИ / О. А. Свешникова // Вестник РУДН. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». – 2015. – № 2. – С. 24–29.
- Соколова, А. Фонетика и фонология русского языка / А. Соколова. – Текст : электронный. – Elportál, Brno : Masarykova univerzita, 2021. – URL: <http://elportal.cz/publikace/fonetika-rustina> (дата обращения: 25.09.2021).
- Ткач, Т. Г. Фонетическая транскрипция в аспекте обучения русскому как иностранному (РКИ) / Т. Г. Ткач // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2010. – № 2. – С. 159–161.
- Хромов, С. С. Сопоставительное изучение и описание интонации русского языка: лингвистический и методический аспекты / С. С. Хромов // Русский язык за рубежом. – 2017. – № 3. – С. 34–38.
- Шутова, М. Н. Фонетический аспект в методике преподавания русского языка как иностранного / М. Н. Шутова, И. А. Орехова // Русистика. – 2018. – Т. 16, № 3. – С. 261–278. – DOI: 10.22363/2618-8163-2018-16-3-261-278.
- Bičan, A. Phonematics of Czech / A. Bičan // La linguistique. – 2010. – Vol. 46, Iss. 1. – P. 19–41.
- Jelínek, S. Didaktika ruského jazyka: Vybrané kapitoly. 3. vyd., rozš. a upr. / S. Jelínek, R. Purm, J. Veselý. – Hradec Králové : Gaudeamus, 2003. – 250 p.
- Iosad, P. Vowel reduction in Russian: No phonetics in phonology / P. Iosad // Journal of Linguistics. – 2012. – Vol. 48, Iss. 3. – P. 521–571. – DOI: 10.1017/S002226712000102.
- Konečný, J. Praktická fonetika ruského jazyka pro budoucí učitele / J. Konečný. – Praha : Univerzita Karlova v Praze, Pedagogická fakulta, 2015. – 170 p.
- Krčmová, M. Fonetika a fonologie / M. Krčmová // Příruční mluvnice češtiny / P. Karlík, M. Nekula, Z. Rusínová (eds.). – Praha : NLN, 2012. – P. 21–64.
- Machač, P. Redukční procesy v produkci mluvené češtiny: stabilita fonetických rysů / P. Macháč, M. Zíková // Studie k moderní mluvnici češtiny. 5, K české fonetice a pravopisu. – Olomouc : Univerzita Palackého v Olomouci, 2013. – P. 45–68.
- Palková, Z. Fonetika a fonologie češtiny / Z. Palková. – Praha : Karolinum, 1997. – 366 p.
- Rozboudová, L. Fonetika a fonologie ruského jazyka / L. Rozboudová, J. Konečný // Fonetika a fonologie v přípravě učitelů. – Praha : Univerzita Karlova, Karolinum, 2016. – P. 132–152.
- Rozboudová, L. Современная дидактика русского языка как второго иностранного: языковые средства = Moderní didaktika ruštiny jako dalšího cizího jazyka: jazykové prostředky / L. Rozboudová, J. Konečný. – Praha : Karolinum, 2018. – 120 p.
- Shutova, M. N. Role of Phonetics in Forming the Communicative Competence of Foreign Russianist Students / M. N. Shutova, S. S. Khromov, T. V. Nesterova, V. G. Fathudinova // Opcion. – 2019. – Vol. 35, Iss. 19. – P. 2899–2911.

Источники

- Chamrajeva, J. Времена 1 – учебnice. Kurz ruského jazyka pro začátečníky / J. Chamrajeva, E. Ivanova, R. Broniarz. – Dubicko : INFOA, 2009. – 116 p.
- Jelínek, S. (a) Радуга по-новому 1: учебnice ruštiny A1 / S. Jelínek, L. F. Alexejeva, R. Hříbková, H. Žofková. – Plzeň : Fraus, 2008. – 128 p.
- Jelínek, S. (b) Радуга по-новому 2: учебnice ruštiny A1 / S. Jelínek, L. F. Alexejeva, R. Hříbková, H. Žofková. – Plzeň : Fraus, 2008. – 128 p.
- Orlova, N. Классные друзья 1. Ruština pro 2. stupeň základních škol / N. Orlova, J. Körschnerová, J. Stejskalová. – Praha : Klett, 2014. – 81 p.
- Žofková, H. Поехали! Rychlý start A1. Učebnice ruštiny pro základní školy a víceletá gymnázia / H. Žofková, K. Eibenová, Z. Liptáková, J. Šaroch. – Úvaly : ALBRA, 2009. – 152 p.
- Žofková, H. Поехали 2. Učebnice ruštiny pro základní školy a víceletá gymnázia / H. Žofková, K. Eibenová, Z. Liptáková, J. Šaroch. – Úvaly : ALBRA, 2004. – 124 p.

References

- Barkhudarova, E. L. (2015). Osnovy sopostaveniya foneticheskikh sistem russkogo i rodnogo yazykov v kontekste obucheniya proiznosheniyu [Fundamentals of Comparing the Phonetic Systems of a Foreign and Native Language in the Context of Teaching Pronunciation]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya*. No. 3, pp. 139–154.
- Barkhudarova, E. L. (2016). Analiz protivopostaveniya russkikh soglasnykh po glukhosti/zvonkosti v lingvodidakticheskom apeste [Analysis of Typological Character of Voicelessness and Sonority Contrast in Russian in Linguodidactic Context]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya*. No. 5, pp. 9–24.
- Barkhudarova, E. L. (2017). Foneticheskii aktsent kak pokazatel' kharakteristik zvukovogo stroya rodnogo i izuchаемого yazykov [Phonetic Accent as an Indicator of the Characteristics of the Sound Structure of the Native and Studied Languages]. In *Russkii yazyk za rubezhom*. No. 3, pp. 10–15.
- Bičan, A. (2010). Phonematics of Czech. In *La linguistique*. No. 46. Issue 1, pp. 19–41.

- Bitekhtina, N. B., Klimova, V. N. (2017). Formirovanie foneticheskoi kompetentsii v usloviyakh primeneniya elektronogo obucheniya RKI [Phonetic Competence Formation in the Situation of Electronic Training of Russian as a Foreign Language]. In *Russkii yazyk za rubezhom*. No. 3, pp. 46–50.
- Brandner, A. (2016). K izucheniyu russkogo yazyka v sovremennoi cheshskoi srede [Notes on a Study of Russian in the Contemporary Czech Environment]. In *Novaya rusistika*. No. 2, pp. 57–66.
- Deryabina, S. A., Lyubimova, N. A. (2021). Fonetizatsiya obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu v tsifrovom gumanitarnom znanii: theoreticheskii aspekt [Phonetization of Teaching Russian as a Foreign Language in Digital Humanitarian Knowledge: Theoretical Aspect]. In *Rusistika*. No. 19 (3), pp. 298–312. DOI: 10.22363/2618-8163-2021-19-3-298-312.
- Iosad, P. (2012). Vowel Reduction in Russian: No Phonetics in Phonology. In *Journal of Linguistics*. No. 48. Issue 3, pp. 521–571. DOI: 10.1017/S0022226712000102.
- Jelínek, S., Purm, R., Veselý, J. (2003). *Didaktika ruského jazyka: Vybrané kapitoly*. Hradec Králové, Gaudeamus. 250 p.
- Kasatkin, L. L. (2014). *Sovremennyy russkii yazyk. Fonetika* [The Modern Russian Language. Phonetics]. Moscow, Akademiya. 272 p.
- Khromov, S. S. (2017). Sopostavitel'noe izuchenie i opisaniye intonatsii russkogo yazyka: lingvisticheskii i metodicheskii aspekty [Comparative Research and Description of the Intonation of the Russian Language: The Linguistic and Methodological Aspects]. In *Russkii yazyk za rubezhom*. No. 3, pp. 34–38.
- Knyazev, S. V., Pozharitskaya, S. K. (2012). *Sovremennyy russkii literaturnyy yazyk. Fonetika, orfoepiya, grafika, orfografiya* [The Modern Russian Literary Language: Phonetics, Orthoepy, Graphics, Spelling]. Moscow, Akademicheskii Proekt, Gaudeamus. 430 p.
- Konečný, J. (2015). *Praktická fonetika ruského jazyka pro budoucí učitele*. Prague, Charles University, Faculty of Education. 170 p.
- Koryčánková, S. (2016). Sistema podgotovki uchitelei russkogo yazyka v Cheshskoi Respublike – sovremennoe sostoyaniye, zadachi i perspektivy [The System of Teacher's Training of the Russian Language in the Czech Republic – the Current State, Problems, and Prospects of Direction]. In *Novaya rusistika*. No. 2, pp. 89–98.
- Krčmář, M. (2012). Fonetika a fonologie. In Karlík, P., Nekula, M., Rusínová, Z. (Eds.). *Příruční mluvnice češtiny*. Prague, NLN, pp. 21–64.
- Loginova, I. M. (2017). Sovremennaya interpretatsiya russkoi fonetiki pri obuchenii proiznosheniyu [Modern Interpretation of Russian Phonetics in Teaching Pronunciation]. In *Russkii yazyk za rubezhom*. No. 3, pp. 39–45.
- Machač, P., Zíková, M. (2013). Redukční procesy v produkci mlúvené češtiny: stabilita fonetických rysů. In *Studie k moderní mluvnici češtiny. 5. K české fonetice a pravopisu*. Olomouc, Palacky University, pp. 45–68.
- Palková, Z. (1997). *Fonetika a fonologie češtiny*. Prague, Karolinum. 366 p.
- Prokhorova, I. O. (2014). Obuchenie proiznosheniyu: eksperimental'nye dannye i metodicheskie praktiki [Teaching Pronunciation: Experimental Data and Methodological Practices]. In *Vestnik RUDN. Seriya «Russkii i inostrannyye yazyki i metodika ikh prepodavaniya»*. No. 2, pp. 107–113.
- Rozboudová, L., Konečný, J. (2016). Fonetika a fonologie ruského jazyka. In *Fonetika a fonologie v přípravém vzdělávání učitelů*. Prague, Charles University, Karolinum, pp. 132–152.
- Rozboudová, L., Konečný, J. (2018). *Moderní didaktika ruštiny jako dalšího cizího jazyka: jazykové prostředky*. Prague, Karolinum. 120 p.
- Rozboudová, L., Konečný, J., Markova, E. M. (2019). Shkol'nye uchebniki russkogo yazyka v Chexkii segodnya: plyusy i minusy [Modern Russian Textbooks for Schools in Czech Republic: Advantages and Disadvantages]. In *Rusistika*. Vol. 17. No. 1, pp. 90–102. DOI: 10.22363/2618-8163-2019-17-1-90-102.
- Shutova, M. N., Orekhova, I. A. (2018). Foneticheskii aspekt v metodike prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo [Phonetics in Teaching Russian as a Foreign Language]. In *Rusistika*. Vol. 16. No. 3, pp. 261–278. DOI: 10.22363/2618-8163-2018-16-3-261-278.
- Shutova, M. N., Khromov, S. S., Nesterova, T. V., Fathudinova, V. G. (2019). Role of Phonetics in Forming the Communicative Competence of Foreign Russianist Students. In *Opcion*. Vol. 35. Issue 19, pp. 2899–2911.
- Sokolova, A. (2021). *Fonetika i fonologiya russkogo yazyka* [Phonetics and Phonology of the Russian Language]. Elportál, Brno, Masaryk University. URL: <http://elportal.cz/publikace/fonetika-rustina> (mode of access: 25.09.2021).
- Sveshnikova, O. A. (2015). Ispol'zovaniye fonologicheskoi teorii E. A. Bryzgunovoi pri obuchenii RKI [E. A. Bryzgunova's Phonemic Theory in Teaching Foreign Students]. In *Vestnik RUDN. Seriya «Russkii i inostrannyye yazyki i metodika ikh prepodavaniya»*. No. 2, pp. 24–29.
- Tkach, T. G. (2010). Foneticheskaya transkriptsiya v aspekte obucheniya russkomu kak inostrannomu (RKI) [Phonetic Transcription in the Aspect of the Russian as a Foreign Language Teaching]. In *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhhkul'turnaya kommunikatsiya*. No. 2, pp. 159–161.
- Vinogradov, V. A. (1970). Foneticheskii minimum v protsesse obucheniya inostrantsev russkomu yazyku [Phonetic Minimum in the Process of Teaching Russian to Foreigners]. In *Russkii yazyk za rubezhom*. No. 3, pp. 57–60.

Sources

- Chamrajeva, J., Ivanova, E., Broniarz, R. (2009). *Vremena 1 – učebnice. Kurz ruského jazyka pro začátečníky*. Dubicko, INFOA. 116 p.
- Jelínek, S. (2008a). *Raduga po-novomu 1: učebnice ruštiny A1*. Pilsen, Fraus. 128 p.
- Jelínek, S. (2008b). *Raduga po-novomu 2: učebnice ruštiny A1*. Pilsen, Fraus. 128 p.
- Orlova, N., Körschnerová, J., Stejskalová, J. (2014). *Klassnyye druz'ya 1. Ruština pro 2. stupeň základních škol*. Prague, Klett. 81 p.

Žofková, H., Eibenová, K., Liptáková, Z., Šaroch, J. (2009). *Poekhali! Rychlý start A1. Učebnice ruštiny pro základní školy a víceletá gymnázia*. Úvaly, ALBRA. 152 p.

Žofková, H., Eibenová, K., Liptáková, Z., Šaroch, J. (2004). *Poekhali 2. Učebnice ruštiny pro základní školy a víceletá gymnázia*. Úvaly, ALBRA. 124 p.

Данные об авторе

Соколова Анастасия – Ph.D., старший преподаватель кафедры русского языка и литературы педагогического факультета, Университет им. Масарика (Брно, Чешская Республика).

Адрес: 60200, Чешская Республика, Брно, ул. Поржичи, 7.

E-mail: sokolova@ped.muni.cz.

Author's information

Sokolova Anastasija – Ph.D., Senior Lecturer of Department of Russian Language and Literature of Faculty of Education, Masaryk University (Brno, Czech Republic).

Дата поступления: 01.12.2021; дата публикации: 29.12.2022

Date of receipt: 01.12.2021; date of publication: 29.12.2022

ТЕХНОЛОГИИ РАЗВИТИЯ ВИЗУАЛЬНОЙ ГРАМОТНОСТИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В ВУЗЕ

Щипицина Л. Ю.

Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5308-8726>

А н н о т а ц и я . При работе с информацией сегодня необходимостью становится обращение к различным способам визуализации, что ставит актуальную задачу для каждого владеть технологиями визуализации информации и развивать визуальную грамотность, которая традиционно понимается как умение понимать и производить визуальные и визуально-вербальные тексты, позволяющие сделать процесс коммуникации наиболее эффективным. Особенно актуально использовать технологии развития визуальной грамотности при работе с современными студентами, представляющими поколения визуалов. В статье рассматриваются возможности применения технологий развития визуальной грамотности на занятиях по профессионально ориентированному иностранному языку у студентов-филологов. В научный обиход вводится новый термин «коммуникативно-визуальные технологии», под которым предлагается понимать способы комплексного развития универсальных (аналитических, коммуникативных и креативных) и профессиональных компетенций при работе с визуально-вербальными текстами на иноязычном материале. Разработаны материалы для опытного обучения группы студентов, изучающих предмет «Верстка и макетирование» на материале иностранного языка (английского, немецкого и русского как иностранного). Обучение включало работу по созданию лексических ментальных карт, инфографики профессиональной тематики, литературных видео и цифровых книг. Проведенное по данным материалам обучение группы студентов в САФУ имени М. В. Ломоносова (г. Архангельск), а также результаты тестов и опросов показывают позитивную динамику в развитии профессиональных и иноязычных умений и навыков, а также визуальной грамотности студентов. Целенаправленное обучение студентов-филологов созданию комплексных визуально-вербальных текстов профессиональной тематики на иностранном языке свидетельствует, что работа с такими текстами позволяет лучше понять и запомнить изучаемый материал, а также сделать процесс естественной коммуникации на иностранном языке более эффективным.

Предложенная методика может применяться в дальнейшем при разработке и апробации коммуникативно-визуальных технологий другого типа (задания по созданию интерактивных карт, лонгридов, комментированных презентаций и т. п.) в самых разных филологических дисциплинах, а также при обучении студентов других специальностей.

К л ю ч е в ы е с л о в а : визуализация информации; визуальная грамотность; коммуникативно-визуальные технологии; профессионально ориентированные иностранные языки; иностранные языки; методика преподавания иностранных языков; методика иностранных языков в вузе; студенты-филологи; опытное обучение; ментальные карты; инфографика; видео; цифровые книги

Д л я ц и т и р о в а н и я : Щипицина, Л. Ю. Технологии развития визуальной грамотности при изучении иностранного языка в вузе / Л. Ю. Щипицина. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2022. – Т. 27, № 4. – С. 195–204. – DOI: 10.51762/1FK-2022-27-04-17.

TECHNOLOGIES OF DEVELOPING VISUAL LITERACY AT UNIVERSITY FOREIGN LANGUAGE LESSONS

Larisa Yu. Shchipitsina

Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5308-8726>

A b s t r a c t . When working with information, it becomes crucial nowadays to employ various visualization methods. This fact leads every researcher to the necessity to master skills of work with information through using visualization technologies and to develop visual literacy, which is traditionally treated as the ability to understand and produce visual texts that make the communication process more effective. It is especially important to use technologies for developing visual literacy when working with modern students who belong to the generations of

visuals. The article discusses the possibilities of applying the technologies for the development of visual literacy in the professionally oriented foreign language classroom for students of philology. A new term “communicative visual technologies” is introduced, which is defined as a way of integrated development of universal (analytical, communicative and creative) and professional competences when working with visual-verbal foreign language texts.

The materials presented have been developed for the experimental training of a group of students studying the subject “Text layout” on the material of a foreign language (English, German and Russian as a foreign language). The training included work on the creation of lexical mental maps, professional infographics, literary videos and digital books. The results of the trial training of a group of students carried out in autumn, 2021 at the Northern (Arctic) federal university, Arkhangelsk, Russia, as well as the results of the diagnostic and control tests and reflective surveys show positive dynamics in the development of professional and foreign language skills, as well as the development of visual literacy of students. Purposeful training of philology department students to create complex professionally oriented visual-verbal texts of in a foreign language indicates that working with such texts allows students to better understand and remember the material being studied, as well as to make the process of natural communication in a foreign language more efficient.

The suggested method can be used in the future when developing and testing communicative visual technologies of a different type (tasks for creating interactive maps, long format texts, commented presentations, etc.) in a variety of philological disciplines, as well as in teaching students of other specialties.

Keywords: visual information; visual literacy; communicative visual technologies; professionally oriented foreign languages; methods of teaching foreign languages; methods of teaching foreign languages in university; students-philologists; experimental training; mental maps; infographics; video; digital books

For citation: Shchipitsina, L. Yu. (2022). Technologies of Developing Visual Literacy at University Foreign Language Lessons. In *Philological Class*. Vol. 27. No. 4, pp. 195–204. DOI: 10.51762/1FK-2022-27-04-17.

Введение

Визуальная грамотность сегодня является одним из важнейших универсальных навыков, требующихся человеку в самых разных сферах деятельности. Человек с высоким уровнем визуальной грамотности быстрее осваивает материал и может его доходчиво объяснить другим, что в век информационных технологий является значительным конкурентным преимуществом. Специалисты, умеющие интегрировать визуальные умения и навыки в профессиональную деятельность и повседневную жизнь, имеют намного больше возможностей для коммуникации.

Изучение иностранного языка также посвящено освоению новой коммуникативной системы, соответственно, цели развития визуальной грамотности и изучения иностранных языков во многом перекликаются. Это ставит перед исследователями глобальную задачу выяснить, каким образом сегодня, в глобальном и насыщенном информацией обществе, следует обучать иностранному языку современного студента, и как в этом процессе могут помочь визуальные технологии. Соответственно, в статье дается ответ на вопрос: Как использование коммуникативно-визуальных технологий обучения может помочь преподавателю и как эти технологии можно интегрировать в процесс обучения студентов-филологов?

Задачи исследования состоят в следующем:

- 1) обосновать необходимость выделения особого вида образовательных технологий – коммуникативно-визуальных;
- 2) выработать классификацию данного вида технологий;
- 3) провести апробацию обучения на основе использования коммуникативно-визуальных технологий в процессе обучения профессионально ориентированному иностранному языку студентов вуза. В качестве опытной группы нашего исследования выступают студенты-филологи.

Теоретические основы исследования

Визуальная грамотность и ее составляющие. Количество научных публикаций, посвященных вопросам визуальной грамотности, на настоящий момент очень велико. Начиная с 1969 г., когда данный научный термин введен в научный обиход американским исследователем Дж. Дебесом, и до настоящего момента опубликованы сотни диссертаций, научных книг и статей, преимущественно на английском языке [Callow 2005; Avgerinou 2007; Suryanto 2014 и др.]. В последние годы тема визуальной грамотности вызывает интерес и у российских исследователей, в т.ч. в плане использования технологий визуаль-

ной грамотности для обучения иностранным языкам [Милюшенко 2019; Куламихина и др. 2020].

Обобщая многочисленные определения визуальной грамотности (в частности, [Braden, Hortin 1982: 41; Абрамова 2020: 91–92]), приходим к выводу, что визуальной грамотностью следует считать способность правильно воспринимать и понимать визуальные и комплексные мультимедийные образования, а также умение самому составлять такие «тексты» и грамотно использовать их в процессе коммуникации и поиска новых идей.

Подобное определение отражает сложное строение визуальной грамотности, к которой исследователи [Seels 1994; Avgerinou, Pettersson 2011] относят визуальное восприятие, визуальное конструирование смысла (*visual learning*), визуальное мышление, визуальную коммуникацию и визуальный язык.

Как развивать визуальную грамотность студента? Очевидно, что обладающая комплексным строением визуальная грамотность является результатом специального обучения или самообразования. Для развития визуальной грамотности можно использовать когнитивно-визуальные технологии – вид образовательных технологий, направленных на овладение студентом различными способами визуализации учебной информации [Ваткова 2015: 7]. Среди когнитивно-визуальных технологий можно выделить разные способы визуализации информации: инфографическое проектирование (инфографика), фридроунг, пиктографика, коллажирование, изобразительная метафора, «визуальные истории», иконографика, скетчноутинг, «облако слов» и др. [Там же]. Каждая из технологий требует отдельного освоения. В частности, для овладения методикой инфографического проектирования О. А. Ваткова предлагает следующие шаги: 1) знакомство студентов с профессиональной инфографикой по изучаемым в вузе предметам, размещенной на страницах газеты «Аргументы и факты»; 2) проект по совместному созданию инфографики [Там же: 9].

Подобные шаги – от знакомства с уже готовыми визуальными произведениями к созданию своих собственных визуальных продуктов – можно использовать и при освоении других инструментов и технологий визуализации.

При этом, если говорить о развитии визуальной грамотности филологов, то мы предлагаем ввести понятие *коммуникативно-визуальных технологий* – образовательных технологий, направленных на использование студентами различных способов визуализации учебной и профессиональной информации в процессе коммуникации на родном и иностранном языках.

Роль визуальной грамотности для изучения иностранного языка. По мнению исследователей, наиболее эффективным является интегрированный подход обучения языку, в котором одновременно используются иллюстрации и текст (например, [Mayer 2003]). Визуальный материал помогает запоминать, структурировать, служит стимулом и мотивом для работы над разными речевыми умениями и навыками и может использоваться на разных этапах учебного воздействия (предварительный, основной, заключительный) [Suryanto 2014]. Согласно результатам экспериментальных исследований, наш мозг обрабатывает визуальные образы быстрее, чем вербальный текст, при этом визуальная информация чаще фиксируется в долговременной памяти, чем вербальная [Levie, Lentz 1982], что позволяет повысить эффективность изучения языка. Неслучайно поэтому многих исследователей привлекали вопросы использования иллюстраций, цифровых историй или видео в процессе обучения иностранному языку [Вихрова 2018]. Но лишь в последние годы в связи с практической направленностью обучения и ориентацией на принципы функциональной грамотности (исследование PISA) в методике ставится задача не просто использовать визуализацию как вспомогательный инструмент обучения предмету, а *интегрировать когнитивные и коммуникативные умения и навыки в целях комплексного развития личности*, что находит отражение в концепциях мультиграмотности (например, [Goldstein 2016: 4]).

При этом исследователи визуальной грамотности на занятиях ИЯ подчеркивают, что речь здесь идет не о визуализации как способе обеспечения наглядности в обучении, а о развитии познавательных способностей и критического мышления обучающихся на иноязычном материале [Сырина 2016: 82].

Подытоживая раздел о теоретических основах нашего исследования, приходим к вы-

воду о том, что визуализацию в современном образовании следует рассматривать как эффективный инструмент развития и саморазвития личности. При обучении студентов-филологов сегодня следует говорить не просто об использовании визуализации, а о применении когнитивно-визуальных и коммуникативно-визуальных технологий обучения, которые помогают студентам в комплексном развитии их умений и навыков иноязычной коммуникации и развитии визуальной грамотности как способности воспринимать, понимать и эффективно использовать в своем общении визуальные образы. Актуальной задачей является поиск способов реальной интеграции коммуникативно-визуальных технологий в процесс вузовского иноязычного образования, решению которой посвящена практическая часть нашей статьи.

Материалы и методы исследования

Для решения вопроса о практической иллюстрации применения коммуникативно-визуальных технологий в процессе обучения иностранному языку студентов-филологов мы разработали следующие шаги по опытному интегрированному обучению студентов иноязычным, профессиональным и визуальным умениям и навыкам:

1) диагностическое тестирование с целью выявления текущего уровня знаний и умений студентов в области применения коммуникативно-визуальных технологий;

2) разработка материалов и проведение опытного обучения по развитию профессиональных умений коммуникации на иноязычном материале с применением коммуникативно-визуальных технологий;

3) контрольное тестирование и рефлексия для выявления прогресса в освоении коммуникативно-визуальных технологий, а также отношения студентов к проведенному обучению.

Обучение проводилось в течение месяца на базе Северного (Арктического) федерального университета (г. Архангельск, Россия) осенью 2021 г. В диагностическом тестировании приняли участие 44 обучающихся 2–4 курсов, изучающих разные основные предметы, в опытном обучении из них участвовали 18 студентов 4 курса, изучающих филологию. Опытное обучение проводилось в рамках профессиональ-

ного предмета «Верстка и макетирование», при этом часть материалов курса была предложена для освоения на иностранном языке с использованием коммуникативно-визуальных технологий. Определенной сложностью выступило то, что студенты группы изучали разные иностранные языки: большинство изучало английский, трое – русский как иностранный и один человек – немецкий как иностранный. Но эта сложность была решена подбором аутентичных, примерно близких по тематике материалов на изучаемом иностранном языке для каждой группы студентов, к которым были предложены идентичные задания.

В плане содержания мы предложили обучающимся знакомство со следующими коммуникативно-визуальными технологиями:

1) работа с ментальными картами для систематизации, семантизации и запоминания профессиональной терминологии по верстке и макетированию;

2) составление инфографики для представления основного содержания прочитанного текста профессиональной тематики на ИЯ;

3) создание литературного видео на ИЯ выбранного обучающимися жанра для комплексного воплощения необходимой информации (текст – музыка – иллюстрация – видео);

4) создание цифровой книги выбранного обучающимися жанра с представлением информации о своем городе на ИЯ для демонстрации практических навыков электронной верстки.

Несмотря на отсутствие контрольной группы и небольшое число участников опытного обучения, его результаты можно считать показательными, а само обучение или его элементы могут вполне применяться в дальнейшем в вузовской практике.

Результаты

Диагностическое тестирование. Перед началом обучения мы задались целью выявить исходный уровень владения коммуникативно-визуальными технологиями нашей целевой группы. Для подтверждения этого мы разработали диагностический тест, в который включили вопрос о самооценке студентом своего уровня визуальной грамотности, определение некоторых понятий, а также вопросы, позволяющие выявить предыдущий опыт об-

учающихся в их умениях и навыках создавать визуальные произведения на иноязычном материале. В целом тест включал 12 вопросов, максимально за него можно было получить 58 баллов. Вслед за рядом исследователей (например, [Монахов 2013]) мы выделили 3 уровня развития визуальной грамотности (низкий, средний и высокий) и предложили такую шкалу распределения баллов по уровням:

- 0–20 – низкий уровень;
- 21–42 – средний уровень;
- 43–58 – высокий уровень.

Анализ ответов обучающихся на ответы диагностического теста показал, что практически все опрошенные завышают собственный уровень развития визуальной грамотности, показывая низкие и средние результаты. Представление о соответствии уровня самооценки и показанного результата в виде среднего арифметического по всем приведенным ответам дает таблица 1.

Таблица 1. Самооценка и результаты диагностического теста о развитии уровня визуальной грамотности студентов (n=44)

Средняя самооценка, %	Средний уровень развития визуальной грамотности по результатам теста, %
72,7	47,7%

Как мы видим из данных таблицы 1, уровень развития визуальной грамотности студентов составил 47,7% (что соответствует среднему уровню, ближе к нижней границе), в то время как сами себя студенты в среднем оценивают на 72,7% (средний уровень, ближе к высшему уровню). Завышение собственного уровня развития визуальной грамотности студентами

свидетельствует о том, что они не имеют четкого представления о том, что такое визуальная грамотность и что в нее входит.

Опытное обучение. Содержание обучения на основном этапе включало работу с ментальными картами как типом графического организатора, инфографикой, видео и цифровыми книгами.

Для освоения каждого из выбранных инструментов отводилось 4 часа практического занятия. Основной организационной формой освоения материала была групповая работа: студенты в парах или втроем знакомились с подготовленным преподавателем теоретическим материалом о том, что такое ментальная карта или инфографика, в чем состоят параметры хороших визуальных продуктов данного типа, а также с примерами и сервисами для их создания (материал был предложен на родном языке обучающихся и помещался на учебном сайте преподавателя, созданном в *Google sites*). Далее студенты приступали к творческому этапу: осваивали иноязычный материал на основе предложенной коммуникативно-визуальной технологии и осуществляли самооценку созданного визуального продукта. Ссылку на созданный визуальный продукт – ментальную карту, инфографику, видео или цифровую книгу – каждая группа помещала в общий форум, в котором каждый студент индивидуально оценивал визуальные произведения друг друга. Тем самым при работе с каждой технологией удавалось проработать все уровни компетенций в соответствии с пирамидой Б. Блума (от воспроизведения материала при знакомстве с теорией к созданию нового материала и его оценке). Примеры созданных визуальных продуктов приведены на рисунках 1–2.

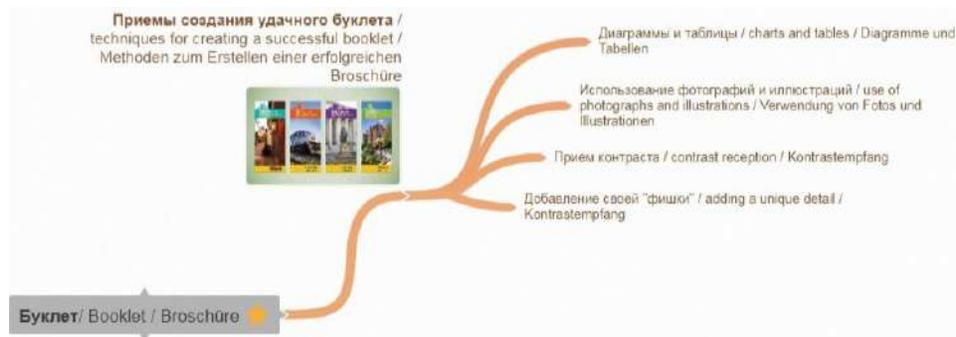


Рисунок 1. Фрагмент ментальной карты с лексикой на трех языках по дизайну буклета (создано в сервисе Coggle.it)

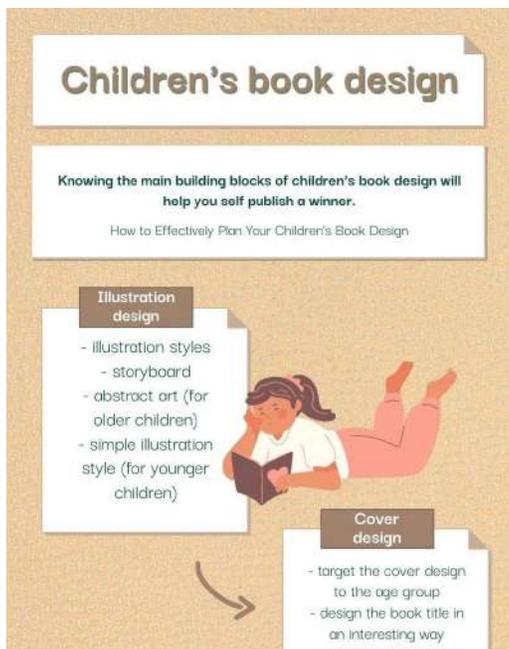


Рисунок 2. Фрагмент инфографики к тексту на английском языке о верстке детской книги (создано в сервисе *Canva*, источник текста: <https://www.callawind.com/effective-childrens-book-design>)

В ходе опытного обучения студенты в основном работали в группах в своем темпе, а преподаватель выступал в качестве тьютора, поясняя то, что студентам было непонятно, особенно при освоении первых тем, когда сам принцип работы тоже приходилось осваивать заново, и помогая, если появлялись трудности с сервисами. При этом, по нашим наблюдениям, студенты не уделяли должного внимания теории, посвященной каждому сервису (что потом сказалось на результатах контрольного теста), но с удовольствием знакомились с примерами визуальных произведений и стремились побыстрее перейти к творческой деятельности. Несмотря на то, что в каждой теме студентам предлагались разные инструменты визуализации, студенты продемонстрировали определенную приверженность одному сервису, не желая проходить регистрацию и осваивать функционал новых для себя сервисов. Таким многофункциональным сервисом, в котором большинство групп студентов даже создали видео, стал сервис *Canva*.

В целом студенты с удовольствием участвовали в опытном обучении, запланированного

для этого времени хватало для подавляющего большинства групп, рефлексия в конце каждой темы была позитивной, а студенты демонстрировали свой рост в освоении разных коммуникативно-визуальных инструментов. Определенные недостатки в освоении предложенных тем мы отметили при изучении теории с описанием визуального инструмента и критериев оценки визуальных продуктов, а также на этапе само- и взаимной оценки. Оценочный этап завершал каждую тему, здесь требовалось воплотить знание теории в оценку результата практической работы, и не у всех участников обучения хватало для этого времени и имеющихся аналитических способностей. В среднем в активной взаимной оценке участвовали около половины всей группы, при этом комментарии были достаточно грамотными и обоснованными. В частности, при обсуждении литературных видео были даны такие комментарии (в комментариях сохранены авторские написание и пунктуация):

Видео 1: *Хорошее исполнение, красивый видеоряд. Соответствует жанру и теме* (студент 1);

Очень нежно! Красиво подобраны иллюстрации, видео получилось атмосферное: (студент 2);

Мне очень понравилось, особенно то, что девочки сами озвучивали. Смотрится все нежно и приятно (студент 3).

Видео 2: *Очень классные графические иллюстрации и приятная тематическая музыка, но с восприятием текста возникают проблемы, он сливается с фоном* (студент 4).

Из приведенных комментариев становится понятно, что при оценке визуальных продуктов друг друга студенты обращали внимание в основном на дизайн и общее настроение, а не на композицию или интерпретацию как наиболее сложные составляющие визуальной грамотности при анализе визуальных произведений. Тем не менее при наличии большего времени на занятиях или при других основных образовательных задачах можно было бы добиться более глубокого уровня освоения каждой коммуникативно-визуальной технологии.

В связи с тем, что основные образовательные задачи нашего опытного обучения носили профессионально-предметный характер (освоение знаний и умений практической верстки и макетирования), внимания на иноязычном содержании обучения мы не фиксировали, ос-

ваиваемая иноязычная лексика или материалы воспринимались как инструмент для формирования профессиональных умений и навыков. В то же время отметим, что иноязычный материал достаточно органично вошел в содержание обучения. Несмотря на то, что студенты два года не занимались иностранными языками в рамках отдельных вузовских курсов, они без труда работали с иноязычным материалом профессиональной тематики в рецептивном и продуктивном плане. При необходимости уточнить значения слов они пользовались словарями, переводчиками и информационными порталами. А работа в группах позволяла им учиться друг у друга. В результате даже был создан визуальный продукт на 3 языках – русском, английском и немецком (рисунок 1), поскольку в группе объединились студенты, изучавшие разные иностранные языки.

В целом, как показали наше наблюдение и результаты опытного обучения, зафиксированные в заполненных к каждой теме рабочих листах и созданных визуальных продуктах, обучение оказалось достаточно успешным, вызвало неизменный интерес студентов к каждой новой теме, а возникающие технические трудности (с регистрацией или адаптацией материала в новую визуальную форму) решались совместными усилиями студентов и преподавателя.

В связи с позитивным опытом после проведенного обучения мы вполне можем рекомендовать проводить подобные занятия на основе различных коммуникативно-визуальных технологий, которые помогают успешно решать комплекс образовательных задач. Определенным условием такого обучения является то, чтобы профессиональное содержание было связано с освоением визуальных инструментов. В нашем случае верстка и макетирование непосредственно связаны с визуальным размещением текста и иллюстраций в пространстве страницы, т. е. напрямую способствуют развитию профессиональных компетенций в рамках изучаемого курса на основе выбранных нами технологий.

Еще одно ограничение касается компетенций преподавателя. Чтобы организовать интегрированное обучение предмету на иноязычном материале для каждого студента на основе коммуникативно-визуальных технологий,

от преподавателя требовалось самому владеть и навыками верстки, и всеми иностранными языками, которые изучают студенты группы, и сервисами, которые планировалось освоить. Но даже в случае недостатка компетенций в одной из сфер преподаватель может сначала сам выполнить задания, разработанные для студентов, тем самым повышая свой уровень визуальной грамотности и выявляя возможные трудности, а затем уже предложить задания студентам. Отметим, что в нашем случае знакомство с теорией визуальной грамотности и ее упрощенное представление для студентов в значительной степени помогли нам в практическом плане и позволяли давать действенные советы при создании студентами визуальных продуктов.

Контрольное тестирование и рефлексия.

После освоения четырех коммуникативно-визуальных технологий мы предложили студентам повторно оценить свой уровень визуальной грамотности и пройти контрольный разноуровневый тест, включавший 14 вопросов открытого типа, множественного выбора и тексты с пропусками. Студенты также ответили на вопросы рефлексивной анкеты, в которой оценили свое отношение к предложенному обучению и выстроили рейтинг изученных сервисов визуализации.

Сравнение результатов контрольного теста с входным диагностическим тестом демонстрирует небольшой прогресс в уровне визуальной грамотности (таблица 2). Поскольку максимальная оценка за контрольный тест и шкала баллов отличались от диагностического тестирования, результаты представлены только в процентах.

Таблица 2. Результаты диагностического и контрольного теста при выявлении уровня визуальной грамотности студентов (n=18)

Диагностический тест (%)	Контрольный тест (%)
47,7	60

Как демонстрируют результаты таблицы 2, знания и практические навыки студентов в области коммуникативно-визуальных технологий выросли с 47,7 до 60%. При этом отмеченный нами недостаток внимания к теории

и сущности визуальных инструментов проявился в том, что студенты по-прежнему не освоили определение визуальной грамотности, а также не смогли вставить нужные термины в определение видео. С определениями и критериями создания визуальных произведений в других сервисах у них обстояло дело лучше. При этом самооценка уровня своей визуальной грамотности у студентов по-прежнему являлась более высокой, чем это демонстрировали результаты теста, и в среднем в рефлексивном опросе после проведенного обучения она составила 77,5%.

Не очень высокий прогресс в развитии уровня визуальной грамотности после проведенного обучения, а также завышение этого уровня в самооценке обучающихся говорят о том, что вопросам развития визуальной грамотности следует уделять больше внимания. Студентам нравится творческая, практическая работа с коммуникативно-визуальными инструментами, но они недооценивают теоретические знания в области визуальной грамотности и умение применить эту теорию в оценке визуальных продуктов согласно различным значимым критериям, различающимся для каждого визуального инструмента. Кроме того, таких визуальных инструментов сегодня появилось достаточно много, и для различных ситуаций общения, в том числе на иностранном языке, нам могут потребоваться и разные коммуникативно-визуальные инструменты.

Выводы

Подводя итог, констатируем, что визуальной грамотностью следует считать умение воспринимать, понимать и производить комплексные мультимедийные образования, позволяющие сделать процесс коммуникации наиболее эффективным. При обучении студентов-филологов, в том числе на занятиях

по профессионально ориентированному иностранному языку, визуальная грамотность позволяет лучше понять и запомнить изучаемый материал, а также сделать процесс естественной коммуникации на родном и иностранном языке более эффективным.

В проведенном нами опытным обучением мы организовали освоение материала на основе четырех коммуникативно-визуальных технологий, т. е. способов комплексного развития универсальных (аналитических, коммуникативных и креативных) и профессиональных компетенций, в нашем случае умений и навыков верстки и макетирования на основе иноязычного материала. Результаты опытного обучения по освоению инструментов создания ментальных карт, инфографики, литературного видео и цифровой книги на иноязычном профессиональном материале, подтверждаемые сравнением диагностического и контрольного тестирования перед его началом и после его завершения, свидетельствуют о росте уровня визуальной грамотности обучающихся, а также об их успешном применении иностранного языка в процессе визуальной коммуникации. В нашем случае речь шла об обучении студентов-филологов, тем не менее полагаем, что изложенные в статье принципы организации профессионально ориентированного иноязычного обучения на основе коммуникативно-визуальных технологий могут применяться и для студентов других специальностей, что, впрочем, требует опытной проверки.

Представляется, что и преподавателям, ведущим разные вузовские предметы, и самим обучающимся следует по возможности включать в свои курсы обучения и самообразования освоение разных коммуникативно-визуальных технологий, обращая внимание как на теорию, так и на практику работы с ними.

Литература

- Абрамова, П. В. Почему визуальная грамотность важна и как ее развивать / П. В. Абрамова // Магистратура «на салфетках». Проектирование городских образовательных инфраструктур: от идеи к реализации : сб. статей. – М. : Издательство «Экон-Информ», 2020. – С. 89–95.
- Ваткова, О. А. Инфографика как средство формирования визуальной компетентности студента педагогического вуза / О. А. Ваткова // *Apriori*. Серия: Гуманитарные науки. – 2015. – № 6. – С. 1–11.
- Вихрова, А. В. Методика обучения описанию картинки на английском языке при помощи технологии визуальной грамотности / А. В. Ваткова // *Современные научные исследования и разработки*. – 2018. – № 12 (29). – С. 188–193.

Куламихина, И. В. Педагогические технологии развития визуальной грамотности студентов ветеринарных специальностей в процессе обучения профессионально-ориентированному иностранному языку / И. В. Куламихина, Ж. Б. Есмурзаева, М. Л. Марус, П. В. Закотнова // Сибирский педагогический журнал. – 2020. – № 2. – С. 103–110. – DOI: 10.15293/1813-4718.2002.12.

Милюшенко, Т. В. Особенности оценивания уровня сформированности визуальной грамотности в продуктивных видах иноязычной речевой деятельности / Т. В. Милюшенко // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. – 2019. – № 3 (31). – С. 11–15.

Монахов, Д. Н. Визуальная грамотность и информационная культура российского общества / Д. Н. Монахов. – М. : Макс Пресс, 2013. – 176 с.

Сырина, Т. А. Когнитивная визуализация: сущность понятия и его роль в обучении языку / Т. А. Сырина // Вестник ТГПУ. – 2016. – № 7 (172). – С. 81–85.

Avgerinou, M. D. Towards a visual literacy index / M. D. Avgerinou // Journal of Visual Literacy. – 2007. – Vol. 27 (1). – P. 29–46.

Avgerinou, M. D. Toward a cohesive theory of visual literacy / M. D. Avgerinou, R. Pettersson // Journal of Visual Literacy. – 2011. – Vol. 30 (2). – P. 1–19.

Braden, R. A. Identifying the theoretical foundations of visual literacy / R. A. Braden, J. A. Hortin // Journal of Visual Verbal Linguaging. – 1982. – Vol. 2. – P. 37–42.

Callow, J. Literacy and the visual: Broadening our vision / J. Callow // English teaching: Practice and critique. – 2005. – Vol. 4 (1). – P. 6–19.

Goldstein, B. Visual literacy in English language teaching: Part of the Cambridge Papers in ELT series / B. Goldstein. – Cambridge : Cambridge University Press, 2016. – 12 p. – URL: <https://www.cambridge.org/ru/cambridgeenglish/better-learning> (mode of access: 25.08.2022). – Text : electronic.

Levie, W. H. Effects of text illustrations: A review of research / W. H. Levie, R. Lentz // Educational Communications and Technology Journal. – 1982. – Vol. 30 (4). – P. 195–232.

Mayer, R. E. The promise of multimedia learning: using the same instructional design methods across different media / R. E. Mayer // Learning and Instruction. – 2003. – Vol. 13. – P. 125–139.

Seels, B.A. Visual literacy: The definition problem / B. A. Seels // Visual literacy: A spectrum of visual learning / D. M. Moore, F. M. Dwyer (Eds.). – Englewood Cliffs, New Jersey : Educational Technology Publications, 1994. – P. 97–112.

Suryanto, S. How Can Visual Literacy Support English Language Teaching? / S. Suryanto // Lingua: Jurnal Bahasa & Sastra. – 2014. – Vol. 15 (1). – P. 35–43.

References

Abramova, P. V. (2020). Pochemu vizual'naya gramotnost' vazhna i kak ee razvivat' [Why Visual Literacy is Important and How to Develop it]. In *Magistratura «na salfetkakh». Proyektirovanie gorodskikh obrazovatel'nykh infrastruktur: ot idei k realizatsii: sbornik statei*. Moscow, Izdateľ'stvo «Ekon-Inforn», pp. 89–95.

Avgerinou, M. D. (2007). Towards a Visual Literacy Index. In *Journal of Visual Literacy*. Vol. 27 (1), pp. 29–46.

Avgerinou, M. D., Pettersson, R. (2011). Toward a Cohesive Theory of Visual Literacy. In *Journal of Visual Literacy*. Vol. 30 (2), pp. 1–19.

Braden, R. A., Hortin, J. A. (1982). Identifying the Theoretical Foundations of Visual Literacy. In *Journal of Visual Verbal Linguaging*. Vol. 2, pp. 37–42.

Callow, J. (2005). Literacy and the Visual: Broadening Our Vision. In *English teaching: Practice and critique*. Vol. 4 (1), pp. 6–19.

Goldstein, B. (2016). *Visual Literacy in English Language Teaching*: Part of the Cambridge Papers in ELT series. Cambridge, Cambridge University Press. 12 p. URL: <https://www.cambridge.org/ru/cambridgeenglish/better-learning> (mode of access: 25.08.2022).

Kulamikhina, I. V., Esmurzaeva, Zh. B., Marus, M. L., Zakotnova, P. V. (2020). Pedagogicheskie tekhnologii razvitiya vizual'noi gramotnosti studentov veterinarnykh spetsial'nostei v protsesse obucheniya professional'no-orientirovannomu inostrannomu yazuku [Pedagogical Technologies for Developing Visual Literacy in Veterinary Students in the Profession Related Foreign Language Class]. In *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal*. No. 2, pp. 103–110. DOI: 10.15293/1813-4718.2002.12.

Levie, W. H., Lentz, R. (1982). Effects of Text Illustrations: A Review of Research. In *Educational Communications and Technology Journal*. Vol. 30 (4), pp. 195–232.

Mayer, R. E. (2003). The Promise of Multimedia Learning: Using the Same Instructional Design Methods Across Different Media. In *Learning and Instruction*. Vol. 13, pp. 125–139.

Milyushenko, T. V. (2019). Osobennosti otsenivaniya urovnya sformirovannosti vizual'noi gramotnosti v produktivnykh vidakh inoyazychnoi rechevoi deyatel'nosti [Assessing the Level of Visual Literacy Development in Students with Advanced Communicative Foreign Language Skills]. In *Vestnik Sibirskogo instituta biznesa i informatsionnykh tekhnologii*. No. 3 (31), pp. 11–15.

Monakhov, D. N. (2013). *Vizual'naya gramotnost' i informatsionnaya kul'tura rossiiskogo obshchestva* [Visual Literacy and Information Culture of Russian Society]. Moscow, Maks Press. 176 p.

Seels, B. A. (1994). Visual Literacy: The Definition Problem. In Moore, D. M., Dwyer, F. M. (Eds.). *Visual literacy: A spectrum of visual learning*. Englewood Cliffs, New Jersey, Educational Technology Publications, pp. 97–112.

Suryanto, S. (2014). How Can Visual Literacy Support English Language Teaching? In *Lingua: Jurnal Bahasa & Sastra*. Vol. 15 (1), pp. 35–43.

Syrina, T. A. (2016). Kognitivnaya vizualizatsiya: sushchnost' ponyatiya i ego rol' v obuchenii yazuku [Cognitive Visualization – Essence and Methods of Teaching Language]. In *Vestnik TGPU*. No 7 (172), pp. 81–85.

Vatkova, O. A. (2015). Infografika kak sredstvo formirovaniya vizual'noi kompetentnosti studenta pedagogicheskogo vuza [Infographics as a Means of Developing the Visual Competence of University Students]. In *APRIORI. Seriya: Gumanitarnye nauki*. No. 6, pp. 1–11.

Vikhrova, A. V. (2018). Metodika obucheniya opisaniyu kartinki na angliiskom yazyke pri pomoshchi tekhnologii vizual'noi gramotnosti [The Methodology of Picture Description in English Language with a Help of Visual Literacy Technology]. In *Sovremennye nauchnye issledovaniya i razrabotki*. No. 12 (29), pp. 188–193.

Данные об авторе

Шипицина Лариса Юрьевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры немецкой и французской филологии, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия).

Адрес: 163002, Россия, Архангельск, ул. Набережная Северной Двины, 17.

E-mail: l.shchipitsina@narfu.ru.

Author's information

Shchipitsina Larisa Yurievna – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Department of German and French Philology, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia).

Дата поступления: 26.08.2022; дата публикации: 29.12.2022

Date of receipt: 26.08.2022; date of publication: 29.12.2022

СТАНОВЛЕНИЕ ВТОРИЧНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В ПРОСТРАНСТВЕ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Вардзелашвили Ж. А.

Грузинско-американский университет (Тбилиси, Грузия).

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3096-2908>

Прокофьева Л. П.

Саратовский государственный медицинский университет им. В. И. Разумовского

(Саратов, Россия). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0700-4886>

Аннотация. Статья посвящена психолингвистической и методической проблеме формирования вторичной языковой личности (ВЯЛ) средствами изучаемого иностранного языка. На основе положений теорий языковой картины мира и языковой личности и обобщения опыта работы делаются выводы о необходимости переосмысления практической цели обучения и переносе акцента на методы и приемы, открывающие студенту новую языковую картину мира, так как формирование ВЯЛ базируется на ее постижении.

Исходным положением является мысль, что каждый носитель языка входит в культуру через родной язык и национальную картину мира, поэтому ключевой проблемой методики преподавания иностранных языков становится поиск методов и приемов по развитию перцептивной способности учащегося постигать специфику национальной картины мира изучаемого языка для развития речевого мышления на новом языке. В этом авторам видится главная цель любого курса иностранного языка, начиная с элементарного: формирование ВЯЛ, готовой к межкультурному диалогу. Все остальное должно быть подчинено этой цели в качестве частных задач каждого уровня становления ВЯЛ.

Методы и приемы в соответствии с главной целью преподавания иностранного языка – научить «производить речевые поступки» на новом языке – должны быть направлены на формирование ВЯЛ, которая может: выражать себя в речи и понимать интенции собеседника в межкультурном диалоге; миную перевод, создавать и воспринимать речевые произведения разной степени сложности, глубины и точности, затрагивающие разные стороны жизни. Вторичная языковая личность является динамическим, постоянно развивающимся конструктом, который надстраивается над уже существующей языковой личностью, принимая и используя все имеющиеся когнитивные установки и расширяя их потенциал. Данные структуры не параллельны, но тесно взаимосвязаны на уровне Лексикона, Тезауруса, Прагматикона и дискурсивной компетенции. Показателем сформированности ВЯЛ является способность принимать полноценное участие в межкультурном диалоге.

Ключевые слова: вторичная языковая личность; иностранные языки; методика преподавания иностранных языков; методика иностранных языков вузе; методика преподавания русского языка; методика русского языка в вузе; русский язык как иностранный; методические приемы; студенты; языковая картина мира

Для цитирования: Вардзелашвили, Ж. А. Становление вторичной языковой личности в пространстве иностранного языка / Ж. А. Вардзелашвили, Л. П. Прокофьева. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2022. – Т. 27, № 4. – С. 205–216. – DOI: 10.51762/1FK-2022-27-04-18.

THE FORMATION OF A SECONDARY LINGUISTIC PERSONALITY IN THE SPACE OF A FOREIGN LANGUAGE

Janeta A. Vardzelashvili

Georgian-American University (Tbilisi, Georgia).

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3096-2908>

Larisa P. Prokofyeva

Saratov State Medical University (Saratov, Russia).

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0700-4886>

Abstract. The article deals with the psycholinguistic and methodological problem of the formation of a secondary linguistic identity in the process of foreign language acquisition. Relying on the theories of the linguistic world mapping and the linguistic personality, as well as on many years of experience in teaching Russian as a foreign language, the authors draw conclusions about the need to rethink the teaching objectives and shift the focus to methods and techniques that open a new linguistic world view to the student, since the development of a secondary linguistic personality is based on it.

The starting point is the idea that the native speaker acquires the national culture by means of their native language and the language specific world view, so that the key goal of the foreign language teaching methodology should be the search for methods and techniques for developing the student's perceptual ability to comprehend the specificity of world mapping in the language studied, with the purpose of attaining such a level in foreign language acquisition as thinking in this language. The authors see the main goal of any foreign language course, starting with the elementary one, to be the formation of a secondary linguistic personality which makes the student ready for the intercultural dialogue. Everything else should be subordinated to this goal as particular tasks and steps on the way up to it.

The authors claim that the methods and techniques that are supposed, in accordance with the main goal of foreign language teaching, to teach how "to perform speech acts" in a new language, should be aimed at the formation of a secondary linguistic personality that can express themselves and comprehend the interlocutors' intentions in the intercultural dialogue; and create and perceive oral and written texts on different aspects of life and of varying degrees of complexity, depth, and accuracy without translation. A secondary linguistic personality is a dynamic, constantly evolving construct that is built on top of the already existing linguistic personality, embracing and using all the existing cognitive settings and expanding their potential.

These structures are not parallel, but closely interrelated at the levels of Lexicon, Thesaurus, Pragmaticon, and discursive competence. The ability to fully participate in the intercultural dialogue is an indicator of the complete formation of the secondary linguistic personality.

Keywords: secondary linguistic personality; foreign languages; methods of teaching foreign languages; methods of teaching foreign languages in university; methods of teaching Russian; methods of teaching Russian in university; Russian as a foreign language; teaching techniques; students; linguistic worldview

For citation: Vardzelashvili, J. A., Prokofyeva, L. P. (2022). The Formation of a Secondary Linguistic Personality in the Space of a Foreign Language. In *Philological Class*. Vol. 27. No. 4, pp. 205–216. DOI: 10.51762/IFK-2022-27-04-18.

Все теоретико-прикладные рассуждения, представленные в данной статье, базируются на исходном понятии «языковая личность» (далее – ЯЛ), которое вошло в научный обиход в последней четверти прошлого века и к настоящему моменту является одним из базовых терминов лингвистических исследований, связанных с глобальной проблемой «человек в языке»¹. Термин ЯЛ, глубокое научное осмысление которого связано с именами известных российских лингвистов, прежде всего Г. И. Богина (1982) и Ю. Н. Караулова (1987), имеет многочисленные трактовки, каждая из которых отражает развитие научной мысли, фиксирует этапы формирования концепции и расширяет возможности приложения к различным ракурсам анализа, общим и частным вопросам лингвистики и смежных дисциплин гуманитарного круга, включая методику преподавания языков. Напомним в экспозиции, что методика преподавания любой дисциплины опирается на данные науки, что объясняет

введение в дискурс методики преподавания иностранных языков термина-«надстройки» «вторичная языковая личность» [Богин 1982]. Оба термина уже несколько десятилетий активно используются исследователями, работающими в русле идей советской, позже – российской школы лингвистики [Халеева 1989; Гальскова 2004; Ваганова 2009].

Известная полифония в понимании базового термина ЯЛ и термина-надстройки ВЯЛ, которыми мы оперируем ниже, требует уточнения. ЯЛ понимается нами как обобщенный образ «носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций» [Карасик 1996: 3]. На эту научную абстракцию опираются в исследованиях в высшей степени сложных процессов превращения языка (родовое свойство человека) в речь – индивидуальную способность создавать, понимать и интерпретировать бесконечное число текстов на основе конечного чис-

¹ Подробный анализ трактовок термина в современной отечественной научной литературе находим в статье Е. В. Иванцовой «О термине „языковая личность“: истоки, проблемы, перспективы использования» [Иванцова 2010].

ла языковых средств, т. е. переводить жизнь в язык и язык – в жизнь.

Термин ЯЛ онтологически связан с картиной мира – фундаментальным понятием современной науки, в основе которого лежит установка: человек видит не объективный мир, а его отражение – картину, «совокупность предметных знаний о мире», позволяющих «интеллектуально ориентироваться в мире»: «Человек обнаруживает вокруг себя много озадачивающих его явлений и, обладая разумом, должен находить их смысл, включать их в определенный контекст, который он может понять и который даст ему возможность мысленно оперировать ими. (...) Вполне очевидно, что его картина мира зависит от развития его разума и знаний» [Фромм 2001: 62–63]. Отметим эту важную мысль, к которой мы будем возвращаться снова и снова!

Метафора «картина мира» обычно уточняется соответствующим сфере определением; в лингвистических исследованиях оперируют понятием «языковая картина мира», которое понимается как абстрактный конструкт, фокусирующий исследовательское внимание на универсальном и этно-маркированном в картинах мира разных языков. Исследования позволяют выявить и экстраполировать особенности конкретных культур, проявляющиеся в специфике мировосприятия и языкового мышления, в способах категоризации и оценок реалий и явлений, в стереотипах и моделях поведения, что в совокупности называется «народной/коллективной философией и этикой» и имплицитно входит в значения слов. «Ключ к миру» отражен в нашем языке, достаточно сопоставить, к примеру, русское *Я не сомкнул глаз ночью* и ту же фразу на языке банту: *Рассвело, а я все смотрю глазами вчерашнего дня*. В исследовательских целях денотат термина-метафоры «языковая картина мира» обычно уточняется определителем: английская, испанская, русская языковая картина мира (далее – ЯКМ). В сознании каждой ЯЛ отражена ЯКМ родного языка, всегда общая, т. к. выстраивается на константном ядре, инварианте системы, и всегда субъективная, поскольку сущностные проявления рефлексивного и познающего сознания личности, выраженные в речи, всегда индивидуальны. В данном исследовании ключевым является соотношение идеализирован-

ных научных объектов «языковая картина мира родного языка» → языковая личность и «языковая картина мира изучаемого языка» → вторичная языковая личность.

Являясь носителем конкретного языкового сознания, каждый из нас становится и носителем коллективной философии, этики, системы ценностей, выработанных народом и хранящихся в его языке. Следовательно, она может рассматриваться в двух ипостасях – как коллективный конструкт, отражающий весь исторический и культурный контекст некоторого лингвистического сообщества, и как индивидуальный, который отражает уровень развития отдельной личности, «присваивающей» коллективное знание.

В философском понимании личность – это индивид как член общества, а вопрос о личности – это вопрос о месте человека в мире и среди других людей. Человек становится личностью, когда осознает себя в координатах мира, заданных языком, с помощью которого он ищет пути для самовыражения и понимания себя и других. Именно «другой», через общение в «живых текстах», порождаемых или воспринимаемых личностью, дает ей ощущение своего «я». Личность диалогична по своей природе, что соотносится с отечественным М. М. Бахтиным тезисом: «Быть – значит общаться диалогически» [Бахтин 2002: 45]. Развиваясь, человек раздвигает границы собственного мира, и это постоянное расширение опирается на ориентиры – знаки языка. Масштаб индивидуальной картины – величина переменная, как и сам внутренний мир человека; ее границы, взятые на некотором синхронном срезе, задаются уровнем развития отдельной ЯЛ. Индивидуальная языковая картина мира определяет коммуникативное проявление ЯЛ.

В западной лингвистике близкими понятию ЯЛ представляются наиболее частотные в новейших исследованиях *Language based Personality*, *Linguistic Personality*, *Personality and Language* [Boyd, Pennebaker 2017; Языковая... 2017; Personality... 2020], где интерес к теме проявляется и в трудах по антропологии [The International... 2020], а проблемы, связанные с вторичной языковой личностью, разрабатываются, например, в контексте вопроса *Change of Language, Change of Personality?*, что, безусловно, указывает на универсальный интерес

к проблеме, не зависящий от научных школ и подходов [Grosjean 2011]. В вышедшей в конце 2020 года «Международной энциклопедии лингвистической антропологии» отдельная статья посвящена билингвизму и мультилингвизму, при этом социальное и индивидуальное в феноменах рассматривается в связи с понятием языкового контакта, вопросы формирования полилингвальной личности не рассматриваются [Li Wei 2020]. Вместе с тем необходимо отметить, что общее представление о проблеме и базовых понятиях входит в обязательный минимум современного филологического образования практически на всем постсоветском пространстве, в то время как в англоязычных профессиональных дискуссиях о связи языка и национального менталитета иногда обнаруживается отсутствие информации о современном уровне разработанности данной проблемы в школах, традиционно занимающихся ее исследованием, что подтверждается, к примеру, таким заголовком на странице академического языкового центра Language Solution: *The Unexpected Connection Between Language and Personality* (2016), где ключевым словом для нас является “Unexpected” (неожиданная) [Garand 2016]. Поясним: разработанная Г. И. Богиным еще в 1982 году модель ЯЛ, в которой формализованы все этапы процесса присвоения языка человеком, была и первой попыткой ее приложения к анализу личности, осваивающей иностранный язык, с учетом всех видов речевой деятельности: говорение, чтение, письмо, аудирование [Богин 1984]. Идеи ученого нашли отражение в международном документе “Common European Framework of Reference” («Общеввропейские языковые компетенции»), принятом в 2001 году в ЕС как руководство для обучения и контроля знаний по иностранному языку¹. Если внимательно ознакомиться с текстом, то становится очевидным, что «Последние изменения в языковой программе Совета Европы направлены на разработку инструмента, с помощью которого преподаватели языков будут способствовать развитию многоязычной личности» [Общеввропейские... 2003: 5]. Под инструментом, видимо, понимаются единые методы и методологии обучения иностранно-

му языку. Тем не менее не совсем понятно, как создать и описать в этих условиях саму полилингвальную личность, которая сегодня становится все более активным деятелем в многоязычном мире [Соломина 2014]. Как измерить и оценить сформированность вторичной (третьей и т. д.) языковой личности? «Таковыми дескрипторами, – по мнению Н. Ф. Бориско, – могли бы стать, например, code switching в другие языки, использование в межкультурном общении знаний других иностранных языков или стратегий общения, освоенных при изучении предыдущих» [Бориско 2009: 16]. Данная проблема, хотя и тесно связана с рассматриваемой, еще далека от разрешения, так как включает в себя множество составляющих, которые не позволяют однозначно провести демаркационную линию между переключением языков в сознании полилингва, владеющего языком в разной степени. Активные эксперименты, продолжающиеся в психолингвистике, могут позволить приблизиться к ответу на вопрос об универсальных и специфических элементах процесса формирования вторичной языковой личности, но практически преподаватели иностранного языка это делают каждый день, понимая, что методы и методики не всегда дают уверенность в том, что ВЯЛ родится.

Согласно концепции Ю. Н. Караулова, в структуре ЯЛ выделяются следующие уровни: первый – вербально-семантический (Лексикон); второй – лингвокогнитивный (Тезаурус); третий – прагматический (Прагматикон) [Караулов 2010: 15]. Единицами индивидуального лексикона являются слова и их структурно-семантические связи в дискурсе; объем лексикона определяет языковую и дискурсивную/коммуникативную компетенции. Единицы тезауруса – метафоры, концепты, прецеденты, складывающиеся в индивидуальную картину мира; уровень развития определяет социокультурную и предметную компетенции. Единицы прагматикона – интенции (цели, мотивы, интересы), которые проявляются в адекватной реализации «коммуникативно-деятельностных потребностей личности» в речи [Караулов 2010: 215]. На наш взгляд, все вышеизложенные теоретические основы понимания терми-

¹ Монография «Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, преподавание, оценка» была переведена на русский язык в 2003 г. Московским государственным лингвистическим университетом (www.linguanet.ru) [Общеввропейские... 2003].

на «языковая личность» релевантны не только для анализа вторичной языковой личности, но и для осмысления методических приемов, способствующих ее формированию. Высказанная позиция базируется на осмыслении феномена как следствия и развития концепции ЯЛ в трудах психологов, лингвистов, а в последние годы и в работах педагогов и специалистов по методике преподавания иностранных языков, что подтверждает не только теоретический, но и прикладной интерес к объекту.

Необходимо заметить, что в некоторых научных школах вместо термина ВЯЛ используется синонимичный «иноязычная языковая личность». Не вступая здесь в дискуссию по вопросам синонимии и дублетности в терминологии, подчеркнем, что, оперируя выбранным термином, мы следуем традиции, которая связана с именами как основоположников теории, так и целого ряда авторитетных ученых, развивающих концепцию. Обратим внимание и на сугубо семантический аспект, также являющийся аргументом в пользу сделанного выбора. Сопоставительный анализ словарных дефиниций лексем «иноязычный» и «вторичный» позволяет реконструировать семантический трансфер метафорических преобразований в обоих терминах. Оставляя за рамками данного исследования подробную процедуру дефиниционного анализа по всем академическим словарям русского языка, представим выведенную разницу: для термина «иноязычная языковая личность» основным является ряд «иной язык → принадлежать → писать/говорить», а для «вторичная языковая личность» – «совершать второй раз/повторно → прибавление к первому/дополнение → вторая стадия → следствие чего-то» [Толковый... 2000]. Полагаем, выведенные компоненты значения подтверждают, что именно термин «вторичная языковая личность» фиксирует ключевую идею теории: ВЯЛ является «прибавлением», «дополнением», «следствием» уже существующей ЯЛ.

Феномен и научный термин ВЯЛ с опорой на наиболее авторитетные фундаментальные работы в области современной психолингвистики подробно описан в исследованиях Н. А. Мамонтовой и Ю. Г. Момотовой, где ВЯЛ представлена в сопоставлении с первичным феноменом, сквозь призму особенностей ре-

чевого и психологического поведения личности в межкультурном диалоге и в лингводидактическом аспекте [Мамонтова 2010; Момотова 2011].

Процесс становления ВЯЛ базируется на дидактическом принципе природосообразности: постепенное развитие от простого к сложному, к постижению новой стратегии и тактики восприятия информации, которые рождены иной языковой картиной мира, другой ментальностью и во многом, даже в обыденном, непривычным взглядом на мир – к свободному владению иностранным языком, когда человек чувствует язык «изнутри», минуя стадию перевода. Таким образом, формирование ВЯЛ неотделимо от постижения новой языковой картины мира.

Если отталкиваться от базовых установок, что каждый носитель языка входит в культуру через родной язык и национальную картину мира, то ключевой проблемой методики преподавания иностранных языков становится **поиск методов и приемов по развитию перцептивной способности учащегося постигать специфику национальной картины мира изучаемого языка для развития речевого мышления на новом языке.**

И именно в этом мы видим не одну из задач, а *главную цель любого курса иностранного языка, начиная с элементарного: формирование вторичной языковой личности, готовой к межкультурному диалогу.* Все остальное, апробированное или инновационное, – фонетические упражнения, работа с лексикой, грамматические задания, чтение, аудирование, говорение, письмо – должно быть подчинено этой цели в качестве частных задач каждого уровня становления ВЯЛ. Известная смелость данного утверждения основана на критическом анализе теоретических работ по проблеме, от уже хрестоматийных до новейших, и многолетнего личного опыта преподавания русского как иностранного в разных аудиториях как в стране бытования языка, так и за ее пределами. Новация предложенного подхода состоит не в самой идее необходимости развития ВЯЛ, а в переосмыслении ключевой установки и, как следствие, – цели, задач, совокупности методов и приемов их достижения. Отталкиваясь от частного случая, напомним и общее: а) отсутствие научной коммуникации ограничивает распространение

знания; б) научный диалог является одним из наиболее продуктивных способов поиска истины; в) в гуманитарных науках логика развития неразрывно связана не только с постановкой проблемы, но и с дискуссией, с направленностью вопросов и ответов, которые, в свою очередь, могут содержать новые вопросы. Именно поэтому хотелось бы надеяться, что представленная работа послужит и поводом для коллегиальной дискуссии, и стимулом дальнейшего совершенствования методов и приемов преподавания иностранных языков.

Конечно, следует отметить, что в области преподавания иностранных языков, в частности русского, работает очень много профессионалов, старающихся через язык донести до иностранца безбрежность культуры. Четко и логично выстроена такая учебная деятельность в России, где лингвокультурологические задачи ставятся самой программой освоения русского языка как иностранного в вузе, на подготовительных отделениях вузов, в курсовом и индивидуальном обучении. Эта цель вполне достижима: язык и факты культуры окружают студента со всех сторон. Однако такая работа в рамках курса русского как иностранного при обучении вне языковой среды часто ограничена минимальным разделом «Лингвострановедение», носит характер инициативы преподавателя, подразумевая чтение фрагментов художественных произведений; ведется преимущественно дискретно, поскольку не вписана в общую систему, и редко проводится на уровне А1¹. Общеизвестно, что в сложившейся практике уровни А1 и А2 – это достижение общения в пределах, определенных стандартом тематического и интенционального минимумов для общения в бытовой, учебной и социально-культурной сферах. Уровни позволяют иностранцу реализовывать ограниченный набор коммуникативных потребностей в ограниченном числе ситуаций строго ограниченным набором языковых средств [Требования... 2007]. Но человек изучает новый язык не только, чтобы спросить, где находится какой-либо объект в незнакомом городе (сейчас технологии позволяют определять любую локацию не прибегая к речевой коммуникации), не для «говорения» в формаль-

ном понимании этого термина Требований (Стандарта) по русскому языку как иностранному (далее – ТРКИ), а для выражения своих мыслей и чувств, т. е. для *осмысленной* речи во множестве ситуаций межкультурного общения. Апробированная нами практика позволяет утверждать, что даже ограниченный набор языковых средств с помощью продуманных методических приемов можно использовать для развития речевого мышления с опорой на ориентиры новой изучаемой картины мира.

Предлагаем некоторые методы и приемы, способствующие постепенному формированию ВЯЛ, которые в соответствии с поставленной целью были разработаны нами на теоретико-прикладной базе для экспериментальной работы в группах сходного уровня владения РКИ, обучающихся как в языковой среде, так и вне ее: 1) слушатели подготовительного отделения российского вуза от уровня 0 до В1; 2) студенты 1 курса российского медицинского вуза, обучающиеся на языке-посреднике (английском) от уровня А2 до В1+; 3) студенты грузинского вуза 0 – А1 специальности «Английская филология» (языки обучения – грузинский и английский); 4) студенты разных специальностей грузинских вузов А2 – В1+.

Все предлагаемые приемы органично вписываются в единую систему изучения иностранного языка, поскольку в соответствии с требованиями нацелены на развитие всех компонентов речи: скорость и ритм, интонация, междометия как знак эмоции в спонтанной речи, лексика, фразеология, текст, контекст, подтекст, прецедент, языковая игра, юмор, грамматические ресурсы языка в речи, интенции, паравербальные средства. Методически продуманная работа, начиная с уровня А1, ориентирована на постепенный переход от *лексикона* к *тезаурусу* (от значения слов к концептам, декодированию метафор) и *прагматикону*. Приемы соотносятся с классическими принципами дидактики и дают возможность сконцентрировать усилия учителя и ученика не просто на расширении словарного запаса как такового, а на семантизации лексических значений, на активизации последовательных ментальных действий для «открытия» и закрепления в сознании новых смыслов, которые

¹ Вывод сделан на основе анализа содержания учебников РКИ данного типа, посещения и последующего анализа занятий коллег, периодической экспертной работы в группах «внешнего наблюдения» Грузии – Ж. В.

в совместной деятельности рождаются здесь и сейчас, а в совокупности служат постижению действительности на русском языке.

Продemonстрируем на конкретных методах и авторских приемах работу на занятиях по РКИ по развитию речевого мышления, сделаем выводы об этапах формирования ВЯЛ на основе анализа некоторых разделов учебной программы.

Интонация. Главный алгоритм работы: слушаем – повторяем; слушаем – опознаем; слушаем – понимаем; слушаем – отвечаем; слушаем – пишем; слушаем – **слышим!** Метод работы: имитация, выбор слова или выражения в разных контекстах, но всегда даем достаточно времени на осмысление, специально разыгрываем непонимание для более убедительного и четкого повторения. Так, уже на уровне А1 можно использовать упражнения, подводящие к мысли о значимости интонации в русской речи. Преподаватель повторяет фразу «*Какой умный!*», играя с интонацией и соответствующим ей выражением лица, поэтому в контекстах студенты слышат не только фразу, но и ее возможные смыслы, выражаемые с помощью паралингвистических средств – положительную оценку, иронию, возмущение. Обратим внимание, что после занятия студенты уже могут понять эту фразу в спонтанной речи и даже осмысленно произнести ее в межкультурном диалоге в соответствии с прагматической целью. Живая русская интонация предоставляет большое разнообразие вариантов в процессе речи, поэтому следует сосредоточить внимание на основных паравербальных способах передачи базовых эмоций: радости, удивления, гнева, вопроса и под. в мини-диалогах в условиях типичных коммуникативных ситуаций. Список таких диалогов должен стать непременной составляющей методической копилки преподавателя. А в межкультурном диалоге – это маленький шаг вперед, включая умение ориентироваться в регистрах иноязычной речи. Задача преподавателя остается прежней – пополнять материалом свою личную копилку, методически осмысливать и работать в аудитории по хо-

рошо продуманному алгоритму с учетом уровня студентов. Новое – соответствие материала цели (становление ВЯЛ), заинтересованность в ее достижении и педагогический оптимизм, впрочем, последний, как и мастерство большинства коллег, прекрасно владеющих методическим инструментарием, не вызывает сомнения.

Междометия. Работа с единицами этого лексико-грамматического класса проходит обычно в легкой и оживленной форме, что изначально заложено в самой его природе – выражать эмоциональные и эмоционально-волевые реакции, гамму чувств, свойственную национальному характеру. Наглядный материал – это, в первую очередь, наше лицо, голос, движения тела; из педагогической копилки – картинки, аудио- и видеоматериалы, которые способствуют активизации образного восприятия, влияют на скорость усвоения информации, позволяют более эффективно решать поставленные задачи. В результате минимальными языковыми средствами, окрашенными целым спектром интонаций, можно уже в самом начале пути учиться понимать особенности русской ментальности, выражать и понимать в межкультурном диалоге соответствующие оценки и прагматические установки: радость – *ага!*; удивление – *ого!*; нежелание, но вынужденное согласие – *угу!*; удивление или восторг – *ах!*; боль или сожаление – *ой!*, а боль или испуг – *ай!* Обучающийся получает практические знания о множестве эмоций, передаваемых практически без слов, и даже движений: *хлоп, бум, щелк*¹. Здесь же можно подключить первое приближение к концепту кошки в русской культуре, когда студент узнает, как правильно ее подзывать по-русски – *кис-кис*, ведь разные народы это делают по-разному. На более высоком уровне материал усвоенных междометий позволит понять сложные разнообразные речевые интенции русских – *господи, батюшки, помилуйте...*

Грамматические ресурсы в речи. В нашем методическом эксперименте любой языковой факт может быть использован для достижения

¹ Безусловно, слова, имеющие звукоподражательную природу, рекомендуется осваивать в сравнении с родным языком. Еще одной самостоятельной проблемой методики является использование достижений фоносемантики при обучении языку. Исследования данной стороны иноязычной речи в методическом аспекте уже проводятся в рамках научной школы проф. И. Ю. Павловской Л. О. Ткачевой, Е. К. Тимофеевой, Ю. Г. Седёлкиной, в наших исследованиях [Павловская 2018; Прокофьева 2017; Седёлкина 2006; Тимофеева 2018].

поставленной цели. Благодатное поле для этого предоставляет грамматика. Например, изучая возвратные глаголы на уровне А2+, используем картинку-мем: *в России две беды – «-тся» и «-ться»*. Если преподаватель даст культурологический комментарий, связанный с первоисточником прецедента, эмпатия студентов гарантирована, а бонус – запоминание грамматического правила, подкрепленного эмоцией¹. С точки зрения методики преподавания это иллюстрация работы на принципах наглядности, природо- и культуросообразности, единства и непротиворечивости действий. Наш опыт показывает, что методически правильно подобранные мемы очень хорошо воспринимаются студентами, поскольку являются для них привычным атрибутом из цифрового мира, подтверждая тезис о преимущественно клиповом мышлении современного молодого человека.

С позиций предметных задач мемы визуализируют информацию, подсказывают контекстуально заданный вектор прочтения/интерпретации текста, а также могут помочь сориентироваться в языковой игре смыслов. Так, практически каждый иностранец, решивший изучать русский язык, знает, что Лев Толстой – это великий русский писатель. На этом знании основан успех в нашем эксперименте мема-фаворита, иллюстрирующего неожиданно открывшиеся возможности грамматических тем при новом подходе. Уровень А1: глаголы несовершенного вида, будущее время. Демонстрируем мем, на котором девушка стоит у окна внутри вагона, а на перроне ее провожает великий писатель. Визуальный ряд воссоздает контекст – она уезжает, он остается; вывод: они расстаются. Есть текст, всего две реплики, который нужно прочитать и понять игру слов. Она: «– Ты будешь писать?»; Он: «– Конечно, я же Лев Толстой». Ментальная процедура декодирования опирается на уже имеющееся знание (уровень развития языковой личности): писать/писатель, великий писатель; писатель пишет; знаменитый писатель пишет много → конечно, он *будет писать! Он же Лев Толстой*. Благодаря визуальному ряду стадия перевода, естественная на уровне А1, смещается на пери-

ферию. Результат – едва ли не первая языковая игра на русском, понятая учащимися, что подтверждается неизменными улыбками аудитории. Такой тип заданий, одновременно способствующий развитию разных компетенций, мы предлагаем называть *синтетическим*. Еще пример: когда студенты уже знают специальные вопросы «кого/у кого?», предлагается синтетическое задание, подразумевающее работу с грамматическим материалом, выводящее на языковую игру. Сначала даем объяснение фразеологизма *Семеро одного не ждут*, многократно повторяем, включая ответы на специальные вопросы, затем демонстрируем картинку-мем. Первая реплика мема «– *Семеро одного не ждут*», а вторая: «– *Ждут, если у него есть деньги*». Интерпретация универсальная, поэтому игра слов понятна аудитории; восприятие стимулируется наглядностью. Новый фразеологизм повторяется в юмористическом контексте, оживляя процесс осмысления и запоминания элементом неожиданности и новизны.

Семантизация лексики. Опишем алгоритм авторского приема на примере лексемы *ясно*, которая входит в тему «Погода» уровня А1. Демонстрируем любую картинку с этим словом (это может быть даже изображение в соответствующем приложении мобильного телефона), аналогично вводится антоним *пасмурно*; выстраиваем пару *ясно ≠ пасмурно*. Обращение к словообразованию с опорой на специальные вопросы «какой/как?», находим антонимическую пару *ясный ≠ пасмурный* из той же тематической сферы. Объясняем, что в разговоре ясно можно сказать не только о погоде, например, читаем и понимаем – *ясно!*; читаем и не понимаем – *неясно!* Снова переходим к словообразованию, уже на базе известных глаголов «понимать – не понимать»; с опорой на вопрос «какой?» получаем *понят-н(ый)*, а с помощью вопроса «как?» – *понят-н-о*. Следующий шаг – установление синонимических и антонимических связей для полученных единиц: *ясно = понятно, неясно = непонятно; ясный ≠ неясный; понятный ≠ непонятный*. Вместе делаем вывод, что если говорим о погоде, выбираем *ясно* или *пасмурно*: на небе солнце → ясно, а если нет → *пасмурно*; погода *ясная ≠ пасмурная*. Если говорим

¹ Заметим, что этот же мем будет совсем по-другому понят и интерпретирован, например, русскими школьниками, учителями русского языка или грамотными пользователями многочисленных электронных приборов, «подсказывающих» или «исправляющих» написанное.

о ментальных процессах, тоже можно сказать ясно: *текст понятный* → я понимаю → мне понятно = мне ясно; *текст непонятный*, мне непонятно, мне неясно. Далее следует многократное повторение в различных контекстах, допускающих синонимию или требующих выбора конкретной единицы (дискурсивная компетенция, прагматикон). Важным этапом семантизации является диалог-провокация, стимулирующий эмоциональную реакцию: обращаемся к студенту с вопросом и внимательно его слушаем, реагируя репликами *ясно/понятно!* Затем задаем какой-нибудь вопрос, студент начинает отвечать, но мы почти сразу останавливаем его репликами *ясно/понятно!* Спрашиваем: *Вам комфортно? Я не даю говорить, я не слушаю, потому что мне неинтересно.* Задача такого диалога-провокации состоит в развитии дискурсивной компетенции, которую сознание закрепит в прагматиконе: *ясно/понятно* может быть сигналом окончания разговора: нейтральной закрывающей репликой или экспрессивной, подавляющей. И снова переходим к многократному повторению в контекстах, подкрепляя работу над навыком жестами и сменяющейся интонацией. Разыгрывая такие ситуации, мы естественным образом вводим студентов в новое семантическое пространство, которое нашими совместными усилиями рождается для них здесь и сейчас, подводя к самостоятельному выводу о смысловой игре единицы в живой речи. На более высоком уровне можно продолжить семантизацию фразеологизма *Ясно, как божий день.* Как представляется, пример иллюстрирует практически неограниченные возможности предложенного приема по формированию индивидуального лексикона с последующим переходом к тезаурусу.

При формировании тезауруса акцент переносится на осмысление образов, метафор, концептов, культурных ассоциаций, т. е. на актуализацию уже имеющегося у ЯЛ знания для интегрирования нового, поэтому всегда необходимо учитывать уровень развития личности студента. Работа преимущественно ведется в процессе чтения текстов разного типа.

Чтение. Работа концентрируется на формировании и развитии навыков семантизирующего, когнитивного и распределчивающего

понимания художественных, публицистических и научных текстов по будущей специальности¹, обладающих собственной спецификой и сложностями с точки зрения методики. Так, художественный текст сочетает логическую и эмоционально-образную информацию, насыщен выразительными средствами и культурным контекстом. Несомненные плюсы: расширяет словарный запас и социокультурные знания, прививает любовь к чтению на иностранном языке, мотивирует. Научно-популярный текст, как правило, не содержит излишней образности, ему несвойственен подтекст, много терминов-интернационализмов, с другой стороны, в нем присутствуют метафорические выражения, обычно сложный синтаксис, поэтому традиционно используется для обучения ознакомительному, изучающему и поисковому чтению. Газетно-публицистический текст гораздо сложнее для восприятия, поскольку может изобиловать рассуждениями, комментированием, неизвестными реалиями, речевыми штампами, фразеологизмами и прецедентными явлениями разного уровня, не знакомыми обучающимся. Заголовки в таких текстах часто апеллятивные или могут содержать игру слов, например *О вкусах спорят.* Прием: сравниваем, как звучит эта латинская фраза (*de gustibus non est disputandum*) в родном языке; если нет, просим найти похожую; прогнозируем по заголовку содержание статьи, что подводит к когнитивному пониманию. Еще одной «опасностью» таких текстов могут стать интернационализмы, в которых не совпадает объем значения: *секретарь* в русском языке и *Secretary* (*секретарь* и *министр*: *Secretary of Defence*).

Важнейшей практической рекомендацией при выборе текстов считаем соответствие интеллектуальному и эмоциональному потенциалу ЯЛ: так, например, для уровней А1–А2 должны быть одна сюжетная линия, простое последовательное изложение; прозрачная связь между частями текста, а в фрагментах – повторяющиеся лексические и грамматические конструкции и слова-когнаты. Работа для достижения семантизирующего понимания ведется по алгоритму: 1) предтекстовая работа (большое количество иллюстраций, демонстрация предметов, использование видеороликов; семанти-

¹ Чрезвычайно важно в том числе и для поддержания мотивации к изучению иностранного языка.

зация новой лексики (синонимы, антонимы, слова-когнаты, постоянное обращение к контексту); описание иллюстраций с использованием новой лексики и конструкций (выход в речь); циклические вопросы (выход в речь); 2) чтение текста и аудирование; 3) послетекстовые упражнения (чтение и письмо); 4) проблемные вопросы/дискуссия (выход в речь); 5) письменный пересказ истории/фрагмента. Эти «пять шагов» закладывают основу для когнитивного понимания, когда иноязычный читатель уже воссоздает ход мыслей автора, сравнивает со своими оценками и эмоциями, жизненным опытом, принимает/отвергает авторскую идею и способен реорганизовать свою мысль. При этом всегда важно помнить, что разные уровни чтения находятся в отношениях взаимоперевода.

Все вышеизложенное может быть сведено к следующим выводам. Цель преподавания иностранного языка – научить «производить речевые поступки» на новом языке. Все методы и приемы преподавателя должны быть направлены на формирование ВЯЛ, которая может: выражать себя в речи и понимать интенции собеседника в межкультурном диалоге; миную

перевод создавать и воспринимать речевые произведения разной степени сложности, глубины и точности, затрагивающие разные стороны жизни. ВЯЛ – динамический, постоянно развивающийся конструкт, который *надстраивается* над ЯЛ. Структуры не параллельны, а взаимосвязаны на уровне лексикона, тезауруса, прагматикона и дискурсивной компетенции. Способность принимать полноценное участие в межкультурном диалоге – показатель сформированности ВЯЛ. *Задачи*: последовательная и систематическая работа преподавателя по развитию речевого мышления на иностранном языке (все виды речевой деятельности; *начиная с А1*); творчески осмысленная работа по развитию перцептивной способности познания новой картины мира, системы ценностей и этики, включая *жесты, интонации, мимику, этномаркированные смыслы слов (начиная с уровня А1)*. Таким образом, речь идет не об отходе от Стандартов по русскому языку как иностранному, а о переосмыслении цели и творческом развитии классических методов и приемов работы, открывающих незнакомую языковую картину мира, а по сути – раздвигающих границы самого мира.

Литература

- Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин // Бахтин М. М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 6. – М. : Русские словари ; Языки славянской культуры, 2002. – С. 7–300, 466–505.
- Богин, Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов : дис. ... д-ра филол. наук / Богин Г. И. – Л., 1984. – 354 с.
- Богин, Г. И. Концепция языковой личности / Г. И. Богин. – М., 1982. – 36 с.
- Бориско, Н. Ф. Общевропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, обучение, оценка. Анализ некоторых аспектов / Н. Ф. Бориско // Іноземні мови. – 2009. – № 4. – С. 10–16.
- Ваганова, Е. Г. Вторичная языковая личность в теории и практике преподавания языка / Е. Г. Ваганова // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения : сборник материалов V Всероссийской научно-практической конференции 10 марта 2009. Часть 3. – Новосибирск : ЦРНС – «СИБПРИНТ», 2009. – С. 55–58.
- Гальскова, Н. Д. Теория обучения иностранным языкам: Лингводидактика и методика : учеб. пособие для студ. лингв. ун-тов и фак. ин. яз. высш. пед. учеб. заведений / Н. Д. Гальскова, Н. И. Гез. – М. : Изд-во «Академия», 2004. – 336 с.
- Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т. Ф. Ефремова. – М. : Русский язык, 2000. – 1222 с.
- Иванцова, Е. В. О термине «языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования / Е. В. Иванцова // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 3 (12). – С. 24–32.
- Карасик, В. И. Культурные доминанты в языке / В. И. Карасик // Языковая личность: культурные концепты. – Волгоград : Перемена, 1996. – С. 3–16.
- Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.
- Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 261 с.
- Мамонтова, Н. А. Вторичная языковая личность в онтогенезе: уровни лингвокультурологического описания (на материале начального этапа обучения английскому языку русскоязычных учащихся) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Мамонтова Н. А. – М., 2010. – 20 с.
- Момотова, Ю. Г. Понятие и структура языковой и вторичной языковой личности / Ю. Г. Момотова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2011. – № 2–3. – С. 109–114.
- Общевропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, обучение, оценка. – М., 2003. – 260 с.

Прокофьева, Л. П. Фоносемантика русского этикетного слова: к постановке проблемы / Л. П. Прокофьева // Русский язык в поликультурном мире. – Ялта : Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография „Ариал“», 2017. – С. 114–119.

Психосемантическое исследование визуального восприятия иноязычной звукоизобразительности искусственными билингвами (лингвистический аспект) / И. Ю. Павловская, Ю. Г. Седёлкина, Л. О. Ткачева, А. Д. Наследов // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2018. – № 4 (193). – С. 147–153.

Седёлкина, Ю. Г. Использование фоносемантических лексических комплексов в обучении иноязычной речи (на материале английского языка) : дис. ... канд. пед. наук / Седёлкина Ю. Г. – СПб., 2006. – 219 с.

Соломина, А. В. Некоторые методические аспекты формирования поликультурной личности при обучении иностранному языку / А. В. Соломина. – Текст : электронный // Письма в Эмиссия. Оффлайн. – 2014. – № 10. – URL: <http://www.emissia.org/offline/2014/2272.htm> (дата обращения: 02.02.2021).

Тимофеева, Е. К. Использование фоносемантических средств при обучении восточных студентов иноязычной лексики / Е. К. Тимофеева // Современные проблемы лингводидактики и методики преподавания иностранных языков. – СПб., 2018. – С. 177–184.

Требования по русскому языку как иностранному. – СПб. : Златоуст, 2007. – URL: https://gct.msu.ru/docs/V1_trebovaniyat.pdf (дата обращения: 02.02.2021). – Текст : электронный.

Фромм, Э. Искусство любить / Э. Фромм. – СПб. : Азбука, 2001. – 219 с.

Халеева, И. И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи (Подготовка переводчиков) / И. И. Халеева. – М. : Высшая школа, 1989. – 236 с.

Языковая личность: аспекты изучения : сб. научных статей памяти члена-корреспондента РАН Юрия Николаевича Караулова / под ред. И. В. Ружицкого и Е. В. Потёмкиной. – М. : МАКС Пресс, 2017. – 432 с.

Boyd, Ryan L. Language-based personality: a new approach to personality in a digital world / Ryan L. Boyd, James W. Pennebaker // *Current opinion in Behavioral Science*. – 2017. – August. – P. 63–67.

Garand, Ph. The unexpected connection between language and personality / Ph. Garand. – Text : electronic // *Language Solutions*. – 2016. – URL: <https://lclanguagesolutions.com/blog/the-unexpected-connection-between-language-and-personality/> (mode of access: 06.02.2021).

Grosjean, F. Change of Language, Change of Personality? / F. Grosjean. – URL: <https://www.psychologytoday.com/us/blog/life-bilingual/201111/change-language-change-personality> (mode of access: 09.02.2021). – Text : electronic.

Li, Wei. Bilingualism and Multilingualism / Wei Li. – Text : electronic // *The International Encyclopedia of Linguistic Anthropology*. – 2020. – URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1002/9781118786093.iela0034> (mode of access: 12.12.2020).

Personality and Language. – Text : electronic // *The Wiley encyclopedia of personality and individual differences: Models and theories*. – John Wiley & Sons Ltd., 2020. – URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/9781118970843.ch52> (mode of access: 09.02.2021).

The International Encyclopedia of Linguistic Anthropology. – Text : electronic // *Wiley Online Library*. – 2020. – URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/book/10.1002/9781118786093> (mode of access: 12.12.2020).

References

Bakhtin, M. M. (2002). *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's Poetics]. In Bakhtin, M. M. *Sobranie sochinenii: v 7 t.* Vol. 6. Moscow, Russkii slovari, Yazyki slavyanskoi kul'tury, pp. 7–300, 466–505.

Bogin, G. I. (1982). *Kontseptsiya yazykovoi lichnosti* [The concept of the Linguistic Personality]. Moscow. 36 p.

Bogin, G. I. (1984). *Model' yazykovoi lichnosti v ee otnoshenii k raznovidnostyam tekstov* [The Model of the Linguistic Personality in Its Relation to the Varieties of Texts]. Dis. ... d-ra filol. nauk. Leningrad. 354 p.

Borisko, N. F. (2009). *Obshcheevropeiskie kompetentsii vladeniya inostrannym yazykom: izuchenie, obuchenie, otsenka. Analiz nekotorykh aspektov* [Pan-European Competences of Foreign Language Proficiency: Study, Training, Assessment. Analysis of Some Aspects]. In *Inozemni movi*. No. 4, pp. 10–16.

Boyd, Ryan L, Pennebaker, James W. (2017). *Language-Based Personality: A New Approach to Personality in a Digital World*. In *Current opinion in Behavioral Science*. August, pp. 63–67.

Efremova, T. F. (2000). *Novyi slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyi* [New Russian Dictionary. Explanatory-Derivational] Moscow, Russkii yazyk. 1222 p.

Fromm, E. (2001). *Iskusstvo lyubit'* [The Art of Loving] Saint Petersburg, Azbuka. 219 p.

Galskova, N. D., Gez, N. I. (2004). *Teoriya obucheniya inostrannym yazykam: Lingvodidaktika i metodika* [Theory of Teaching Foreign Languages: Linguodidactics and Methodology] Moscow, Izdatel'stvo «Akademia». 336 p.

Garand, Ph. (2016). *The Unexpected Connection between Language and Personality*. In *Language Solutions*. URL: <https://lclanguagesolutions.com/blog/the-unexpected-connection-between-language-and-personality/> (mode of access: 06.02.2021).

Grosjean, F. *Change of Language, Change of Personality?* URL: <https://www.psychologytoday.com/us/blog/life-bilingual/201111/change-language-change-personality> (mode of access: 09.02.2021).

Ivantsova, E. V. (2010). *O termine «yazykovaya lichnost'»: istoki, problemy, perspektivy ispol'zovaniya* [About the Term "Linguistic Personality": Origins, Problems, Prospects of Use]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 3 (12), pp. 24–32.

Karasik, V. I. (1996). *Kul'turnye dominanty v yazyke* [Cultural Dominants in the Language]. In *Yazykovaya lichnost': kul'turnye kontsepty*. Volgograd, Peremena, pp. 3–16.

Karauov, Yu. N. (1987). *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian Language and Language Personality]. Moscow, Nauka. 261 p.

Karaulov, Yu. N. (2010). *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian Language and Language Personality]. Moscow, Izdatel'stvo LKI. 264 p.

Khaleeva, I. I. (1989). *Osnovy teorii obucheniya ponimaniyu inoyazychnoi rechi (Podgotovka perevodchikov)* [Fundamentals of the Theory of Teaching Understanding of Foreign Language Speech (Training of Translators)]. Moscow, Vysshaya shkola. 236 p.

Li, Wei. (2020). Bilingualism and Multilingualism. In *The International Encyclopedia of Linguistic Anthropology*. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1002/9781118786093.iela0034> (mode of access: 12.12.2020).

Mamontova, N. A. (2010). *Vtorichnaya yazykovaya lichnost' v ontogeneze: urovni lingvokul'turologicheskogo opisaniya (na materiale nachal'nogo etapa obucheniya angliiskomu yazyku russkoyazychnykh uchashchihsya)* [Secondary Linguistic Personality in Ontogenesis: Levels of Linguistic and Cultural Description (Based on the Material of the Initial Stage of Teaching English to Russian-Speaking Students)]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moscow. 20 p.

Momotova, Yu. G. (2011). Ponyatie i struktura yazykovoi i vtorichnoi yazykovoi lichnosti [The Concept and Structure of Linguistic and Secondary Linguistic Personality]. In *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*. No. 2–3, pp. 109–114.

Obshcheevropeiskie kompetentsii vladeniya inostrannym yazykom: Izuchenie, obuchenie, otsenka [Pan-European Competences of Foreign Language Proficiency: Study, Training, Evaluation]. (2003). Moscow. 260 p.

Pavlovskaya, I. Yu., Sedelkina, Yu. G., Tkacheva, L. O., Nasledov, A. D. (2018). Psikhosemanticheskoe issledovanie vizual'nogo vospriyatiya inoyazychnoi zvukoizobrazitel'nosti iskusstvennymi bilingvami (lingvisticheskii aspekt) [Psychosemantic Study of Visual Perception of Foreign Language Sound Imagery by Artificial Bilinguals (Linguistic Aspect)]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 4 (193), pp. 147–153.

Personality and Language. (2020). In *The Wiley encyclopedia of personality and individual differences: Models and theories*. John Wiley & Sons Ltd. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/9781118970843.ch52> (mode of access: 09.02.2021).

Prokofieva, L. P. (2017). Fonosemantika russkogo etiketnogo slova: k postanovke problemy [Phonosemantics of the Russian Etiquette Word: To the Problem Statement]. In *Russkii yazyk v polikul'turnom mire*. Yalta, Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'yu «Izdatel'stvo Tipografiya "Arial"», pp. 114–119.

Ruzhitsky, I. V., Potemkina, E. V. (Eds.). (2017). *Yazykovaya lichnost': aspekty izucheniya* [Language Personality: Aspects of Learning]. Moscow, Max Press. 432 p.

Sedelkina, Yu. G. (2006). *Ispol'zovanie fonosemanticheskikh leksicheskikh kompleksov v obuchenii inoyazychnoi rechi (na materiale angliiskogo yazyka)* [The Use of Phonosemantic Lexical Complexes in Teaching Foreign Language Speech (Based on the Material of the English Language)]. Dis. ... kand. ped. nauk. Saint Petersburg. 219 p.

Solomina, A. V. (2014). Nekotorye metodicheskie aspekty formirovaniya polikul'turnoi lichnosti pri obuchenii inostrannomu yazyku [Some Methodological Aspects of the Formation of a Multicultural Personality in Teaching a Foreign Language]. In *Pis'ma v Emissiya. Offlain*. No. 10. URL: <http://www.emissia.org/offline/2014/2272.htm> (mode of access: 02.02.2021).

The International Encyclopedia of Linguistic Anthropology. (2020). In *Wiley Online Library*. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/book/10.1002/9781118786093> (mode of access: 12.12.2020).

Timofeeva, E. K. (2018). *Ispol'zovanie fonosemanticheskikh sredstv pri obuchenii vostochnykh studentov inoyazychnoi leksike* [The Use of Phonosemantic Means in Teaching Eastern Students Foreign Language Vocabulary]. In *Sovremennye problemy lingvodidaktiki i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov*. Saint Petersburg, pp. 177–184.

Trebovaniya po russkomu yazyku kak inostrannomu [Requirements for Russian as a Foreign Language]. (2007). Saint Petersburg, Zlatoust. URL: https://gct.msu.ru/docs/B1_trebovaniyat.pdf (mode of access: 02.02.2021).

Vaganova, E. G. (2009). Vtorichnaya yazykovaya lichnost' v teorii i praktike prepodavaniya yazyka [Secondary Linguistic Personality in the Theory and Practice of Language Teaching]. In *Psikhologiya i pedagogika: metodika i problemy prakticheskogo primeneniya: sbornik materialov V Sverossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii 10 marta 2009*. Part 3. Novosibirsk, TsRNS – «SIBPRINT», pp. 55–58.

Данные об авторах

Варделашвили Жанета Александровна – доктор филологических наук, профессор школы (факультета) гуманитарных наук и либерального образования, Грузинско-Американский университет (Тбилиси, Грузия).

Адрес: 0160, Грузия, Тбилиси, ул. М. Алексидзе, 10.
E-mail: janetavardzelashvili@gau.edu.ge.

Прокофьева Лариса Петровна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского и латинского языков, Саратовский государственный медицинский университет им. В. И. Разумовского Минздрава России (Саратов, Россия).

Адрес: 410012, Россия, Саратов, ул. Большая Казачья, 112.
E-mail: prokofievalp@mail.ru.

Author's information

Vardzelashvili Janeta Aleksandrovna – Doctor of Philology, Professor of Humanities & Liberal Arts School, Georgian-American University (Tbilisi, Georgia).

Prokofyeva Larisa Petrovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of Russian and Latin Languages Department, Saratov State Medical University named after V. I. Razumovsky (Saratov, Russia).

ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ



УДК 811.161.1'374. DOI 10.51762/1FK-2022-27-04-19. ББК Ш141.12-4. ГРНТИ 16.21.47.
Код ВАК 10.02.01 (5.9.5)

«О ЧЕМ ГОВОРIT ДОЖДЬ». ОБ ОПЫТЕ КУЛЬТУРНО-КОГНИТИВНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ БАЗОВЫХ МЕТЕОНИМОВ

(Рецензия на Сибирский метеорологический словарь, 2011: Опыт культурно-когнитивной интерпретации базовых метеонимов. Т. 1. Атмосферные осадки (дождь))

Халина Н. В.

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия).
ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0003-2478-5669>

Сорокина М. О.

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия).
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8328-6566>

Аннотация. В статье представлена рецензия на «Сибирский метеорологический словарь» исследователей В. П. Васильева и Е. В. Васильевой (Кемерово, Кемеровский государственный университет), в котором реализована идея синтеза традиционного сводного лексикографического описания диалектных единиц и подходов современной культурно и когнитивно ориентированной теории языка. В словник данного глоссария были включены диалектные наименования – «метеонимы», а также семантически связанные с ними слова и устойчивые выражения. В словаре представлен подробный анализ речевых контекстов (диалектных текстов), реализующих собранные в живой речи носителей говоров метеонимы, что позволяет интерпретировать выбранное авторами словаря отдельное атмосферное явление («дождь») в качестве концепта диалектной картины мира сельских жителей Сибири во всей его полноте и своеобразии, включая культурные и оценочные коннотации, приметы, поверья, суеверия и пр. Представленное в Словаре культурно-когнитивное описание базового метеонима «дождь» ярко иллюстрирует новые подходы в области современной диалектной лексикографии. Подробное описание теоретических основ заявленного подхода гармонично сочетается с внимательным анализом речевых контекстов, отражающих многовековой опыт взаимодействия сельского человека с природой.

Ключевые слова: метеорологические словари; метеонимы; атмосферные осадки; речевые контексты; концепты; диалектная лексикография; культурно-когнитивное описание

Для цитирования: Халина, Н. В. «О чем говорит дождь». об опыте культурно-когнитивной интерпретации базовых метеонимов (Рецензия на Сибирский метеорологический словарь, 2011: Опыт культурно-когнитивной интерпретации базовых метеонимов. Т. 1. Атмосферные осадки (дождь)) / Н. В. Халина, М. О. Сорокина. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2022. – Т. 27, № 4. – С. 217–223. – DOI: 10.51762/1FK-2022-27-04-19.

“WHAT THE RAIN TELLS US ABOUT”: AN EXPERIENCE OF CULTURAL-COGNITIVE INTERPRETATION OF BASIC METEONYMS

(Review of the Siberian Meteorological Dictionary, 2011: An experience of cultural-cognitive interpretation of basic meteonyms. Vol. 1. Atmospheric precipitation (rain))

Natalya V. Khalina

Altai State University (Barnaul, Russia). ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0003-2478-5669>

Maria O. Sorokina

Altai State University (Barnaul, Russia). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8328-6566>

Abstract. The article presents a review of the *Siberian Meteorological Dictionary* compiled by talented researchers V. P. Vasiliev and E. V. Vasilyeva (Kemerovo, Kemerovo State University), which implements the idea of synthesizing the traditional summarized lexicographic description of dialect units and the approaches of the modern culturally and cognitively oriented theory of language. The dictionary of this glossary includes dialect names – “meteonyms”, as well as semantically related words and stable expressions. The dictionary presents a detailed analysis of speech contexts (dialect texts) that implement the collected meteonyms in the real everyday speech of dialect users, which makes it possible to interpret a separate atmospheric phenomenon (“rain”) chosen by the authors of the dictionary as a particular concept of the dialect worldview of rural residents of Siberia in its entirety and originality, including cultural and evaluative connotations, omens, beliefs, superstitions, etc. Thus, the cultural-cognitive description of the basic metonym “rain” presented in the *Dictionary* vividly illustrates new approaches in the field of modern dialect lexicography. A detailed description of the theoretical foundations of the suggested approach is harmoniously combined with a careful analysis of speech contexts reflecting the centuries-old experience of rural man’s interaction with nature.

Key words: meteorological dictionaries; meteorological names; precipitation; speech contexts; concepts; dialect lexicography; cultural and cognitive description

For citation: Khalina, N. V., Sorokina, M. O. (2022). “What the Rain Tells Us about”: An Experience of Cultural-Cognitive Interpretation of Basic Meteonyms (Review of the *Siberian Meteorological Dictionary*, 2011: An experience of cultural-cognitive interpretation of basic meteonyms. Vol. 1. Atmospheric precipitation (rain)). In *Philological Class*. Vol. 27. No. 4, pp. 216–223. DOI: 10.51762/1FK-2022-27-04-19.

«Я люблю дождь... Мне нравится, о чем он говорит» (Джордано Бруно)

Метеорология, несмотря на долгую историю, начала рассматриваться как самостоятельное научное направление только в XX веке, что обусловило потребность в подборках определений научных терминов (глоссариев) и их эквивалентов на иностранных языках (словарей). Авторы обзора, посвященного анализу лексикографических источников, упорядочивающих метеорологическую лексику [Müller, Kocánová, Zacharov 2022], определяют глоссарии в качестве терминологических работ, соотносящих термины с их дефинициями, словари же включают списки эквивалентных терминов, выделенных, по крайней мере, в двух языках.

Рецензируемый «Сибирский метеорологический словарь, 2011: Опыт культурно-когнитивной интерпретации базовых метеоимов. Т. 1. Атмосферные осадки (дождь)» В. П. Васильева и Е. В. Васильевой, изданный в издательстве Кемеровского государственного университета в 2019-м году [Сибирский метеорологический словарь 2019], более бли-

зок первому типу терминологических работ. Авторы, характеризуя принципы структурной организации своей работы, обращают внимание на синтез тезаурусной разработки лексики и энциклопедического описания ее элементов, что позволяет решить особые когнитивные задачи. «Когнитивные задачи словаря, – пишут во введении В. П. Васильев и Е. В. Васильева, – заключаются, прежде всего, в том, что в нем осуществляется представление знаний о метеорологических явлениях, которые стоят за базовыми словами и составляют их концепты» [Сибирский метеорологический словарь 2019: 6].

Метеорологические словари в российском лексикографическом дискурсе представлены в небольшом количестве. В их числе, например: Метеорологический словарь С. П. Хромова и Л. И. Мамонтовой [Хромов, Мамонтова 1974] и Российский гидрометеорологический энциклопедический словарь под редакцией А. И. Бедрицкого [Российский гидрометеорологический энциклопедический словарь 2008–2009].

«Народная метеорология» более представлена в научно-популярных просветительских

изданиях, в ряду которых, например, пособие для учителей географии и природоведения «Народные приметы и предсказание погоды» С. Н. Жаркова [Жарков 1954], работа Б. В. Рыбакова «Народный календарь. Пословицы, поговорки и народные приметы о погоде» [Рыбаков 1980], «Народный месяцеслов: Пословицы, поговорки, приметы и присловья о временах года и о погоде» Г. Д. Рыженкова [Рыженков 1991], «Календарь народных примет погоды на все дни года» К. Н. Селянгиной [Селянгина 2005].

В обозреваемом нами «Сибирском метеорологическом словаре» «через народно-разговорный язык Сибири и Дальнего Востока представлен мир атмосферных явлений в неразрывном единстве с человеком, его восприятием, жизненно-практической деятельностью и духовной практикой» [Сибирский метеорологический словарь 2019: 6]. Базой данных для составления словаря послужили: а) материалы, собранные во время диалектологических практик авторами словаря, преподавателями и студентами Кемеровского государственного университета (что составляет большую часть исследовательского материала) и б) данные, извлеченные из опубликованных источников. «Сибирский метеорологический словарь» авторы определяют как диалектный недифференцированный сводный синхронический аспектный словарь, синтезирующий традиции идеографической диалектной лексикографии с современной культурно и когнитивно ориентированной теорией языка.

Изучение культурно обусловленного знания, которое заявлено в качестве приоритетного в Словаре, открывает новые возможности для диалектной лексикографии. Безусловным достоинством представленной работы является сопряжение насыщенного теоретического контекста, представленного во Введении, с тщательным прочтением-интерпретацией диалектных текстов, вобравших в себя накопленный опыт взаимодействия сельского человека с природой.

Построение словаря определяется структурой словника и структурой словарной статьи. Слова-метеонимы, семантически связанные с ними слова, редко устойчивые сочетания слов, которые рассматриваются в качестве отдельных самостоятельных единиц описания, формируют словник. В Словаре «сводятся» сло-

возначения всех метеоединиц Сибири. В качестве основной единицы лексикографического описания избирается либо однозначное слово, либо одно из значений многозначной лексической единицы.

Главными источниками информации о семантике единицы Словаря признаются контексты ее функционирования и толкование в словаре-источнике. Авторами разработаны правила представления лексикографического значения, одним из которых является то, что «считается позволительным дополнение информации в дефиниции за счет введения так называемых “метеорологических элементов”, которые не противоречат логическому содержанию и “допускают” слово в группу» [Сибирский метеорологический словарь 2019: 21]. Вводятся технические правила подачи иллюстраций, среди которых правило порядка представления речевых контекстов и метаконтекстов: «При наличии достаточного текстового материала на первом месте помещаются речевые контексты, демонстрирующие естественное, непринужденное употребление слов и неоднословных обозначений, далее следуют метаконтексты. Завершают иллюстративную часть цитации, содержащие культурологические сведения о метеоявлении» [Сибирский метеорологический словарь 2019: 22].

Во введении авторы не только доводят до сведения пользователя словаря информацию о структуре словника, словарной статьи, иллюстративном материале, но и компактно излагают основные положения теоретического базиса, разработка которого предшествовала окончательной систематизации диалектного материала. В Словаре демонстрируется описание концепта как вербальной формы знания, основными средствами объективации которого «служат лексико-фразеологические номинации и синтаксические конструкции языка» [Сибирский метеорологический словарь 2019: 7].

Два раздела введения Словаря «Контекст как форма проявления культурно-когнитивного содержания лексического контекста» и «Способ представления концепта на основе его дискурсивной реализации» концентрированно представляют приоритетные для лексикографической работы позиции, формирующие теоретическую аксиологию: контекст

и дискурс. Что касается первой позиции, позиции контекста, то этот лингвокультурный феномен рассматривается в качестве первичной реальности, раскрывающей содержание концепта как единицы сознания. В лексикографической практике контекст являет собой фрагмент речевой практики, в котором сегментируемый исследователем речевой поток (сопоставимый потоку сознания) оказывается подвержен не только дискретизации, но и процедуре семантического стяжения. Уместно в этом плане напомнить о процессах семантического стяжения и семантического заражения, присущих старославянскому языку и описанных Т. С. Копорской [Копорская 1988].

Изучение контекстного окружения играет важную роль в выявлении факторов, вызывающих целый ряд семантических и когнитивных процессов, в рамках концепции авторов отождествляемых с процессом моделирования атмосферного явления и сверстывания речевого произведения. Дискурс понимается в качестве формы языкового общения и понимания мира, актуализируемой в предложениях-высказываниях, маркированных культурно-исторически и антропологически.

Востребованность в речемыслительном акте какого-либо фрагмента информации о дожде влияет на синтаксическую форму воплощения – либо это словосочетание, либо предложение, простое или сложное. При этом акцент делается на существовании образных и необразных моделей предложения, что позволяет подчеркнуть специфику диалектной деривации и формообразования. Этим самым авторы словаря солидаризируются с позицией томских диалектологов О. И. Блиновой, М. А. Толстовой и Е. А. Юриной – составителей «Словаря образных единиц сибирского говора» [Словарь образных единиц сибирского говора 2014] в возможности через образные единицы и образные модели предложения лучше «прочувствовать» внутреннюю форму диалектного слова, сущность диалектного языка, поэтику «языкового существования» территории. В словарной статье «Сибирского метеорологического словаря» «единый концепт „собирается“ на основе его речевых реализаций в синтаксисе языка. Он объективирует все направления концептуализации метеоявления, ассоцииру-

ющиеся с избранным базовым именем суперординатной категории „атмосферные осадки“» [Сибирский метеорологический словарь 2019: 14]. Изучение диалектной концептосферы в аспекте образности продолжает исследование механизмов переносных значений – одной из самых важных и дискуссионных проблем семасиологии. Исследование диалектных контекстов при построении словарных статей позволяет изучить значение диалектного слова на структурно-семантическом уровне, рассмотреть перераспределение сем в процессе деривационного (речевого) акта: актуализацию периферийных сем и нейтрализацию основных. Лексическое значение в каждый конкретный период развития языка, в том числе в его диалектной разновидности, представляет собой определенным образом организованный комплекс семантических компонентов.

Базовый блок Словаря состоит из двух элементов: Части 1. «Концепт *дождь* и его проявление в диалектном дискурсе Сибири и Дальнего Востока» и Части 2. «Концепт *дождь* и его проявление в идеографическом строе диалектного языка Сибири и Дальнего Востока».

Распределение материала в первой части словаря задается видами дискурсивной информации о дожде: образной, понятийной, аксиологической, культурно-ассоциативной. Приведем несколько примеров словарных статей этого раздела Словаря.

Образная информация о дожде:

Например, Анимоформные образы дождя «дождь-как-Х»

«дождь-как-домашнее копытное животное»

Пример: Вон там дождь идет, валит прямо, а здесь один-два раза брыкнет – долой (Том. Крив. Ишт.).

Натуроморфные образы:

«дождь-как-туман»

Пример: Осенью такой *дожж* бывает. Да моросит так, как туман садится. Осенним его называют (Кем. Краб. Капю).

Понятийная информация о дожде:

Например, «Интенсивность осадков в ее статичном проявлении – незначительный по степени проявления»:

Пример: *Тихой-тихой* дожж, а еслив с ветром, дак он же все убиват, тихой дожж лучше, так чтобы ровно, спокойно поливал, гля земли, гля травы (Кем. Яшк. Солон.).

Особенности существования осадков в течение какого-либо времени:

Пример: От раньше чё? Она нормальна погода-то шла, не было таких заливных дождей. Пойдет дождик, остановится, опять. Как не радоваться человеку хорошей погоде (Кем. Крап. Шев.).

Аксиологическая информация о дожде:

Например, эмоциональная оценка – «положительная оценка»

Пример: А вовремя тоже дождя, вот как жаро долго стоит, дождык упадет – радоваемся. Ой, слава Богу, дождычек (Кем. Крап. Бор.) «Суеверья и поверья»

Пример: Скрозь солнца дождь идет – девка парня родила, – говорят (Кем. Юрг. Вар.)

Во второй части «Концепт *дождь* и его проявление в идеографическом строе диалектного языка Сибири и Дальнего Востока» внимание обращается на способы обнаружения базового концепта *дождь*, в качестве которых предлагается рассматривать лексико-семантические группы различных частей речи.

Работа с материалом словаря позволяет сделать наблюдения о разных моделях образности, свойственных сибирским и дальневосточным территориям. Сравните:

ВЫМОЧИТЬ ДО НИТКИ. Сделать совсем мокрым одежду и обувь на ком-либо (о дожде). – Пойдем туда с иконами на поле, там молёбну послужат, и как туча, и сразу дожд, который всех сразу до нитки вымочит, а мне, скажу, а поп тоже знал, кода дожд будет (Кем. Крап. Шев.). Кем. – Крап. (Шев.).

ВЫХЛЮПАТЬ, ает. сов., кого, что и без доп. 1. Пропитать что-л. влагой, сделать мокрым. / В безл. употр. – Шибко дождём-то не **выхлопало** землю-то, вода глубоко не прошла чить (Якут. Олёк. Точ.). Хлеба-то ишо должны наляваться, землю-то ещё шибко не **выхлопало** (Якут. Лен. Хам.). Якут. – Лен. (Хам.), Олёк. (Точ.).

ВЫХЛЮПАТЬСЯ, ается, сов. Оказаться в мокрой, пропитанной водой одежде, обуви. – ...Пасля **дожда**-та там па кустам **выхлопасса** весь (Ирк. Кир. Алым.). Ирк. – Кир. (Алым.).

ВЫХЛЮПАТЬСЯ ДО НИТКИ. Оказаться в совсем мокрой одежде, обуви. – Везь день дош, ы дош, ы дош, пад нагам макро, сверьху ллёт, **выхлопались** фсе да нитки, пирямёрзли, как сабачёнки (Ирк. Кир. Алым.) Ирк. – Кир. (Алым.).

ВЫХМОСТАТЬ, ает, сов., кого. Сделать совсем мокрым одежду на ком-л. (о дожде). – Дождь за Горьким, теперь наших **выхмостае**т (Ом. Окон. Крест.) Ом. – Окон. (Крест.).

ДОХОДИТЬ ДОЖДЯМИ ДА РОСАМИ. Подвергаясь воздействию дождя и росы, становиться готовым к обработке (о льне). – Лён дождями да росами доходит, поспеет, чтобы эта **костига** [костра] от него отстала, чтобы остался пух, волокно, а **костига** чтобы отстала (Красн. Богуч.) Красн. – Богуч.

Кузбасские говоры, говоры Забайкалья (Иркутские говоры), Омские говоры, Якутские говоры интегрированы в сегменте Словаря «Глаголы проявления признака. Глаголы изменения количественного признака». По образным единицам можно составить представление об особенностях влияния ландшафта на языковое сознание, формирование зоны «окрестностей говорящего» и геопоэтического образа территории, что свидетельствует о ценности материала, представленного в «Сибирском метеорологическом словаре», и его дериватологическом потенциале. Геопоэтический образ территории открывает особенности пространства существования человека через духовное переживание, которое и определяет материальную реальность, соединяя в образной единице реальное географическое пространство и его априорное знание.

Абсолютно ценностным опытом, представленным в Словаре, является опыт представления процессов мировосприятия и мироощущения как процессов моделирования образа мира сельского жителя через лексико-семантические группы глаголов, существительных, прилагательных и наречий.

«Сибирский метеорологический словарь» является знаковым событием в истории региональной диалектологической школы, основанной на базе Кемеровского государственного университета, «курс» развития которой в изучении и осмыслении русских говоров Кузбасса и Кемеровской области определен Томской диалектологической школой. «Первооткрывателем кузнецких говоров» В. В. Палагина называет известного российского ученого-языковеда В. В. Панова [Баланчик 2019: 83], который в середине прошлого века положил начало работе по сбору и систематизации диалектного материала русских говоров Кузнецкого района Ке-

меровской области. В 1976-м году был составлен первый лексикографический труд, посвященный говорам Кузбасса – «Словарь русских говоров Кузбасса» (более 3000 слов). Так начался период изучения диалектов юго-восточной части Западной Сибири, которое продолжается и до настоящего времени благодаря усилиям и энтузиазму исследователей-диалектологов, в том числе авторов рецензируемого Словаря.

Начиная с конца XX века и до наших дней сибирская диалектная лексикография продолжает расширять спектр исследования русских говоров Сибири, открывая новые области описания диалектного материала: «русская сибирская лексикография заметно выделяется как количеством изданных диалектных словарей (почти половина всех изданных в России за этот отрезок времени диалектных словарей относится к сибирскому ареалу), так и, особенно, разнообразием их типов»; некоторые лексикографические издания не имеют аналогов в общероссийской лексикографии [Лукьянова 2004: 3].

К таким уникальным лексикографическим изданиям можно отнести диссертацию Н. А. Баланчик «Лексика крестьянского текстильного производства и плотнического ремесла (на материале русских говоров Кемеровской и Орловской областей)» [Баланчик 1992]

Литература

- Баланчик, Н. А. Лексика крестьянского текстильного производства и плотнического ремесла (на материале русских говоров Кемеровской и Орловской областей) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Баланчик Н. А. ; Орловский гос. ун-т. – Орел, 1992. – 12 с.
- Баланчик, Н. А. Опыт лексикографической фиксации русских говоров Кузбасса в начале XXI века / Н. А. Баланчик, Н. С. Баланчик, И. А. Пушкарева // Вопросы лексикографии. – 2019. – № 15. – С. 83–103.
- Жарков, С. Н. Народные приметы и предсказание погоды : пособие для учителей географии и природоведения. – М. : Гос. уч.-пед. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1954. – 168 с.
- Копорская, Е. С. Семантическая история славянизмов в русском литературном языке нового времени : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Москва, 1988. – 42 с.
- Лукьянова, Н. А. Русская диалектная лексикография Сибири (90-е гг. XX в. – начало XXI в.) / Н. А. Лукьянова // Сибирский филологический журнал. – 2004. – № 3–4.
- Лэнг, Р. Расколотое «Я» / Р. Лэнг. – СПб. : Белый Кролик, 1995. – 352 с.
- Российский гидрометеорологический энциклопедический словарь : в 3 т. / под ред. А. И. Бедрицкого. – СПб. ; М. : Летний сад, 2008–2009.
- Рыбаков, Б. В. Народный календарь. Пословицы, поговорки и народные приметы о погоде / Б. В. Рыбаков. – Свердловск : Средне-Уральское книжное изд-во, 1980. – 112 с.
- Рыженков, Г. Д. Народный месяцеслов: Пословицы, поговорки, приметы и присловья о временах года и о погоде / Г. Д. Рыженков. – М. : Изд-во «Современник», 1991. – 127 с.
- Селянгина, К. Н. Календарь народных примет погоды на все дни года / К. Н. Селянгина. – Горно-Алтайск : Национальная библиотека Республики Алтай, 2005. – 74 с.
- Сибирский метеорологический словарь, 2011: Опыт культурно-когнитивной интерпретации базовых метеонимов. Т. 1. Атмосферные осадки (дождь) / авт.-сост. В. П. Васильев, Е. В. Васильева; под ред. В. П. Васильева. – Кемерово : Кемеровский государственный университет, 2019. – 411 с.
- Словарь образных единиц сибирского говора / авт.-сост. О. И. Блинова, М. А. Толстова, Е. А. Юрина ; под ред. О. И. Блиновой. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 2014. – 220 с.

и «Словарь ремесленно-промышленной лексики говоров Кузбасса» (тот же автор-составитель) [Баланчик 2013].

Понимать состояния природы и по ним прогнозировать свою экономическую успешность, а значит, и безопасность учит восточная мудрость, располагая в одном дискурсе концептуализации «мир, безопасность» и «5 ветров и 10 дождей»: 五風十雨 (ごふうじゅうう). «Сибирский метеорологический словарь» В. П. Васильева и Е. В. Васильевой вносит вклад в формирование онтологической безопасности – особого рода переживания, включающего спектр частных переживаний, относящихся к собственному «Я», телу, миру, людям, т. е. к бытию. Э. Гидденс предлагал рассматривать онтологическую безопасность как состояние, подобное ощущению себя как «дома» в отношениях с самим собой, с окружающим миром [Лэнг 1995]. Онтологическая безопасность влияет на опыт управления происходящими событиями и требует создания онтологических рамок повседневности.

В заключение отметим, что работа над словарем была осуществлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Администрации Кемеровской области, проект 11-14-42003 а/р.

Словарь ремесленно-промышленной лексики говоров Кузбасса / авт.-сост. Н. А. Баланчик. – Новокузнецк : РИО КузГПА, 2013. – 219 с.

Хромов, С. П. Метеорологический словарь / С. П. Хромов, Л. И. Мамонтова. – Ленинград : Гидрометеиздат, 1974. – 569 с.

Müller, M. Meteorological glossaries and dictionaries: A review of their history and current state / M. Müller, B. Kocánová, P. Zacharov. – Text : electronic // *Bulletin of the American Meteorological Society* (published online ahead of print 2021). – 2021. – URL: <https://journals.ametsoc.org/view/journals/bams/aop/BAMS-D-20-0295.1/BAMS-D-20-0295.1.xml>.

References

Balanchik, N. A. (1992). *Leksika krest'yanskogo tekstil'nogo proizvodstva i plotnicheskogo remesla (na materiale russkikh govorov Kemerovskoi i Orlovskoi oblasti)* [Vocabulary of Peasant Textile Production and Carpentry (Based on the Material of Russian Dialects of Kemerovo and Orjol Regions)]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Orel. 12 p.

Balanchik, N. A. (2013). *Slovar' remeslenno-promyslovoi leksiki govorov Kuzbassa* [Dictionary of Craft and Trade Vocabulary of Kuzbass Dialects]. Novokuzneck, RIO KuzGPA. 219 p.

Balanchik, N. A., Balanchik, N. S., Pushkareva, I. A. (2019). Opyt leksikograficheskoi fiksatsii russkikh govorov Kuzbassa v nachale XXI veka [Experience of Lexicographic Fixation of Russian Dialects of Kuzbass at the Beginning of the 21st Century]. In *Voprosy leksikografii*. No. 15, pp. 83–103.

Bedritsky, A. I. (Ed.). (2008–2009). *Rossiiskii gidrometeorologicheskii entsiklopedicheskii slovar': v 3 t.* [Russian Hydrometeorological Encyclopedic Dictionary, in 3 vols.]. Saint Petersburg, Moscow, Letnii sad.

Blinova, O. I., Tolstova, M. A., Yurina, E. A. (2014). *Slovar' obraznykh edinit sibirskogo govora* [Dictionary of Figurative Units of the Siberian Dialect]. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. 220 p.

Khromov, S. P., Mamontova, L. I. (1974) *Meteorologicheskii slovar'* [Meteorological Dictionary]. Leningrad, Gidrometeoizdat. 569 p.

Koporskaya, E. S. (1988). *Semanticheskaya istoriya slavyanizmov v russkom literaturnom yazyke novogo vremeni* [Semantic History of Slavonisms in the Russian Literary Language of Modern Times]. Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Moscow. 42 p.

Leng, R. (1995). *Raskolotoe «Ya»* [Split “I”]. Saint Petersburg, Belyi Krolik. 352 p.

Luk'yanova, N. A. (2004). Russkaya dialektnaya leksikografiya Sibiri (90-e gg. XX v. – nachalo XXI v.) [Russian Dialect Lexicography of Siberia (the 90s of the 20th Century – the Beginning of the 21st Century)]. In *Sibirskii filologicheskii zhurnal*. No. 3–4.

Müller, M., Kocánová, B., Zacharov, P. (2021). Meteorological Glossaries and Dictionaries: A Review of Their History and Current State. In *Bulletin of the American Meteorological Society* (published online ahead of print 2021). URL: <https://journals.ametsoc.org/view/journals/bams/aop/BAMS-D-20-0295.1/BAMS-D-20-0295.1.xml>.

Rybakov, B. V. (1980). *Narodnyi kalendar'. Poslovitsy, pogovorki i narodnye primety o pogode* [People's Calendar. Proverbs, Sayings and Folk Signs about the Weather]. Sverdlovsk, Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo. 112 p.

Ryzhenkov, G. D. (1991). *Narodnyi mesyatseslov: Poslovitsy, pogovorki, primety i prislov'ya o vremenakh goda i o pogode* [People's “Mesyatseslov”: Proverbs, Adages, Signs and Sayings about the Seasons and the Weather]. Moscow, Izdatel'stvo «Sovremennik». 127 p.

Selyangina, K. N. (2005). *Kalendar' narodnykh primet pogody na vse dni goda* [Calendar of Folk Weather Signs for All Days of the Year]. Gorno-Altaysk, Natsional'naya biblioteka Respubliki Altai. 74 p.

Vasiliev, V. P., Vasilyeva, E. V. (2019). *Sibirskii meteorologicheskii slovar', 2011: Opyt kul'turno-kognitivnoi interpretatsii bazovykh meteonimov. T. 1. Atmosferynye osadki (dozhd')* [Siberian Meteorological Dictionary, 2011: The Experience of Cultural and Cognitive Interpretation of Basic Meteorological Names. Vol. 1. Atmospheric Precipitation (Rain)]. Kemerovo, Kemerovskii gosudarstvennyi universitet. 411 p.

Zharkov, S. N. (1954). *Narodnye primety i predskazanie pogody* [Folk Signs and Weather Prediction]. Moscow, Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Ministerstva prosveshcheniya RSFSR. 168 p.

Данные об авторах

Халина Наталья Васильевна – доктор филологических наук, профессор Института гуманитарных наук, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия).

Адрес: 656049, Россия, Барнаул, пр. Ленина, 61.

E-mail: nkhalina@yandex.ru.

Сорокина Мария Олеговна – кандидат филологических наук, доцент Института гуманитарных наук, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия).

Адрес: 656049, Россия, Барнаул, пр. Ленина, 61.

E-mail: soro.maria2013@yandex.ru.

Authors' information

Khalina Natalia Vasilyevna – Doctor of Philology, Professor of Humanities Institute, Altai State University (Barnaul, Russia).

Sorokina Maria Olegovna – Candidate of Philology, Associate Professor of Humanities Institute, Altai State University (Barnaul, Russia).

Научный журнал

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ КЛАСС

Том 27. 2022. № 4

ЦЕНА СВОБОДНАЯ



Редактор *О. А. Адясова*
Верстка *А. Ю. Тюменцева*

Дата подписания в печать 26.12.2022. Дата выхода в свет 29.12.2022. Формат 70×100/16.
Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе. Гарнитура Alegreya. Усл. печ. л. 18,06. Уч.-изд. л. 27,14.
Тираж 500 экз. Заказ 5386

Оригинал-макет отпечатан в издательском отделе
Уральского государственного педагогического университета.
620091, Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26